

809-12
536
Е 62
437

А. Дмитриевскій.

АРХІЕПИСКОПЪ ЕЛАССОНСКІЙ

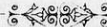
АРСЕНІЙ

и

МЕМУАРЫ ЕГО ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ

по рукописи трапезунтскаго Сумелійскаго монастыря.

(Съ фототипическимъ портретомъ (иконою) архіепископа и его факсимиле на русскомъ языкѣ).

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра.
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Михайловская ул., д. № 4.

1899.

Иль журнала «Труды Кіевской духовной Академіи» 1898—1899 г.

2007082586

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Степану Шимосевичу

Голубеву.

(мирѣннѣ архієпископѣ арсеніѣ. Вірскі
 и кашицкі грѣчанинѣ, и сѣу
 Ачельскі. и старуки. и преархангелскі.
 грѣчанинѣ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ высшей степени интересная эпоха нашей исторической жизни, именуемая обыкновенно „смутнымъ временемъ“, надолго, безъ сомнѣнія, будетъ приковывать къ себѣ вниманіе нашихъ отечественныхъ историковъ и надолго еще, также несомнѣнно, многое въ этой эпохѣ останется загадочнымъ и неразясненнымъ. Нисколько, поэтому, неудивительно, если наши историки всякій новый документъ, всякую новую повѣсть, всякіе новые мемуары заѣзжаго иностранца, кто бы онъ ни былъ, проливающіе такой или иной свѣтъ на эту замѣчательную и любопытную эпоху, или же дающіе матеріалъ для характеристики главнѣйшихъ ея дѣятелей, встрѣчали всегда и продолжаютъ встрѣчать доселѣ съ живымъ чувствомъ удовольствія и глубокаго интереса. Безспорно, этимъ факторамъ, всегда присущимъ нашимъ любителямъ отечественнаго прошлаго, мы обязаны появленіемъ въ свѣтъ множества официальныхъ данныхъ въ нашихъ различныхъ историческихъ изданіяхъ, собираемъ и обнародованіемъ русскихъ повѣстей, такъ или иначе относящихся къ данной эпохѣ (Русск. истор. библ. т. XIII подъ редакцію проф. С. О. Платонова) и переводами на русскій языкъ „сказаній современниковъ о Димитріи самозванцѣ“ (Н. П. Устряловъ). Всѣ этого рода источники для данной смутной эпохи уже оценены по достоинству историческою наукою, и многое въ ней, при свѣтѣ ихъ, стало нынѣ понятнымъ и до нѣкоторой степени яснымъ. Но невольно чувствовалась и всегда сознава-

лась нѣкоторая односторонность и неполнота въ источникахъ по преимуществу послѣдней категоріи, т. е. въ сказаніяхъ современниковъ—иностранцевъ о смутномъ времени. И въ самомъ дѣлѣ, этого рода сказанія мы имѣли доселѣ почти на всѣхъ языкахъ тѣхъ народностей, съ которыми Русь даннаго времени приходила въ столкновенія и вела постоянныя сношенія, тогда какъ на *языкъ греческомъ* не было извѣстно ничего подобнаго, хотя представители его, какъ наши единовѣрцы, страждущіе подъ игомъ мусульманскихъ властителей, подолгу и въ немаломъ количествѣ весьма часто проживали въ предѣлахъ нашего отечества и главнымъ образомъ въ центрѣ его, въ Москвѣ, испрашивая себѣ здѣсь и защиты и матеріальной помощи для поддержанія православія и святыхъ, дорогихъ всему христіанскому міру. Какъ будто бы эти наши единовѣрцы, которыхъ Русь, вообще, и Москва, въ частности, встрѣчали всегда съ распростертыми объятіями, самымъ радушнымъ образомъ, преслѣдуя свои личныя выгоды, нимало не интересовались нашимъ церковнымъ строемъ, нашимъ своеобразнымъ политическимъ укладомъ, нашу внутреннюю домашнюю жизнь, насколько она была доступна заѣзжему иностранцу. Вотъ этого то рода весьма чувствительный пробѣлъ въ источникахъ давной эпохи, бросающій нѣкоторую неблагоприятную тѣнь и на наши отношенія къ единовѣрцамъ—грекамъ, и можетъ быть восполненъ нынѣ указаніемъ на сохранившіеся до настоящаго времени въ одномъ изъ греческихъ трапезунтскихъ монастырей (Сумелійскомъ) *историческіе мемуары*, обнимающіе собою весьма значительный промежутокъ времени,—отъ вступленія на царство послѣдняго изъ Рюриковичей, Феодора Ивановича, сына царя Ивана Васильевича Грознаго, до восшествія на русскій престолъ перваго царя изъ династіи Романовыхъ, Михаила Теодоровича. Мемуары эти въ большей своей части, какъ увидимъ ниже, принадлежатъ непосредственно перу извѣстнаго Арсенія, архіепископа элассонскаго и димоникскаго, скончавшагося у насъ въ Россіи на каедрѣ архіепископа

судальскаго и тарусскаго. Намѣреваясь въ настоящее время познакомить съ содержаніемъ этихъ вновь открытыхъ нами историческихъ мемуаровъ, при чемъ сдѣлаемъ это въ нѣкоторыхъ случаяхъ, заслуживающихъ особаго интереса, путемъ дословныхъ извлеченій изъ нихъ на языкѣ подлинника съ переводомъ на русскій языкъ, мы льстимъ себя надеждою, что любители изысканій нашего отечественнаго прошлаго встрѣтятъ нашъ трудъ благосклоннымъ вниманіемъ. Данные мемуары, восполняя выше—отмѣченный пробѣлъ въ исторической наукѣ, заслуживаютъ вниманія нашихъ историковъ и по личности ихъ автора, хорошо извѣстной въ нашей исторіи и въ исторической наукѣ не только у насъ въ Россіи, но даже на Западѣ, благодаря его другому сочиненію,—объ учрежденіи у насъ патріаршества, подъ заглавіемъ: „*Κότος καὶ διατριβὴ τοῦ ταπεινοῦ ἀρχιεπισκόπου Ἀρσενίου γράφηαι καὶ τῆν προβίβασιν τοῦ πατριάρχου Μοσχολίας*“, изданному въ свѣтъ, въ первый разъ, въ 1749 году, итальянскими учеными I. Пазиномъ, Ан. Ривотеллоу и Ф. Бертоу. Провидѣнію угодно было вызвать архіепископа Арсенія изъ малозначительной ессалийской епископіи Элассоны и Димоника въ центръ русской жизни, въ Москву, и, въ качествѣ архіепископа московскаго архангельскаго собора, сдѣлать его непосредственнымъ участникомъ и зрителемъ всѣхъ важнѣйшихъ событій политическихъ и церковныхъ нашего отечества—въ самую любопытную, „смутную“ эпоху его существованія, а потомъ, и даже лѣтописцемъ этихъ самыхъ событій. Живость и непосредственность впечатлѣній, простота и картинность въ ихъ передачѣ на бумагѣ и рѣдкая въ иностранцѣ осторожность въ сужденіяхъ о Россіи составляютъ главныя достоинства вновь открытыхъ мемуаровъ, и эти качества даннаго памятника, мы надѣемся, будутъ оцѣнены по достоинству и нашими читателями, живо интересующимися судьбами историческаго прошлаго, всѣмъ намъ дорогого, отечества.

Кіевъ. 1897 г.
11 Ноябра.

I.

Очеркъ жизни и дѣятельности Арсенія, архіепископа елассонскаго, архангельскаго, тверскаго и суздальскаго.

Жизнь и дѣятельность бывшаго елассонскаго архіепископа Арсенія, не смотря на выдающееся положеніе его среди нашихъ церковныхъ и государственныхъ дѣятелей конца XVI и первой четверти XVII столѣтія, въ нашей исторической литературѣ и доселѣ еще остается мало выясненною и обслѣдованною¹⁾. Особенно скуденъ былъ фактическими свѣдѣніями періодъ его жизни и дѣятельности на Востоцѣ, до перваго его появленія въ Россіи въ 1586 году, вмѣстѣ съ епископомъ диррахійскимъ Паисіемъ, въ качествѣ посланниковъ къ московскому царю Θεодору Ивановичу отъ константинопольскаго патріарха Θεολипта II. Благодаря вновь открытымъ нами историческимъ мемуарамъ архіепископа Арсенія, а главнымъ образомъ, приложенному къ нимъ, житію его съ заглавіемъ: „Μηνὶ Ἀπριλίῳ τῆς Κοίμησις τοῦ μακαριωτάτου πατρὸς ἡμῶν Ἀρ-

¹⁾ Самымъ лучшимъ биографическимъ очеркомъ архіепископа Арсенія, хотя и не лишеннымъ въ некоторыхъ довольно значительныхъ фактическихъ погрѣшностей, нужно признать въ исторической литературѣ статью извѣстнаго ученаго *Н. Оглобина* подъ заглавіемъ: «Арсеній архіепископъ елассонскій и его «Описание путешествія въ Московію», съ переводомъ на русскій языкъ и самого путешествія, напечатанную въ журналѣ «Историческая бібліотека» за 1879 г. № 8 и № 9. Кроме этого очерка, намъ извѣстны еще двѣ небольшія брошюры: *Г. Вознесенскаго* «Арсеній, архіепископъ суздальскій». Владимиръ 1856 г. и *іеромонаха Иоасафа* „Князь Д. М. Пожарскій и Арсеній, архіепископъ суздальскій“. Владимиръ 1854 г.

σενίου, ἀρχιεπισκόπου Σουσαλίου, τοῦ πρῶτον Ἐλασσόνος ἐκ τῆς δευτέρας τῶν Θεταλῶν ἐπαρχίας“ (л. 99—104), которое написано, несомнѣнно, лицомъ близко знавшимъ интимную жизнь этого архіепископа, мы получаемъ теперь полную возможность дать вашимъ читателямъ болѣе обстоятельный очеркъ жизни и дѣятельности этого архіепископа даже и за упомянутый періодъ.

Годъ появленія на свѣтъ архіепископа Арсенія намъ точно неизвѣстенъ, но, на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ¹⁾, его можно приурочивать, или къ концу первой половины XVI столѣтія, или же къ самому началу второй его половины. Родился онъ въ деревнѣ Калорьяна (*Καλοριανά*), близъ эессалійскаго города Трикки, отъ весьма благочестивой четы священника Θεодора и его жены Хрисафы. Семья этого священника Θεодора была не малочисленная и воспитаніе получила глубоко религіозное, подъ его непосредственнымъ руководствомъ. Благодаря такому воспитанію, всѣ пять сыновей его приняли, впоследствии, монашество, и трое изъ нихъ достигли епископскаго званія: старшій сынъ *Иоасафъ* былъ епископомъ стагонскимъ, *Маркъ* — епископомъ Димитριάды, *Арсеній* — епископомъ Елассоны и Димоника, а послѣ архіепископомъ суздальскимъ и тарусскимъ, два же остальные—*Аванасій* и *Пахомій* (въ мѣрѣ Панагіотъ)²⁾—скончались первый въ санѣ архимандрита, а второй іеромонахомъ. Даже супруга о Тео-

¹⁾ „Ζήσας ἄπαντα, читаемъ мы въ житіи, ἔτη αὐτοῦ ἔξ πρὸς τοῖς ἑβδόμῃ ἡχοῦτα καὶ μῆνας τρεῖς“ (Рки, трапезуа. — Сумелийск. мон. л. 109 об.). Если признать, какъ наиболее вѣроятный годъ его смерти, 1626 годъ, то годъ его рожденія падаетъ тогда, или на 1548, или на 1549 годъ, который несколько не будетъ стоять въ противорѣчій и съ обстоятельствами въ послѣдующей жизни архіепископа Арсенія.

²⁾ Составитель житія архіепископа Арсенія считаетъ этого брата мѣрянкомъ и называетъ его *Панагіотомъ*, но, какъ видно изъ слѣдующаго примѣчанія, этотъ братъ уже въ 1596 году былъ іеромонахомъ и носилъ имя *Пахомія*. Невѣрно также въ этомъ житіи указы-

рукоположилъ его во іеродіакона, но приблизилъ его къ себѣ и, можно сказать, на всю жизнь потомъ сдѣлался мощнымъ его покровителемъ.

По окончаніи образованія въ Триккѣ, іеродіаконъ Арсеній вернулся снова къ своему брату, епископу стагонскому, Иоасафу и жилъ у него до его кончины ¹⁾. Послѣ смерти епископа стагонскаго, іеродіаконъ Арсеній удалился въ оби-

¹⁾ Указаніе на епископа стагонскаго Иоасафа подъ 1564 годомъ мы находимъ у того же Мартина Крувіа (Turcograecia pag. 258), но этотъ епископъ находился еще въ живыхъ и въ 1573 году, какъ это видно изъ надписи на стѣнѣ въ притворѣ стагонскаго Успенскаго кафедральнаго собора. «Вечестный и божественный храмъ сей... читаемъ мы въ этой надписи, исторированъ поспѣшествомъ и расходомъ боголюбивѣйшаго епископа святѣйшей епископѣи стагійской киръ Иоасафа и Пахомія іеромонаха, Стаматія, священника и иконома, Георгія, священника и сакелларія, Дмитрія, священника и соудохранителя, Иоанна, священника и саккелія, Георгія, священника и екклисіарха, Панагіота, священника и хартофилака, Георгія, священника и канстрисія, Христофора, священника и іеромонаховъ Стефана, Иоанна и Теофила. Исторированъ же рукою меня, грѣшнаго Неофита, монаха Критянина, подъ руководствомъ киръ Теофана монаха, отличнаго живописца, который прозванъ Вахиенъ (у пр. Порфирія Успенскаго—Μτῆθα) вмѣстѣ съ киръ Язі (у Порфирія—Κυριαζιτῆ), священникомъ изъ той же самой страны, при архіерействѣ преосвященнѣйшаго митрополита ларисскаго Давида, въ 7081 (1573) г. инд. 1 и окончень въ мѣсяцѣ Августѣ 15 дня“ (Арх. Антонинъ. Изъ Румелія. СПб. 1886, стр. 425—426; Сравни арх. Порфирія. Путешествіе въ метеорскіе и осолоимпійскіе монастыри въ Эссалии въ 1859 г. СПб. 1896 г., стр. 231—232). Данная надпись весьма интересна, потому что она даетъ намъ подробный перечень всѣхъ важнѣйшихъ лицъ, стоявшихъ во главѣ церковнаго управленія, при епископѣ стагонскомъ Иоасафѣ,—это во-первыхъ, а во-вторыхъ, мы узнаемъ изъ нея, что родные братья архіепископа Арсенія—епископъ Иоасафъ и іеромонахъ Пахомій, находившіяся едва ли не въ епархіи одного брата, епископа стагонскаго, были, какъ и ихъ братъ архіепископъ судальскій, большими ревнителями благоуукрашенія православныхъ храмовъ.

тель Христа Спасителя блязъ Θερμοπυλ, называемую обителью „великихъ вратъ“ (τῶν Μεγάλων Πολῶν), или въ приторѣ бы (κατὰ κόσμον λεγόμενον) Дузикомъ (ἡ μονὴ Δουσίκου или Ντούσιος), и основанную близкими родственниками его по матери ¹⁾. Здѣсь епископомъ Фаваря (Φαναρίου) Митрофаномъ онъ былъ рукоположенъ въ іеромонаха.

Вскорѣ, потомъ, въ судьбѣ іеромонаха Арсенія произошла большая перемѣна. Бывшій ларисскій митрополитъ Іеремія, его покровитель, 5 мая 1572 года возведенъ былъ на патриаршій вселенскій престолъ и, чрезъ нѣкоторое время, письмомъ вызвалъ къ себѣ въ Константинополь іеромонаха Арсенія на должность очереднаго священника при патриаршемъ храмѣ Всеблаженной (ἐφημέριος πατριαρχικός τῆς μεγάλης ἐκκλησίας Παμμακχρίστου ἐν τῷ πατριαρχείῳ) ²⁾. Усердною службою и добрымъ примѣрнымъ поведеніемъ іеромонахъ Арсеній и здѣсь заслужилъ всеобщую любовь, а поэтому соборомъ епископовъ былъ избранъ и рукоположенъ въ епископа Елас-

¹⁾ Составитель житія архіепископа Арсенія называетъ основателемъ монастыря Дуника родного дядю этого архіепископа по матери, ларисскаго митрополита Неофита (Рук. трапез.-Сумел. м. л. 99), но это ошибочно. Монастырь Дуникъ окончень постройкою въ 1522 году, и ктиторомъ его былъ родной дядя митрополита Неофита, слѣдовательно, дѣдъ архіепископа Арсенія, митрополитъ ларисскій Βισσαρίωνъ, скончавшійся 15 сентября 1541 года (Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἐταιρίας τῆς Ἑλλάδος. τ. β'. τεύχος ε'. 1885 ст. σελ. 17—18). Митрополитъ Неофитъ, занявшій кафедру своего дяди въ 1541 году, управлялъ ею продолжительное время и былъ несомнѣнно покровителемъ монастыря Дуника. Мы знаемъ грамоты этого митрополита монастырю съ 1542 года (Арх. Порфирія. Путешествіе въ метеорскіе и осолоимпійскіе монастыри въ Эссалии, стр. 384—385, 469) по 1565 годъ (Mart. Crus. Turcograec. pag. 172). О послѣдующей судьбѣ монастыря Дуника см. у арх. Порфирія въ его «Путешествіи въ метеорскіе и осолоимпійскіе монастыри въ Эссалии» стр. 487—489

²⁾ Рук. трапезунт.-Сумелійск. м. л. 101.

соны¹⁾ и Димоника, какъ нужно полагать, въ началѣ воемидесятихъ годовъ XVI столѣтія. По удаленіи съ патриаршей кафедрѣ патриарха Іереміи султаномъ Мурадомъ III (1574—1595), за обращеніе мусульманъ въ православіе, и послѣ занятія константинопольскаго престола филиппопольскимъ митрополитомъ Теолипомъ II (1585—1586), епископъ Арсеній былъ вызванъ изъ своей епархіи вторично въ Константинополь²⁾. Здѣсь въ это время находился апокрисарій или посланникъ царя московскаго Θεодора Ивановича, Борисъ Благово, который привезъ къ вселенскому патриарху богатую милостыню³⁾ на поминъ души скончавшагося царя, Ивана Васильевича Грознаго. Тронутый благосклоннымъ вниманіемъ царя и щедрою его милостынею, вселенскій патриархъ рѣшился, въ благодарность за все это, снарядить особое посольство въ Москву „изъ двухъ вѣрныхъ и добрыхъ своихъ сослуживниковъ: архіепископа⁴⁾ елассонскаго Арсенія и другого епископа дирахійскаго Паисія, которые, принося къ нему молитву и благословеніе⁵⁾, о иныхъ дѣлахъ

¹⁾ Епископія Елассоны и Димоника входила въ XVI столѣтіи въ составъ ларисской митрополіи (M. Crus. Turco-gaec. pag. 327—328; Св. арх. Антонинъ. Изъ Румеліи. СПб. 1886, стр. 403, прим.) Въ бытность ларисскимъ митрополитомъ Іереміи Траноса (ὁ Τριπός), каедрѣ эту занималъ епископъ Дамаскинъ (Ibid. pag. 327). Объ Елассонѣ городѣ свидѣнія сообщены арх. Порфиріемъ въ «Путешествіи въ метеорскіе и осолиппійскіе монастыри въ Тессаліи» стр. 324—328.

²⁾ Ркп. трапезунт.-Сумелійск. м. л. 101 об.

³⁾ Было прислано патриарху Теолипу 600 рублей, а на монастыри цареградскіе 350 руб. (Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ ч. 1, стр. 179. СПб. 1838.).

⁴⁾ Нужно полагать, что въ санъ архіепископа Арсенія елассонскій былъ возведенъ, при отправленіи его въ Россію, патриархомъ Теолипомъ II.

⁵⁾ «Χάρῳ εὐλογίας καὶ εὐχῆς μετὰ ἀγίων λειψάνων» (Ркп. трапезунт.-Сумел. м. л. 101 об.), по выраженію составителя житія, или, какъ читаемъ въ мемуарахъ арх. Арсенія, «χομιζοντες παρ' αὐτοῦ ἅγια λειψάνα καὶ εὐχῆν καὶ εὐλογία εἰς χράτος καὶ ἀβήτησιν τῆς βασιλείας αὐτοῦ» (Аὐτοῦ.

изуточно извѣстятъ¹⁾). Патриаршая грамота отъ 27-го мая 1585 года была послана раньше съ аонскимъ старцемъ Неофитомъ, а посланники патриарха выѣхали изъ Константинополя вмѣстѣ съ царскимъ посломъ Борисомъ Благово, имѣя въ своей свитѣ и нѣкоторыхъ старцевъ константинопольскихъ монастырей.

Въ началѣ 1586 года патриаршее посольство прибыло на русскую границу, въ составѣ „елассонскаго архіепископа Арсенія, да дирахійскаго Паисію, а съ ними игумень... (имя вытерто), да протопопъ Григорей, да слуга“²⁾. Воеводы испросили, по обычаю, для нихъ разрѣшеніе на проѣздъ въ Москву. Царь Θεодоръ Ивановичъ принялъ посольство весьма ласково (по житію—*βριχάι λαρόφ*) и черезъ мѣсяцъ, одаривши посольство деньгами³⁾, отправилъ его обратно въ Константинополь съ богатыми дарами и не малымъ количествомъ денегъ къ патриарху Теолипу⁴⁾. На обратномъ пути, по

л. 14 об.). Мощи съ ними были посланы слѣдующія: часть отъ главы св. Лавра, котораго воскресилъ изъ мертвыхъ Господь, мощи св. мученицы Соломовіи, преподобно-мученицы Параскевы и св. мученицы Евдокіи» (Сношен. Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ, ч. I, стр. 155).

¹⁾ Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ ч. 1, стр. 154, 157.

²⁾ Греческ. статейный списокъ въ архивѣ мн. иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ № 2 л. 146.

³⁾ «А послѣ того, читаемъ мы въ статейномъ спискѣ, присылалъ еси къ намъ бити челомъ о милостыни елассонскаго архіепископа Арсенія, да дирахійскаго епископа Паисію, и мы къ тебѣ послали съ ними своя милостыни по отцѣ нашемъ, блаженнаго памяти великомъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Иванѣ, во иноцѣхъ Ионѣ, 200 рублей, а архіепископу Арсенію и епископу Паисію и старцомъ цареградскихъ монастырей, которые с ними были, далъ есмя имъ на руки своя милостыни 475 рублей». № 2, л. 171.

⁴⁾ «Ὁ λόγος αὐτῶν (т. е. арх. Арсенію) говоритъся въ житіи, χρηγῆμα τὰ πολλὰ καὶ ἄλλα; πολλὰς δωρεάς; κομισαὶ τῶν παναγιωτάτων πατριάρχῳ Θεολίτῳ» (Ркп. трапезунт.-Сумел. мон. л. 102).

сольство, въ іюнѣ мѣсяцѣ, заѣхало въ польскій городъ Львовъ и было весьма радушно принято православными жителями этого города, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ стали усердно просить архіепископа Арсенія, чтобы онъ остался у нихъ для ихъ благословенія и ободренія, въ виду ихъ тяжелаго положенія среди мѣстныхъ обитателей латинскаго вѣроисповѣданія¹⁾. Архіепископъ Арсеній охотно склонился на просьбу православныхъ львовскихъ жителей и былъ опредѣленъ въ мѣстную братскую школу преподавателемъ греческаго и церковно-славянскаго языковъ²⁾. Константинопольское посольство, во главѣ уже съ епископомъ диррахійскимъ Паисіемъ, продолжало путь дальше и доставило патриарху Теолипу изъ Москвы царскую милостыню³⁾.

Едва ли и слѣдуетъ говорить о томъ, что пріѣздъ во Львовъ архіепископа елассонскаго Арсенія и его назначеніе здѣсь учителемъ въ школу—все это было дѣломъ чисто

1) «Καὶ χριστιανοὶ ἅπαντες μεγάλοις ἤξιωσαν αὐτόν, читаемъ мы въ житіи, μέναι ἐκεῖνος εἰς εὐλογίαὺν αὐτῶν καὶ ἐπίτιμειν· οἱ γὰρ ἐνοικοῦντες οἱ πλεῖστοι ὀπίηρον λατῖνοι» (Ркп. транезунт.-Сумел. мон. л. 102 об.).

2) «Въ то же лѣто, мѣсяца Іюнія, отъ вселенскаго патриарха *ексаршески* (?) пріѣде *митрополитъ* (?) *димонитскій* и *елассонскій* *киръ* Арсеніе, *иже, школьное ученіе наченше, пребысть здѣ во градѣ Львовѣ, уча довѣ мѣтъ*» (Ἀδελφότης. Грамматика доброглаголиваго еллинословенскаго языка. Во Львовѣ 1591 л. 2 об.; 3 об.; Сп. Акты Западн Россіи т. IV, № 149, стр. 206).

3) Протоіерей проф. П. Θ. Николаевскій напрасно обвиняетъ архіеп. Арсеіа въ томъ, что онъ царской милостыни будто бы *не отправилъ на востокъ* (Христ. Чтен. 1879 г. ч. III, стр. 391. прим.) «Πρώτον, пишеть составитель житія, ἀποστείλας τοῦ βασιλέως ἐλεημοσύνην καὶ τὰ δωρεὰς τῆ πατριάρχῃ Θεολίπτω». (Ркп. транез.-Сумел. м. л. 102 об.). Поступить иначе арх. Арсеній рѣшительно не могъ, такъ какъ этому всегда воспротивились бы епископъ диррахійскій Паисій и другіе его спутники, несомнѣнно доставившіе царскую милостыню въ Константинополь въ исправности. Жалобъ и утайку этой милостыни арх. Арсеніемъ мы не видимъ, хотя въ сношеніяхъ съ константинопольскимъ патриархомъ русское правитель-

льнаго желанія и усмотрѣнія сего архіепископа, а вовсе не было преднамѣреннымъ посольствомъ его вселенскимъ патриархомъ и притомъ Іеремію II. Архіепископъ Арсеній, какъ мы уже знаемъ, посланъ былъ патриархомъ Теолипомъ II въ Москву съ опредѣленною цѣлью, и съ патриархомъ Іеремію II, предъ отъѣздомъ изъ Константинополя, онъ не могъ видѣться, а тѣмъ болѣе получать отъ него, какъ уже лишеннаго престола, «*ексаршескія полномочія*» во Львовъ (ἐξ ἀρχιεπισκόπου ἡλθὲν ἀπὸ τοῦ οἰκομενικοῦ πατριάρχου)¹⁾. Для него въ данномъ случаѣ было вполнѣ достаточно, какъ совершенно справедливо догадывается Н. Сава²⁾, одного любезнаго приглашенія (πρόσκλησις) мѣстнаго православнаго епископа Гедеоны Балабана, а на согласіе и одобреніе вселенскаго патриарха онъ всегда могъ расчитывать со временемъ. И, по всей вѣроятности, „всесвятѣйшій вселенскій патриархъ киръ Іеремія

ство не разъ напоминало послѣднему о милостыни, посланной черезъ арх. Арсенія (Сношен. Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ ч. I, стр. 179—180). Смысла о. прот. П. Θ. Николаевскаго на отказъ арх. Арсенію въ царскихъ дарахъ, сейчасъ послѣ пріѣзда его въ Москву съ патриархомъ Іеремію (Тамъ же стр. 195), нисколько не подтверждаетъ и не до азмываетъ, введеннаго на него несправедливо, обвиненія. Вотъ какъ дословно мотивируется данный отказъ въ подаркахъ въ статейномъ спискѣ: «А елассонскому архіепископу Арсенью Государь *жалованья дати не велѣлъ* для того, какъ онъ былъ у Государя напередъ сего въ Москвѣ, и ему, по Государеву указу, по царь и великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ всея Руси, во иноцѣхъ Іонѣ, *дано милостыни двема имѣ 330 рублевъ, и онъ, пріѣхавъ въ литовскую землю во Львовъ, съ тѣхъ мѣсть жилъ во Львовѣ, а в своей области не былъ, да опять с патриархомъ пріѣхалъ*». Греческ. статейн. списокъ. № 3, л. 55, 56. Итакъ, здѣсь и вмѣка вѣтъ о присвоеніи арх. Арсеніемъ, не принадлежавшей ему, царской милостыни.

1) Ἀδελφότης. Грамматика доброглаголиваго еллино-сложен. языкъ. л. 2 об., 3 об.

2) Ν. Σάβα. Νεοελληνική φιλολογία. 1868 Ἀθην. σελ. 207.

привольнымъ писаніемъ (τῆ αὐτοῦ γραφῆ) своимъ отъ Константинополя вся сія (т. е. согласіе на пребываніе архіепископа Арсенія во Львовѣ и школьные порядки здѣсь и т. п.) утверди¹⁾ немедленно, какъ только въ третій разъ (1586—1595) занялъ престолъ великой церкви²⁾. Послѣ, въ бытность свою въ Россіи, въ маѣ 1589 года, патриархъ Іеремія уже особою грамотою „совершенно, неразрушно и неподвижно во вся роды тако быти повелѣ“³⁾.

Плодомъ своей двухлѣтней педагогической дѣятельности во Львовѣ архіепископъ Арсеній оставилъ намъ „Ἀδελφότης“.

1) Ἀδελφότης. Грамматика. л. 2 об., 3 об.; см. Акты Западн. Россіи, т. IV, № 149, стр. 206.

2) «Извѣстномся паки отъ васъ писаніемъ вашего благоговѣнства, пишутъ право равные граждане Вильны во Львовъ 28 мая 1588 года, яко великовнимательная словеса гражданству вашему чинитъ увѣришася кгръ Іереміемъ, вселенскимъ патриархомъ Византія града, Новою Рима, ею же согласіе списавше, пошлите намъ, и о всемъ отпишите» (Акты Западн. Россіи т. IV, № 4 стр. 6).

3) «Μετ' οὐ πολλοῦ (здѣсь не указывается, какъ въ славянскомъ предисловіи, точно годъ 1589) τε καὶ αὐτῶς (т. е. οἰχομενικῶς; πατριάρχης κθρ Ἱερεμίας) ἐφθασεν εἰς τὰς χῆρας τῆς Ῥωσσίας, τελείως καὶ ἀπαρασαλεύτως εἰς πάντα γένη ὄντων γε ἔσθαι ἐκλεβύσθη». Ἀδελφότης л. 2 об.). Нужно замѣтить, что славянское предисловіе къ «Грамматикѣ dobrogлаголиваго еллино-словенскаго языка» излагается во многомъ иначе сравнительно съ греческимъ предисловіемъ. Въ послѣднемъ хронологическія даты болѣею частью отсутствуютъ, но за то событія, касающіяся пріѣзда въ Россію патриарха Іеремія и его отношеній къ львовской братской школѣ, излагаются безъ крупныхъ ошибокъ и анахронизмовъ, которыми переполнено предисловіе на славянскомъ языкѣ. Авторъ «Перестроги», пользовавшійся, очевидно, этимъ только славянскимъ предисловіемъ къ «Грамматикѣ», въ изложеніи тѣхъ же фактовъ (Акты Запад. Россіи т. IV, № 149, стр. 206—207, 222—223) довелъ путаницу до nec plus ultra...

ГРАММАТИКА ДОБРОГЛАГОЛИВАГО ЕЛЛИНОСЛОВЕНСКАГО ЯЗЫКА. Сокращеннаго исчертка деланіи частій слова. Ко наказанію многоименитомъ Россійкомъ родѣ. Во Львовѣ. В друкарни Братскій. Рокъ 1684¹⁾. Грамматика сложонна въ различныхъ грамматикъ спѣдѣнии иже въ львовской школѣ (διὰ στοιδαίων οἱ ἐν τῷ τῆς Λεωπόλεως παιδοτριβίω). Правда, въ приведенномъ заглавіи честь „сложонія“ данной Грамматики приписывается „спудеямъ“ братской львовской школы, но, безъ всякаго сомнѣнія, весьма значительная доля въ этой работѣ принадлежала и скромному учителю, архіепископу Арсенію, заявившему о своемъ участіи въ данномъ трудѣ на концѣ книги (л. 182 об.), въ едва примѣтной монограммѣ: „Ἀρσένιος“, (т. е. Арсеній, архіепископъ елассонскій и димонитскій). Очевидно, составитель Грамматики, не владѣвшій въ достаточной степени знаніемъ церковно-славянскаго языка²⁾, пользовался

1) Грамматика эта начата была печатаніемъ въ 1588 году и начальныя ея листы посылались въ православнымъ гражданамъ въ Вильву (Акты Запад. Россіи т. IV, № 4, стр. 5—6) на разсмотрѣніе. Отъ этихъ гражданъ львовское братство получило преждевременный заказъ на 100 или 200 экземпляровъ ея «за цѣну слушную» (Тамъ же).

2) Арсеній, архіепископъ елассонскій, дѣйствительно, владѣлъ церковно-славянскимъ языкомъ небожко, даже и на первыхъ порахъ своего пребыванія уже въ Россіи. Доказательствъ тому на лицо въ Служебникѣ виленской печати 1598 года (Арх. Леонидъ. Библиографическая замѣтка о Служебникахъ виленской печати XVI в. въ Памятникахъ древней письменности 1891 г. IX, стр. 19), подаренномъ архіепископомъ Арсеніемъ въ 1599 году въ архангельскій московскій соборъ «на поминъ собственной души» (тамъ же стр. 13—14). Здѣсь, въ этомъ Служебникѣ, въ самомъ его началѣ, на выходныхъ листахъ, написаны погречески и, кажется, рукою самого жертвователя чины: 1) Τάξις, γινομένη ἐπὶ χειροτονίᾳ ἀναγνώστου καὶ ψάλτου (Подъ этимъ заглавіемъ находится и чинъ хиротоніи въ иподиакона), 2) Τάξις, γινομένη ἐπὶ χειροτονίᾳ διακόνου и 3) Εἰς προεβότηρος λόγιβα. Въ этихъ

свиту съ великою честью, и далъ, въ качествѣ провожатыхъ, до Бреста (Μπερέστι) собственныхъ людей, внушивъ имъ оказывать высокому путешественнику всюду подобающую честь. Поэтому переѣздъ до Бреста и далѣе до Вильны былъ, можно сказать, торжественнымъ шествіемъ патріарха. Граждане Вильны и начальники города, во главѣ съ литовскимъ земскимъ подскарбіемъ и писаремъ *Теодоромъ Скуминимъ*¹⁾, встрѣтили патріарха и его свиту весьма радушно и, въ теченіи двѣнадцати дней, оказывали имъ самое любезное гостеприимство²⁾. Сюда, по всей вѣроятности, являлся къ патріарху

1) « Ἄλλ' ἕνας ὑπερέβηναν ἐξαιρετά τοὺς ἄλλους,
Σύμβουλος ἦτον τοῦ λαμπροῦ τοῦ κράτη τῆς Λευκίας
Καὶ λογοθέτης μέγιστος ὄλης τῆς Λιθωνίας.
Ποκάρτην τὸν ἐλέγασιν τὸν εὐγενῆ τὸν ἄρχον
Ἐκείνον τὸν ὀρθόδοξον ἐξαιρετόν τῶν ἄλλων ».

Т. е. по однимъ превзошелъ прочихъ (начальниковъ) своими превосходствами—это былъ совѣтникъ свѣтѣйшаго короля польскаго и великій секретаря (дьякъ, писарь) всей Литвы. Этого благороднаго начальника, православнаго, отличнаго изъ всѣхъ, называли подскарбіемъ. Такъ арх. Арсеній характеризуетъ одного изъ представительныхъ и богатыхъ начальниковъ (ἄρχοντας) города Вильны (*Ζαμπέλιος*. Καθίδρους πατριαρχείου ἐν Ῥωσσίᾳ σελ. 28), не называя, однако, по имени и ограничиваясь простымъ указаніемъ на его официальное положеніе или должность подскарбія, которую издатели-иностранцы (Pasinus р. 435 и даже *Ζαμπέλιος* тел. 28) привали за собственное имя. Мы, кажется, не ошибемся, если вышеприведенную характеристику Арсенія, архіепископа елассонскаго, отнесемъ дѣлкомъ къ извѣстному въ это время ревнителю православія *Теодору Скумину*, который носилъ титулъ *литовскаго земскаго подскарбія и писаря* (Акты Зап. Россіи т. IV, № 10, стр. 11).

1) Свѣдѣнія о приѣздѣ патріарха Гереміи въ Польшу и о путешествіи его до Смоленска мы заимствуемъ изъ стихотворнаго сочиненія архіепископа елассонскаго Арсенія подъ заглавіемъ: *Κέποι καὶ διατριβὴ τοῦ ταπεινοῦ ἀρχιεπισκόπου Ἀρσενίου τράφει καὶ τὴν προβίβασιν τοῦ πατριάρχου Μοσχολίας*. (Σπυρίδ. Ζαμπέλιος. Καθίδρους πατριαρχείου ἐν Ῥωσσίᾳ. Ἐν Ἀθῆν. 1885 ετ. σελ. 27—28).

Мегленскій епископъ съ жалобой на епископа Гедеона Балабана, по поводу отнятія у него послѣднимъ Жидичинскаго святаго Николы монастыря, который ему пожалованъ былъ королемъ „на выживанье и ради упокоенья“, и здѣсь, нужно полагать, была дана патріархомъ „соборная грамота“, за подписью спутниковъ его, „митрополита моноवासійскаго Героева и смиреннаго архіепископа демонитскаго и елассонскаго Арсенія“, о прекращеніи споровъ между епископами, подъ опасеніемъ лишенія „всего священническаго дѣйства и чину“ и отлученія отъ церкви, за ослушаніе патріарху¹⁾.

Изъ Вильны до Орши (εἰς τὴν Ὀρσαν) патріархъ со свитою совершилъ путь въ 10 дней, и также, какъ и въ другихъ мѣстахъ Польши и Литвы, повсюду принятъ былъ съ подобающими его сану почестями. Путь отъ Орши до Смоленска уже не былъ столь торжественнымъ, такъ какъ высокіе гости прибыли на русскую границу совершенно неожиданно. Но въ Смоленскѣ, 21 Іюня (а по нашимъ источникамъ,—24), патріархъ и его свита были встрѣчены весьма радушно мѣстнымъ епископомъ Сильвестромъ, воеводами и многочисленнымъ народомъ, вышедшими къ нимъ на встрѣчу, и устроены временно въ помѣщеніи на базарной площади, внѣ города. 29 Іюня, въ субботу, когда получена была въ Смоленскѣ царская грамота съ приглашеніемъ патріарху явиться въ Москву, и когда для встрѣчи его прибыли почетные бояре отъ царя, патріархъ съ митрополитомъ Героеемъ, архіепископомъ Арсеніемъ и всею свитою были весьма торжественно введены въ городъ и въ мѣстный кафедральный соборъ и выслушали здѣсь божественную литургію. По окончаніи литургіи, всѣ гости были приглашены въ домъ епископа на богатую царскую трапезу и одарены сереброво-вызолоченными иконами и другими подарками (ἄλλα τινὰ δῶρα)²⁾. 1 Іюля, въ сопровожденіи царскихъ людей (μ' ἀνθρώπων τοῦ βασιλικού), съ полнымъ про-

1) Акты западной Россіи т. IV, № 5, стр. 6—7.

2) Рки. трапезунт.-Сумелійск. моч. л. 16—17.

довольствіемъ отъ царя ¹⁾ (Φαρότητα μὰς ἔδοσαν τὴν καθέκαστην μέραν), патриархъ и его свита выѣхали изъ Смоленска въ Москву, куда и прибыли черезъ десять дней.

На встрѣчу патриарха были посланы два архіепископа, два епископа, множество игуменовъ и священниковъ, царскіе бояре и множество народа. Встрѣча была устроена торжественная и величественная. Патриархъ, выѣхавъ въ Москву, остановился со свитою ²⁾ въ подворьѣ рязанскаго епископа. По повелѣнію царя, онъ получалъ здѣсь повседневное содержаніе для себя и своей свиты изъ государевой казны ³⁾, во все время своего пребыванія въ Москвѣ. Черезъ пять дней (по нашимъ источникамъ, 21 Юли) по пріѣздѣ, патриархъ Іеремія, митрополитъ Іерофей и архіепископъ Арсеній были приняты царемъ въ торжественной аудіенціи въ большомъ дворцѣ, куда патриархъ ѣхалъ на ослѣ, а митрополитъ и архіепископъ—на коняхъ верхомъ, въ сопровожденіи царскихъ приставовъ, духовныхъ чиновъ и народа. При встрѣчѣ патриарха и его спутниковъ, благочестивый царь принималъ благословеніе не только отъ патриарха, но и отъ обоихъ его спутниковъ архіереевъ, при чемъ патриархъ поцѣловалъ царя въ правое плечо, а архіереи цѣловали правую царскую руку. Во время этой аудіенціи, патриархъ сидѣлъ съ правой сто-

¹⁾ Архіепископу Арсенію, въ частности, выдавалось «по два алтына на день» деньгами, всякаго рода меду для питья и рыбы разныхъ сортовъ на кушанье (Христ. Чтен. 1879, ч. II, стр. 386, при).

²⁾ «А митрополита и архіепископа поставити, говорятся въ навадѣ приставу Григорію Нащокину, въ столовой избѣ и въ комнатѣ ... а старцевъ и слугъ ихъ устронти вмѣстѣ по подлѣгомъ, какъ патриархъ, митрополитъ и архіепископъ приговорятъ, гдѣ велѣтъ кого поставити съ собою и имъ быти велѣтъ въ которыхъ хоромѣхъ». (Тамъ же, стр. 387, при. 3).

³⁾ Митрополиту и архіепископу Арсенію назначалось по полколада бѣлаго и по 5 блюдъ на день, а для питья по нѣскольку кружекъ всякаго рода меду и квасу. (Тамъ же, стр. 388, при. 1).

роны царя, а нѣсколько ниже его—оба архіерея, тогда какъ всѣ прочіе, находившіеся въ этой палатѣ на пріемѣ, все время окружали царскій тронъ, въ безмолвномъ молчаніи, стоя. Послѣ обмѣна взаимныхъ привѣтствій, патриархъ вручалъ царю привезенные подарки, состоящіе изъ различнаго рода святяны, на что, въ свою очередь, отъ царя патриархъ и митрополитъ Іерофей получили щедрые отвѣтные дары. „А еласонскому архіепископу Арсенію Государь жалованья дати не велѣлъ для того, какъ онъ былъ у Государя напередъ сего въ Москвѣ, и ему, по Государеву указу, по царѣ и великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ всея Руси, во иноцѣхъ Іонѣ, дано милостыни двумъ имъ (т. е. вмѣстѣ съ его спутникомъ еп. Паисіемъ диррахійскимъ) 330 рублей, и онъ, пріѣхавъ в литовскую землю во Львовъ, съ тѣхъ мѣстъ жил во Львовѣ, а в своей области не былъ, да опять с патриархомъ пріѣхалъ“ ¹⁾.

Во все время, начавшихся потомъ, переговоровъ между вселенскимъ патриархомъ Іереміемъ и Борисомъ Годуновымъ объ учрежденіи въ Россіи патриаршества, архіепископъ еласонскій Арсеній велъ себя самымъ корректнымъ образомъ. На основаніи одного замѣчанія объ этомъ архіепископѣ въ хронографѣ, большого „пессимиста“ и крайне желчнаго по характеру, митрополита монемвасійскаго Іерофея ²⁾, противника учрежденія у насъ патриаршества, можно догадываться, что архіепископъ Арсеній даже болѣе склонялся на сторону русскихъ желаній. „Мы ничего не можемъ сдѣлать и насъ

¹⁾ Греч. стат. список. № 3 л. 55, 56. См. выше стр. 13 прим.

²⁾ Совершенно справедливую характеристику литературной дѣятельности и самой личности Іерофея, митрополита монемвасійскаго, сдѣлалъ недавно проф. Москов. Университета А. П. Лебедевъ въ своей «Исторіи греко-восточной церкви подъ властію гурковъ отъ паденія Константинополя до настоящаго времени». Серг. посадъ 1896 г., т. I, стр. 43—47, 192 прим., 220, прим. 1, 224 прим. 3, 225, 255 и др.

только *трос*, возражалъ митрополитъ Героеей патриарху Иеремію, колебавшемуся, какъ поступить въ данномъ, весьма щекотливомъ положеніи, да при томъ *одинъ изъ насъ архіепископъ елассонскій Арсеній не имѣлъ каѳедры* (δὲν εἶχε θρόνον) и замедлилъ въ Польшѣ (εἰς τὴν Δουλίαν), и самъ явился въ Россію съ патриархомъ¹⁾. Очевидно, митрополитъ монемвасійскій этимъ напоминаемъ патриарху Иеремію и самому архіепископу Арсенію желалъ дать понять, что его голосъ въ данномъ вопросѣ не имѣетъ ровно никакого значенія, какъ епископа, покинувшаго свою каѳедру безъ уважительной причины и безъ согласія на то вселенскаго патриарха. (Вотъ новое доказательство того положенія, что архіепископъ Арсеній явился во Львовъ безъ всякихъ ексзаршескихъ полномочій отъ патриарха).

Когда, послѣ продолжительныхъ переговоровъ, вопросъ объ учрежденіи московскаго патриаршества былъ, наконецъ, рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, и вселенскій патриархъ Иеремія согласился рукоположить въ патриарха русскаго митрополита Иова, то на 23 января 1589 года было назначено торжественное избраніе и нареченіе патриарха въ московскомъ Успенскомъ соборѣ. Въ избраніи, помимо патриарха Иеремію и епископовъ русскихъ, принимали участіе, по царскому наказу, и митрополитъ монемвасійскій Героеей, и архіепископъ елассонскій Арсеній, при чемъ послѣдній долженъ былъ доставить во дворецъ къ царю актъ избранія²⁾, а митрополитъ

¹⁾ Христ. Чтен. 1879 г., ч. II, стр. 394, прим. 1; См. проф. Ф. А. Терновскаго. Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси. Кіевъ. 1876, в. II, стр. 72.

²⁾ Подъ актомъ подписались греческій архіепископъ Арсеній Елассонскій такъ: «Ὁ Διπλοῦχου Ἐλασσόνος ἀρχιεπίσκοπος Ἀρσένιος ὑπέγραψα» и «моновоситцкии митрополитъ *Дороеей*» (очевидно, Героеей), но самая подпись послѣдняя и годъ подъ актомъ или докладомъ не сохранились. Собран. госуд. грам. и договор. г. II, № 58, стр. 95.

Героеей быть посредникомъ, при передачѣ его патриархомъ Иеремію изъ рукъ архіепископа въ руки царя. Здѣсь, во дворцѣ, сначала состоялась первая встрѣча патриарха Иеремію съ новоизбраннымъ патриархомъ Иовомъ, а потомъ послѣдовало уже торжественное объявленіе послѣднему царемъ о востоявшемся избраніи его въ московскіе патриархи. 26 января, въ воскресенье, патриархъ Иеремія, при участіи митрополита Героеей, архіепископа Арсенія и русскихъ архіереевъ, рукоположилъ митрополита Иова въ московскаго патриарха, а затѣмъ былъ приглашенъ со всеми участниками данной церемоніи на богатую царскую трапезу, послѣ которой патриарху Иеремію и его спутникамъ были объявлены царскіе богатые подарки¹⁾. На слѣдующій день эти подарки, по назначенію, были доставлены въ подворьѣ рязанскаго епископа. Во вторникъ, 28 января, былъ обѣдъ въ честь патриарха Иеремію и всей его свиты у новаго патриарха Иова. Предъ обѣдомъ, по приглашенію царя, оба патриарха, митрополитъ монемвасійскій Героеей и архіепископъ елассонскій Арсеній были представлены царицѣ Иринѣ Феодоровнѣ и получили отъ нея столь же большіе подарки вещами и деньгами, какъ и отъ царя²⁾.

¹⁾ По нашимъ источникамъ, дары архіепископу Арсенію состояли «изъ братины въ 3 гривеньки, обьяри, памви, атласа, 40 соболей въ 15 рубл. и деньгами 20 руб.» (Христ. Чтен. 1879 ч. II, стр. 574, прим.), а самъ арх. Арсеній воспѣваетъ свои подарки слѣдующими стихами:

«Ποτῆρι δίδοι σοι ἀργυρὸν καὶ περιχρυσωμένον,
Πολλά 'ναὶ ψραῶτατον, καλὰ 'ναὶ σκεπασμένον,
Καὶ χάριδι δίδοι σοι καλόν, καὶ εὐμορφον ἀτάλα!
Καὶ καμπουχῶν βενετικὸν μεταξοῦ' ἕνα σόφι.
Χαρίζε σοι σαμοῦριττα ἀπὸ τὴν Συμπηρίαν,
Καὶ χρῆματτα νογράτια μὲ ἴδιάν τοῦ βούλαν.» (Σ. Ζαμπέλιος.
Καθιδροσικ πατριαρχεῖου ἐν 'Ρωσσίᾳ σελ. 45).

²⁾ Подарки царицы, суда по словамъ архіепископа Арсенія, были такіе же, какъ и подарки царя, потому что описаніе ихъ въ поэмѣ почти дословно сходно (Αἰθιοθ. σελ. 36).

Послѣ приѣма у царицы, состоялся обѣдъ у патриарха Іова, который, по окончаніи стола, также одарилъ дарами патриарха Іеремію, митрополита Іерооея и архіепископа Арсенія¹⁾. Дары царицы и новаго патриарха были доставлены, по назначенію, на слѣдующій день.

4 февраля патриархъ Іеремія со всею своею свитою отправился въ Троице - Сергіевскую лавру на богомолье и пробылъ тамъ до 11 числа. Обитель, какъ патриарха, такъ и его спутниковъ, одарила нескучными дарами и деньгами²⁾.

Предъ отправленіемъ въ обратный путь въ Константинополь, патриархъ Іеремія, митрополитъ Іерооея и архіепископъ Арсеній со всею ихъ свитою были приняты царемъ въ прощальной аудіенціи и еще разъ удостоились получить отъ него богатые дары³⁾. Во время этого приѣма, поблагодаривъ

1) «Σοὶ δίδοι εἰκόνα ἄγιαν τὴν Δέσποιναν τοῦ κόσμου
Μαρίαν, τὴν πανάχαρτον μετέριταν τοῦ κόσμου,
Ἐποῦ κρατεῖ ἐν ταῖς χερσὶ τὸν Κύριον τῆς δόξης,
Χριστὸν τὸν ὑπεράγαθον, τὸν ποιητὴν τῆς κτίσεως.
Ὅλ' εἶναι μὲ ἀργύριον ὅλη μὲ τὸ χρυσάφι,
Καὶ χρυσομαθωμένον τε ἔχει καλὸν στεφάνι.
Δίδοι σοι κοῦπαν στρογγυλὴν καὶ περιχρυσωμένην,
Μὲ τέχνην φραιωτάτην εὐμορφα καμωμένην.
Χάριν ποιοῖ σοι καμποῦχᾶν καὶ εὐμορφον ἀτάξιν
Καὶ εὐμορφα σαμοῦρια, ὅπ' οὐκὰν ἐκ τῶ Σουλτᾶν. (Ἀὐτοῦ. σελ.

59—60). Такъ воспѣваетъ свои подарки отъ патриарха архіепископъ Арсеній елассонскій въ своей поэмѣ.

²⁾ Архіепископъ Арсеній получилъ „образъ Сергіево видѣнье обложеное серебромъ, камья багрова, ковшь или братина серебряна въ 5 рублевъ, 40 кунницъ, 10 рублевъ денегъ, судковъ троецкихъ (деревянныхъ росписныхъ) полмитрополита, да суковце троицкое“. Греч. стат. списокъ № 3 л. 88.

³⁾ Самъ Арсеній, епископъ елассонскій, дословно воспѣваетъ и эти подарки, какъ и первые царскіе дары, послѣ рукоположенія мо-

даря за пожалованные подарки, архіепископъ елассонскій Арсеній обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью: „Царь Θεοδωρὸς востока и запада, Владимира, Москвы и всей Россіи и всей сѣверной земли, великой Сибири, царь державнѣйшій, благочестивѣйшій, боговѣнчанный и великій, святѣйшій святыхъ, слава благочестивыхъ! Я, смиренный Арсеній, ничтожнѣйшій изъ всѣхъ епископовъ и малѣйшій изъ остальныхъ полюбилъ твою сострадательность, которую ты проявляешь ко всѣмъ своимъ (подданнымъ) и чужестранцамъ, и каждый день на всѣхъ изливаешь челоуѣколюбіе (свое и) милость, по-сему пусть я останусь (здѣсь), столь весьма далеко отъ родственниковъ, отечества и своей епархіи (ὡὰ καθήματα τόσον πολλὰ μακρῆα ἐκ συγγενῶν πατρίδος τε καὶ ἐκ τῆς ἐπαρχίας), чтобы молиться Богу день и ночь, дабы ты былъ долгоденственъ, имѣлъ хорошее здоровье, чтобы царствовалъ всегда надъ весьма многими народами, чтобы ты совершалъ всякое благо и чрезмѣрныя благодѣянія каждый день, такъ какъ имѣешь готовность къ этому“. Царь отвѣтилъ на эту рѣчь милостиво: „Имѣй вѣрную увѣренность, что я тебя упокою, что ты будешь имѣть богатые города съ ихъ деревнями (κάστρη καὶ ἔχρη: περισσὰ μὲ αὐτῶν τὰ χωρία) и сдѣлаешься надъ всѣми ими архіеремъ“. Патриархъ Іеремія, въ свою очередь, замолвилъ передъ царемъ за архіепископа Арсенія нѣсколько полезныхъ и пріятныхъ для него словъ, а затѣмъ, откланявшись государю и подписавъ собственноручно уложенную грамоту

сковскаго патриарха Іова (Σ. Ζαμπῆλιος. Καθίδρυσις πατριαρχεῖου ἐν Ῥωσσίᾳ σελ. 67). По нашимъ же источникамъ, эти дары значительно отличались отъ первыхъ. Такъ, архіепископъ Арсеній получилъ „кубокъ серебрянъ въ 12 рублевъ, портище бархату черново, портище камки багровые, портище обярей синихъ, 40 соболей въ 20 рублевъ, 30 рублевъ денегъ“ (Греч. статейн. списокъ № 3 л. 110), а „архіепископу Арсеніеву челоуѣку *Изматью* сувно доброе, да рубль денегъ“ (тамъ же л. 113).

объ учрежденіи патриаршества въ Россіи¹⁾, въ маѣ 1589 года, навсегда покинулъ гостепрѣимную Москву²⁾.

Оставшись въ Москвѣ и находясь временно, такъ сказать, не у дѣлъ, архіепископъ Арсеній и рѣшился теперь приняться за свой поэтический трудъ подъ заглавіемъ: „Κόποι καὶ διατριβὴ τοῦ ταπεινοῦ ἀρχιεπισκόπου Ἀρσενίου γράφει καὶ τὴν προβίβασιν τοῦ πατριάρχου Μοσχολίας“³⁾. Въ этомъ своемъ сочиненіи, которое предназначалось имъ одному изъ его друзей, жившихъ на Востокѣ и, быть можетъ, даже въ самомъ Константинополѣ, какъ это видно изъ первыхъ словъ этой поэмы: „Γίνωσθε πάλιν, ἀδελφεῖ κ. τ. λ.“, архіепископъ Арсеній рѣшился воспѣть все то, что онъ видѣлъ въ Москвѣ, во время, только что окончившихся здѣсь, торжествъ по поводу учрежденія патриаршества, чего онъ прежде не могъ обнять своимъ умомъ (δὲν δύναται νὰ βάλῃ κατὰ νοῦν), и что не поддавалось дотогдѣ простому прозаическому описанію (οὐ δύ-

¹⁾ Подъ этою грамотою подписались: а) Μονεμβασίας μητροπολίτης Ἱεροσολέων οἰκεία χειρὶ ἐπέγραφα и б) Ταπεινὸς ἀρχιεπίσκοπος Ἑλασσῶνος Δημόνῆκος Ἀρσένιος. Собран. госуд. грам. и договор. т. II, № 59, стр. 102.

²⁾ Путешествіе патриарха Іеремія съ его свитою отъ Вильны до Москвы и его пребываніе въ ней до выѣзда обратно за границу мы описали на основаніи „Κόποι καὶ διατριβὴ τοῦ ταπεινοῦ ἀρχιεπισκόπου Ἀρσενίου γράφει καὶ τὴν προβίβασιν τοῦ πατριάρχου Μοσχολίας“ (Σ. Ζαμπέλος. Καθίδροσις πατριαρχείου ἐν Ῥωσσίᾳ σελ. 29—68), обстоятельной статьи проф. П. Θ. Николаевскаго „Учрежденіе патриаршества въ Россіи“ (Христ. Чтен. 1879 ч. II, стр. 384—406, 552—581, 1880 ч. I, стр. 128—134), греческой рукописи, принадлежащей транезунтскому Сумелійскому монастырю л.л. 15—22 и греческаго статейнаго списка № 3 изъ московскаго архива мин. иностранныхъ дѣлъ.

³⁾ Греческій текстъ этого сочиненія, безъ соблюденія стихотворнаго размѣра и съ большими пропусками и искаженіями словъ (См. отзывъ объ этомъ изданіи у Σ. Ζαμπέλος. Καθίδροσις πατριαρχείου ἐν Ῥωσσίᾳ σελ. 253 и у С. А. Соболевскаго въ «Библиограф. Запискахъ» 1858 г. т. 1, № 3, ст. 81), но съ переводомъ на латинскій

языка: νὰ γράφω или διὰ γραφῆς δοῦναι). Здѣсь воспѣты щедрость и благочестіе русскаго царя Θεοδора Ивановича, красота и необыкновенный умъ его супруги, царицы Ирины Θεοδоровны, блестящая роскошь царскихъ палатъ, нарядовъ, столовой сервировки, широкое русское гостепрѣимство и т. п. Не забылъ архіепископъ Арсеній въ поэмѣ и своего друга и благодѣтеля, вселенскаго патриарха Іеремію. Онъ величаетъ послѣдняго „мудрецомъ“, „новымъ Іовомъ“ (Ἱερεμίου τοῦ σοφοῦ, τοῦ νέου τοῦ Ἰώβου), „подобнымъ пророку Іеремію“ (καὶ ὁμοτρόπου τρόποις τε προφήτου Ἱερεμίου) и т. д. и выставляетъ его преданныйшимъ сыномъ матери, Великой константи-

яныкъ, въ первый разъ былъ напечатанъ I. Pasini, A. Rivautella, F. Berta въ «Codices manuscripti bibliothecae regii Taurinensis Athenaei». Taurini 1749, t. I, pag. 433—469. Латинскій текстъ этого изданія перепечатывали потомъ неоднократно: Beckmann въ «Litteratur der älteren Reisebeschreibungen. Göttingen. 1809, I, S. 404—420; Wichmann. Sammlung bisher noch ungedruckter kleiner Schriften zur ältern Geschichte und Kenntniss des Russischen Reichs. Berlin. 1820 B. 1, S. 60—122. и Starczewski въ «Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI. Berlin et Petropoli. 1842 an. vol. II, pag. 367—384. Съ латинскаго языка французскій переводъ этого сочиненія сдѣланъ былъ о. іезуитомъ Ав. Голицынымъ въ его «Document relatif au Patriarcat Moscovite 1589. Paris. 1857 v. 1, pag. 1—69 и на русскій языкъ (къ слову сказать, весьма неудовлетворительно) П. Олблонинымъ въ «Исторической библиотекѣ» 1879 г. № 9, с.р. 45—74. Вторичное изданіе, болѣе исправное и съ восстановленіемъ стихотворнаго размѣра, этого произведенія (См. отзывъ о немъ у Саенъ Н. въ его Νεοελληνικὴ φιλολογία σελ. 206—207), но безъ латинскаго перевода, было сдѣлано ученымъ филологомъ Σπορ. Ζαμπέλος въ его брошюрѣ: «Καθίδροσις πατριαρχείου ἐν Ῥωσσίᾳ. ἐκδ. Ν. Δραγούμη ἐν Ἀθῆν. 1859 σελ. 27—68. Но и это изданіе, несмотря на всѣ свои преимуществя сравнительно съ первымъ туринскимъ изданіемъ, нуждается еще въ нѣкоторыхъ исправленіяхъ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчаются у писателя слова русскія и польскія, совершенно непонятныя греческому ученому филологу.

польской Церкви (ἐγ' ὄμαι πρῶτος τῆς οἰᾶς ἀπὸ τῶν ἄλλων πάντων), неизмѣннымъ хранителемъ ея старости (γηροκομῆσαι βούλομαι μητέρα μας τὴν γράϊαν) и блюстителемъ и вождемъ всѣхъ вообще восточныхъ христіанъ (ἐκδικητῆς καὶ φυλακτῆς τῶν ἀδελφῶν μου πάντων). Переговоры патриарха Іереміи съ русскимъ правительствомъ относительно учрежденія патриаршества въ Россіи описаны въ поэмѣ такъ, какъ будто-бы вселенскій патриархъ былъ *вынужденъ* склониться на усиленную просьбу царя, царицы, духовенства и бояръ, и что ему самому и въ голову нивогда не приходила мысль о возможности промѣнять Константинополь на Москву, хотя въ нашихъ источникахъ, въ хронографѣ митрополита Іерофея и у самаго архіепископа Арсенія ¹⁾ въ его вновь открытыхъ мемуарахъ, о тѣхъ же переговорахъ патриарха Іереміи съ русскимъ правительствомъ сообщаются свѣдѣнія иного характера. Панегрический тонъ разсматриваемой нами поэмы и нѣкоторое отступленіе отъ исторической истины у автора ея, по нашему мнѣнію, находятъ для себя оправданіе въ обстоятельствахъ даннаго времени. По возвращеніи въ Константинополь, весною въ 1590 г., патриархъ Іеремія долженъ былъ дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ въ Москвѣ, испросить у остальныхъ восточныхъ патриарховъ одобреніе и благословеніе новоучрежденному патриаршеству и опредѣлить права и положеніе русскаго патриарха, на что онъ далъ свое согласіе русскому правительству, предъ выѣздомъ изъ Москвы. Приступалъ къ своей трудной миссіи патриархъ, несомнѣнно, не безъ тайныхъ опасеній относительно возможности встрѣтить возраженія и здѣсь, со стороны прочихъ патриарховъ, подобныя тѣмъ, которыя онъ уже слышалъ въ Москвѣ отъ митрополита Іерофея, роднаго племянника, протонотарія Дмитрія, Георгія логогета и Николая Аристотела изъ Аѳинъ ²⁾. И опа-

¹⁾ См. подробнѣе объ этомъ во второй главѣ.

²⁾ Ркп. трапезунт.-Сумелійскаго мон. г. 19.

сенія его, дѣйствительно, не были напрасны, такъ какъ дѣйствія патриарха Іереміи были осуждены, какъ незаконныя и *вынужденныя*, знаменитымъ канонистомъ и просвѣщеннымъ патриархомъ александрійской церкви Мелетіемъ Пигасомъ ¹⁾. Поэма архіепископа елассонскаго Арсенія, подкрѣпленная посольствами изъ Москвы царскаго дьяка Григорія Нащокина (въ 1592 г.), дьяка Ивана Кошурина (въ 1593 г.) и Трифона Коробейникова съ дьякомъ Михаиломъ Огарковымъ (въ томъ же 1593 г.), со множествомъ венгерскихъ золотыхъ, соборей и другихъ мѣховъ для восточныхъ патриарховъ и восточныхъ монастырей ²⁾, являлась на Востока, поэтому, во-время. Она въ значительной степени возвысила авторитетъ патриарха Іереміи въ глазахъ другихъ представителей восточныхъ церквей и посодѣйствовала успокоенію недовольныхъ... 12-го февраля 1593 г., какъ извѣстно, состоялся „великій“ и „дѣлосвершенный“ соборъ, признавшій законность учрежденія патриаршества въ Москвѣ и опредѣлившій новому патриарху *пятое мѣсто* въ ряду другихъ вселенскихъ патриарховъ ³⁾, при чемъ, что особенно замѣчательно, противникъ законности учрежденія московскаго патриаршества былъ главнымъ редакторомъ соборныхъ опредѣленій 1593 года. На основаніи всего сказанно, слѣдовательно, можно съ увѣренностію полагать, что поэтической трудъ: „Κόποι καὶ διατριβὴ τοῦ ταπεινοῦ ἀρχιεπισκόπου Ἰερωνίου γράφει καὶ τὴν προβίβασιν τοῦ πατριάρχου Μοσχολίας“ написанъ авторомъ его въ промежутокъ времени между 1590—1593 годами, и ни въ какомъ случаѣ не позже 1595 года,

¹⁾ Христ. Чтен. 1880 ч. I, стр. 147—148.

²⁾ Тамъ же стр. 149.

³⁾ Греческій текстъ актовъ константинопольскаго собора 1593 года напечатанъ въ Молдавіи патриархомъ іерусалимскимъ Досееемъ въ его «Τόμος ἀγάπης» ἐκδοσ. 1698 ἐτ., σελ. 541—547, а русскій переводъ ихъ арх. Порфиріемъ Успенскимъ въ Труд. Киев. дух. Акад. 1865 г. т. III, стр. 238—248.

когда скончался патриарх Іеремія, одинъ изъ важнѣйшихъ и, можно сказать, первыхъ героевъ разсматриваемой нами поэмы. Свѣжесть и живость впечатлѣній и изумительная для читателя подробность въ описаніи бывшихъ въ Москвѣ торжествъ, по случаю величайшаго церковнаго событія—учрежденія въ Россіи патриаршества, не оставляютъ въ насъ никакого сомнѣнія, что архіепископъ Арсеній писалъ свою поэму скоро, послѣ окончанія воспоминаемыхъ имъ событій. Палеографическія данныя Туринскаго кодекса № 337, содержащаго въ себѣ эту поэму *отъ коніи*, а не въ автографѣ, неизвѣстно куда исчезнувшемъ, вполне подтверждаютъ наши предположенія относительно времени написанія арх. Арсеніемъ этой поэмы. Составители описанія рукописей королевской Туринской библиотеки датируютъ кодексъ № 337 *концемъ XVI вѣка* (circa fine saeculi XVI)¹⁾, а нашъ русский ученый С. А. Соболевскій заявляетъ, „что рукопись эта по величинѣ равняется книгѣ въ 12 д. л. нашего времени, писана на бумагѣ, почеркъ четкой *конца XVI или начала XVII вѣка*“²⁾.

Благочестивый царь Θεодоръ Ивановичъ сдержалъ вполне слово, данное архіепископу Арсенію на послѣдней прощальной аудіенціи вселенскому патриарху Іереміи. По сказанію житія, архіепископъ Арсеній получилъ отъ царя для пропитанія себя и, находившихся при немъ (*εις ζωοταρχίαν αὐτοῦ καὶ τῆς σὺν αὐτῷ*), необходимыхъ людей деревни (*χωρία*)³⁾, на доходы съ которыхъ онъ приобрѣлъ себѣ въ Кремлѣ, близъ царскихъ дворцовъ, домъ и устроилъ въ немъ храмъ въ честь великомученика Димитрія Солунскаго⁴⁾. Нѣсколько лѣтъ спустя (*εις ὕστερον*), послѣ отъѣзда патриарха Іереміи изъ Москвы, по

1) *I. Pasinus et alt. Codices manuscrpti bibliothecae regii Taurinensis Athenaei t. I, pag. 433.*

2) *Библиограф. Записки. 1858 г. т. I, № 3, ст. 81.*

3) *Ряп. трапез.-Сумел. м. л. 22, 104.*

4) *Ряп. трапез.-Сумел. м. л. 105.*

не ранѣе конца 1596 года или въ 1597 году¹⁾, по повелѣнію царя Θεодора Ивановича († 6 янв. 1598.), патриарха и всего архіерейскаго чина (*καλεῖται τοῦ βασιλέως καὶ τοῦ πατριάρχου καὶ πάσης ἀρχιερατικῆς τάξεως*), онъ былъ опредѣленъ къ Архангельскому московскому собору съ титуломъ „архіепископа архангельскаго“²⁾, которымъ онъ пользовался весьма долго наравнѣ съ прежнимъ своимъ титуломъ—„архіепископа елассонскаго“, или, въ русской простонародной передѣлкѣ, „галасунскаго“, или „еласунскаго“. „Да на Москвѣ же *безотступно* живетъ у царскихъ гробовъ, у Архангела, архіепископъ *Еласунскій*, изъ грекъ, опредѣляетъ одинъ изъ нашихъ документовъ (1610—1613 г.г.) официальное положеніе архіепископа Арсенія въ Москвѣ, и *служитъ завседы по родителѣмъ государскимъ*“³⁾.

Со дня своего оставленія въ Москвѣ до назначенія къ Архангельскому собору и затѣмъ, уже особенно послѣ состоявшагося назначенія, арх. Арсеній, пользуясь милостію царя и благосклонностію къ себѣ патриарха, начинаетъ принимать самое живое и непосредственное участіе, наравнѣ съ прочими русскими епископами, во всѣхъ важнѣйшихъ обще-церковныхъ и политическихъ событіяхъ нашего отечества. Такъ, въ 1590 году 12 января, архіепископъ елассонскій Арсеній вмѣстѣ съ другими русскими архіереями участвовалъ въ торжественномъ приѣмѣ у патриарха Іова константинопольскаго посланника, тырновскаго митрополита Діонисія, изъ рода царей Кантакузинныхъ и Палеологовъ⁴⁾, привезшаго въ Москву акты собора 1590 г. объ утвержденіи патриаршества въ Москвѣ. 6 марта 1592 года соборъ русскихъ іерарховъ „со Арсеніемъ,

1) См. ниже въ этой главѣ (стр. 59—61, 63) различія титуловъ въ надписяхъ на предметахъ, пожертвованныхъ арх. Арсеніемъ до 1596 г. и въ 1599 и послѣдующихъ годахъ.

2) *Ряп. трапез.-Сумел. м. л. 22, 104.*

3) *Акты Историч. т. II, № 355, стр. 422.*

4) *Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ. СПб. 1858. ч. I, стр. 246.*

архієпископомъ еласонскимъ“, имѣя во главѣ патриарха Іова, избравъ митрополитомъ кафедру въ Новгородъ чудовскаго архимандрита Варлаама¹⁾. Подъ грамотой, утвержденной 1 августа 1598 года, объ избраніи Бориса Феодоровича Годунова на царскій престолъ мы читаемъ внутри подпись: „Арсеней, архієпископъ архангельскій“, а назадъ „у обѣихъ утвержденныхъ грамотъ“ — „Арсеній, архієпископъ Геласонскій“²⁾. Февраля 4 числа 1604 года, „архієпископа архангельскаго“ мы видимъ на торжественномъ приѣмѣ у патриарха Іова христіанопольскаго митрополита Симеона, мослианскаго епископа Калиста и іерусалимскаго архимандрита Теофана, впоследствии іерусалимскаго патриарха, съ іерусалимскими старцами³⁾. 20 іюня 1605 года, Арсеній, архієпископъ архангельскій, съ другими русскими владыками встрѣчалъ на лобномъ мѣстѣ Лжедимитрія и потомъ сопровождалъ его изъ Успенскаго собора въ Архангельскій, къ гробницамъ мнимыхъ царственныхъ его предковъ, выслушавъ при этомъ у гробницъ царей Ивана Васильевича и Теодора Ивановича, съ одной стороны, торжественное всенародное исповѣданіе Лжедимитрія о царскомъ своемъ происхожденіи, а съ другой, признаніе его со стороны народа своимъ законнымъ государемъ⁴⁾. 24 іюня того же года, онъ участвовалъ вмѣстѣ съ прочими русскими іерархами въ визложеніи патриарха Іова и въ избраніи и нареченіи на его мѣсто архієпископа рязанскаго Игнатія, бывшаго епископа Ериссо и святой Аѳонской горы, а 30 того же мѣсяца, на праздникъ двѣнадцати апостоловъ, — въ его рукоположеніи, послѣ котораго присутствовалъ на торжественномъ обѣдѣ по этому случаю во дворцѣ⁵⁾. Въ „поимянной росписи

1) Дополн. къ Актамъ Историч. т. I, № 137, стр. 229.

2) Акты археограф. экспед. т. II, № 7, стр. 41 и 46.

3) Снош. Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ ч. I, стр. 294.

4) Рук. трапезунт.-Сумелійск. м. л. 38 и 39.

5) Тамъ же, л. 39—40.

духовнымъ и свѣтскимъ чинамъ“, которые должны были, по мысли Лжедимитрія, участвовать въ государствѣ „съ совѣтѣ, составленной, сейчасъ по его воцареніи, т. е. съ іюня же мѣсяца, „архієпископъ архангельскій“ занимаетъ среди архієпископовъ предпоследнее мѣсто¹⁾. 21 іюля, при коронованіи Лжедимитрія, архієпископъ архангельскій Арсеній не только священнодѣйствовалъ въ Успенскомъ московскомъ соборѣ съ патриархомъ Игнатіемъ и прочими русскими архієреями, но на него была возложена, въ частности, обязанность — въ Архангельскомъ соборѣ, въ предѣлѣ св. Іоанна Лѣвчичника²⁾, близъ гробовъ царей Ивана Васильевича и Теодора Ивановича, увѣнчать главу Лжедимитрія короною Мономаха съ провозглашеніемъ: „Αἰσιος“³⁾. При коронованіи, супруги Лжедимитрія, Марины Мнишекъ, 8 мая 1606 года, архієпископъ Арсеній вмѣстѣ съ архієпископомъ астраханскимъ Теодосіемъ подносили ей „коруну царскую“⁴⁾. 11 того же мая, архієпископъ Арсеній вмѣстѣ съ прочими духовными лицами являлся съ поздравленіями во дворецъ, по случаю царскаго браковѣнчанія, и подносилъ молодымъ царю и царицѣ подарки, состоящіе изъ серебро-вызолоченныхъ иконъ, серебро-вызолоченныхъ кубковъ, бархатовъ, мѣховъ и т. п.⁵⁾. Въ маѣ того же 1606 года, архієпископъ Арсеній несомнѣнно принималъ участіе уже въ избраніи на русскій престолъ Василя Ивановича Шуйскаго⁶⁾. 3 февраля 1607 года, съ патриархомъ Гермогеномъ и митрополитомъ сарскимъ и подонскимъ Паф-

1) Собран. государ. грам. и договор. т. II, № 93, стр. 208.

2) О существованіи такого предѣла см. у И. Саегирева въ Памятникахъ московск. древностей. М. 1842. Описаніе Архангельскаго собора, с. р. 64.

3) Рук. трапезунт.-Сумелійск. м. л. 41 об., 42.

4) Собран. госуд. грамотъ и договор. т. II, № 138, стр. 292.

5) Рук. трапезунт.-Сумелійск. м. л. 48.

6) Собран. государ. грам. и догов. т. II, № 142, стр. 300.

Архієп. еласонскій Арсеній.

нутієм „Арсней, архієпископъ архангелскій“, по волѣ новаго царя, рѣшалъ вопросъ о посылкѣ въ Старицу за престарѣлымъ патриархомъ Говомъ „для соборнаго разрѣшенія російскаго народа въ клятвopреступленія царю Борису Теодоровичу и его семейству“¹⁾.

Смутная эпоха въ жизни русскаго государства, начавшаяся, послѣ низложенія царя Василія Ивановича Шуйскаго, причинила архієпископу Арсенію много бѣдъ, физическихъ и душевныхъ страданій. По долгу своего оффиціального положенія—„безотступно жить у царскихъ гробовъ“ и „служить завсегда по родителѣхъ государскихъ“, онъ, въ числѣ непопулярныхъ духовныхъ лицъ, остался въ Кремлѣ²⁾, былъ очевидцемъ страшныхъ народныхъ волненій, нескончаемыхъ пожаровъ, испепелившихъ почти всю Москву и, наконецъ, пережилъ всѣ невгоды военного осаднаго положенія, когда поляки, запершись въ Кремлѣ, ожидали прихода въ Москву короля Сигизмунда или кого нибудь изъ его полководцевъ.

Въ ужасный 1611 годъ, во время одного изъ пожаровъ въ Кремлѣ, пострадалъ и домъ архієпископа Арсенія³⁾, а въ августѣ 1612 года поляки отняли у него этотъ домъ и немало денегъ⁴⁾. Во время тяжелаго и томительнаго заключенія въ Кремлѣ, желая водворенія въ Россіи мира и законнаго порядка, архієпископъ Арсеній съ, находившимся при немъ, духовенствомъ и русскими боярами, изъ коихъ нѣкоторые, несомнѣнно, дѣйствовали не по чистымъ побужденіямъ, подписался 5 октября 1611 года подъ двумя „вѣрющими грамотами“⁵⁾, которыя были отправлены вторично одна къ королю Сигизмунду III, а другая къ сыну его Владиславу „для убѣжденія королевича къ ско-

1) Акты археограф. экспед. т. II, № 67, стр. 148.

2) Рук. гравез.-Сумейск. м. л. 72.

3) Тамъ же м. л. 75 об.

4) Тамъ же, л. 80 об.

5) Объясненіе происхожденія этихъ «вѣрющихъ грамотъ» и относительно участія въ ихъ посылкѣ арх. Арсенія см. подробности ниже во второй главѣ.

рому пріѣзду въ Москву и для постановленія договора о всѣхъ статьяхъ, недокопченныхъ прежними послами¹⁾.

Благодаря страшному голоду и вынесеннымъ въ осаду огорченіямъ и лишениямъ, архієпископъ Арсеній жестоко разболѣлся и былъ исцѣленъ отъ болѣзни чудеснымъ образомъ, послѣ видѣнія во снѣ чудотворца Сергія Радонежскаго, предсказавшаго ему и скорое освобожденіе Москвы отъ поляковъ²⁾.

Дѣйствительно, чудный сонъ архієпископа Арсенія сбывся на яву въ самомъ непродолжительномъ времени. Въ ночь на 22 октября 1612 г., русскимъ войскамъ, подъ предводительствомъ князей Трубецкаго и Пожарскаго, безъ особенныхъ усилій и легко удалось овладѣть Китай-городомъ, а черезъ мѣсяць сдались и поляки, находившіеся въ Кремлѣ. По этому случаю, 27 ноября, состоялось радостное церковное торжество, при участіи всѣхъ войскъ и всѣхъ московскихъ жителей. „Въ день же недѣльный, описываетъ это торжество нашъ Прологъ, собралася благочестивіи воеводы, съ, сущими съ ними отъ священнаго чина, архимандриты и священники и со всѣмъ христіанскимъ воинствомъ; и взяше честныя кресты и святыя иконы, поидоша на лобное мѣсто, молебная совершающе. Изъ града же Кремля изыде въ срѣтеніе имъ архієпископъ Галасунскій Арсеній, съ сущими съ нимъ освященнымъ чиномъ, иже бяху съ нимъ прежде удержани во градѣ, посаще съ собою икону пречистыя Богородицы владимірскія, и честныя кресты, и прочыя святыя иконы. Егда-же узрѣша благочестивіи воеводы и все христіанское воинство чудотворную ону икону Богоматере, еяже не надѣяхуси видѣти никогдаже, отъ

1) Собран. госуд. грам. и договор. т. II, № 272, стр. 572; № 273, стр. 573.

2) Рук. гравезунт.-Сумел. м. л. 81—83; А. Палицынъ. Сказан. о осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря отъ поляковъ и Литвы и о бывшихъ потомъ въ Россіи мятежахъ. М. 1784, стр. 244—246; Прологъ изд. Моск. 1843, л. 108—109.

радости многія слезы отъ очю изливающе, цѣловаху ю. И доидоша во градъ Кремль, обычныя литіи совершающе: и тако выидоша въ великую соборную церковь Успенія пресвятыя Богородицы. И божественную литургію совершивше, во мнозѣ радости и веселіи исповѣдающеся Господеву. И тако разошася кійждо во своя си, славяще и благодаряще Бога и Пресвятую Богородицу. *И оттоль уставивша таковой праздникъ праздновати Пресвятыя Богородицы мѣсяца Октября въ 22 день, въ оныже преславная побѣда и заступленіе Богоматерними молитвами бысть, на воспоминаніе предбудущимъ родомъ, во славу Христа Бога¹⁾.*

Временное правительство, образовавшееся въ Москвѣ, во главѣ съ князьями Трубецкимъ и Пожарскимъ, произвело самое строгое разслѣдованіе относительно лицъ, находившихся въ заключеніи въ Кремлѣ вмѣстѣ съ поляками, и подвергнувъ наказанію измѣнниковъ отечества, наградило невинно пострадавшихъ въ это время лицъ. Архіепископъ Арсеній, по замѣчавію вновь открытыхъ мемуаровъ, со всѣми заключенными съ нимъ „былъ преисполненъ всякимъ добромъ“²⁾. Т. е. названные князья—правители вознаградили его въ избыткѣ за тѣ потери, которыя онъ понесъ, во время осады Москвы.

2 мая 1613 года, архіепископъ Арсеній съ прочимъ московскимъ духовенствомъ встрѣчалъ за городомъ царя Михаила Теодоровича изъ дома Романовыхъ съ его матерью инокинею Марею Ивановною и сопровождалъ ихъ къ царскимъ гробницамъ въ вѣранный его понеченію, московскій Архангельскій соборъ, гдѣ, по ихъ просьбѣ, совершилъ молебенъ³⁾. 11 числа того же мал, свое согласіе на избраніе на московскій престолъ Михаила Теодоровича онъ подтвердилъ на грамотѣ

¹⁾ Прологъ изд. Моск. 1843 г. 109. См. А. Палицынъ. Сказаніе о осадѣ, стр. 247.

²⁾ Рян. грацеуит.-Сумелійск. м. л. 86 об.

³⁾ Тамъ же л. 92 об.—94; Палицынъ. Сказаніе о осадѣ стр. 261.

слѣдующею подписью: „смиранный Арсеній, Божією милостію, архіепископъ архангельскій“¹⁾.

При перечисленіи архіереевъ, принимавшихъ участіе въ соборѣ по поводу отправления, въ маѣ мѣсяцѣ²⁾ въ томъ же году, „соборной грамоты російскаго духовенства Строгоновымъ объ уплатѣ, слѣдующихъ съ нихъ въ казну, доходовъ и объ отпускѣ въ займы денегъ и разныхъ припасовъ на войско“, упоминается, между прочимъ, и Арсеній, архіепископъ архангельскій³⁾, подписавшійся подъ грамотою такъ: „смиранный Арсеній, Божією милостію, архіепископъ архангельскій и тверскій и кашинскій“⁴⁾. 11 іюля, при совершеніи чина коронованія на царство царя Михаила Теодоровича, „архіепископъ архангельскій“ (т. е. Арсеній) подавалъ митрополиту царскія бармы и царскій вѣнецъ⁵⁾ для передачи ихъ государю. Въ январѣ 1614 года, подъ „грамотою, жалованною боярину и воеводѣ князю Д. Т. Трубецкому на отчину Вагу, данною отъ російскихъ архіереевъ и бояръ, во время междоцарствія въ Россіи, въ 1613 году“, за освобожденіе, между прочимъ, „Еласопскаго архіепископа Арсенія и священноинокескій чинъ, и плѣнныхъ насильствующихъ бояръ князя Ѳ. И. Мстиславскаго съ товарищи, и околичныхъ, и стольниковъ, и стряпчихъ, и дворянъ, и всякихъ людей, которые у польскихихъ и у литовскихихъ людей въ неволѣ сидѣли въ Москвѣ, и ихъ женъ и дѣтей, и всѣхъ православныхъ крестьянъ отъ плѣна“, нашъ архіепископъ Арсеній снова под-

¹⁾ Собран. госуд. грам. и договор. т. I, № 203, стр. 637.

²⁾ Точнаго указанія на день составленія этой грамоты нѣтъ, но есть указаніе на время (25 іюля), когда она была доставлена по назначенію «Ондреемъ Игнаатьевичемъ Великимъновымъ» вмѣстѣ съ подобною же царскою грамотою къ тѣмъ же Строгоновымъ, писанною 24 мая 1613 г. (Акты Археогр. экспед. т. III, № 4, стр. 7, № 3, стр. 2 и 4). Слѣдовательно, и соборная грамота духовенства составлена не позже 24 мая.

³⁾ Акты Археогр. экспед. т. III, № 4, стр. 4.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 7.

⁵⁾ Собран. г.-суд. грам. и договор. т. III, № 16, стр. 78—79.

писался прежним титуломъ: „Смиренный Арсеній, Божією милостію, архієпископъ архангельскій“¹⁾. Что же означаетъ въ такомъ случаѣ подпись этого архієпископа, какъ бы случайно промелькнувшая подъ майскою соборною грамотою 1613 года къ Строгоновымъ?

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ судьбѣ нашего архієпископа Арсенія произошла нѣкоторая перемѣна. Въ май 1613 года или около того времени, онъ назначенъ былъ на кафедрѣ архієпископа тверскаго и кашинскаго, которая, за смертію архієпископа Теокиста, убитаго († 1608) тушинцами, оставалась вакантною почти пять лѣтъ. Но это назначеніе было, такъ сказать, титулярное, потому что архієпископъ Арсеній оставался по прежнему на своемъ мѣстѣ, при московскомъ Архангельскомъ соборѣ, титуловался въ грамотахъ большею частію „архангельскимъ“²⁾, проживалъ въ Москвѣ и принималъ самое дѣятельное и непосредственное участіе, какъ это видно изъ приведенныхъ выше фактовъ, во всѣхъ дѣлахъ обще-церковныхъ и государственныхъ. Трудно установить съ несомнѣнностію даже такой фактъ: вѣзжалъ ли архієпископъ Арсеній изъ Москвы на епархію, или же никогда не видѣлъ Твери? На основаніи житія этого архієпископа, можно думать, что онъ былъ въ епархіи, но весьма краткое время, такъ какъ и самое служеніе на тверской кафедрѣ было весьма непродолжительное, всего около двухъ лѣтъ³⁾. Неудивительно,

1) Древн. Россійск. Вивліое. 1790 г. изд. 2 ч. XV, стр. 206 и 209.

2) Мы знаемъ другую подпись Арсенія, какъ *архієпископа тверскаго и кашинскаго*, на Служебникѣ виленской печати 1598 г., который онъ подарилъ въ Архангельскій московскій соборъ (Памят. древн. письменности 1881, в. IX, стр. 16).

3) „Ἐξῆς ἐκεῖ ἐν τῇ ἀρχιεπισκοπῇ (т. е. тверской), замѣчаетъ составитель житія, ὁ π ο λ ὶ ν χ ρ ὶ ο ν“. По поводу послѣднихъ словъ въ рукописи рукою писца пояснено: „π ρ ὴ τ ο ν χ ρ ὶ ο υ ς δ ὴ ο καὶ μ ἦ ν α ς, τ ὸ δ ε ὄ τ ε ρ ο ν δ ἔ ῃ χ ρ ῖ δ ὴ ο μ ἦ ν ὶ ν“, но, потомъ, дружокуюю зачеркнути послѣднія пояснительныя слова и написано: „ὡ τ π ρ ὶ τ ε ρ ο ν δ ὴ ο χ ρ ὶ ο υ ς χ ω ρ ῖ ς δ ὴ ο μ ἦ ν α ς (μ ἦ ν ὶ ν)“. Ркп. трапез.-Сум. м. л. 108 об.

поэтому, нисколько, если этотъ владыка не оставилъ въ Твери по себѣ почти никакой памяти. Иер. Амвросій, авторъ „Исторіи российской іерархіи“, хотя и помѣщаетъ его въ каталогъ тверскихъ архієпископовъ, но съ прибавленіемъ: „Арсеній II, *сомнительный*“¹⁾. Далѣе. Честь возобновленія древняго кафедральнаго тверскаго Преображенскаго собора, по свидѣтельству житія, несомнѣнно принадлежащая архієпископу Арсенію²⁾, мѣстными историками оспаривается у послѣдняго и приписывается, его позднѣйшему преемнику по кафедрѣ, архієпископу Евфимію II³⁾. У нѣкоторыхъ же историковъ, или совсѣмъ не говорится о служеніи архієпископа Арсенія на тверской кафедрѣ⁴⁾, или же признается, что назначеніе его туда, по извѣстнымъ причинамъ, *не состоялось*⁵⁾.

Въ началѣ 1615 года⁶⁾, архієпископъ Арсеній былъ пере-

1) Амвросій. Истор. российск. іерархіи. М. 1822, ч. I, стр. 137.

2) Ркп. трапезуат.-Сумелійск. м. л. 107 об.—108 об.

3) Въ «Житіи и страданіи св. благовѣрнаго князя Михаила Ярославича, тверскаго чудотворца, сочиненномъ тверскимъ семинаріи ректоромъ и архимандритомъ Макаріемъ 1765 г. въ Твери», мы прочли, по интересующему насъ вопросу, что архієпископъ Евфимій, «предложивъ его величеству (т. е. Михаилу Осодоровичу), яко, созданная свитамъ княземъ, тверская церковь зпло обетшала и требуетъ возсозданія отъ основанія вновь», получилъ отъ него деньги и на царскія средства возобновилъ храмъ (Ркп. Типограф. Моск. библ. № 1512—1513 л. 80 об. Он. Св. благовѣрный великій князь Михаилъ Ярославичъ тверскій. Твер. 1864, изд. Свящ. А. Соколова стр. 123—124). Очевидно, авторъ путаетъ имена лицъ въ данномъ разказѣ.

4) Н. Д. Іерархія всероссийской церкви отъ начала христ. въ Россіи до настоящаго времени. М. 1892, стр. 76. Св. Журн. М. Народн. просв. 1852 ч. LXXV, отд. VI, стр. 22.

5) Н. Оглобинъ (Историч. Библиот. 1879 г. № 8, стр. 27).

6) Ркп. трапезуат.-Сумелійск. м. л. 103 (Он. выше стр. 33, прим. 3). П. Строевъ о перемѣщеніи изъ Твери въ Суздаль арх. Арсенія пишетъ слѣдующее: «Арсеній грекъ (арх. суздальскій и торусскій) *переведенъ изъ Твери 1616 г. (упоминается въ октябрѣ)*». Списки іерарховъ и

мѣщенъ на кафедрѣ архіепископа *суздальскаго и тарусскаго*¹⁾, освободившюся, за смертію архіепископа Герасима²⁾. По повелѣнію государя Михаила Теодоровича и по желанію матери его Марѣы Ивановны, весьма благосклонно относившихся къ архіепископу Арсенію³⁾, послѣдному указано было жить, вблизи царскаго дворца (*κατοιχῶν πλησίον εἰς τὰ βασιλεία*), въ, такъ называемомъ, Богоявленскомъ монастырѣ на Троицкомъ подворьѣ⁴⁾, гдѣ онъ, по сказанію писателя его житія, и прожилъ

настоятелей монастырей Россійскія церкви. Изд. археол. комм. Спб. 1877 г., стр. 656. Арх. Леонидъ, очевидно, основываясь на словахъ П. Строева, утверждаетъ, что въ 1613 году Арсеній, въ награду за свою «службу и косядное сидѣнье», былъ назначенъ на архіерейскую кафедру въ Тверь, *гдѣ пробылъ до 1616 года; въ семь году (въ октябрь)* перевѣщенъ изъ Твери въ Суздаль» (Памятн. древн. письменн. 1881, IX, стр. 16). Но, на основаніи житія, вѣрнѣе отнести переводъ арх. Арсенія изъ Твери въ Суздаль къ 1615 году.

1) Архіепископъ Арсеній съ этимъ назначеніемъ, очевидно, уже оставилъ свою службу при Архангельскомъ соборѣ, какъ это можно заключать изъ его собственноручныхъ подписей на грамотахъ и на виленскомъ Служебникѣ 1598 года, принадлежаніемъ нѣкогда Архангельскому собору, а нынѣ хранящемся въ М. Синод. библ. подъ № 610 (по Дополн. катал. 1862). Вотъ эта подпись: «Смирненній архіепископъ Арсеній... и *суздальскій и тарусскій и преже архамельскій пречанингъ*». (Памятн. древней письменности 1881, IX, стр. 16).

2) Собран. государств. грам. и договор. т. III, № 22, стр. 99. Этого арх. Герасимъ, «по соборному приговору», *4 сентября 1614 года*, былъ посланъ въ Ярославль «для убѣжденія атамановъ и казаковъ къ походу на Тихвинъ противъ непріятелей, съ обіщаніемъ имъ за сію царской награды».

3) «Φιλοτιμούμενος, пишетъ составитель житія, ὑπὸ τοῦ βασιλέως Μιχαὴλ καὶ ὑπὸ τῆς ἐνδοξοτάτης αὐτοῦ ἀγίας μητρὸς δεσποίνης Μάρθας μοναχῆς» (Рки. трапез.-Сумелійск. м. л. 109).

4) «На томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ уголъ прежней Оружейной палаты, противъ Троицкихъ, также *Богоявленскихъ воротъ*, пишетъ извѣстный зятовъ Москвы и ея древностей *И. Снегиревъ*, стоялъ нѣкогда Богоявленскій монастырь на Троицкомъ подворьѣ, или, такъ именованное,

весьма немало времени¹⁾.—Архіепископъ Арсеній, по прежнему, принималъ живое участіе во всѣхъ событіяхъ общецерковной и государственной жизни нашего отечества. Такъ, напр., онъ участвовалъ на соборѣ 18 іюля²⁾ 1618 года, бывшемъ, подъ предсѣдательствомъ сарскаго и подонскаго митрополита Іоны, по поводу исправленія Треника извѣстнымъ архимандритомъ Троицкой-Сергіевской лавры Діонисіемъ и его товарищами, чернцами, Арсеніемъ Глухимъ и Антоніемъ, «архимандричимъ крылошаниномъ», котораго обвинители титулуютъ «*пуцимъ де у нихъ развратникомъ*», и священникомъ «села Клементьева» Иваномъ Насѣдкою и, въ частности, по поводу уничтоженія прилога: «и огнемъ» въ молитвѣ чина водоосвященія наканунѣ праздника Богоявленія³⁾. Изъ разслѣ-

Троицкое Богоявленіе. Сооруженная въ немъ 1460 года каменная церковь Богоявленія возобновлена была о трехъ верхахъ, послѣ пожара 1565 года: при ней находились два придѣльные храма—во имя преподобнаго Сергія и св. Теодора Стратилата. Въ XVII вѣкѣ, съ дворцовыми зданіями этотъ монастырь соединяли переходы (Замѣчательное сходство въ описаніи этого монастыря и по житію арх. Арсенія), къ церквамъ примыкали настоятельскія и братскія келліи въ два жилья. Подъ управленіемъ строителя, посланнаго изъ Троице-Сергіевой лавры, состояли здѣсь 2 іеромонаха, 1 іеродіаконъ, 1 пономарь, 2 бѣльца псаломщика, 2 трудника для продажи свѣчъ и для присмотра... Это монастырское подворье сломано 1807 года, такъ что и слѣдовъ отъ него не осталось». И. Снегиревъ. (Богоявленскій монастырь въ Москвѣ на Никольской улицѣ. М. 1864, стр. 28—29).

1) «Ζήσαντος ἐκείσε αὐτοῦ ἐν τῷ μ. ν. α. σ. τ. ῥί. φ. τῶν ἀγίω ν Θεοφάνω ν κειρὸς καὶ χροῖνος οὐκ ὀλίγους». Рки. трап.-Сумел. м. л. 109.

2) По словамъ современника, засѣданія этого собора происходили 4, 5 и 8 іюля. Сѣверн. Пчела, 1842 г. № 98, стр. 791.

3) *И. Сахаровъ* напечаталъ въ «Сѣверной Пчелѣ» за 1842 г. № 193 стр. 791—792 къ Юнгнгау историческую замѣтку одного современника этого собора, по рукописи первой половины XVII в., находившейся въ его собственной библиотекѣ. «А на соборѣ были, говорится въ этой замѣткѣ, преосвященный *Іона*, митрополитъ сирскій (sic)

дованія дѣла на этомъ соборѣ, между прочимъ, выяснилось, что одинъ изъ справщиковъ Требника, а именно старецъ Арсеній Глухой имѣлъ подъ руками, для справокъ, греческій евхологій, принадлежавшій Арсенію, архіепископу суздальскому¹⁾. 10 января 1619 года, митрополитъ сарскій Иона „съ самобывшими, съ сущими ту, боголюбивыми митрополиты и архіепископы и епископы“, между которыми называется и „Арсеній, архіепископъ суждалскій и торускій“, избрали „въ святѣйшею архіепископію рязанскую и муромскую“ свѣдѣскаго Богородичнаго монастыря священноинкока *Иосифа* и „почтили

и подонскій и прочіе, архіепископъ Арсеній¹⁾ суздальскій и тарусскій (Слѣдовательно, м. Макарій не правъ (т. X, стр. 183), говоря, что архіереевъ на этомъ соборѣ, кромѣ митрополита Ионы, не было), и архимандриты, и игумены, и протопопы, и соборные попы, и діаконы, которые были въ то время въ царствующемъ градѣ Москвѣ; да и мірскихъ людей, навичныхъ Вожественному Писанію, веліно имъ на соборѣ призывать). Обвинителями справщиковъ были «Живоначальныя Троицы-Сергіева монастыря уставщикъ, старецъ *Филаретъ*, да священникъ *Филиппъ*, да ризничій діакопъ *Маркелль*, да головщикъ старецъ *Лопинъ*, да Спаса новаго монастыря коновархность *Дорогей*». Постановленіе этого собора формулировано, по этой замѣткѣ, слѣдующимъ образомъ: «архимандрита *Діонисія* да попа *Ивана* отъ церкви Божіей и литургіи служити отлучаемъ, да не священствуютъ, а старцевъ *Арсенія* и *Антонія* Вожественныхъ Тавнъ причащенія отлучаемъ; и въ дому живоначальныя Троицы—Сергіева монастыря (архимандриту и старцамъ быти не повелѣваемъ, а быти имъ въ нынѣ монастырехъ, гдѣ Государь царь и великій князь Михаилъ Теодоровичъ всей Руси укажетъ». Слич. свѣдѣнія объ этомъ же соборѣ въ статьѣ проф. П. Кавзака «Объ исправленіи книгъ при патриархѣ Филаретѣ» (Чтен. Обществ. Истор. и древностей при Моск. Университетѣ 1848, кн. VІІІ, отд. 1, стр. 1—22) и у митр. Макарія въ «Исторіи русской Церкви» т. X, стр. 175—185).

¹⁾ Акты Арх. экон. т. III, № 329, стр. 483; Чтен. въ Общ. истор. и древн. при М. унив. 1848 кн. VІІІ, отд. 1, стр. 17; прав. Палест. Сборн. т. XV, в. 1, 1895 стр. 41.

его святителскою почестію и сѣданіемъ, во всей русской митрополю быти ему третьему архіепископу, а *мѣстомъ и святителскимъ сѣданіемъ подѣ суждалскимъ архіепископомъ*“¹⁾. Такъ высоко стоялъ въ церковной высшей іерархіи нашъ архіепископъ Арсеній.—Съ прибытіемъ въ Москву Теофана, патриарха іерусалимскаго, который представлялся государю Михаилу Теодоровичу 19 апрѣля 1619 года, архіепископъ суздальскій Арсеній сдѣлался незамѣннымъ челоѣкомъ, такъ какъ онъ, по замѣчанію современника и очевидца настоящаго прибытія патриарха Теофана, „патріарховъ языкъ знаетъ“, и, слѣдовательно, могъ служить, и дѣйствительно служилъ посредникомъ въ сношеніяхъ патриарха іерусалимскаго и его свиты, не знавшихъ русскаго языка, съ высшими представителями русской іерархіи и былъ для патриарха незамѣннымъ руководителемъ, при отправленіи богослуженія, по нашему чину, весьма значительно отличавшемуся отъ современнаго греческаго чина²⁾. 22 іюня 1619 года, при нареченіи митрополита Филарета Никитича въ патриарха московскіе, встрѣчали будущаго патриарха, при входѣ его въ Успенскій соборъ, митрополитъ крутицкій Иона и суздальскій архіепископъ Арсеній³⁾, а 24 іюня, вмѣстѣ съ прочими русскими владыками, онъ принималъ несомнѣнно участіе въ его рукоположеніи въ патриарха, хотя въ официалномъ „чинѣ“ и нѣтъ прямого указанія на имя этого архіепископа. Спустя недѣлю, послѣ упомянутаго торжества, т. е. 2 іюля, по волѣ новаго московскаго патриарха, былъ

¹⁾ Акты Археограф. экспед. т. III, № 330 л. 484.

²⁾ См. любопытную замѣтку очевидца (1619 г.) о томъ, „какъ служилъ Теофанъ, патриархъ іерусалимскій, литорію с русскими митрополиты: с казанскимъ Матеемъ и со архіепископы“. (Чтен. Общ. и Истор. древностей при Моск. Университетѣ 1883, кн. II, отд. II, стр. 165—167). Зѣсь, между прочимъ, читаемъ: „Потомъ же пришелъ Арсеніемъ, архіепископъ суждалскій, и онъ патриарховъ языкъ знаетъ, и патриархъ дѣйствовалъ все по нашему, какъ ему Арсеніемъ укажетъ, а молитвы и октены и возгласы говорилъ своимъ языкомъ, по своему служебнику“.

³⁾ Собран. государ. грам. и договор. т. III, № 45, стр. 187.

составленъ соборъ, въ которомъ приняли участіе патріархъ іерусалимскій Ѳеофанъ, новый московскій патріархъ Филаретъ Никитичъ и всѣ митрополиты, архіепископы и епископы, участники въ избраніи и рукоположеніи новаго патріарха, а слѣдовательно, и архіепископъ суздальскій Арсеній, для разсмотрѣнія дѣла архимандрита Діонисія и его товарищей объ исправленіи ими Требника и, въ частности, о прилогѣ: „и огнемъ“¹⁾. Послѣ продолжительныхъ прерій, дѣло правое было одобрено на соборѣ, и Діонисій архимандритъ, старецъ Арсеній Глухой, Антоній Крыловъ и священникъ Иванъ Насѣдка оправданы¹⁾. Въ слѣдующемъ 1620 году, 16 октября, состоялся новый соборъ „о крещеніи латывъ и о ихъ ересехъ“, при участіи „великаго господина смиреннаго Филарета, патріарха царствующаго града Москвы и всея Русіи, и сошедшихся къ нему митрополитовъ и архіепископовъ и епископовъ: Макарія, митрополита новгородскаго, Варлаама, митрополита ростовскаго, Корнилія, архіепископа вологодскаго, Арсенія, архіепископа суздальскаго, Паоунтія, архіепископа тверскаго, Рафаила, епископа коломенскаго“²⁾. Черезъ двѣнадцать дней послѣ упомянутого собора, состоялся новый, при участіи тѣхъ же лицъ, съ прибавленіемъ къ нимъ архіепископа сибирскаго и тобольскаго Кипріана, только что рукоположеннаго. На этомъ соборѣ уже рѣшался вопросъ о томъ, чтобы принимать черезъ перекрещиваніе даже „бѣлорусцевъ, приходящихъ отъ польскаго и литовскаго государства въ православную вѣру нашу греческаго закона, въ державу московскаго государства, и хотящихъ быти съ нами вкупѣ христіанъ“. Это соборное опредѣленіе было подписано участниками его 16 денября 1620 года³⁾. Едва ли можно сомнѣваться и въ томъ,

¹⁾ Чтен. Общ. истор. и древн. 1848 кн. VШ, отд. 1, стр. 17; Макарій м. Исторія русской церкви. СПб. 1882 г. XI, стр. 12—14.

²⁾ Требн. Моск. изд. 1651 л. 559.

³⁾ Тамъ же л. 585 об.; м. Макарій. Исторія русской церкви, 1882, т. XI, стр. 30—31.

что нашъ архіепископъ Арсеній принималъ участіе и на соборѣ 12 октября 1621 года, по поводу „невозможности сохранить согласіе съ поляками и литовцами, по непрестанному нарушенію ими мирнаго постановленія 1618 года; о необходимости немедленнаго съ ними разрыва и о средствахъ къ успѣшнѣйшему началію войны“¹⁾. Хотя имя архіепископа Арсенія прямо и не упомянуто въ актѣ собора, но присутствіе его на соборѣ вполне естественно, къ тому же по имени называются только лишь старѣйшіе члены русской іерархіи, участники всѣхъ предшествующихъ соборовъ.

Годъ 1621, нужно полагать, былъ послѣднимъ годомъ церковно-политической дѣятельности архіепископа Арсенія. Въ концѣ этого года или въ началѣ слѣдующаго, онъ навсегда покидаетъ Москву и удаляется въ свой кафедральный городъ Суздаль, чтобы тамъ мирно дожить свой уже недолгій вѣкъ. 30 Августа 1622 года скончалась въ суздальскомъ Покровскомъ монастырѣ несчастная дочь царя Бориса Годунова Ксенія, въ монашествѣ Ольга. Исполнить надъ нею послѣдній христіанскій долгъ и похоронить ее, по ея просьбѣ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу, въ Троицкой Сергіевской лаврѣ, гдѣ покоятся ея родители, возложено было царемъ и патріархомъ на архіепископа суздальскаго и тарусскаго Арсенія и мѣстнаго спасскаго Евфимьевскаго монастыря архимандрита. Грамата царская, не дошедшая до насъ въ цѣльномъ видѣ, весьма любопытна и прямо указываетъ намъ мѣсто пребыванія въ данное время архіепископа Арсенія. „Вѣдомо намъ учинилося, говорится въ царской граматѣ 1622 года, его царя Бориса Ѳеодоровича дочери, царевны старицы Ольги не стало; а по обѣщанію де своему, отходя сего свѣта, приказала намъ бити челомъ, чтобы намъ пожаловати, тѣло ее влѣти погresti у Живоначальныя Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ съ отцомъ ея и съ матерью вмѣстѣ.—И какъ къ тебѣ ся наша

¹⁾ Собран. государ. грам. и договор. т. III, № 57, стр. 227.

грамота придет, и ты бѣ, богомолецъ нашъ, да съ тобою архимандритъ Спасской Еуфиміева монастыря, по нашему указу и по грамотѣ отца нашего Великаго Государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича московскаго...¹⁾ вѣроятно, исполнилъ и т. д.

Съ вступленіемъ на суздальскую кафедру, архіепископъ Арсеній, еще находясь на жительствѣ въ Москвѣ, среди своихъ сложныхъ занятій дѣлами государственными и общецерковными, находилъ время интересоваться и епархіальными дѣлами. Такъ, въ 1617 году, какъ это видно изъ позднѣйшей грамоты архіепископу суздальскому Варлааму, онъ постарался добиться „подтвердительныхъ записей“, освобождающихъ отъ государственныхъ и земскихъ повинностей, архіерейскія вотчины своей новой кафедры²⁾. По свидѣтельству приходо-расходныхъ книгъ суздальской епархіи, архіепископъ Арсеній въ 1619 и 1620 годахъ разрѣшалъ торжественно праздновать память чтимыхъ святыхъ—святителя Іоанна 15 октября, а святителя Θεодора 8 іюня.³⁾ Съ переѣздомъ же изъ Москвы въ Суздаль на постоянное жительство, освободившись отъ другихъ, лежавшихъ на немъ, обязанностей, глубокой старецъ, архіепископъ Арсеній, на склонѣ дней своей жизни, уже всецѣло себя отдаетъ заботамъ о вѣренной его попеченію архіепископін. Къ этому времени жизни архіепископа Арсенія нужно, по всей вѣроятности, относить его хлопоты передъ царемъ Михаиломъ Θεодоровичемъ и о перенесеніи мощей архіепископа суздальскаго Герасима изъ Чудова, московскаго монастыря, гдѣ онъ скончался († 1606) и былъ погребенъ, въ суздальскій кафедральный соборъ⁴⁾. Въ 1625

¹⁾ Акты Археограф. экспед. т. III, № 125, стр. 176.

²⁾ Акты Истор. т. I, № 200, стр. 369.

³⁾ Временникъ Импер. М. общ. истор. и древн. російск. 1855 кн. 22, отд. II, стр. 117, 121.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 161.

году изъ обители св. Николая при рѣкѣ Шархмѣ отъ нѣкоего благочестиваго инока живописца Іоакима былъ присланъ въ Суздаль, въ храмъ Воскресенія Христова, образъ Казанской Божьей Матери, собственноручно имъ написанный, по повелѣнію Богоматери. Икона эта прославилась среди мѣстныхъ обывателей своими великими чудотвореніями, слава о которыхъ быстро распространилась до Москвы. Патріархъ Филаретъ Никитичъ „повелѣ, здѣ сущему тогда въ Суздалѣ, Арсенію архіепископу о бывающихъ отъ образа сего чудесѣхъ прилѣжно и достовѣрно испытати: той же архіепископъ вся, по повелѣнію архипастыря своего, управивъ, и истинная ося за свидѣтельствомъ своею рукою къ святѣйшему патріарху послаше“¹⁾. По поводу приноса чудотворной иконы въ Суздаль, конечно, не безъ благословенія мѣстнаго архіепископа Арсенія, была устроена ей торжественная встрѣча, „и тако въ той день (т. е. мѣсяца Ноемврія въ 23 день, воспоминаніе срътенія образа пресвятыя Богородицы Казанскія) вси праздноваша праздникъ велій и всерадостный; и отъ того дне и до днесь, повселѣтнюю память и празднество веліе начаша совершати и совершаютъ“²⁾.

Архіепископъ Арсеній скончался въ глубокой старости, будучи отъ роду семидесяти шести лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ³⁾. Годъ его кончины, повидимому, точно опредѣляетъ надпись⁴⁾, находившаяся на особой табличкѣ, которая укрѣплена надъ гробницею святителя, въ Суздальскомъ соборѣ Рождества пр. Богородицы. Она дословно гласитъ слѣдующее: „На семь

¹⁾ Тамъ же, стр. 191—196.

²⁾ Тамъ же, стр. 195.

³⁾ Ркп. трапезунт.-Сунейск. м. л. 109 об.

⁴⁾ Надпись эта любезно сообщена намъ въ письмѣ отъ 9 сентября 1897 года почтеннѣйшимъ протоіереемъ Суздальскаго собора М. И. Херасковымъ, которому мы и выражаемъ нашу глубокую признательность за трудъ.

мѣстѣ погребенъ преосвященный Арсеній, архіепископъ суздальскій, ἀρχε (1625) года, апрѣля κ.δ. (29) дня. Родомъ грекъ Галасунска града, о которомъ же воспоминается въ Прологу октября 22 дня, въ чудесахъ Казанскія Божія Матере о изъавленіи царствующаго града Москвы отъ ляховъ. *На настѣть Суздаля былъ двѣнадцати лѣтъ*“. Погребенъ этотъ святитель „въ суздальской соборной церкви у западнаго лѣваго стола“¹⁾. Но такъ какъ упоминаемая табличка съ надписью—не современна обстоятельствамъ кончины и погребенія архіепископа Арсенія, а сдѣлана гораздо позже, по всей вѣроятности, при архіепископѣ суздальскомъ Стефанѣ въ 1668 году²⁾, то и безусловно довѣрять выше приведенной надписи, по нашему мнѣнію, едва ли можно. Мы полагаемъ, гораздо правильнѣе приурочивать кончину святителя къ 13 апрѣля³⁾

¹⁾ Времени. Импер. Москов. общ. исторіи и древн. росііеи. 1855 г. кн. XXII, отд. II, стр. 32, 153; Си. планъ собора 1815 г. Тамъ же стр. 205—206.

²⁾ Тамъ же стр. 33.

³⁾ Объ этомъ днѣ кончины святителя прямо говорить составитель житія архіепископа Арсенія, надписывая его такъ: „Μηνὶ Ἀπριλίῳ τῆς Κοίμησης τοῦ μακροτάτου πατρὸς ἡμῶν Ἀρσενίου, ἀρχιεπισκόπου Σουδαελίου, τοῦ πρῶτον Ἑλλησπόντος ἐκ τῆς δευτέρας τῶν Θεσσαλῶν ἐπαρχίας“ (Рки. транскр.-Сумел. м. л. 99). Тоже самое подтверждается и, слѣдующимъ затѣмъ, трехстишіемъ, предварающимъ житіе:

«Γέννημα σεμνὸν δευτέρας Θεσσαλίας,

Θρέμμα δὲ αὐτοῦ ἡ μεγάλῃ Ῥωσσίᾳ.

Δεκάτῃ τρίτῃ Ἀρσένιος ψυχὴν Θεῷ δῶκεν».

Апрѣля 29, принимаемое многими за день кончины архіепископа (Ключарь Суздальскаго собора Ананія Θεодоровъ въ Времени. Импер. Моск. Общ. исторіи и древн. росс. 1855, к. XXII, отдѣл. II, стр. 32, 46, 201; П. Строевъ. Списки іерарховъ и настоятелей монастырей росс. д. стр. 656; Н. Оглобинъ. Истор. библиот. 1879. № 8, стр. 30 и др.), согласно съ существующимъ надъ гробницею надписаніемъ, слѣдовательно, нужно относить ко дню его погребенія въ Суздальскомъ

слѣдующаго 1626 года¹⁾, и количество лѣтъ управленія имъ суздальскою епархіею сократить на одинъ годъ, т. е. считать *одинадцать*, вмѣсто двѣнадцати лѣтъ. Основанія для этого у насъ слѣдующія. Въ разсказѣ ключаря Суздальскаго собора Ананія Θεодорова о принесеніи въ Суздаля чудотворной иконы Казанской Божіей Матери, о всенародномъ торжествѣ

соборѣ. День погребенія, 29 апрѣля, и былъ принять въслѣдствіи причтомъ Суздальскаго собора за день памяти блаженной кончины святителя, когда по немъ въ соборѣ совершались и торжественныя панихиды (Времени. 1855, кн. XXII, стр. 33, 46, 201).

¹⁾ Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что архіепископъ Арсеній „въ началѣ 1626 года уволенъ за болѣзнію“ на покой, а скончался уже „29 апрѣля 1630 г.“ (Строевъ П. Списки іерарховъ. стр. 656; Н. Д. Іерарх. всеросійской церкви стр. 76), а нѣкоторые и еще дальше относятъ годъ кончины этого святителя, къ 1634 году, (Историч. библи. 1879 № 8, стр. 29), но основаній или фактическихъ данныхъ не приводится никакихъ у этихъ изслѣдователей. Самымъ сильнымъ аргументомъ въ пользу нашего предположенія, что архіепископа Арсенія не было уже въ живыхъ послѣ 13 апрѣля 1626 года, можетъ служить отсутствіе подписи этого святителя „на утвердительной грамотѣ (1626 г.) росіійскихъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ всеросійскому патріарху Филарету, вновь данной по причинѣ той, что прежняя настоянная грамота іерусалимскаго патріарха Теофана въ, бывшій въ Москвѣ, пожаръ на патріаршемъ дворѣ сгорѣла“. (Собран. госуд. грам. и договор. № 74, стр. 292, 295—296). Мы не сомнѣваемся, что если бы архіепископъ Арсеній былъ уволенъ и на покой, то, какъ живой свидѣтель самаго факта поставленія въ патріархъ Филарета Никитича, онъ несомнѣнно бы скупилъ своею подписью эту „утвердительную грамоту“ 1626 года. Патріархъ Филаретъ, строгій формалистъ, видимо придавалъ большее значеніе даже такому ничтожному факту, что въ числѣ подписавшихся подъ грамотою находился „Іосифъ, благочестивый (?) епископъ владимірскій и берестейскій, который пріѣхалъ изъ литовскаго королевства, а поставленъ Теофаномъ, патріархомъ іерусалимскимъ и всея Палестины“ (Тамъ же стр. 292—293).

Архіеп. елассонскій Арсеній.

по этому случаю 23 ноября 1625 года, о разслѣдованіи архіепископомъ Арсеніемъ, по порученію патриарха Филарета Никитича, относительно чудесъ, бывшихъ въ Суздальѣ отъ этой иконы, и объ установленіи праздника, въ 23 день ноября мѣсяца, на всѣ послѣдующія времена получаютъ нѣкоторыя несообразности. Если архіепископъ Арсеній скончался 29 апреля 1625 года, (о чемъ у того же ключаря Ананія свидѣлствуется неоднократно)¹⁾ то онъ иконымъ образомъ уже не могъ принимать участія въ событіи 23 ноября того же года, а тѣмъ болѣе „прилѣжно и достоверно испытати“ „о бывающихъ отъ образа сего чудесѣхъ“. Даже, и при нашемъ предположеніи относительно кончины сего святителя въ апрѣль 13-го дня 1626 года, съ великимъ трудомъ, можно сказать, — укладываются всѣ перечисленные событія въ четыре мѣсяца, т. е. съ ноября 1625 г. по конецъ марта слѣдующаго года. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, и преемника на суздальской кафедрѣ скончавшемуся святителю мы видимъ лишь въ августъ 1626 года, въ лицѣ злополучнаго архіепископа Юсифа Курцевича (ключарь о. Ананія называетъ его Ардиобѣвичемъ, изъ поляковъ родомъ), ставленника патриарха іерусалимскаго Теофана²⁾. Если принять за годъ кончины святителя 1625-й, то столь продолжительное вдовство (годъ и четыре мѣсяца) суздальской кафедры едва ли можетъ быть мотивировано серьезными въ данное время причинами...

Продолжительное, свыше - сорокалѣтнее служеніе Арсенія, архіепископа елассонскаго, архангельскаго, тверскаго и суздальскаго, ознаменовано было непрерывною его дѣятельностію главнымъ образомъ въ двухъ направленіяхъ: 1) въ его не-

1) Временникъ. Импер. Москов. Общ. истор. и древн. российск. 1855 г., кн. XXII, отд. II, стр. 32, 46, 201, 203.

2) Строевъ П. Списки іерарховъ стр. 656; Собран. госуд. грам. и догов. т. III, № 74, стр. 292—293; м. Макарій. Исторія русск. Церкви т. XI, стр. 79—82; Сп. Временникъ Импер. М. Общ. исторія и древн. росс. 1855, кн. XXII, отд. II, стр. 34.

успѣшной заботливости объ устройствѣ новыхъ церквей и ихъ благоукрашеніи и 2) въ широкой щедрой благотворительности монастырямъ и церквамъ православнаго Востока и нашимъ русскимъ, съ которыми главнымъ образомъ онъ связанъ былъ въ своей жизни служебнымъ положеніемъ. Яркую картину его дѣятельности въ первомъ отношеніи рисуетъ передъ нами составитель житія архіепископа Арсенія, собравшій весьма много интересныхъ фактовъ относительно любви сего святителя къ храмоздательству въ Москвѣ и въ ея окрестностяхъ и въ другихъ мѣстахъ его епископскаго служенія. Такъ какъ большинство сообщаемыхъ имъ данныхъ отличается повизною и имѣетъ несомнѣнный интересъ для археологовъ, изучающихъ московскія и другія русскія древности, то это мѣсто житія мы считаемъ необходимымъ привести здѣсь цѣликомъ въ оригиналѣ съ переводомъ на русскій языкъ. Къ этому насъ побуждаетъ и то, между прочимъ, обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ современныхъ намъ описаніяхъ храмовъ, построенныхъ или возобновленныхъ архіепископомъ Арсеніемъ, честь заботливости и попечительности объ ихъ украшеніи и процвѣтаніи оспаривается и приписывается несправедливо другимъ лицамъ, или же совсѣмъ замалчивается имя ихъ notable реставратора и создателя. Вотъ этотъ отрывокъ житія архіепископа Арсенія въ трапезунтской—Сумелійской рукописи:

(Л. 104 об.) «Ὁὗτος (Ἀρσένιος) πολλὰς ἐκκλησίας ψυχοδόμησεν ἐν Μοσχῶν καὶ ἐν τοῖς ὄρεισι αὐτῆς. Ἐν Μοσχῶν ψυχοδόμησεν ἐκκλησίας τῶν μεγάλων μαρτύρων Θεοδώρων Στρατιλάτου καὶ Τύωνος. Ἐπειτα κατὰ ἀρχαίαν ἀνὰ τὴν ὁδὸν, τὴν ἀγομένην εἰς Τβέρρον καὶ εἰς Νοβοградίον ἐκ βάθρων γῆς ἀνήγειρε μεγάλην ἐκκλησίαν τοῦ Παντοκράτορος Θεοῦ καὶ Σωτήρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, καὶ δύο παρακλήσια ἐκ δεξιῶν αὐτῆς καὶ ἀριστερῶν, τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Νικολάου τοῦ θαυματουργοῦ. Сей (Арсеній) создалъ много церквей въ Москвѣ и въ ея окрестностяхъ. Въ Москвѣ онъ построилъ церковь великихъ мучениковъ Θεοдора Стратилата и Θεοдора Тирона. Потомъ къ сѣверу, по дорогѣ, ведущей въ Тверь и въ великій Новгородъ, съ основанія земли онъ воздвигъ великую церковь въ честь Вседержителя Бога и Спасителя нашего Исуса Христа, и два придела при ней, съ правой и лѣвой сторонъ,

γού και τῶν ἁγίων μεγάλων μαρτύρων Ῥωμανοῦ και Δαβίδ (л. 105), κατακοσμήσας αὐτήν σὺν τοῖς παρακλήσις και τοῖς ἄρτίκοις ¹⁾ ἔσωθεν τε και ἔξωθεν, σκεπάσας αὐτήν και τὰ παρακλήσια σιδήρῳ λευκῷ, και ἐν τῷ προαίῳ αὐτῆς φρέαρ ὕρψε. Και ἐν τῷ Μοσχοβίας, κατὰ ἀνατολὰς εἰς τόπον, λεγόμενον κόλιμα (sic), κατὰ τὴν ὁδόν, τὴν ἀγομένην εἰς Ῥαζάνιον, ἐκκλησίαν ἀνήγειρεν ἐκ βάρων γῆς παναγίας Θεοτόκου Γέννησι, κατακοσμήσας αὐτήν ἔσωθεν τε και ἔξωθεν σὺν τοῖς ἄρτίκοις, και σιδήρῳ κατεκάλυψε τὴν τοῦραν αὐτῆς. Και πέραν τοῦ ποταμοῦ Μοσχοβίας, πλησίον τοῦ (οἰ.) μεγάλου γερφου, κατὰ μεσημβρίαν, κατέναντι τῶν βασιλικῶν παλατιῶν, ὡς τρία τοξοβόλια, ἀνήγειρε μεγάλην ἐκκλησίαν ἐκ βάρων γῆς τοῦ ἁγίου ἐνδόξου μεγάλου μάρτυρος Γεωργίου τοῦ τροπαιοφόρου, κατακοσμήσας αὐτήν ἔσωθεν τε και ἔξωθεν, σκεπάσας αὐτήν και τὸ παρακλήσιον αὐτῆς σιδήρῳ. Και ἐν τῷ οἴκῳ αὐτοῦ, τῷ πλησίον εἰς τὰ βασίλεια, ἔκτισεν ἐκκλησίαν τοῦ ἁγίου μεγαλομάρτυρος Δημητρίου μυροβλήτου, κατακοσμήσας αὐτήν και τὸν ἄρτικαν αὐτῆς ἔσωθεν τε και ἔξωθεν, κατακαλύψας αὐτήν σιδήρῳ λευκῷ. Και κατὰ ἄρκτωριαν μακρὰν ἀπὸ Μοσχοβίας, μίλια ἑκατὸν εἰκοσι, εἰς χώραν, λεγόμενην Ζαβίδα²⁾, (л. 106) ἀνήγειρεν ἐκ βάρων γῆς μεγάλην ἐκκλησίαν, τὴν Κοίτην τῆς πανάγου Θεοτόκου και ἀειπαρθένου Μαρίας, και ὁδο παρακλήσια δεξιὰ και ἀριστερὰ αὐτῆς, τὴν οὐρανὸν τῶν παμμεγίστων ταξιαρχῶν Μιχαὴλ και Γαβριὴλ και πασῶν τῶν ἐπουρανίων δυνάμεων Ἀσωμάτων και τοῦ μεγάλου προφήτου Ἡλιοῦ, κατακοσμήσας αὐτήν και τὰ παρακλήσια αὐτῆς ἔσωθεν τε και ἔξωθεν και τοῦ ἄρτικας αὐτῆς γόρωθεν, και τὰς τοβρ-

иже во святыхъ отца нашего Николая чудотворца и святыхъ великихъ мучениковъ Романа и Давида, украсивши ее съ придѣлами и папертями внутри и внѣ, покрывши ее и придѣлы бѣлымъ желѣзомъ, и въ оградѣ бѣлымъ желѣзомъ, и въ оградѣ бѣлымъ желѣзомъ. Внутри Москвы, на востокъ, въ мѣстѣ, называемомъ заставою, по догору, ведущей въ Рязань, воздвигъ съ основаній земли перковъ Рождества Пресвятыя Богородицы, украсивши ее внутри и внѣ съ папертями, и покрывъ куполъ ея желѣзомъ. По ту сторону Москвы, вблизи большаго моста, на югъ, противъ царскихъ палатъ, на разстоянii трехъ выстрѣловъ изъ лука, воздвигъ съ основаній земли большую церковь святого славнаго велико-мученика Георгія побѣдоносца, украсивши ее внутри и внѣ, покрывши ее и придѣлы ея желѣзомъ. Въ домѣ своемъ, находящимся вблизи дворца, устроилъ церковь святого велико-мученика Димитрія муроточиваго, росписавши ее и паперти ея внутри и внѣ, покрывши ее бѣлымъ желѣзомъ. На сѣверѣ, далеко отъ Москвы, миль сто двадцать, въ деревнѣ, называемой Завида, (?) воздвигъ съ основаній земли большую церковь Успенія прегвѣтыя Богородицы и приснодѣвы Марii, и два придѣла, съ правой и лѣвой стороны ея, во имя собора великихъ чиновачальниковъ Михаила и Гавриила и всѣхъ небесныхъ силъ безплотныхъ, и великаго пророка Илiи, укра-

лас αὐτῆς κατεκάλυψε σιδήρῳ λευκῷ. Και πλησίον ἐκείνης τῆς χώρας Ζαβίδας εἰς χώραν, λεγόμενον Σωτήρα, ἀνήγειρεν ἐκκλησίαν τοῦ μεγάλου Θεοῦ καὶ Σωτήρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ. Ἐποίησε και ἄλλην ἐκκλησίαν (οἰ.) τῶν Ἀρχαγγέλων μακρὰν ἀπὸ Μοσχοβίας, μίλια ἑκατὸν δεκαπέντε, εἰς χώραν, λεγόμενον Νικήτα, και περιέφραξεν αὐτὴν γόρωθεν και δένδρα διάφορα ἐφάρτεσε περί αὐτῆς. Και πλησίον Μοσχοβίας, ὡς πέντε και δεκα στάδια, ἀνήγειρεν ἐκκλησίαν τῶν Ἁγίων Πάντων και κατεκόσμησεν αὐτὴν ἔσωθεν τε και ἔξωθεν, περιέφραξεν αὐτὴν γόρωθεν και δένδρα διάφορα ἐφάρτεσε περί αὐτῆς, και πλησίον αὐτῆς Ἰμνην(ν) ἐποίησε, και φρέαρ ἀνώροξε πλησίον ἐμπροσθεν τῆς πόλης αὐτῆς. Ταῦτα πάντα ἐποίησεν ἐν ἐν τῷ φανερῷ, τὰ δὲ κρύφια τῆς καρδίας αὐτοῦ Κυρίου οἶδε. Και κατὰ ἀνατολὰς Μοσχοβίας ἕως μίλιον ἑν, ἀντιπέρα (л. 107) τοῦ ποταμοῦ Γιάγουσα, εἰς τὴν μεγάλην μονὴν τῆς ἀχειροποιήτου εἰκόνας τοῦ Κυρίου και Θεοῦ και Σωτήρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, τὴν ἐπονομαζομένην Ἀνδρονίκου, πολλὴν καλλιέργησεν αὐτῆς τὴν ἐκκλησίαν τοῦ Ἀρχιστρατήγου Μιχαὴλ τὸ ἐν ταῖς Χώραις θαύμα, καλλιέργησε και εὐτέρισε και τὴν μεγάλην τραπεζαν, παλαιὰν και σκοτεινὴν οὖσαν, και τὸν ἄρτικαν αὐτῆς τῆς τραπεζῆς ἔξωθεν ἐποίησεν, ἐπάνωθεν ἀτουλῶν μαρμάρων, και γόρωθεν παραθήρια πολλὰ, κτὶ καλῶς ἐσκεπάσε, και γόρωθεν τε και ἄνωθεν ἐστόρησε, και τὴν σκάλαν, παλαιὰν οὖσαν και χαλασμένην, καλῶς οἰκοδόμησε, κτὶ τὸ χαμπανάριον, ἀπὸ τῆς μέσης και ἀπάνω (οἰ.) πρόπυρον εὐλίον ὄν, αὐτὸς πέτρινον ἔκτισε και ὑψηλότερον ἐποίησε, και σιδήρῳ λευκῷ ἐσκεπάσε, και τίμιον και ζωποῖον σταυρὸν ἐπάνω ἔβαλεν.

сивши ее и придѣлы ея внутри и внѣ и паперти ея кругомъ, и купола ея покрывъ бѣлымъ желѣзомъ. Вблизи той мѣстности Завидас, въ мѣстечкѣ, называемомъ Стаское, устроилъ церковь во имя великаго Бога и Спасителя Нашего Иисуса Христа. Выстроилъ и другую церковь во имя Архангеловъ далеко, въ ста-пятнадцать мильхъ отъ Москвы, въ мѣстечкѣ, называемомъ Никитское, окружилъ ее оградою кругомъ и насыдилъ около нея различныя деревья. Вблизи Москвы, около 15 стадii, воздвигъ храмъ въ честь Всѣхъ Святыхъ и украсилъ его внутри и внѣ, обнесъ его кругомъ оградою и вокругъ него насыдилъ различныя деревья; вблизи его устроилъ прудъ и вырылъ недалеко колодезь, предъ вратами его. Все это онъ сдѣлалъ явно, тайная же сердца его отдастъ Господь. На востокъ отъ Москвы около одной мили, по ту сторону рѣки Лузы, въ большомъ монастырѣ нерукотвореннаго образа Господа и Бога и Спаса Нашего Иисуса Христа, называемомъ Андрониковскимъ, съ великимъ искусствомъ устроилъ церковь во имя чуда архистратига Михаила въ Хонѣхъ, украсилъ и возстановилъ большую трапезу, бывшую веткою и темною, и наренкѣ этой трапезы устроилъ внѣ, вверху мраморныхъ колоннъ, и кругомъ пробилъ много оконъ, прекрасно покрывъ ее, и кругомъ и вверху росписалъ живописью и лѣстницу, бывшую веткою и разрушенною, прекрасно устроилъ, и колокольную, бывшую прежде отъ середины до верха

¹⁾ Слова: ἄρτικον и τὸν ἄρτικα въ этой рукописи употребляются въ значенiи вѣнчикъ и вѣнчикъ—наренкѣ, паперть, притворъ.

²⁾ Не можемъ передать по-русски названiй—Ζαβίδα и Ζαβιδας.

Καὶ εἰς τὸ Τβέριον ἐν τῇ ἀρχιεπισκοπῇ τὴν μεγάλην ἐκκλησίαν τὴν Μεταμόρφωσιν τοῦ μεγάλου Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, καὶ αὐτὴν ὄσαν καὶ πεσοῦσαν καὶ διεφθαρμένην τε, ἔρημον καὶ ἀψάλτον καὶ ἀλειτούργητον ὑπάρχουσαν ἐπέδεικναι τῶν εἰκοσι πέντε χρόνων, αὐτὸς ἔκτισε καὶ ἀνεχάτισε καὶ ἐκπέσασεν αὐτὴν καὶ τὰ παρακλήσια αὐτῆς τέσσαρα ὄντα τὰ ἑξῆς τῆς πανάγου Θεοτόκου καὶ ἀειπαρθένου Μαρίας καὶ τῶν ἁγίων καὶ πανευφύμων ἀποστόλων (α. 108) Πέτρου καὶ Παύλου καὶ τῶν λοιπῶν, καὶ τοῦ ἁγίου ἐνδόξου μεγαλομάρτυρος Δημητρίου τοῦ μοροβλήτου, καὶ τοῦ ἁγίου Μιχαὴλ κνέση Ἱεροσολᾶβα τοῦ θαυματουργοῦ, καὶ γέρωθεν ἄδικα αὐτῆς οὐν τοῖς παρακλησίαις ἐσκέπασε καὶ ἐκαλλώπισε, καὶ αὐξήσε πλέον τὸ πρότερον, καὶ εὐτρέπισε καὶ ἐγκαινίασεν αὐτὴν τὴν μεγάλην ἐκκλησίαν τοῦ μεγάλου καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ καὶ τὰ παρακλήσια αὐτῆς, καὶ ἐπρόσταξε τὸν πρωτοπαπᾶ καὶ τοὺς ἱερεῖς αὐτῆς, καὶ τὸν πρωτοδιάκονον, καὶ ἱεροδιάκονον καὶ κληρικούς, καὶ ψάλτας, καὶ ἀναγνώστας ψάλλειν καὶ ἱερουργεῖν ἐν αὐτῇ καὶ ἐν τοῖς παρακλησίαις (106.) αὐτῆς καθ' ἑκάστην καὶ ἀκαταπαύτως, (καὶ) διημερῶς 1). Καὶ μετὰ τὸ συμ-

дервянную, онъ выстроилъ изъ камня и сдѣлалъ ее выше, и покрывъ бѣлымъ желѣзомъ, и поставилъ на ней честный и животворящій крестъ 1).

И въ Тверской архіепископни соборную церковь во имя Преображенія великаго Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа древнюю, пришедшую въ упадокъ, разрушенную и опустѣваю, остававшуюся къ тому же двадцать пять лѣтъ безъ пѣвня и богослуженія, онъ устроилъ и возобновилъ, и покрывъ ее четыре ея предѣла — во имя введенія во храмъ пресвятыя Богородицы и приснодѣвы Маріи, и святыхъ и славныхъ апостоловъ Петра и Павла и прочихъ апостоловъ, и святого славнаго великомученика Димитрія муроточиваго, и святого князя Михаила Ярославича чудотворца; наперти ея кругомъ съ предѣлами покрывъ и украсилъ, и увеличилъ значительно съ прежнимъ; отстроилъ и возобновилъ великую церковь Спасителя Нашего Иисуса Христа и придѣлы ея, и назначилъ къ ней протопопа, священниковъ, протодіакона, іеродіакона, клириковъ, пѣвцовъ и чтецовъ, чтобы они пѣли и священнодѣйствовали въ ней и въ при-

πληρώσα αὐτὴν τὴν μεγάλην ἐκκλησίαν καὶ τὰ παρακλήσια αὐτῆς, ἔζησεν οὖν ἐκείσε ἐν τῇ ἀρχιεπισκοπῇ οὐ πολὺν χρόνον.

дѣлахъ ея каждый день немолчно и непрерывно. Послѣ возобновленія этой великой церкви и предѣловъ ея, онъ прожилъ тамъ на архіепископни немного времени.

Обстоятельный составитель житія архіепископа Арсенія, къ глубокому сожалѣнію, ничего намъ не сообщаетъ о храмоздательствѣ и благоуукрашеніи храмовъ этимъ архіепископомъ на суждальской каедрѣ, а между тѣмъ изъ другихъ источниковъ мы знаемъ достоверно, что дѣятельность его въ этомъ направленіи и здѣсь не прекращалась. Суждальскаго собора ключарь о. Ананія Θεодоровъ въ своемъ „Историческомъ собраніи о Богоспасаемомъ градѣ Суждалѣ, о построеніи и о именованіи его, и о бывшемъ прежде въ немъ великомъ княженіи, и о прочемъ къ тому потребномъ, ради любопытныхъ, собранное изъ различныхъ показаній въ кратцѣ“ сообщаетъ намъ, хотя и въ общихъ чертахъ, нѣкоторыя свѣдѣнія и по интересующему насъ вопросу. „Отъ случившагося граду Суждалю, не токмо немалому разоренію отъ Поляковъ и Литвы, по кончинѣ благочестивѣйшаго великаго государя царя и великаго князя Θεодора Ивановича, самодержца всероссійскаго, даже до царства благочестивѣйшаго великаго государя царя и великаго князя Михаила Θεодоровича, самодержца всероссійскаго; о чesомъ сверхъ лѣтописцевъ явствуютъ многія письменныя представленія благочестивѣйшему великому государю царю и великому князю Михаилу Θεодоровичу, самодержцу всероссійскому, и святѣйшему патріарху Филарету Никитичу, отъ бывшихъ во оное и по ономъ разореніи въ Суждалѣ

арх. Макарію эту реставрацію Тверскаго каедральнаго собора приписываетъ архіепископу тверскому *Василію II*, вступившему на каедру въ 1623 году. Житіе и страданіе св. благовѣрнаго князя Михаила Ярославича, тверскаго чудотворца, составленное въ 1765 г. Ркн. Типограф. библ. № 1512—1513 л. 80 об.; См. изд. свящ. *А. Соколова* «Св. благовѣрный князь Михаилъ Ярославичъ тверскій». Тверь 1864 стр. 123—124.

1) Составитель „Историческаго описанія Московскаго Спасо-Андроніевскаго монастыря“ (М. 1865 г.) относитъ постройку Архангельской церкви къ концу XVII в. и создательницею ея называетъ царьцу Евдокію Θεодоровну изъ рода Долупниныхъ (стр. 48), а братскую трапезу считаетъ построенною въ 1504 г., по повелѣнію великаго князя Ивана Васильевича, при архимандритѣ Митрофанѣ, и съ тѣхъ поръ будучи „сохранившеюся до нашего времени“ (стр. 24). Надъ колокольнею башня съ главою и часами, по Описанію, была разобрана въ 1795 г. (стр. 63), предъ ея перестройкою зацово купцомъ С. П. Васильевымъ (стр. 65).

2) Выше мы уже забыли, что ректоръ Тверской семинаріи

преосвященных Герасима архіепископа, *Арсенія архіепископа*, Иосифа архіепископа. Въ которыхъ представленіяхъ показано, что многія святыя церкви всеконечно отъ литовскихъ людей и отъ русскихъ воровъ быша осквернены, и престолы святые разорены, и церковное украшеніе, колокола и книги поиманы... И не токмо то чинено по селамъ и деревнямъ, но и изъ Суждальскія соборныя церкви, и изъ дому архіерейскаго немалое бысть похищеніе святымъ древнимъ иконамъ и всякой церковной богатой утвари и ризницъ... Къ тому жъ и отъ бывшихъ въ градѣ Суждалѣ, неоднократныхъ пожаровъ, а наипаче въ 7085 году великаго пожара, о которомъ показуется въ грамотахъ за руками преосвященныхъ, Варлаама епископа и *Арсенія архіепископа*, суждальскихъ и торусскихъ, въ которой пожаръ не токмо строеніе деревянное въ соборной церкви и въ домѣ архіерейскомъ марта 25 дня погорѣ безъ остатку, но и въ каменныхъ кладовыхъ въ домѣ архіерейскомъ палатахъ древнія грамоты и писма погибша¹⁾. И такъ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что архіепископъ Арсеній и на суждальской кафедрѣ немало старался о храмоздательствѣ и благоуукрашеніи мѣстныхъ церквей.

Что же касается другой стороны дѣятельности архіепископа Арсенія—его благотворительности въ собственномъ смыслѣ, то здѣсь мы должны просить снисхожденія у своихъ читателей, такъ какъ не надѣемся представить ее въ столь яркой картинѣ, какую намъ далъ составитель житія сего архіепископа въ первомъ отношеніи. Когда количество фактовъ, рисующихъ эту сторону дѣятельности архіепископа Арсенія, накопится въ исторической литературѣ гораздо болѣе²⁾, чѣмъ какое намъ извѣстно въ настоящее время, то мы не со-

¹⁾ Времен. Импер. М. обществ. исторія и древн. російск. 1855 гн. XXII, отд. П, стр. 120—121.

²⁾ Доказательствомъ этого можетъ служить извѣстіе, полученное нами въ письмѣ съ св. Аѳонской горы отъ 2 декабря 1897 г.

мнѣваемся, что личность нашего архіепископа и въ этомъ отношеніи получить болѣе рельефное освѣщеніе, и орсолю его добродѣтелей засіяетъ болѣе яркимъ блескомъ, въ настоящее же время мы ограничимся лишь простымъ указаніемъ на тѣ факты его благотворительности, какіе сдѣлались намъ извѣстны.

На первыхъ порахъ своего пребыванія въ Россіи, послѣ отъѣзда патріарха Іеремія, архіепископъ Арсеній, какъ и слѣдовало ожидать, поддерживалъ съ Востокомъ, гдѣ онъ родился, воспитался и началъ свою службу, самыя живыя и постоянныя сношенія. Патріархъ константинопольскій Рафаилъ П (1603—1607 г.) черезъ Θεодосія, архіепископа амиклон-

Нашъ глубокоуважаемый корреспондентъ о. Матвей, бібліотекаръ русскаго Пантелеимоновскаго монастыря, сообщилъ намъ, что великимъ постомъ прошлаго 1896 года посѣтилъ Аѳонскую гору нашъ генеральный консулъ въ Солуни *Николай Александровичъ Иларіоновъ*. Въ бытность свою на св. Горѣ, онъ, между прочимъ, побывалъ и въ знаменитой Ватопедской обители, старца которой, въ „знакъ особеннаго къ нему уваженія, дали ему древнюю икону Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы хорошаго письма. На оборотѣ иконы есть „запись“ чернилами, повидному, самого Арсенія славословаго... Запись уже съ трудомъ читается... А такъ какъ г. Иларіоновъ—москвичъ, то, по особымъ отношеніямъ арх. Арсенія къ Москвѣ, разумеется, ему особенно былъ пріятенъ даръ Ватопе цевъ. Икону эту г. Иларіоновъ повезъ теперь въ Москву къ своей сестрѣ“. Выше всякаго сомнѣнія, икона эта была подарена въ Ватопедскій монастырь архіепископомъ Арсеніемъ, въ бытность его въ Москвѣ, но въ какомъ году и при какихъ обстоятельствахъ—все это остается для насъ въ неизвѣстности, такъ какъ нашъ корреспондентъ не сообщилъ намъ текста надписи на иконѣ, возвратившейся теперь въ тотъ городъ, изъ котораго она была направлена жертвователемъ въ Ватопедскую обитель. Не сомнѣваемся мы, что арх. Арсеній дѣлалъ пожертвованія и въ другіе аѳонскіе монастыри, изъ которыхъ весьма часто въ его время пріѣзжали иконы въ Москву за царскою милостынею.

скаго, въ 1604 г., на ряду съ письмами къ царю и патриарху Юву шлеть письмо и къ архіепископу Арсенію ¹⁾, который, благодаря своей близости ко двору, былъ покровителемъ для своихъ соотечественниковъ и уже несомнѣнно руководителемъ и посредникомъ въ ихъ сношеніяхъ съ высшими русскими духовными и свѣтскими лицами, не знавшими греческаго языка. Самымъ убѣдительнымъ свидѣтельствомъ такого значенія архіепископа Арсенія въ Россіи служить вышеприведенный рассказъ очевидца о служеніи патриарха Теофана въ 1619 году въ Москвѣ съ русскими епископами. Отсюда, при столь непосредственномъ и живомъ общеніи съ представителями православнаго Востока, пріѣзжавшими въ Москву за милостынею и проживавшими въ ней подблгу, архіепископъ Арсеній не порывалъ продолжительное время своихъ связей съ Востокомъ и, зная его нужды, по мѣрѣ своихъ силъ и средствъ, старался благотворить ему.

Самыя раннія изъ извѣстныхъ намъ пожертвованій архіепископа Арсенія относятся къ 1589 году, и они были направлены имъ въ родную Фессалію, въ метеорскіе монастыри. Передатчикомъ этихъ пожертвованій, нужно полагать, былъ „метеорской горы архимандритъ *Дамаскинъ*“, пребывавшій въ Москвѣ и въ 1590 году ²⁾. Съ нимъ архіепископъ Арсеній послалъ въ метеорскій монастырь „Варлаамъ“ икону ³⁾ „Божіей матери Владимірскія, въ мѣдномъ золоченомъ окладѣ, украшенномъ по мѣстамъ эмалью. Вънецъ съ дорогими камнями. Подпись на серебряной пластинкѣ съ голубую финифтью: „*Ἀρσένιος ἀρχιερεὺς 1589*“.

¹⁾ Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ ч. I, стр. 318.

²⁾ Тамъ же стр. 244.

³⁾ Арх. Порфирій указываетъ въ ризницѣ этого монастыря иконы русскаго письма: Спасителя подъ слюдю, двѣ Богоматери, Еммануила, трехъ святителей и св. Николая чудотворца, будто бы „написанныя въ 1631 году“, или, по другому его выраженію, „пожертвованныя въ 1631 году, проживавшимъ въ Москвѣ, славонскимъ архіепископомъ Арсеніемъ“

На иконѣ имѣется и болѣе обстоятельная дарственная запись: „*Ταπεινὸς ἀρχιεπίσκοπος Ἑλλάσσόνος στέλλω τὴν παροῦσαν εἰκόνα εἰς τὸ μοναστήριον Βαρλαάμ ἀπὸ Μασχοβίας, διὰ ψυχικὴν μου σωτηρίαν*“ ¹⁾. Въ главный же метеорскій монастырь Спаса-Преображенія Господня были отправлены архіепископомъ Арсеніемъ, въ томъ же году, двѣ иконы „съ серебрянными окладами по краямъ, отличнаго письма“: Покрова Пресвятой Богородицы ²⁾ и, такъ называемый, Деисусъ или *Δέσις* (икона небольшого размѣра). На иконѣ Покрова Божіей Матери, на задкѣ, имѣется вкладная запись жертвователя: „*Ἀρχιεπίσκοπος Δημοσίου καὶ Ἑλλάσσόνος Ἀρσένιος στέλλω τὴν παροῦσαν εἰκόνα εἰς τὴν σεβασμίαν μεγάλην μονὴν τοῦ μεγάλου Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ ἐν τῷ Μετεώρῳ, διὰ ψυχικὴν μου σωτηρίαν, ἀπὸ Μασχοβίας, ἔτους 1589*“ ³⁾.

(Путешествіе въ метеорскіе и осолимпійскіе монастыри въ Фессаліи въ 1859 г. стр. 201, 207), но это все—неточности арх. Порфирія, на котораго былъ такъ щедръ покойный ученый. Оказывается, что икона *Εμμανουίλα* пожертвована въ монастырь дѣйствительно въ 1631 году, но жертвователемъ ея былъ *Сергій іеромонахъ*, путешествовавшій за милостынею въ Россію въ 1629 году (Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ ч. II, стр. 70), о чемъ свидѣтельствуетъ и слѣдующая надпись на иконѣ: „*Ἀφιερῶθη ἡ παροῦσα εἰκόνα εἰς τὴν σεβασμίαν μονὴν τῶν Ἁγίων Πάντων, τὴν ἐν στήλλῳ Βαρλαάμ, ἀπὸ Μασχοβίας τῆς μεγάλης Ῥωσσίας, ἡδ. ἰδ. ἐπὶ ἔτη 1631 διὰ συνδρομῆς Σεργίου ἱερομονάχου*“ (Арх. Антоній. Изъ Румелии стр. 360, прим. 1) Икона св. Николая съ годомъ 7161=1651 (Тамъ же, стр. 360). Слѣдовательно, обѣ эти иконы иконимъ образомъ не могутъ быть связаны съ именемъ архіепископа Арсенія, скончавшагося въ 1626 году въ Суздаль.

¹⁾ Арх. Антоній. Изъ Румелии стр. 360, прим. 2.

²⁾ Тамъ же стр. 391, прим. 1 Арх. Антоній въ изображеніи не нашелъ ничего *русскаго* и замѣтилъ такъ: „въ обители *Ιωασαφα*“ русскимъ духомъ“ не пахнетъ“.

³⁾ Архим. Порфирій. Путешествіе въ метеорскіе и осолимпійскіе монастыри въ 1859 г. стр. 435, 162.

Въ 1594 году архіепископъ Арсеній пожертвовалъ въ Преображенскій монастырь на Синайской горѣ¹⁾ храмовую икону довольно хорошаго письма, съ слѣдующею надписью на задней сторонѣ иконы: „Ταπεινὸς ἀρχιεπίσκοπος Ἐλασσόνος καὶ Δημονίου Ἀρσένιος στέλλω τὸ παρὸν ἅγιον εἰκόνημα τὴν θείαν Μεταμόρφωσιν τοῦ μεγάλου Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ εἰς τὴν σεβασμίαν καὶ βασιλικὴν μεγάλην Αὐτοῦ μονήν, τὴν ἐν τῷ ἁγίῳ θεοβαδίστῳ ὄρει Σινᾷ, ἀπὸ τῆς ὀρθοδόξου μεγαλοπόλεως Μοσχοβίας τῆς μεγάλης Ῥωσσίας, διὰ ψυχικὴν μου σωτηρίαν. Μηνὶ Ἰουνίῳ Ϲρβ'—1594“²⁾. По бокамъ иконы имѣется подобная же надпись греческая, но написанная русскими буквами, съ упоминаніемъ имени архіепископа Арсенія.

Въ 1596 году архіепископъ Арсеній тщательно и прекраснымъ почеркомъ написалъ большое напрестольное Евангеліе³⁾, украсивъ его, какъ кажется собственноручно, и многочисленными, художественно исполненными, мнѣвтюрами⁴⁾. Въ концѣ рукописи (л. 515) имѣются на это доказательства, въ видѣ стихотворной приписки ямбическаго размѣра слѣдующаго содержания:

„Θεοῦ τὸ δῶρον καὶ Ἀρσενίου πόνος,
Καὶ ἀρχιθύτης τοῦ θρόνου Ἐλασσόνος.

¹⁾ См. нашу книгу: „Путешествіе по востоку и его научные результаты“ Кіев. 1890 г., стр. 83.

²⁾ „Я, смиренный архіепископъ елассонскій и Демоника, Арсеній, посылаю настоящую святую икону Божественное Преображеніе великаго Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа въ досточтимую и царскую Его обитель, находящуюся на святой Божественной Синайской горѣ, изъ православнаго великаго града Москвы великаго Россіи, ради душевнаго моего спасенія. Мѣсяца іюня 1594 г.“

³⁾ Подробное описаніе этого евангелія см. у А. Παπαδοπούλου-Κεραμέως. Ἱεροσολιτικὴ βιβλιοθήκη. Ἐν Πετροῦπ. 1897 ετ. τ. γ'. σελ. 200—203.

⁴⁾ Благодаря нѣкоторому сходству этого Евангелія съ Евангеліемъ

Χεῖρ σήπεται γράψασα τὴν βίβλον ταύτην,
ἀλλ' ἦδε βίβλος εἰς τὸν αἰῶνα μένει“¹⁾.

Евангеліе это, написанное въ Москвѣ, предназначалось жертвователемъ въ лавру пр. Саввы Освященнаго²⁾, близъ Іерусалима, на поминъ умершихъ родителей и братьевъ его. Волю свою арх. Арсеній выразилъ въ слѣдующей стихотворной припискѣ³⁾:

„Τέρμα ἢ δέλτος εἴληφε τῇ ἕκτῃ τοῦ Μαρτίου,
Διὰ χειρὸς Ἀρσενίου τάχα καὶ ἀρχιθύτου,
Τῆς θεοσώστου πόλεως, φημί τοῦ Ἐλασσόνος,
ὅπ' οὐδὲν αἰεὶ εὐρίσκειται πλησίον τῆς Ἐλλάδος,
Ἐπτὰς χιλιάδος τε ἑκατοστοῦ τετάρτου,
Ἄπ' εἰς ἀρχῆς συστάσεως καὶ σύμπαντος τοῦ κόσμου,
Ἐν πόλει Μοσχοβία τε μεγάλης τῆς Ῥωσσίας,
Τὰ σκηπτρα μὲν ἰδύοντος ἐκείνης βασιλείας,
Θεόδωρος ὁ βασιλεὺς ὁ αὐτοκράτωρ μέγας,

царя Бориса, подареннымъ въ 1696 г. въ храмъ Воскресенія Христова, въ Іерусалимѣ, и несомнѣнно тоже приготовленнымъ въ Москвѣ (Аὐτοῦ. σελ. 219—223), высказываемъ, въ видѣ предположенія, мысль о возможности написанія для царя Бориса и этого Евангелія рукою того же трудолюбиваго иконографа, Арсенія, архіепископа елассонскаго. Для полнаго убѣжденія не достаётъ намъ образчика письма изъ перваго Евангелія, писаннаго арх. Арсеніемъ и подареннаго въ лавру преп. Саввы Освященнаго, чтобы сличить съ листомъ евангелиста Іоанна изъ Борисовскаго евангелія, напечатаннымъ г. Керамевсомъ (Аὐτοῦ. σελ. 221).

¹⁾ Даръ Божій и трудъ Арсенія, архіерея киевскаго елассонской. Рука, написавшая эту книгу, сгниетъ, но сія самая книга останется во вѣки.

²⁾ Нынѣ эта рукопись почему-то составляетъ достояніе *скевофилакіи при храмѣ Гроба Господня* (А. Παπαδ. Κεραμέως Ἱεροσολ. βιβλ. τ. γ'. σελ. 139, 200—203).

³⁾ Въ этой припискѣ цѣлыя строфы взяты архіепископомъ Арсеніемъ изъ своего, въ ту пору новаго, поэтическаго произведенія: «Κόποι καὶ διατριβὴ τοῦ ταπεινοῦ ἀρχιεπισκόπου Ἀρσενίου γράφει καὶ τὴν προβίβαν τοῦ πατριάρχου Μοσχοβίας» Слич. по Ζαμπел. σελ. 40, 45, 56 и др.

Вλαντιμερίου, Μοσχόβου καὶ πάσης Ἀρχτωρίας.
 Καὶ πέμφθη εἰς μνημόσυνον ἐμοῦ καὶ τῶν γονέων,
 Καὶ ἀδελφῶν μου σαρκικῶν ἀρχιερομονάχων.
 Θεόδωρος ὁ ἱερεὺς ὑπῆρχεν ὁ πατήρ μου,
 Καὶ Χριστοδοῦλη ἡ μήτηρ μου, καὶ πάλιν ἀδελφοί μου.
 Ἰωάσαφ μὲν ὁ τῶν Σταγῶν, Μάρκος Δημητριάδος,
 Ἀθανάσιος, Παχώμιος, τῶν ἱερομονάχων κλέος.
 Εἰς σεβασμίαν τὴν μονὴν Σάββα Ἠγιασμένου,
 Τὴν ἐν τῇ Παλαιστίνῃ τε πλησίον Ἰορδάνου,
 Εἰς δόξαν Πατρὸς καὶ τοῦ Υἱοῦ καὶ Πνεύματος Ἁγίου,
 Τῆς τρισηλίου τῆς σεπτῆς Τριάδος ἀχωρίστου¹⁾.

Въ 1599 году вторично было отправлено архіепископомъ Арсеніемъ пожертваніе въ обитель Всѣхъ святыхъ, называемую „Варлаамъ“, близъ Метеора, состоящее изъ „серебряннаго блюда, въ срединѣ котораго на выпуклости, позолоченной и накрытой хрусталемъ, изображена Богоматерь съ Младенцемъ у персей ея“. На блюдѣ вырѣзана надпись жертвователя слѣдующаго содержания: „Ταπεινός²⁾ ἀρχιεπίσκοπος

1) Эта книга окончена быстро, 6 марта, рукою Арсенія, архіерея богоспасаемаго града Елассона, который находится и существуетъ вблизи Элады, въ 7104=1599 году отъ начала существованія всего міра, въ городѣ Москвѣ великой Россіи, когда скипетръ этого царства держалъ (въ своихъ рукахъ) царь Θεόδωρ, великій самодержецъ владимірскаго, московскаго и всего сѣвера. И послана ☩она на поминовеніе мени и моихъ родителей, и плотскихъ моихъ братьевъ іеромонаховъ. Священникъ Θεόδωρъ былъ моимъ отцемъ, Христоδουла — моею матерью, и снова братьями моими — Ιωασαφ, епископъ стагоновскій, Маркъ, епископъ Δημητριάδος, Αθανασίη и Παχομίη — слава іеромонаховъ. (Послана книга) въ честную обитель Саввы Освященнаго, находящуюся въ Палестинѣ, вблизи Иордана, во славу Отца и Сына и Святаго Духа, трисятельныя святія нераздѣлимая Троицы.

2) Я, смиренный архіепископъ елассонскій и архангельскій великой Москвы, Арсеній, посылаю настоящае блюдо въ монастырь Всѣхъ Святыхъ, называемый «Варлаамъ», вблизи Метеора, изъ великой Россіи, 7107=1599г.

Ἐλασσόνος καὶ τῶν Ἀρχαγγέλων τῆς μεγάλης Μοσχολίας Ἀρσένιος στέλλω τὸ παρὸν δίσκον εἰς τὴν μονὴν τῶν Ἁγίων Πάντων, τὴν ἐπονομαζομένην Βαρλαάμ πλησίον Μετεώρου, ἀπὸ μεγάλης Ῥωσσίας, ζρζ' = 1599¹⁾.

Въ томъ же году сдѣланъ былъ другой вкладъ архіепископомъ Арсеніемъ, но уже къ мѣсту своего новаго служенія, т. е. въ Архангельскій московскій соборъ. Вкладъ состоялъ изъ Службника виленской печати 1598 года²⁾, на которомъ жертвователемъ было сдѣлано нѣсколько соответствующихъ надписей. „Ταπεινός ἀρχιεπίσκοπος Ἐλασσόνος καὶ τῶν Ἀρχαγγέλων τῆς μεγάλης Μοσχολίας Ἀρσένιος, ἀφιέρωσα τὴν παροῦσαν θείαν καὶ ἱερὰν λειτουργίαν εἰς τὸν μέγαν ναὸν τῶν παμμεγίστων ταξιαρχῶν Μιχαήλ καὶ Γαβριήλ, τὸν πλησίον εἰς τὰ βασιλεῖα τῆς μεγάλης Ῥωσσίας, ὅπου εἰσὶ καὶ οἱ τάφοι τῶν μεγάλων βασιλέων καὶ μεγάλων κνεζίδων πάσης μεγάλης Ῥωσσίας³⁾ ζρζ' = 1599“ (л. 13—16). Эта надпись рукою архіепископа Арсенія была написана по листамъ на первой тетради даннаго Службника, внизу. Тамъ же на слѣдующей тетради — и русская его подпись, которая читается такъ: $\overline{\text{лѣ}} \overline{\text{з}} \overline{\text{з}}$ го $\overline{\text{лѣ}}$ сию книгѣ сдѣжанѣи к келікомѣ архіератигѣ Михаилѣ пріѣцины архіепіпѣ Арсеніи⁴⁾. а имя мена поминати $\overline{\text{з}} \overline{\text{з}}$ лѣтѣ. (л. 17—23). Въ разное время

1) *Арх. Порфирій*. Путешествіе въ метеорскіе и осолимпійскіе монастыри въ Θεσσαλίи въ 1859 г., стр. 207, 199—200, 440.

2) *Арх. Леонидъ*. Библиографическая замѣтка о службникахъ виленской печати XVI в. (Памятники древней письменности 1881, XI в., стр. 17.

3) Я, смиренный архіепископъ елассонскій и архангельскій великой Москвы, Арсеній, пожертвовалъ настоящую божественную и священную литургію въ кафедральный храмъ великихъ чиноначальниковъ Михаила и Гавріила, вблизи дворца великой Россіи, гдѣ находятся гробы великихъ царей и великихъ князей всея великия Россіи, 7107 = 1599 г.

4) Въ Службникѣ за пятою просфорюю (за упокой) положено поминать: Арсеніа архіереа, Θεόδωρα ἱερέα (отца его) (л. 38).

послѣ, различными почерками, но рукою жертвователя были сдѣланы двѣ другія надписи: а) Смирненнѣи архієпископъ Арсеніи τερικί и κάσινικί грічанинъ б) и сѣдальскіи и чарѣккі. [и прѣ архангелскіи грічанинъ (л. 107). Въ началѣ Служебника, на чистыхъ выходныхъ листахъ, написаны на греческомъ языкѣ чины хиротоніи въ чтеца, пѣвца и свѣщеносца, въ иподiakона, diaкона и іерея. По-славянски переведена лишь молитва: „Божественная благодать“. Настоящій Служебникъ¹⁾ изъ Архангельскаго собора нынѣ переданъ въ Московскую Синодальную бібліотеку и хранится здѣсь подъ № 610 (по дополнительному каталогу 1862 г.).

Въ 1603 году архієпископъ Арсеній отправилъ въ константинопольскую патриархію собственноручную рукопись извѣстнаго монемвасійскаго митрополита Героея²⁾, писанную имъ частию (до 193 листа) въ Москвѣ (ἐν ἔτει ζ4ζ' = 1588 σепτεμβρίῳ ιζ'. ἡμέρᾳ γ'. + Ὁ Μονεμβασίας Ἱεροῦθεος ἐν Μοσχουβία), а частию (съ 197—396 об.) въ Молдавіи, на пути изъ Москвы въ Константинополь (Ἱεροῦθεος ὁ Μονεμβασίας ἐν ἔτει ζ4θ' = 1591 Ἰουνίῳ ι'. κατηρχόμενος ἐκ Ρωσσίας). Жертвователь снабдилъ рукопись слѣдующею припискою: „Ὁ ταπεινὸς ἀρχιεπίσκοπος Ἐλασσόνος καὶ τῶν Ἀρχαγγέλων τῆς μεγάλης Μοσχουβίας Ἀρσένιος στέλλω τὸ παρὸν βιβλίον, τὸ ὅποιον εἶναι γράμματα οἰκειόχειρα τοῦ σοφωτάτου μητροπολίτου Μονεμβασίας κῆρ Ἱεροῦθεοῦ, εἰς τὸ πατριαρχεῖον τῆς Κωνσταντινουπόλεως, ἵνα εὐρίσκηται αὐτὸ κτῆμα ἀπαρασάλευτον τῆς μεγάλης ἐκκλησίας, διὰ μνημόσυνον αὐτοῦ καὶ ψυχικὴν σωτηρίαν, παρὰ μηδενὸς ἀποξενομένου

¹⁾ Подробное описание Служебника съ факсимиле почерка руки арх. Арсенія и съ хромолитографическимъ снимкомъ первыхъ страницъ Служебника 1598 г. см. у арх. Леоніда въ Памятникахъ древней письменности 1881, IX, въ приложенияхъ къ стат. ъ.

²⁾ Подробное описание этого кодекса № 111 сдѣлано А. Папад.-Кераи. въ «Ἱεροσολυμιτικὴ βιβλιοθήκη» ἐν Πετροῦπ. 1891, т. α'. σελ. 194—197.

αὐτὸ ἐν βάρει αὐτοῦ ἀφορισμοῦ, ζρια' = (1602—1603 г.)¹⁾. Въ 1604 году свою посылку архієпископъ Арсеній могъ отправить въ Константинополь, или съ митрополитомъ христіанопольскимъ Симеономъ, или съ мослискимъ епископомъ Каллистомъ, или даже съ старцами св. Аѳонской горы, приѣзжавшими за милостынею въ Россію²⁾. Какъ видно изъ позднѣйшей приписки на рукописи, сдѣланной рукою извѣстнаго ученаго іерусалимскаго патриарха Досіея, воля жертвователя не была исполнена точно владѣльцами ея, и рукопись эта, путемъ перепродажи, прошла черезъ нѣсколько рукъ и попала, наконецъ, къ патриарху Досіею, который въ 1674 году подарилъ ее въ бібліотеку святого Гроба Господня. Вотъ эта приписка 1674 года: „Ἄλλ' οἱ καλοὶ προσεστότες τῆς τοῦ πατριαρχείου Κωνσταντινουπόλεως τοῦτο ἀπεμπολήσαντες, ἠγώρασε αὐτὸ τὸ ἐν πολλῶν χερσὶ μεταπεσεῖν ὁ Παναγιώτης, μέγας ἐρμηνεὺς τῆς βασιλείας, καὶ μετὰ τὸν ἐκεῖνον θάνατον περιήλθεν εἰς ἡμᾶς, καὶ ἀφιερῶσαμεν τῷ παναγίῳ τάφῳ, 1674. Εἶη δὲ τῷ αἰωνίῳ ἀναθέματι ὑπόδικος, ὅστις αὐτὸ τοῦ ἀγίου τάφου ἀποξενώσει. + Ὁ Ἱεροσολύμων πατριάρχης Δοσιθεὸς ἀποφαινεται“³⁾.

Въ 1609 году въ Московскій Архангельскій каедраль-

¹⁾ „Я, смиренный архієпископъ елассонскій и архангельскій великой Москвы, Арсеній, посылаю настоящую книгу, которая заключаетъ въ себѣ собственноручныя письма мудрѣйшаго митрополита монемвасійскаго кѣр Героея, въ константинопольскую патриархію съ тѣмъ, чтобы она составляла всегдѣшнее достояніе Великой Церкви, ради поминовенія его и душевнаго спасенія, никѣмъ неотчуждаемое подъ тяжестью неразрѣшимаго отлученія“, 7111 = 1602—1603.

²⁾ Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ ч. 1, стр. 288, 289, 293—295.

³⁾ „Но добрые настоятели константинопольской патриархіи продали эту рукопись, и купилъ ее, послѣ того, какъ она успѣла побыть въ рукахъ многихъ, Панагіотъ, великій государственный драгоманъ (переводчикъ), и, послѣ его смерти, рукопись перешла къ намъ, и мы пожертвовали ее святому Гробу 1674. Да будетъ повиненъ вѣчной Архієп. елассонскій Арсеній.

ный соборъ архіепископъ Арсеній сдѣлалъ второй вкладъ, состоящій изъ напрестольнаго большого Евангелія московской печати 7114=1606 года. Объ этомъ свидѣтельствуется позднѣйшая подпись по листамъ Евангелія, принадлежащая вкладчику, когда онъ уже занималъ каведру архіепископа суздальскаго. Вотъ эта подпись: Лѣта 7313 смиреннѣ Арсеній архіепископъ Архангельскій и прѣѣлассонскій грѣчанинъ, и Божѣудалскій и Тороукинъ приложили сѣ евангеліе в доми сѣаго великаго собора великаго Архистратѣи Міхала и Габѣила в цркви егемолье, иже на Москвѣ в Кулма городѣ¹⁾. На евангеліи имѣется нынѣ шелковый окладъ, но жертвователъ несомнѣнно украсилъ его сребровызолоченнымъ окладомъ, съ чеканными изъ того же металла изображеніями Распятія, четырехъ евангелистовъ по угламъ и нѣкоторыхъ другихъ изображеній. Этотъ драгоценный окладъ, даръ архіепископа Арсенія, былъ послѣ снятъ и помѣщенъ на Евангеліе московской печати 1774 года. При этой операци, окладъ Евангелія сильно поврежденъ, особенно пострадала, вычеканенная по краямъ оклада, подпись жертвователя. Такъ какъ окладъ московской работы, то и надпись на немъ греческая сдѣлана славянскими буквами. Мы могли прочесть не всѣ слова этой надписи, и возстановляемъ ее лишь чрезъ сопоставленіе съ другими извѣстными надписями того же жертвователя на другихъ книгахъ и предметахъ. Недостающія слова мы заключаемъ въ скобки. Вотъ эта надпись, современная пожертвованію: (Ο ταπεινός) ἀρχιεπίσκοπος (Ἀρσένιος Ἐλασσόνος καὶ τῶν) Ἀρχαγγέλων ἐν τῇ μεγάλῃ Μοσχοῦβιᾷ ἐποίησα τὸ ἅγιον εὐαγγέλιον διὰ φυλακῆν μου σωτηρίαν²⁾ ρρζ=1609.

анавемъ тотъ, кто отчуждитъ ее отъ святого Гроба. † Иерусалимскій патриархъ Досиевъ объявляетъ свое рѣшеніе“.

¹⁾ Эта подпись передана весьма неточно прот. А. Лебедевымъ въ его книгѣ „Московскій каведраальный Архангельскій соборъ“ М. 1880, стр. 381 сн. стр. 285.

²⁾ У прот. Лебедева приводится и другая надпись на этомъ окла-

Въ 1619 году архіепископъ Арсеній подарилъ въ Шартомскій Николаевскій монастырь суздальской епархіи славянское Евангеліе „въ осьмую долю листа, рукописное, писанное безъ разстановокъ — *исовое*, кончается 45 зачаломъ отъ Іоанна (до страстныхъ евангелій, начинающихся со словъ: *Нынѣ прославися* и проч.); обложено плисмомъ, отъ времени совершенно полинявшимъ; лицевая дска дѣла, на ней Распятіе съ предстоящими изъ жести. Евангелисты нарисованы безъ искусства. Послѣ предисловія къ Евангелію отъ Луки находится собственноручная подпись святителя Арсенія слѣдующая: „Смиренный Арсеній, архіепископъ суздальскій и торусскій, а прежде елассонскій, грѣчанинъ, далъ сѣ евангеліе на престоль въ домъ великаго чудотворца Николы въ Шартомскій монастырь, для душевнаго спасенія и для поминовенія родителей моихъ: священноіерея Θεοδωρα, иноку Христудолію и для братіи моеи Іоасафа епископа, Марка епископа, Арсенія архіепископа (има жертвователя), священноинока Аванасія, архимандрита, священноинока Пахомія, Христофора, Еммануила, Неофита, Каллиникія, *лѣта 7127 (1619) мѣсяца іюня въ 1 день*“¹⁾. Евангеліе это хранилось въ Шартомскомъ монастырѣ до послѣдняго времени, а жертвователъ и его родная семья записаны для поминовенія въ монастырскій Синодикъ²⁾.

Въ 1624 году архіепископъ Арсеній пожертвовалъ мѣдннй ковчигекъ, луженый, для теплоты въ Ривположенскій (преподобенскій) суздальскій женскій монастырь, съ вырѣзанною по краямъ слѣдующею надписью: „Смиренный Арсеній, архіепис-

дѣ русская слѣдующаго содержанія: „Смиренный Арсеній елассонскій внутри града великіе Москвы... отъ царскихъ щедротъ великихъ прародителей сдѣлано сѣ Евангеліе для-ради душевнаго спасенія 7117 году“ (Моск. кавед. архангельск. собор. стр. 285), но мы этой надписи не нашли и оставляемъ ее на отвѣтственности о. прот. Лебедева.

¹⁾ Иером. *Іоасафъ*. Церковно-историческое описаніе суздальскихъ достопамятностей. Чугуевъ 1857, стр. 30—31.

²⁾ Г. *Вознесенскій*. Арсеній, архіепископъ суздальскій. стр. 1, прим.

скопъ суждальскій и торусскій, даль сей ковшъ в монастырь иреподобной княжнѣ Евфросинѣ лѣта 7132=1624¹⁾). Такой же точно ковшечекъ въ предшествующемъ, т. е. въ 1623 году²⁾, онъ подарилъ въ мужской Боголюбскій монастырь близъ Владимира.

Какъ человекъ весьма образованный для своего времени, поэтъ-писатель, педагогъ-лингвистъ, художникъ-каллиграфъ, по характеру мягкій и благодушно-уступчивый, съ сердцемъ нѣжнымъ и весьма отзывчивымъ на все доброе, преданный и вѣрный до самоотверженія своему долгу архиепископъ, рѣдкій любитель благолѣпія христіанскихъ храмовъ и щедрый благотворитель, архіепископъ Арсеній пользовался при жизни всеобщимъ уваженіемъ. Цари московскіе Феодоръ Ивановичъ, Борисъ Феодоровичъ Годуновъ и Михаилъ Феодоровичъ оказывали ему свое благоволеніе, поддержку и покровительство. Патріархи московскіе имѣли его своимъ непремѣннымъ совѣтникомъ во всѣхъ дѣлахъ, касающихся русской церкви. Савнитые московскіе бояре, какъ напр., князя Трубецкой, Пожарскій и др. чтили его и оказывали ему свое особенное вниманіе. Русскій народъ, кромѣ всего этого, видѣлъ въ немъ невиннаго страдальца въ смутную годину и своего усерднаго молитвенника, удостоившагося при жизни чудеснаго посѣщенія пр. Сергія Радонежскаго, а поэтому относился къ нему съ глубокимъ уваженіемъ и почительностію. Со смертію архіепископа Арсенія, уваженіе къ нему въ средѣ его почитателей еще болѣе возрасло, а народная молва окружила его память ореоломъ святости. Благодаря этому, къ мѣсту его погребенія вы-

¹⁾ Иер. Иоасафъ. «Церковно-историч. описаніе суждальскихъ достопамятностей» стр. 95; Памяти. древней письменности. 1881 г. IX, стр. 17, прим. 1; М. Толстой. Путевыя письма изъ древней суждальской области. М. 1869 стр. 48.

²⁾ М. Толстой. Путевыя письма изъ древней суждальской области, стр. 43.

казывалась всегда и выказывается доселѣ особая заботливость, а память о его праведной жизни побуждаетъ его почитателей къ частому молитвенному общенію съ нимъ. Такъ, напр., архіепископъ суждальскій Стефанъ доносилъ патріарху московскому Иоасафу, что 8 марта 1668 года на гробъ архіепископа Арсенія кирпичный сводъ обвалился, „и люди гробъ его видятъ, и подлѣ тоя гробницы стоять нельзя“. Въ отвѣтъ на это доношеніе патріархъ отвѣтилъ: „Писалъ дѣ ты, сыну, къ намъ патріарху о Арсеніи, архіепископъ суждальскомъ, и мы патріархъ великаго государя царя и великаго князя Алексія Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, по той твоей отпискѣ докладывали, и великій государь, совѣтовавъ о томъ со святѣйшими вселенскими патріархи: киръ Паисіемъ, папою и патріархомъ александрійскимъ и судіею вселенскимъ, и киръ Макаріемъ, патріархомъ антиохійскимъ и всего востока, и съ нами патріархомъ. А совѣтовавъ, указали о архіепископъ Арсеніи освидѣтельствовать тебѣ, сыне, да къ тебѣ жъ для того жъ свидѣтельства Чудова монастыря архимандритъ Іоакимъ посланъ, и о всемъ къ тебѣ, сыну, приказано съ нимъ архимандритомъ словесно; а что учинено будетъ, о томъ ты бѣ, сыну, съ нимъ архимандритомъ къ намъ писалъ къ Москвѣ. По той святѣйшаго патріарха грамотѣ, преосвященный Стефанъ архіепископъ отвѣтствовалъ, что Чудова монастыря со архимандритомъ Іоакимомъ мощи Арсенія архіепископа досматривали, и тѣ мощи въ новой гробъ преложили и поставили на прежнемъ мѣстѣ“¹⁾). Въ іюль мѣсяцѣ этого же 1668 года архіепископъ Стефанъ надъ гробомъ Арсенія устроилъ „деревянную гробницу“ и приказалъ написать и „образъ его святителя“²⁾). Іюля 26 дня 1756 года митрополитъ суждаль-

¹⁾ Временникъ Импер. М. общ. Исторія и древностей російскихъ. 1855 кн. XXII, стр 32—33.

²⁾ Тамъ же стр. 33. Снимокъ съ этого образа (?) мы приложимъ къ нашему настоящему изданію.

ский и юрьевский Сильвестръ приказалъ устроить надъ гробомъ архіепископа Арсенія желѣзную рѣшетку¹⁾, которая остается на своемъ мѣстѣ и до настоящаго времени.—Что же касается благоговѣйнаго почитанія памяти архіепископа Арсенія, то оно началось скоро же, послѣ его кончины. Изъ выше приведеннаго донесенія патриарху Иоасафу архіепископа суздальскаго Стефана видно, что черезъ 44 года, по кончинѣ святителя, въ средѣ его почитателей возникалъ уже вопросъ объ открытіи его мощей и торжественномъ чествованіи ихъ всею русскою церковью, почему-то, однакоже, не осуществившійся на дѣлѣ. Тѣмъ не менѣе, устройство надъ гробомъ „деревянной гробницы“ и постановка „образа святителя“ этимъ архіепископомъ Стефаномъ, который называлъ его „великимъ святителемъ“, „чудотворцемъ“ наравнѣ съ чтимыми повсюду святителями Иоанномъ и Теодоромъ²⁾, а потомъ сооруженіе надъ гробомъ желѣзной рѣшетки въ 1756 г. митрополитомъ суздальскимъ Сильвестромъ—все это ясно указываетъ на то глубокое уваженіе, какимъ окружена была память почившаго іерарха въ средѣ бывшей его паствы главнымъ образомъ. Авторъ „Историческаго обозрѣнія о богоспасаемомъ градѣ Суздальѣ“, соборный ключарь Ананія Теодоровъ, не обинуясь, причисляетъ арх. Арсенія къ числу мѣстно-чтимыхъ чудотворцевъ³⁾

1) Тамъ же стр. 34. Относительно причинъ устройства этой рѣшетки іеромонахъ Иоасафъ сообщаетъ слѣдующее преданіе: „однажды нѣкая женщина пришла въ соборъ и стала на томъ мѣстѣ, гдѣ погребенъ Арсеній,—какъ вдругъ отбросило ее въ сторону и, къ удивленію, безъ всякаго ушиба“. Князь Д. М. Пожарскій и Арсеній, архіепископъ суздальскій. Влад. 1854, стр. 6 прим.

2) Временн. Импер. М. общ. исторіи и древн. 1855 кн. XXII отд. II, стр. 34.

3) Тамъ же стр. 33—34. Свои доказательства о. Ананія подкрѣпляетъ указаніемъ на нѣсколько, ему извѣстныхъ, иконъ, на которыхъ арх. Арсеній изображенъ, какъ мѣстный святой. Кромѣ иконы

и навываеъ его прямо „святимъ“¹⁾. „Гробница святителя Арсенія, находящаяся въ нашемъ Суздальскомъ соборѣ, пишетъ намъ соборный протоіерей, высокоуважаемый М. И. Херасковъ, отъ 9 сентября 1897 года, пользуется величайшимъ уваженіемъ и благоговѣніемъ горожанъ и богомольцевъ. Служатся постоянно почти панихиды по покойномъ архіепископѣ, въ святости котораго всѣ суздальцы утверены. Всякій благочестивый и усердный поклонникъ, отслуживъ панихиду по митрополитѣ Иларіонѣ (1682—1707), покоящемся у насъ же, считаетъ священнымъ долгомъ отслужить панихиду и по святителѣ Арсеніѣ. Гробница его находится *наружи*, около задняго, западнаго, столба въ соборѣ и обнесена рѣшеткой.. Усердные поклонники ставятъ свѣчи *на канунѣ*, находящейся на гробницѣ; на ней же красуется и портретъ Арсенія. Изъ усердія поклонники даже и прикладываются къ гробницѣ“. Въ, такъ называемую, *троицкую пятницу*, т. е. въ пятницу передъ Троицынымъ днемъ, пишетъ намъ тотъ же о. протоіерей отъ 11 декабря 1897г., въ дополненіе къ первому письму, у насъ бываеъ полонъ соборъ молящихся, преимущественно женщинъ съ дѣтьми, и каждая изъ молитвенницъ считаетъ священнымъ долгомъ отслужить панихиду надъ гробомъ *батюшки Арсенія*, а равно и надъ гробницею митрополита Иларіона. У блаженнаго святителя Арсенія просятъ помощи и ходатайства за болящихъ дѣтей, а также за черномощныхъ и другихъ

этого святителя, написанной, по повелѣнію арх. Стефана, о. Ананія указываетъ двѣ иконы въ храмѣ Воскресенія въ Суздаль—всѣхъ суздальскихъ чудотворцевъ и Казанской Божіей Матери,—въ Знаменскомъ селѣ суздальскаго уѣзда мѣстную храмовую икону Знаменія пр. Богородицы и въ селѣ Красномъ того же уѣзда въ храмѣ св. Николая, при чемъ прибавляетъ, что вѣдшій образъ святителя Арсенія „древняго письма“.

1) Временн. Импер. М. общ. истор. и древн. 1855 кн. XXII, стр. 203.

страждущих тяжкими недугами. Вообще, послѣ прославленных и нетлѣнно почивающихъ святителей суздальскихъ Θεοδора (современника св. Владиміра и перваго епископа суздальскаго) и Ιωάννα (сомолитвенника и друга преподобнаго Сергія Радонежскаго), благоговѣнно почитаются святители суздальскіе митрополитъ Иларіонъ и *архіеπισκοπὸς Αρσενίου*“.

II.

Анализъ вновь открытыхъ историческихъ мемуаровъ.

Арсеній, архіепископъ елассонскій, не ограничился въ своихъ мемуарахъ изложеніемъ тѣхъ только историческихъ явленій въ жизни русскаго народа, которыя онъ пережилъ въ Россіи, какъ современникъ и очевидецъ, но рѣшился предпослать имъ краткій очеркъ событій съ самаго начала русской исторіи до царствованія Θεοδора Ивановича, при которомъ онъ явился въ Россію. Этотъ предварительный очеркъ русской исторіи въ высшей степени кратокъ и заслуживаетъ вниманія лишь со стороны тѣхъ взглядовъ, какіе высказалъ въ немъ нашъ авторъ, и тѣхъ анахронизмовъ, отъ какихъ онъ не могъ освободиться безъ хорошаго знакомства съ первоисточниками. Глава первая его мемуаровъ читается такъ:

„Βασιλεία καὶ αὐτοκρατορία τῶν Ῥωσῶν, ἧτις ἤρξατο ἀπὸ Βλαντιμηροῦ τοῦ μεγάλου κνέζου τῆς μεγάλης πόλεως Κιέβου τῆς ἀρχιερείας, τῆς κειμένης ἀνὰ τὸ ρέμμα τοῦ ποταμοῦ Βορουθένου ἀνὰ μέσον Ῥωσσίας, Λεχίας καὶ Σουθίας, τοῦ εἰσερχομένου εἰς τὸν Εὐξείνιον Πόντον ἀνὰ μέσον Ἰστρου καὶ Τανάδος (;) T. e. „Царство и самодержавіе Россовъ, которое началось со

Владиміра, великаго князя великаго града Кіева въ сѣверу лежащаго по теченію рѣки Ворисеена между Россією, Польшею и Скиеєю, впадающаго въ Евксинскій понтъ (Черное море) между Истромъ и Дунаемъ“.

Ἐὸ τόπος καὶ ἡ βασιλεία τῶν Ῥωσῶν ἦτον ἀρχίταρα ἄνθρωποι ἔλληγες καὶ ἀρχηγοὶ πολλοί, κορυεύοντες κάστρα καὶ χωρία καὶ τόπους πολλοὺς παρ' μηδενός (вм. οὐδανός) βασιλευόμενοι, μόνον ὁ Βλαντιμηρος ὑπὲρ(τῆς) τοῦ Θεοῦ (об.) συνεργίας ἀνηγορεύθη μέγας κνέζης, ἧγουν μέγας ἄρχων καὶ ὑπέταξεν ὑπὸ τὴν ἐξουσίαν αὐτοῦ κάστρα καὶ χώρας πολλὰς τὸ μέγα Κίεβον, τὴν μεγάλην Μεσοβίαν (sic) καὶ τὸ μέγα Νοβογράντιον καὶ τὰ περὶ αὐτῶν κάστρα καὶ χωρία, καὶ ὅλην τὴν Λεχίαν (sic). Οὗτος ὁ μέγας κνέζης Βλαντιμηρος ὑπῆρχεν ἐν τοῖς χρόνοις τοῦ εὐσεβεστάτου βασιλέως τῶν Ῥωμαίων Βασιλείου τοῦ Μακεδόνα, ὁ ὅστις βασιλεὺς Βασιλεὺς ὀρθοδοξότατος ὦν καὶ ἔχων πολὺν πόθον καὶ φροντίδα οὐ μόνον διὰ τὴν βασιλείαν αὐτοῦ, ἀλλὰ καὶ διὰ πάντων τῶν ἀνθρώπων, πῶς νὰ πιστεύσουν εἰς τὸν ἀληθινὸν Θεὸν τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστόν, διὰ νὰ ἔβγουν ἀπὸ τῆς πολυθείας καὶ πλάνης τῶν εἰδώλων, ἐμπειν ἀπανταχοῦ ἀρχιερεῖς καὶ (1. 2) διδασκάλους καὶ εἰδίδασκαν τοὺς ἀνθρώπους πιστεῖν εἰς τὸν ἀληθινὸν Θεὸν τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστόν, βαπτίζοντες αὐτοὺς εἰς Πατέρα, Υἱὸν καὶ Ἅγιον Πνεῦμα. Οὗτος ὁ βασιλεὺς Θεοῦ ὀδηγῆτα μετὰ καὶ εὐλογία τοῦ ἀγιωτάτου οἰκουμένου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως Ἰγνατίου, ἔστειλεν ἀρχιερεῖς καὶ διδασκάλους εἰς τὴν μεγάλην πόλιν Κίεβον πρὸς τὸν μέγαν κνέζην Βλαντιμηρον, τὸν βασιλεῖα πάσης Ῥωσσίας, καὶ εἰδίδεξαν αὐτὸν καὶ τὸν

«Земля и царство Россовъ принадлежали въ прежнее время грекамъ и многимъ начальникамъ, которые, владѣя крѣпостями, деревнями и многими мѣстами, никому не были подчинены, только Владиміръ, при помощи Божіей, былъ названъ великимъ княземъ, то есть великимъ начальникомъ, покормилъ подъ свою власть крѣпости и многія деревни, великій Кіевъ, великую Москву, великій Новгородъ и около нихъ существующія крѣпости и деревни и всю Польшу. Этотъ великій князь Владиміръ жилъ во времена благочестивѣйшаго царя византійскаго Василія Македонина, который, будучи православиѣйшимъ и имѣя великое попеченіе и заботу не только о собственномъ царствѣ, но и о всѣхъ людяхъ, какъ обратилъ ихъ къ вѣрѣ въ истиннаго Бога Господа нашего Иисуса Христа, чтобы они покинули многобожіе и прелесть идолскую, послалъ повсюду архіереевъ и учителей, которые и научили людей вѣрвать въ истиннаго Бога и Господа нашего Иисуса Христа, крестя ихъ во имя Отца, Сына и Святаго Духа. Этотъ царь, по водительству Божію и съ благословенія святѣйшаго вселенскаго патріарха Константинополя Игнатія, послалъ архіереевъ и учителей въ великій градъ Кіевъ къ великому князю Владиміру, царю сей Россіи, и они научили его и народъ его таинству православной вѣры. Великій же князь, будучи мужемъ благимъ, охотно принялъ

λαὸν αὐτοῦ τὸ μυστήριον τῆς ὀρθόδοξου πίστεως. Ὁ δὲ μέγας κνέζης, ἀγαθὸς ἀνὴρ ὢν, προθύμως ἐδέξατο τὸ κήρυγμα τῶν ἀρχιερέων αὐτὸς τε καὶ ἡ μήτηρ αὐτοῦ Ὀλγα. Καὶ πάντες οἱ ἐν τῷ παλατίῳ αὐτοῦ πιστεύσαντες εἰς Θεὸν ἀληθῆ, ἐβαπτίσθησαν ὑπὸ τῶν ἀρχιερέων εἰς Πατέρα (ὁβ), Υἱὸν καὶ Ἅγιον Πνεῦμα, καὶ ἐγένοντο χριστιανοὶ ὀρθόδοξοι. Ὅμοιω: ἐβαπτίσθησαν καὶ πάντες: οἱ οὖν αὐτῷ ἄρχοντας καὶ ὁ λαὸς ἐν τῇ μεγάλῃ πόλει Κιέβῳ, καὶ εἰς πᾶσαν τὴν Ῥωσίαν, καταστήσαντες οἱ ἀρχιερεῖς οὖν τῇ μεγάλῃ κνέζου βουλῇ καὶ προθυμίᾳ εἰς πᾶσαν τὴν Ῥωσίαν ἀρχιερεῖς καὶ ἱερεῖς, καὶ ἱεροδιακόνους, καὶ ἀναγνώστας καὶ κληρικούς καὶ πᾶσαν ἐκκλησιαστικὴν ἀκολουθίαν κατὰ τάξιν. Ἐγειροτόνησαν καὶ μητροπολίτην ἐν αὐτῇ τῇ πόλει Κιέβῳ Μιχαὴλ ὄνομα.

Изложивъ исторію начальнаго образованія русскаго государства и введенія въ немъ христіанства при св. Владимірѣ, арх. Арсеній повѣствуетъ о раздѣлѣ русской земли при Ярославѣ Великомъ между семью его сыновьями, при чемъ о второмъ сынѣ онъ замѣчаетъ, что ему въ удѣлъ отецъ далъ „крѣпость Владиміръ, которую построилъ и украсилъ великій князь Владиміръ, назвавши ее Владиміромъ въ честь своего имени“. „Великій князь Ярославъ родилъ великаго князя Всеволода, великій же князь Всеволодъ родилъ великаго князя Владиміра Мономаха“, и такимъ образомъ, на подобіе генеалогіи Иисуса Христа въ евангеліи отъ Матѳея, излагается арх. Арсеніемъ весь удѣльно-вѣчевой періодъ русской исторіи. Характеристики великихъ князей дѣлаются общія, маловыразительныя и несомнѣнно подъ угломъ зрѣнія аскета - писателя. Вотъ, напр., что мы читаемъ о двухъ нашихъ замѣчательныхъ князьяхъ Александрѣ Невскомъ и Дмитріѣ

Донскомъ. „Великій же князь Ярославъ, пишетъ арх. Арсеній, родилъ великаго князя Александра Невскаго. Онъ, оставивши царство свое сыну своему, великому князю Данилу, сдѣлался монахомъ и, за великое терпѣніе и добродѣтель, былъ объявленъ святымъ и чудотворцемъ, и многими призывается на помощь душевную и тѣлесную. Великій же князь Данилъ основалъ и украсилъ Москву и перенесъ царство и тронъ изъ Кіева и Владиміра въ Москву, построилъ многіе большіе дворцы и церкви и митрополию...“ „Великій же князь Іоаннъ родилъ великаго князя Дмитрія Донскаго. Этотъ великій Дмитрій былъ весьма добрый и милостивый, какъ никто другой изъ бывшихъ до него. Сей приснопамятный (князь) не только раздавалъ милостыню нуждающимся каждый день, но даже по ночамъ ходилъ по улицамъ города тайно, какъ бѣдный человекъ, и обдѣлялъ милостынею бѣдныхъ и немощныхъ. О, превосходное и блаженное житіе и занятіе! За тѣлѣнные деньги онъ купилъ себѣ блаженное и вѣчное упокоеніе въ царствѣ небесномъ“. Нѣсколько болѣе обстоятельно излагаются у нашего историка событія изъ временъ княженій Іоанна III и Василія Ивановича и уже подробно, насколько это было возможно для автора неочевидца, описано время царствованія Ивана Васильевича Грознаго, отца Θεодора Ивановича. Общая характеристика царствованія Ивана Грознаго слѣдующая: „онъ царствовалъ прекрасно и счастливо, но на 31 году своего царствованія,—по нашимъ ли грѣхамъ, или какими либудь иными судьбами, Господь вѣдаетъ,—сдѣлался чрезвычайно фанатичнымъ и страшнымъ на Москвахъ, въ городахъ и деревняхъ ея и умертвилъ безчисленное количество мужей и женъ, молодыхъ и старыхъ“. О смерти царевича Іоанна арх. Арсеній пишетъ: „на 49 году царства его умеръ старшій сынъ его Іоаннъ отъ Анастасіи, благочестивѣйшей царицы и великой княгини, и оплакалъ (царь) горько и много сожалѣлъ о немъ, и роздалъ великую милостыню; послалъ милостыню

великую въ четыре патриархата, во св. Гору и повсюду во всѣ монастыри, и нуждающимся и бѣднымъ. Поживши хорошо, благочестиво и благоправно въ законѣ Господнемъ 51 годъ на царствѣ и увидѣвши ничтожество міра, и что все это суета суетъ и всяческая суета, заключаетъ арх. Арсеній, оставилъ царство сыну своему Θεодору еще при жизни и постригся въ монахи“.

Таковъ колоритъ красокъ у архіепископа Арсенія для самого мрачнаго періода русской исторіи. Впрочемъ, не нужно забывать, что нашъ историкъ до крайности остороженъ и сдержанъ въ своихъ сужденіяхъ и видимо сознательно избѣгаетъ отзвонъ рѣзкихъ объ историческихъ важнѣйшихъ дѣятеляхъ. Явленій мрачныхъ и тяжелыхъ въ нашей исторіи онъ касается лишь по настоятельной необходимости и рассказываетъ о нихъ съ видимымъ усиленіемъ надъ собою, болѣя своею доброю нѣжною душою по поводу этихъ событий. Еще рѣже онъ позволяетъ себѣ критически относиться къ описываемымъ событіямъ и къ дѣятельности тѣхъ или другихъ историческихъ лицъ, стараясь всячески соблюсти объективность и безпристрастіе и въ томъ и въ другомъ отношеніи. Отсюда, онъ заноситъ на страницы своихъ мемуаровъ, совершающіяся на его глазахъ, событія въ томъ самомъ видѣ, какъ они представляются его непосредственному наблюденію, или какъ о нихъ говорила въ ту пору народная молва, дѣлая при этомъ откровенныя ссылки на источники.

Самыми любопытными страницами анализируемыхъ мемуаровъ, конечно, нужно признать тѣ, на которыхъ архіепископъ Арсеній описываетъ событія изъ временъ царствованій Θεодора Ивановича, Бориса Годунова, перваго самозванца, Василія Ивановича Шуйскаго и эпохи „смутнаго времени“ въ собственномъ смыслѣ этого слова, наступившей въ междуцарствіе, т. е. такія событія, которыя происходили или на глазахъ автора, или же онъ самъ принималъ въ нихъ живое и непосредственное участіе.

„Царствованіе благочестивѣйшаго царя и великаго князя Θεодора Ивановича всея Россіи“.

„Воцарившись, царь и великій князь Θεодоръ Ивановичъ всея Россіи былъ коронованъ въ славномъ соборномъ храмѣ пресвятыя Богородицы великимъ митрополитомъ Москвы господиномъ Діонисіемъ со всѣмъ архіерейскимъ и священнымъ соборомъ, въ присутствіи всѣхъ бояръ и синклита и всего народа, съ торжествомъ и великою радостію во дворцѣ, во всей Москвѣ и во всей Россіи. Этотъ царь Θεодоръ Ивановичъ былъ человѣкъ весьма кроткій, добрый, миролюбивый и всегда боящійся Бога. Царь этотъ имѣлъ и брата Дмитрія Ивановича отъ царицы Маріи Θεодоровны Нагой, котораго, Дмитрія, по причинѣ его большого родства и благодаря матери его Маріи, всѣ бояре съ синклитомъ и народомъ, безъ воли царя, отослали въ крѣпость Угличъ, чтобы онъ тамъ жилъ съ матерью своею царицею Маріею, имѣя весь доходъ этого города для своего пропитанія. Итакъ, въ царствованіе сего царя и великаго князя, былъ великій миръ во всемъ государствѣ его въ великой Россіи, потому что всѣ подчиненные ему цари отъ страха передъ отцемъ его и изъ уваженія къ матери, которая скончалась, и по причинѣ его кротости, всѣ цари и владыки почтили его и покорились, приславши къ нему дружественныя посланія и многіе дары. Вскорѣ онъ и самъ увеличилъ восточныя части своего царства, присоединивши крѣпость Терекъ и все побережье Каспійскаго моря, расширилъ и сѣверныя части, покоривши всю Сибирь“ (sic).

„Въ первый годъ своего царствованія онъ отправилъ посланника къ царю константинопольскому, къ султану Амураду (Мурадъ III), съ царскими подарками, прося отвѣтъ относительно татарскаго хана: съ согласія ли его онъ покоитъ его землю? Султанъ Амурадъ съ подобающею честію принялъ посланника его по имени Бориса (Благово), кото-

рому султанъ Амурадъ далъ позволеніе, и онъ путешествовалъ по всему Константинополю съ великою свободою, безъ всякаго препятствія или страха. Побывалъ въ патриархіи въ церкви Всеблаженной и поклонился, выслушалъ святую литургію и радужно весьма былъ принятъ вселенскимъ патриархомъ господиномъ Теолиптомъ, и братски угощенъ, находившимися при немъ, архіереями и клириками. Этотъ посланникъ передалъ патриарху, архіереямъ, клирикамъ и всѣмъ нуждающимся и бѣднымъ Константинополя щедрую милостыню. Главнымъ образомъ для того онъ и былъ посланъ царемъ, чтобы раздать милостыню въ Константинополѣ по отцѣ своему Іоаннѣ, названномъ въ монастырѣ Іоною, и по братѣ своему Іоаннѣ. Султанъ Амурадъ, удовлетворивши просьбу его, отпустилъ его съ великою честію моремъ, пославши съ нимъ чауша (τσάουση) посломъ со многими царскими дарами. И Теолиптъ патриархъ отправилъ съ ними двухъ архіереевъ, смиреннаго архіепископа елассонскаго господина Арсенія и епископа диррахійскаго господина Паисія, къ царю великой Россіи съ святыми мощами, съ молитвою и благословеніемъ на укрѣпленіе и увеличеніе его царства. Когда явились всѣ вкупѣ къ царю и великому князю Θεодору, то онъ съ радостію принялъ всѣхъ и съ честію и со стражею отпустилъ обратно всѣхъ въ Константинополь. И такъ, съ этого времени началась великая дружба между ними¹⁾.

«Τῷ δὲ γ' χρόνῳ τῆς αὐτοῦ βασιλείας ἦλθεν ὁ οἰκομενικός πατριάρχης τῆς Κωνσταντινουπόλεως· κύριος Ἱερემίας εἰς τὴν μεγάλην Μοσχίαν, ἔχων καὶ σὺν αὐτῷ ὀπαδοὺς καὶ φοιτητὰς τὸν ἱερωτάτων μητροπολίτην Μομεμβασίαν κύρ Ἰερὸθεὸν καὶ τὸν ταπεινὸν ἀρχιεπίσκοπον Ἐλασσόνος κύρ Ἀρσένιον, καὶ Χριστοφόρον ἱερομόναχον καὶ ἀρχιμανδρίτην, καὶ Λεόντιον ἀρχidiaκονον, καὶ ἑτέροισι πολλοῖσι ἱερομόναχοις καὶ μοναχοῖσι. Ἐλθὼντος δὲ τοῦ πατριάρχου καθ'

Въ третій годъ его царствованія прибылъ вселенскій константинопольскій патриархъ господинъ Іеремія въ великую Москву, имѣя съ собою спутниками и учениками священнѣйшаго митрополита монемвасійскаго киръ Іерофея, смиреннаго архіепископа елассонскаго киръ Арсенія, іеромонаха и архимандрита Христофора, архидиакона Леонтія и многихъ иныхъ іеромонаховъ и монаховъ¹⁾. Когда онъ по пути прибылъ въ большой укрѣпленный

¹⁾ По нашимъ старейшимъ спискамъ, въ числѣ спутниковъ патриарха Іе-

ἄδὸν εἰς τὸ μέγα κάστρον τῆς μεγάλης Ῥωσσίας Σμολενικὸν ἐν τῷ 744' ἔτει μηνί Ἰουνίῳ καὶ ἐδέξατο αὐτὸν ὁ τε ἐπίσκοπος τῆς πόλεως Σμολενικῆς κύρ Σιλβέτρος καὶ οἱ βοηθόνταες (об.) κνέζης Μιχαὴλ Ῥοσιόβσκης καὶ κνέζης Θεόδωρος Σεστουνῶς καὶ πάντες ἱερομένοι τε καὶ εὐσεβεῖς χριστιανοί, ποιήσαντες αὐτὸν προῦπάντησιν καὶ δοχὴν μεγάλην ἔξωθεν τῆς πόλεως ἐν τῷ προστείλει τῆς ἀγορᾶς. Ἀκούσας δὲ ὁ βασιλεὺς καὶ μέγας κνέζης Θεόδωρος τὴν ἔλευσιν τοῦ πατριάρχου ταχέως ἀπέστειλεν δύο ἄρχοντας τοῦ παλατίου Γρηγόριον καὶ Σωμῶν μετὰ πολλῶν ὑπηρετῶν καὶ δύο δραγουμάνους Κωνσταντίνον Σφῶτιον καὶ Ἰωάννην, τὸν ἀπὸ Ἰωαννίνων τῆς παλαιᾶς Ἠπείρου, φέροντες ἀγαθὰ ἀγγελίας παρὰ τοῦ βασιλέως, καὶ ἵνα κοπιᾷ ὁ πατριάρχης ἐντὸς τοῦ κάστρου Σμολενικῆς εἰς εὐλογίαν, καθὼς τὸ βασιλικὸν γράμμα ἐδειλοποιεῖ. Καὶ τῇ 28' τοῦ Ἰουνίου μηνὸς τῆς ἑορτῆς τῶν πρωτοκορυφαίων ἀποστόλων Πέτρου καὶ Παύλου, (л. 16) οἱ τοῦ βασιλέως ἄρχοντες καὶ οἱ τοῦ ἐπισκόπου κληρικοί καὶ πάντες οἱ ἄρχοντες καὶ εὐσεβεῖς χριστιανοὶ προσήφεραν τὸν οἰκομενικὸν μέγαν πατριάρχην ἐντὸς τοῦ μεγάλου κάστρου Σμολενικῆς μετὰ τιμῆς μεγάλης καὶ παρῆβρίας εἰς τὸν ναὸν τῆς παναγίας

городъ великой Россіи Смоленскъ, въ 7097=1588 году мѣсяца іюня 21 дня¹⁾, его встрѣтили епископъ града Смоленска киръ Силвестръ, воеводи князь Михаилъ Ростовскій—Катыревъ и князь Θεодоръ Шестуновъ, всѣ священнаго чина люди и благочестивые христiane, вышедши къ нему на встрѣчу и сдѣлавши торжественный пріемъ внѣ града на площади, въ его предмѣстьѣ. Царь и великій князь Θεодоръ, услышавши о пріѣздѣ патриарха, быстро отправилъ двухъ начальниковъ дворцовыхъ (приставовъ почетныхъ) Γραγορίя (Нащокина) и Симеона (Пушечникова) со многими слугами, двухъ переводчиковъ Константина Сфотія и Ивана изъ Іоаннина древняго Инира съ добрыми вѣстями отъ царя и (съ просьбою), чтобы патриархъ для благословенія, какъ гласило перское писмо, потрудился войти въ городъ Смоленскъ. 29 іюня мѣсяца, на праздникъ первоверхонныхъ апостоловъ Петра и Павла, царскіе воеводи, епископскіе клирики, воеводи (града) и благочестивые христiane ввели вселенскаго великаго патриарха внутрь большого града Смоленска съ великою честію и торжествомъ въ храмъ Пресвѣтой моеѣ Богородицы, въ которомъ

ремія, кромѣ митрополита, архіепископа, архимандрита и архидиакона, значатся „патриаршіи племянникъ Димитрій (псалтъ), 2 священника—Макарій и Акакій; чернецъ старецъ Теолиптъ, казначей, келарь Стефанъ, толмачъ, князю, 9 человекъ служекъ“. Христ. Чтен. 1879, ч. II, стр. 384.

¹⁾ Пріѣздъ патриарха въ Смоленскъ и его встрѣча здѣсь ирочувствуются арх. Арсеніемъ въ тѣмъ же числѣмъ и въ другомъ сочиненіи: „Κόπος καὶ διατριβή“ (Ζημπελιος. Καθ'ἑρωτος πατριαρχείου σελ. 29), но, по русскимъ источникамъ, п. Іеремія прибылъ въ Смоленскъ 24 іюня, а торжественная встрѣча его и слушаніе литургіи въ соборѣ состоялось 4 іюля. Христ. Чтен. 1879 г. II., стр. 384, 387.

μου Θεοτόκου, ὅπου ὁ ἐπίσκοπος ἐκεί-
ος διετέλει τὴν θείαν λειτουργίαν.
Καὶ φθάσαντες ἐκεῖσε, ἐτήληθεν ὁ
ἐπίσκοπος ἐκ τοῦ ναοῦ, ἐνδεδυμένος
τῶν ἀρχιερατικῶν ἐνδυμάτων μετὰ
πολλῶν ἱερέων καὶ ἱεροδιακόνων, κρα-
τῶν ὁ ἐπίσκοπος (τὸν) τίμιον σταυ-
ρόν. Ὁ δὲ πατριάρχης προσκυνήσας
τὸν τίμιον καὶ ἅγιον σταυρόν, ἀνά
χειρὰ λαβών, κατεφίλησεν αὐτόν, καὶ
μετ' αὐτοῦ τοῦ τιμίου σταυροῦ σημαί-
ωσας σταυρόν πρῶτον ἐπὶ τῷ μετωπῷ
αὐτοῦ, καὶ οὕτω σημάσας τὰς ἁγίας
χειρὰς, εὐλόγησε τὸν ἐπίσκοπον (об.)
μετὰ τοῦ τιμίου σταυροῦ καὶ ἅπαντας
τοὺς οὐν αὐτῷ ἀρχιερεῖς καὶ τοὺς ἀρχον-
τας τοῦ βασιλέως, καὶ τοὺς ἱερεῖς πάν-
τας, καὶ τοὺς λοιποὺς χριστιανοὺς. Καὶ
εἰσελθόντες ἐν τῇ μεγάλῃ ἐκκλησίᾳ καὶ
προσκυνήσας ὁ πατριάρχης κατὰ τά-
ξιν καὶ οἱ οὐν αὐτῷ ἀρχιερεῖς κατη-
σπασάντο τὰς ἁγίας εἰκόνας ὁ ἀγιώτατος
πατριάρχης καὶ οἱ οὐν αὐτῷ, καὶ στα-
θεῖς ὁ πατριάρχης ἐν τῷ δεξιῷ μέρει
τοῦ ναοῦ, ἐν φ' ἤτοιμαστο τόπος μετὰ
τάπητος, ἤδηστο τῷ ἁγίῳ Θεῷ, ὁμοίως
καὶ οἱ οὐν τῷ πατριάρχῃ ἀρχιερεῖς
καὶ ἱερομόναχοι καὶ πάντες οἱ οὐν
αὐτῷ, ὁ δὲ ἐπίσκοπος καὶ οἱ οὐν
αὐτῷ ἱερεῖς καὶ ἱεροδιακόνου ἤρξαντο
τῆς θείας λειτουργίας. Μετὰ δὲ συμ-
πλήρωσας τῆς θείας λειτουργίας,
κατελόγησεν ὁ πατριάρχης ἅπαντας.
Καὶ ἐσελθόντες τοῦ ναοῦ, ἀπήλθαμεν
ἐν τῇ ἡτοιμασμένῃ τραπέζῃ (α. 17)
καὶ ἐνεπλήρωθημεν ἅπαντες ἐξ ἐκείνης
τῆς βασιλικῆς τραπέζης. Μετὰ δὲ τὴν
συμπλήρωσιν τῆς τραπέζης, ἐφιλοδώ-
ρησεν ὁ ἐπίσκοπος τῷ πατριάρχῃ εἰκόνα
ἁγίου καὶ ἄλλα τινὰ δῶρα, ὁμοίως καὶ
τῷ μητροπολίτῃ, καὶ τῷ ἀρχιεπισκόπῳ,
καὶ πάντας τοὺς οὐν αὐτῷ ἁγίας εἰ-
κόνας ἀργυρόχρυσας, καὶ οὕτω πάντας
μετὰ δоруφρίας ἀπέστειλαν τὸν πα-
τριάρχῃ καὶ τοὺς οὐν αὐτῷ εἰς τοὺς
οἴκους, οὓς ἦσαν.

епископ тамошній совершил бо-
жественную литургию. Когда при-
были туда, то епископ, облачен-
ный въ архиерейския одежды,
и взявъ въ рукахъ честной крестъ,
вышелъ изъ храма со множествомъ
иереевъ и иеродиаконовъ. Патриархъ,
поклонившись честному и святому
кресту, взявъ его въ руки, поцѣ-
ловала его и, симъ честнымъ кре-
стомъ начертавши крестъ сначала
на челѣ его и, такимъ образомъ,
воздвигнувши святныя руки, че-
стнымъ крестомъ благословилъ епи-
скопа, всѣхъ съ нимъ находящихся
архιεреевъ, царскихъ воеводъ, всѣхъ
священниковъ и прочихъ христианъ.
Когда вошли въ великую церковь,
то патриархъ и явившися съ нимъ
архiereи, поклонившись, по чину,
облобызали святныя иконы, святѣй-
шій патриархъ и его свята. Постав-
ленный на правую сторону храма,
гдѣ для него было приготовлено мѣ-
сто съ ковромъ, патриархъ помолился
св. Богу, равнымъ образомъ и при-
бывшій съ патриархомъ архiereи
и иеромонахи и вся его свята.
Епископъ же съ своими священ-
никами и иеродиаконами началъ
божественную литургию. По окон-
чанин божественной литургии, па-
триархъ благословилъ всѣхъ. Выше-
шли изъ храма, мы отправились за
приготовленную трапезу, и всѣ
уговорились отъ той царской тра-
пезы. По окончанин стола, епи-
скопъ подарилъ патриарху святыю
икону и другіе нѣкоторые дары,
равнымъ образомъ — митрополиту
и архиепископу, и всѣхъ изъ сви-
ты патриарха онъ одарилъ святыми
иконами въ серебрянозолоченныхъ
окладахъ, и, такимъ образомъ, всѣ
подаривъ патриарху и его свѣтѣ от-
правилъ съ воинами въ дома, гдѣ
они жили.

Τῇ α' Ἰουλίου μηνός ἀπάραντες
ἀπὸ Σμολένικου, ἐφθάσαμεν μετὰ δέκα
ἡμέρας εἰς τὴν μεγάλην Μοσχόβιν, καὶ
πρὸ μιλίων πέντε τῆς μεγάλης Μοσχό-
βιας ἀπέστειλεν ὁ βασιλεὺς Θεόδωρος
καὶ ὁ μέγας μητροπολίτης τῆς μεγάλης
Μοσχόβιας κύρ' Ἰωβ δὺο ἀρχιεπισκόπους
καὶ δὺο ἐπισκόπους καὶ ἀρχοντας ἐγκρί-
τους, καὶ (об.) ἀρχιμανδρίτας, καὶ ἡγου-
μένους, καὶ ἱερεῖς, καὶ μοναχοὺς, καὶ πο-
λὸν λαὸν εἰς προῦπάντησιν τοῦ πατριάρ-
χου. Οἱ δὲ ἀρχιερεῖς καὶ οἱ τοῦ βασιλέως
ἀρχοντες, φθάσαντες τῷ πατριάρχῃ, τὴν
τοῦ βασιλέως φήμην καὶ εὐπάθειαν
εἶπαν, ὁ δὲ πατριάρχης, ἀναστάς καὶ
πρὸς Θεὸν τὰς χειρὰς ἀνατείνας καὶ
εὐχόμενος ἐπὶ πολὺ τὸν βασιλεῖα με-
γάλας εὐχαρίστησας καὶ μετὰ τῆς εὐ-
χῆς τοὺς ἀρχιερεῖς καὶ τοὺς βασιλι-
κούς ἀρχοντας κατελόγησε, δὸς αὐ-
τοῖς φιληματὶ ἁγίῳ, ὁμοίως καὶ πάν-
τας εὐλόγησε, καὶ πάντες ὁμοθυμαδὸν
ἐπορεύθημεν μετὰ παρρησίας καὶ τι-
μῆς μεγάλης ἐν τῇ μεγάλῃ Μοσχόβιᾳ
εἰς τοὺς μεγάλους οἴκους τοῦ Ραζα-
νίου ἐπισκόπου, οὓς βασιλικῶς εὐτρε-
πισμένους εἶχαν, εἰς οὓς ἔστι καὶ ναὸς
μέγας εἰς ὄνομα τῆς ἁγίας καὶ ζωο-
ποιοῦ καὶ ἀδιαιρέτου Τριάδος, εἰς δὴ
βασιλικοὶ ἱερεῖς καὶ ἱεροδιακόνου ἐπε-
φθῆσαν (α. 18) καθ' ἑκάστην ψά-
λιν τε καὶ ἱερουργεῖν, κάκεισε τὸ κα-
τάλυμα διατελέσαντες ἔχοντες πᾶσαν
βασιλικὴν ἀνάπαυσιν.

Τελέσαντες οὐν ἡμέρας πέντε, ἡμέ-
ρα κυριακῇ ἐπορεύθημεν εἰς τὸν μέ-
γαν βασιλεῖα μετὰ πολλῶν βασιλικῶν
ἀρχόντων καὶ ἀρχιερέων, καὶ ἱερέων

Двинувшись изъ Смоленска 1 чис-
ла июля мѣсяца, черезъ десять дней
мы прибыли въ великую Москву и
и за пять миль до великой Мо-
сковы царь Θεοδору и великій ми-
трополитъ великой Москвы киръ
Иовъ выслали на встрѣчу патриар-
ха двухъ архиепископовъ, двухъ
епископовъ, почетныхъ бояръ, ар-
химандритовъ, игуменовъ, свячен-
никовъ, монаховъ и много народу.
Архiereи и црские бояре, при-
бывши къ патриарху, высказали
ему привѣтствіе и удовольствіе
дара, а патриархъ, вставъ съ мѣста
и простерши руки въ Богу и по-
молившись долго, весьма благода-
рилъ царя, и по молитвѣ благо-
словилъ архiereевъ и царскихъ бо-
яръ, дѣвши имъ святое цѣлованіе,
равнымъ образомъ благословилъ
и всѣхъ; и всѣ въ порядкѣ мы по-
шли съ торжествомъ и великою
честію въ великую Москву, въ
большія палаты 1) рязанскаго епи-
скопа, убранныя цоцарски, въ
которыхъ имѣется и большой храмъ
во имя святой и живогорщелъ
и нераздѣльной Троицы. Въ этотъ
храмъ послалины царскіе священ-
ники и иеродиаконы каждый день,
чтобы итѣ (повседневное посѣд-
дованіе) и священнодѣлствовать.
Здѣсь остановившись, мы ишли
позное царское содержаніе 2).

Итакъ, по прошествіи пяти дней,
въ воскресенье, мы отправились къ
великому царю, въ сопровожденіи
многихъ царскихъ бояръ, архiere-

1) Наквазъ Надоккину относительно помѣщенія патриарха и его сви-
ты см. въ Христ. Чтен. 1879 ч. II, стр. 387, прим. 3.

2) О столѣ для патриарха, митрополитъ, архиепископа и ихъ сви-
ты были даны самыя точныя указанія. Тамъ же, стр. 388, прим. 1.
Подробнѣе свое житье-бытье на рязанскомъ подворьѣ описываетъ, арх.
Арсеній въ «Κόποι καὶ διατριβή (Σ. Зап.πελίος, Καθιδόρους τοῦ πατριар-
χέιου ἐν Ρωσσίᾳ σελ. 30).

καὶ πλῆθος λαοῦ. Προπορευομένων τῶν βασιλικῶν ἀρχόντων, ἐφθάσαμεν εἰς τὸ βασιλικὸν μέγα παλάτιον, προῦπαντήσαντων πολλῶν ἀρχόντων χρυσοφορημένων, καὶ ἔβωθεν τῆς πόλης τοῦ χρυσοῦ παλατίου προσεδέξατο ὁ μέγας βασιλεὺς Θεόδωρος τὸν οἰκουμένικόν πατριάρχην κύρ Ἰερεμίαν. Ὁ δὲ πατριάρχης ἐβλόγγασεν τὸν μέγαν βασιλέα, ποιήσας σταυροῦ τύπον εἰς αὐτὸν μετὰ τῆς ἁγίας χειρὸς ἐν τῇ κεφαλῇ τε καὶ τῷ στῆθει, ἐν δεξιῷ τε καὶ ἀριστερῷ ὤμῳ, καὶ ὁ βασιλεὺς ἐφίλησε τὴν τοῦ πατριάρχου ἁγίαν χεῖρα εἰς ἄτακτον, ὁ δὲ πατριάρχης ἤσπαστο τὸν δεξιὸν ὤμον τοῦ βασιλέως. Καὶ ἀλλήλοις εὐχόμενοι εἰσηλθόντες ἐνδόν τοῦ παλατίου, κάκειος καθίσαντες ὁ βασιλεὺς ἐπὶ θρόνον ὑψηλοῦ καὶ ἐπιρρέμεν, καὶ ὁ πατριάρχης ἐκ δεξιῶν εἰς θρόνον ὑψηλοῦ καὶ οἱ λοιποὶ τοῦ πατριάρχου ἅπαντες τὴν δεξιὰν χεῖρα αὐτοῦ ἐφίλησαν. Καὶ δοχρὴν μεγάλην ποιήσας ἕως ἑσπέρας, εἰς τὸ κατάλοιμα ἡμῶν μετὰ τῆς τιμῆς μεγάλης ἐπορεύθημεν.

1) По нашим официальным данным, прием патриарха во дворцѣ состоялся 21 июля, т. е. на недѣлю позже, при чемъ патриархъ съ торжествомъ въѣхалъ въ Кремль на осли и слѣзъ на рундукъ у собора Благовѣщенія, а митрополитъ и архиепископъ сошли съ лошадей, не доѣзжая, въ сопровожденіи своихъ приставовъ». Сношен. Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковн. ч. I, стр. 193.

2) «Ὡς ἴδε μα: ὁ βασιλεὺς ἀπὸ τοῦ θρόνου ἔστη,

καὶ κάτω ἐκατέβη καὶ μετὰ σκήπτρον εἰς τὸ χεῖρ'».

Тацъ описываетъ первую встрѣчу патриарха Іеремиѣ съ царемъ Θεοδωρῷ Ивановичемъ въ золотой палатѣ арх. Арсеніѣ въ своемъ стихотворномъ произведеніи (Σ. Ζαμπέλιος. Καθίδροσις πατριαρχείου ἐν Ῥωσσίᾳ σελ. 31), и это описаніе вполне согласуется съ принятымъ въ ту пору при нашемъ дворцѣ, этикетомъ (Χριστιαν. Чтен. 1879, ч. III, стр. 390). Слѣдовательно, описаніе этой встрѣчи въ открытыхъ нами мемуарахъ нужно признавать не вполне точнымъ.

3) Приемъ у царя былъ, по нашимъ источникамъ, сравнительно крат-

евъ, священниковъ и многочисленнаго народа!). Въ предшествіи царскихъ бояръ, мы прибыли въ большой царскій дворецъ, когда къ намъ на встрѣчу вышли многіе бояре, одѣтые въ золотыя одежды, и внѣ двери²⁾ золотой палаты встрѣтилъ вселенскаго патриарха кыр Іеремиѣ самый великій царь Θεοδωρѣ. Патриархъ благословилъ великаго царя, начертавши образъ креста на немъ святою рукою на головѣ, на груди, на правомъ и лѣвомъ плечѣ, и царь на освященіе поцѣловалъ святую руку патриарха, а патриархъ поцѣловалъ правое плечо царя. Привѣтствовалъ другъ друга, они вошли внутрь палаты и сѣли тамъ—царь на высокомъ и богатомъ тронѣ, а патриархъ справа на тронѣ, весьма благоуукрашеномъ. Мы же всѣ спутники патриарха, архіереи, благословили царя и поцѣловали его правую руку, и прочіе всѣ изъ свиты патриарха поцѣловали правую руку его. И послѣ торжественнаго приема, продолжавшагося до вечера³⁾, мы съ великою честью возвратились на свое подворье.

Μετὰ δὲ ἡμέρας οὐ πολλὰς ἀπέστειλεν ὁ βασιλεὺς τὸν μέγαν ἀρχόντα αὐτοῦ, αὐτάδελφον τῆς εὐσεβεστάτης βασιλίσσης καὶ μεγάλης κνείνας κυρίας Εἰρήνης; κύριον Μπαροῦσση Γοντουόβην καὶ τὸν μέγαν λογοθέτην τῆς βασιλείας κύριον Ἀνδρέαν Τζαλκάνον εἰς τὸν μέγαν πατριάρχην. Ἦλθον (δὲ οὗτοι) λέγοντες καὶ παρακαλοῦντες αὐτὸν ἐκ στόματος (α. 19) τοῦ βασιλέως καὶ πάσης τῆς συνόδου αὐτοῦ, καὶ τοῦ μεγάλου μητροπολίτου Μοσχολίας κυροῦ Ἰωῶ, ἵνα ἀπομείνῃ ἐν τῇ μεγάλῃ Μοσχολίᾳ, ὥστε ἐπιταλεσθῆναι πατριάρχην Μοσχολίας καὶ πάσης Ῥωσσίας, καὶ νὰ εἶναι φιλοπάτωρ τοῦ βασιλέως καὶ τῆς βασιλίσσης. Ὁ δὲ πατριάρχης πολλὰ σπλαγχνισθεὶς εἰς τοὺς γλυκοὺς λόγους αὐτῶν, ἐπένευσε πληρῶσαι τὸ τοῦ βασιλέως θέλημα, ἐάν μὴ ὁ Μονεμβασίας μητροπολίτης κύρ Ἰερόθεος καὶ ὁ ἀνεψιὸς τοῦ πατριάρχου κύρ Δημήτριος πρωτοκονοάρης, καὶ Γεωργίος λογοθέτης, καὶ Νικόλαος Ἀριστοτέλης ἀπὸ Ἀθηνῶν ἐμπόδιον αὐτῷ, καὶ οὕτως ὑπέστρεψαν εἰς τὸν βασιλέα μετὰ πολλῆς λύπης. Καὶ πάλιν οὐ μετὰ πολλὰς ἡμέρας ἔστειλεν αὐτοὺς εἰς τὸν (ὀβ.) πατριάρχην, παρακαλοῦντες αὐτὸν, ἵνα ἀναβιάσῃ τὸν μέγαν μητροπολίτην Μοσχολίας κύρ Ἰωῶ εἰς πατριαρχικὴν κληροῖν τε καὶ ἄξιαν καὶ καθέδραν. Ὁ δὲ πατριάρχης, ἀκούσας οὕτως, ἀσπασίως ἐδέξατο τὸ αἶψμα τοῦ βασιλέως καὶ ἐπένευσε τοῦ γενέσθαι. Καὶ συνόδου γενομένης μεγάλῃς ἀρχιερέων, ἀρχόντων τε καὶ ἀρχιμανδριτῶν,

Черезъ нѣсколько дней царь послалъ великаго боярина своего, роднаго брата благочестивѣйшей царицы и великаго княгини, госпожи Ирины, господина Борнеа Годунова и великаго государственнаго логовета (дьяка) господина Андрея Щелкалова къ великому патриарху. Явились они въ нему съ просьбою отъ имени царя и всего его собора и великаго митрополита московскаго господина Іова, чтобы онъ остался въ великой Москвѣ, дабы имѣноваться патриархомъ московскимъ и всей Россіи и быть любимымъ отцемъ для царя и царицы. Весьма тронутый ихъ пріятными словами, патриархъ рѣшился исполнить волю царя, если бы ему не воспрепятствовали монемвасійскій митрополитъ кыр Іерофей, племянникъ патриарха господинъ Димитрій, первый канонархъ, Георгій логоветъ и Николай Аристотель изъ Аенны, и такимъ образомъ, они возвратились къ царю съ великою печалью. И снова, послѣ немногихъ дней, послалъ ихъ царь къ патриарху съ просьбою къ нему возвести великаго митрополита Московскы кыр Іова въ патриаршее званіе, достоинство и на кathedру. Патриархъ, выслушавши, такимъ образомъ, съ радостію принялъ просьбу царя и рѣшился исполнить ее. И когда составилася большой соборъ архіереевъ, бояръ, архиман-

кій, по за то послѣ этого былъ другой приемъ у Бориса Годунова довольно продолжительный, окончившійся въ 8 ч. дня, гдѣ былъ снятъ съ патриарха самый подробный допросъ. Царскій обѣдъ и подарки всѣмъ пріѣзжимъ, за исключеніемъ арх. Арсенія, были отравлены на рязанское подворье. Сношен. Россіи съ Востокомъ по дѣл. церковн. ч. I, стр. 195—199; свес. Христ. Чтен. 1879, ч. II, стр. 390, прим. 2. У Арсенія, арх. елассовскаго, о приемѣ у Бориса Годунова не упоминается ни единымъ словомъ въ обоихъ извѣстныхъ нынѣ его сочиненіяхъ.

ήγουμένων, ιερομονάχων και ιεροδικόνων τε και παντός του κλήρου τη ς του Ιανουαρίου μηνός εν έτει 1744 από Χριστού καταβάσεως 1589 έντός της μεγάλης εκκλησίας της παναχράντου Θετόκου και άειπαρθένου Μαρίας, παρόντος του βασιλέως και των μεγιστάνων αυτού και των αρχόντων και παντός του λαού, ανεβίβασεν ο μέγας πατριάρχης κύρ Ιερεμίας τον μέγαν μητροπολίτην Μοσχολίας κύρ Ιωβ εις κλήσιν και καθέδραν και τάξιν (α. 20) πατριαρχικήν, και διά της χαρίτος του παναγίου και τελεταρχικού Πνεύματος αγιάτατον πατριάρχην Μοσχολίας και πάσης Ρωσσίας εκέλευσε, και αδελφόν και σωλειουργόν ονομάσας, δούς αυτόν εν Κορίφ ασπασμόν μετά της εδολογίας εν τῷ ύψηλοτάτῳ τόπῳ εν μέσῳ της εκκλησίας, παρόντος του βασιλέως και των αρχόντων και των αρχιερέων και ιερών και ιεροδικόνων, πρό της εισόδου του αγίου εθαγγελίου. Και μετά την κλήσιν και τον ασπασμόν έψαλλον οι ψάλται τό Κορίε έλεησον και τό Αγιος, και ούτως εγένετο ή αγία είσοδος μετά του εθαγγελίου, ασπασάμενος τό αγιον εθαγγέλιον πρώτον ο οίκουμενικός πατριάρχης, ύστερον δέ ο νέος πατριάρχης Μοσχολίας και πάσης Ρωσσίας, συμπροπορευόμενων των παναγιωτάτων πατριαρχών (об.), και κατοπίσθεν κατά τάξιν οι αρχιερείς και ιερείς και πάντες ιεροδίακονοι. Τελέσαντες την αγίαν λειτουργίαν, εις τό μέγα παλάτιον πάντες έπορεύθημεν, ο βασιλεύς, οι πατριάρχαι και πάντες ήμεεις, οι ιεουρργοι και οι αρχοντες. Κάκεισε εν τῇ μεγάλῃ τραπέζῃ του βασιλέως πάντες ανεπλήσθημεν παντοίων αγιαθών, ών ού δύναμαι διά γραφῆς δοῦναι τότο μόνον γράφω, ότι εις την τραπέζαν την μεγάλην εκείνην ούκ ήτον, οὔτε είδα κανέν σκευος άργυροῦν ή χαλκίον, αλλά όλα τά της τραπέζης εκείνης σκευῆ ήσαν χρυσά ταψία,

дритовъ, игуменовъ, иеромонаховъ, иеродиаконовъ и всего клира, 26 января мѣсяца въ 7098 лѣто, отъ Христова сошествія 1589, въ великой церкви пречистой Богородицы и приснодѣвъ Маріи, въ присутствіи дара и бояръ его и воеводъ и всего народа, возвелъ великій патриархъ киръ Іеремія великаго митрополита Москвы киръ Гова въ званіе и на каедру и въ чинъ патриаршескій, и благодатию все-святото и освящающаго Духа повелѣлъ быти святѣйшимъ патриархомъ Москвы и всей Россіи, названши его братомъ и сослужителемъ, давъ ему цѣлованіе о Господѣ съ благословеніемъ на высочайшемъ мѣстѣ, по срединѣ церкви, въ присутствіи царя, бояръ, архіереевъ, священниковъ и иеродиаконовъ, предъ выносомъ святого евангелія. И послѣ нареченія и цѣлованія, пѣвца проглагола «Господи помилуй» и «Агїος», и такимъ образомъ, совершился святой входъ съ евангеліемъ, поцѣловавши святое евангеліе сначала вселенскій патриархъ, а потомъ новый патриархъ Москвы и всей Россіи, въ сопровожденіи святѣйшихъ патриарховъ и позади, по чину, архіереевъ, священники и всѣ иеродиаконы. По окончаніи святой литургіи, вѣсь мы пошли въ большой дворецъ, царь, патриархи и всѣ мы, священнодѣйствующіе, и бояре, и тамъ за богатою трапезою царя всѣ мы пресмыслились различными ливтами, которыхъ я не въ состояніи описатьъ: замѣчу лишь только то, что за этою богатою трапезою не было и не видѣлъ я какого либо серебрянаго или мѣднаго сосуда, но всѣ сосуды этого стола были золотые: блюда, кубки, стаканы, чаши, подсвѣчники—все вообще изъ золота. И такъ, услаждаясь бра-

кратѣрія, потѣрія, каукія, канτιлάρια και πάντα όλα χρυσά. Γεοθέντες οὖν και εὐφρανθέντες ἕως ἑσπέρας και ἀναστάντες, μετὰ τιμῆς (α. 21) μεγάλης οἰκάδε ἀνεχώρησαν οἱ πατριάρχαι και πάντες οἱ σὺν αὐτοῖς, δοξάζοντες τὸν Θεὸν και τὸν βασιλέα πολυχρονίσαντες. Καὶ οὐ μετὰ πολυτῶς ἡμέρας προσκαλέσας ὁ βασιλεύς τοὺς πατριάρχας ἄμφω και τοὺς αρχιερείς ἐν τῷ παλατίῳ παρ' αὐτῶν ἐλογήθη, ἀξίως αὐτοὺς ἀπελθεῖν εις τὴν εὐσεβεστάτην βασιλίссαν ἐλογήσαι αὐτήν. Καὶ νεύσαντες οἱ πατριάρχαι ἐπορεύθησαν και ἡμεῖς σὺν αὐτοῖς, προοδοποιούντος τοῦ βασιλέως και τοῦ μεγάλου ἀρχοντος Μπαροβση, εις τὰ ἐνδοτέρα παλάτια ἤλθαμεν, κάκεισε ἐν τῷ ἀργυροχρότῳ παλατίῳ τὴν βασιλίссαν εἶδαμεν, και εὐλόγησαν αὐτήν οἱ πατριάρχαι και πάντες οἱ αρχιερείς, φιλοτιμησας(α)(об.) τοὺς πατριάρχας μανθῆλια χρυσοκέντητα μετὰ πολλῶν μαργάρων και πάντας τοὺς αρχιερείς. Καὶ ἄλιν ἐδολογήσαντες αὐτήν, οἰκάδε ἐπορεύθημεν, ἡτοιμασμένην ἔχοντες βασιλικὴν τράπεζαν, πάντες ἐνεπλήσθημεν ἐξ αὐτῆς. Καὶ τῇ ἐξῆς ἡμέρᾳ ἀπέστειλεν ὁ βασιλεύς τῷ οἰκουμενικῷ πατριάρχῃ δῶρα πολλά και ἀργύρια οὐκ ὀλίγα, ὁμοίως και πάντας ἡμᾶς κατά τάξιν. Καὶ τῇ τρίτῃ ἡμέρᾳ ἔστειλεν ἡ βασιλίсса τῷ οἰκουμενικῷ πατριάρχῃ δῶρα πολλά: αρχιερατικά ἐνδύματα μεταξοτοῦφанта και μετὰ πολλῶν μαργάρων και

нами и веселась даже до вечера в поднявшись, съ великою честью отправилась домою патриархи и всѣ находиліся съ ними, возблагодаривши Бога и помногоблагодаривъ царя¹⁾. Черезъ несколько дней царь, пригласивши обоихъ патриарховъ и архіереевъ во дворецъ, получивъ отъ нихъ благословеніе, созывавъ имъ явиться къ благочестивѣйшей царицѣ на благословеніе ея. Патриархи, съ полымъ удовольствіемъ согласившись, пошли, и мы съ ними. Предшествуемые царемъ и великимъ бояриномъ Борисомъ, мы пришли во внутреннія палаты, и тамъ въ серебрянозолотеной палатѣ увидѣли царицу, и благословили ее патриархи и всѣ архіереи. Одаривши патриарховъ и всѣхъ архіереевъ золотоканнными ширинками (платками), унизанными многочисленными жемчугомъ и снова благословивъ ее, мы удалились домой, послѣ приготовленной царскою трапезою, отъ которой мы были пресыщены. На слѣдующій день царь послалъ вселенскому патриарху многочисленныя дары и немало денегъ²⁾, равнымъ образомъ и всѣмъ намъ по чину. На третій день прислала патриарху многочисленныя дары царя³⁾: архіерейскія облачения изъ золотой парчи, украшенныя многочисленными жемчугомъ, весьма

1) Въ «Κόποι και διατριβή» эта трапеза во дворцѣ описана арх. Арсениемъ съ болѣею обстоятельностью (Σ. Ζαμπέλιος. Καθίδροσις του πατριαρχείου ἐν Ρωσσίᾳ σελ. 42—43).

2) О царскихъ дарахъ см. Христ. Чтен. 1879г. ч. II, стр. 573—574, прим. I; Снег. Σ. Ζαμπέλιος. Καθίδροσις πατριαρχείου ἐν Ρωσσίᾳ. Ἐν Αθῆν. 1859, сел 13—15.

3) Въ этомъ описаніи архіепископъ Арсеній для краткости рѣчь соединилъ въ одно подарки царицы, полученные вселенскимъ патри-

μίτραν ἀξιοπολυτίμητον μετὰ λίθων πολυτίμων καὶ πολλῶν μαργάρων καὶ χρῆματα ἀναρίθμητα. Ἔστειλε καὶ πάντας ἡμᾶς δῶρα πολλὰ διάφορα κατὰ τάξιν καὶ χρῆματα οὐκ ὀλίγα (л. 22), σχεδὸν εἰπεῖν πάντας ἡμᾶς καταπλοῦσιον ὅ τε μέγας βασιλεὺς Θεόδωρος πάσης Ῥωσσίας καὶ ἡ μεγάλη βασίλισσα Εἰρήνη ἡ Θεοδωροβίνα. Καὶ οὐ μετὰ πολλὰς ἡμέρας ἔασας ὁ βασιλεὺς τὸν οἰκουμένικόν πατριάρχην καὶ τοὺς σὺν αὐτῶν πάντας ἀπελθεῖν εἰς τὰ ἴδια, καταλιπὼν ἐκείσε τὸν ταπεινὸν ἀρχιεπίσκοπον Ἐλασσόνος κὺρ Ἀρσένιον, ὅστις ὑπὸ τοῦ βασιλέως μετὰ πολλῶν φιλοτιμούμενος καὶ εἰς ὕστερον εἰς τὸν μέγαν ναὸν τῶν παμμεγίστων Ἀρχαγγέλων τῆς μεγάλης Μοσχόβιτις, τὸν ἐν τοῖς βασιλείοις, ἐνθα καὶ οἱ τάφοι τῶν μεγάλων κνέζων καὶ βασιλέων εἰσὶ γνήσιος ἀρχιερεὺς ἐρχομένους κηλεύουσι τοῦ βασιλέως καὶ τοῦ πατριάρχου καὶ πάσης τῆς ἀρχιερατικῆς τάξεως.

Что же нового дает этот рассказ о приезде к нам патриарха Иеремии и о поставлении им у нас в патриархи митрополита Иова? Сравнивая его с теми данными, которые находятся в наших официальных документах, т. е. в, так называемых, статейных списках, а равно и в свидетельствах современников, как напр., митрополита мовемвасийскаго Геродея и самого же арх. Арсенія в его упомя-

архомъ и его свѣтлоу, сейчасъ въ поставленіи въ патриархи митрополита Иова, и послѣ, предъ выѣздомъ изъ Москвы въ Константинополь. По нашимъ документамъ и въ сочиненіи арх. Арсенія «Κόποι καὶ διατριβή», эти подарки различаются и описываются всякій разъ самостоятельно.

1) Подарки царицы см. Христ. Чтен. 1879, ч. II, стр. 574, прим. Сн. С. Запел. Καθίδρουσι πατριάρχ. σελ. 54—56.

нумомъ стихотворномъ сочиненіи: «Κόποι καὶ διατριβή», *новомо* здѣсь *немного*, но и это немногое не лишено, однако, историческаго значенія въ такомъ важномъ церковно-историческомъ событіи, какъ учрежденіе у насъ патриаршества. Совершенно новинкою является предъ нами подробный рассказъ Арсенія, арх. елассонскаго, о торжественной встрѣчѣ патриарха Иереміи въ Смоленскѣ, хотя, по статейнымъ спискамъ, мы и знали раньше, что объ этой торжественной встрѣчѣ давался царскій наказъ воеводамъ и смоленскому епископу Сильвестру¹⁾. Краткое описаніе этой первой встрѣчи константинопольскаго патриарха на русской территоріи находится также и у Арсенія, арх. елассонскаго, въ другомъ его сочиненіи: «Κόποι καὶ διατριβή»²⁾. Новыми, далѣе, нужно признать нѣкоторыя подробности въ описаніи встрѣчи патриарха передъ Москвою и въ Москвѣ, а равно и тѣ свѣдѣнія относительно вниманія, какимъ окружили дорогого гостя въ Москвѣ на подворьѣ рязанскомъ, на первыхъ порахъ его пребыванія, — подробности, по другимъ источникамъ, неизвѣстныя. Наконецъ, самую важную новость нужно считать указаніе на тѣхъ лицъ, которые явились вмѣстѣ съ митрополитомъ Геродеемъ, о чемъ мы знаемъ изъ хронографа Дороея³⁾, прямыми противниками, вѣявъ высказаннаго, желанія патриарха Иереміи остаться въ Москвѣ и быть патриархомъ русской церкви. Такими лицами были *Димитрій протоканонархъ*, *Георгій логоетъ* и *Николай Аристотель изъ Аѳинъ*. Димитрій протоканонархъ былъ роднымъ племянникомъ патриарха Иереміи и приѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ нимъ въ его свѣтъ, но откуда явились два послѣднія лица въ Москвѣ—Георгій логоетъ и Николай Аристотель, и въ какомъ отношеніи они стоятъ къ патриарху,—этого мы совершенно не знаемъ, такъ какъ на нихъ ни въ нашихъ официальныхъ данныхъ, ни въ

1) Христ. Чтен. 1879 г. ч. II, стр. 385—386.

2) С. Запел. Καθίδρουσι πατριarchieou ἐν Ῥωσσία σελ. 29.

3) Христ. Чтен. 1879 ч. II, стр. 394—395, прим. I.

греческихъ источникахъ мы не находимъ рѣшительно никакого указанія. Не были ли эти лица изъ пріѣзжихъ грековъ, прибывшихъ въ Москву съ какими либо другими духовными лицами, проживавшими временно въ ту пору въ Москвѣ, и не отъ нихъ ли вѣрно было, какъ говорилось въ наказѣ Григорію Нащокину, „беречи, чтобъ ко двору къ патриарху и къ митрополиту и къ архіепископу никто не приходилъ (изъ) гречанъ и турчанъ и иныхъ иноземцевъ“¹⁾? Если же это такъ, и если случайно находившіеся въ Москвѣ греки могли свободно являться къ патриарху на рязанское подворье и оказывать въ такомъ важномъ и при томъ чисто церковнаго характера дѣлѣ большое вліяніе и парализовать его волю и намѣренія, то не слѣдуетъ ли въ такомъ случаѣ выказанный о. прот. проф. Николаевскимъ П. Ѳ. въ его прекрасной статьѣ „объ учрежденіи патриаршества въ Россіи“ взглядъ, что пребываніе патриарха въ Москвѣ „оставлено было хотя почетнымъ, но *строгимъ* надзоромъ“²⁾, считать до нѣкоторой степени преувеличеннымъ. Надзоръ за патриархомъ и прибывшими съ нимъ былъ установленъ несомнѣнно, какъ это видно изъ наказа Нащокину, но надзоръ обыкновенный, какой въ тогдашней Руси практиковался по отношенію ко всѣмъ иностранцамъ, пребывавшимъ на Русь,—къ духовнымъ или свѣтскимъ лицамъ безразлично³⁾, даже пріѣзжавшимъ по

¹⁾ Христ. Чтен. 1879 г. ч. II, стр. 387, прим. 3.

²⁾ Тамъ же стр. 387.

³⁾ Переводчики учили насъ всѣмъ принятымъ порядкамъ, па шеть известный Павелъ Алепскій относительно пребыванія въ Москвѣ его отца патриарха антиохійскаго Макарія, и *кроль нихъ рѣшительно никто къ намъ не являлся, ибо существуетъ обычай, что до тѣхъ поръ, пока архіерей или архимандритъ не представится царю и не будетъ допущенъ къ руцѣ, ни самъ онъ не выходитъ изъ дому, ни къ нему никто не приходитъ, такъ что и мы совсѣмъ не могли выходить изъ дому.* Таковъ обычай... Тутъ то мы вступили на путь усилій для перенесенія трудовъ, стояній и бдѣній,

доброй волѣ, но этотъ надзоръ не выходилъ изъ рамокъ принятаго этикета и не былъ столь суровымъ, какъ его характеризуетъ, недовольный во всѣхъ отношеніяхъ Москвою, другъ и спутникъ патриарха Іереміи, пессимистъ, митрополитъ монемвасійскій Іерооей¹⁾. Болѣе скромный въ своихъ желаніяхъ и болѣе осторожный въ оцѣнкѣ лицъ и событій, происходившихъ на его глазахъ, другой спутникъ того же патриарха, Арсеній, архіепископъ елассонскій, заподозривать котораго въ неискренности и въ искаженіи истины мы не имѣемъ никакихъ рѣшительно данныхъ, подтверждаетъ наше сомнѣніе въ справедливости такого взгляда. Въ обоихъ своихъ нынѣ извѣстныхъ разказахъ онъ нигдѣ и ни единымъ словомъ не намекаетъ на эти притѣсненія, а, напротивъ, повсюду высказываетъ восторгъ и удивленіе по поводу всего, что касается пріема патриарха Іереміи и его лично въ Москвѣ.

Нельзя, наконецъ, не отмѣтить здѣсь, если не какъ новость, то во всякомъ случаѣ, какъ не лишенную характерности особенность, что Арсеній, архіепископъ елассонскій, иначе передаетъ разказъ о предложеніи патриарху Іереміи остаться въ Москвѣ въ настоящемъ своемъ трудѣ и иначе совершенно въ стихотворномъ: „*Κόποι κχι διατριβή*“. По нашему памятнику, патриархъ на предложеніе Бориса Годунова охотно согласился остаться въ Россіи, будучи прельщенъ его ласковыми убѣжденіями, и не осуществилъ своего намѣренія, лишь благодаря протестамъ со стороны своихъ спут-

на путь самообузданія, совершенства и благоправія, почтительнаго страха и молчанія. Что касается шутокъ и смѣха, то мы стали имъ совершенно чужды, ибо *коварные москвиты подсматривали и наблюдали за нами и обо всемъ, что замѣчали у насъ хорошаго или дурного доносили царю и патриарху.* Поэтому мы строго слѣдили за собой, не по доброй волѣ, а по нуждѣ, и и отивъ желанія вели себя по образу жизни святихъ. Богъ да избавитъ и освободитъ насъ отъ нихъ». (Проф. Г. Муръосъ. Русск. Обозрѣн 1897, июль, стр. 288).

¹⁾ Христ. Чтен. 1879, ч. II, стр. 394—395, прим. 1.

никовъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ греческаго происхожденія, —разсказъ до нѣкоторой степени согласный съ нашими официальными данными и съ хронографомъ Доросея, тогда какъ, по „Κόπος καὶ διατριβή“, на предложеніе Бориса Годунова отъ имени царя остаться въ Россіи, „быть патриархомъ Владиміра, Москвы и всей Россіи и называться великимъ и всей вселенной“, пат. Іеремія даетъ такой отвѣтъ: „Благодарю великаго царя Θεодора и госпожу святую царицу Ирину за то, что они имѣютъ искреннее желаніе и великое благочестіе и намѣреваются украсить свое царство и желаютъ имѣть своего патриарха, что считается во всей вселенной почетнымъ учрежденіемъ, однако, то, что они желаютъ, не можетъ исполниться, потому что меня ожидаютъ большіе и малые, архіереи, священники и всѣ монахи и всѣ, кто обитаетъ въ Константинополѣ. Но желаніе царя нашего пусть исполнится, по закону и съ согласія архіереевъ, пусть другой здѣсь будетъ (патриархомъ)“. На вторичное предложеніе со стороны царя, архіереевъ и собора, которое передавалъ бояринъ Андрей Щелкаловъ и его братъ Василій, патриархъ отвѣчалъ: „Глубоко благодарю державнѣйшаго и великаго царя Θεодора и госпожу святую царицу Ирину за ихъ великое желаніе, а равно и сей святой соборъ за то, что они стремятся почтить свое царство и избрать патриарха въ немъ, *но невозможно, чтобы я остался и сдѣлался патриархомъ Москвы.* Архіереи, священники и всѣ граждане Константинополя, малые и великіе, послали меня сюда съ тѣмъ, чтобы я скоро пошелъ, увидаль царя и скоро возвратился къ нимъ, дабы стоять на стражѣ матери нашей этой церкви, дабы ее немощную и старую оберегать, которая имѣетъ многихъ чадъ, коихъ она приобрѣла въ теченіе долгой жизни и дала имъ и обогатила ихъ и которыя теперь ее оставили и не заботятся о ней, чтобы она имѣла всякое богатство и чтобы благоденствовала. Я первый сынъ ея изъ всѣхъ прочихъ, судія и стражъ всѣхъ моихъ братьевъ, желаю унокотить престарѣлую мать нашу,

чтобы получить ея святую молитву, и чтобы мы сдѣлались достойными наслѣдниками, по волѣ ея, всѣхъ стяжаній ея. Однако я, по волѣ матери моей и съ согласія всѣхъ многихъ моихъ братьевъ, по закону и по чину, (согласенъ) поставитъ великаго патриарха на Москвѣ для всей Россіи, чтобы исполнить желаніе царя всей великой Россіи и всего собора“. Когда послѣдовалъ этотъ двукратный, категорическій отказъ со стороны патриарха Іереміи, то были посланы отъ царя, архіереевъ и собора два почетнѣйшихъ и благочестивыхъ епископа съ просьбою рукоположить имъ въ патриархи московскіе того, кого изберутъ царь и всѣ епископы. Патриархъ далъ свое согласіе¹⁾. Такимъ образомъ, разница въ положеніи патриарха и въ его характеристикѣ, по обоимъ памятникамъ, у одного и того же писателя—весьма значительная. Причины этой разницы мы указали выше въ первой главѣ.

Нелишне отмѣтить здѣсь, что хронологія, касающаяся дней и мѣсяцевъ, въ которые происходили тѣ или другія событія, въ данномъ памятникѣ и въ русскихъ официальныхъ источникахъ не совпадаетъ, и мы не прочь отдать въ этомъ отношеніи предпочтеніе архіепископу Арсенію, настойчиво остающемуся вѣрнымъ себѣ въ обоихъ, нынѣ извѣстныхъ, его произведеніяхъ, предъ официальными данными, составляющимися, какъ извѣстно, нѣсколько позже самихъ событій и не всегда согласно съ истинною дѣйствительностію.

Продолжимъ теперь рѣчь Арсенія, арх. елассонскаго, о царствованіи Θεодора Ивановича далѣе, стараясь держаться какъ можно ближе къ тексту вновь открытой рукописи, чтобы имѣть, такимъ образомъ, большую возможность уяснить для себя характеръ изложенія у нашего автора описываемыхъ имъ историческихъ событій и степень достовѣрности въ ихъ передачѣ.

„Въ пятый годъ его царствованія былъ походъ въ нѣ-

1) Σ. Ζαμπέλος. Καθίδρουσις πατριαρχείου ἐν Ῥωσσίᾳ σελ. 33—36.

мецкую землю (εις τὴν Νημετζίαν) съ большимъ войскомъ, и взялъ онъ Иванъ-городъ и многія другія крѣпости, и величайшую крѣпость Ревель (Ῥούγοντο); нѣмцы (т. е. шведы) заключили миръ и обѣщались сему царю давать въ годъ половину доходовъ этого города. Взяли и самую крѣпость, но, при посредничествѣ великаго боярина Бориса Годунова, не удержали ее, такъ какъ онъ ходатайствовалъ предъ царемъ, ибо взялъ за это богатые дары, какъ потомъ говорили нѣкоторые. И такимъ образомъ, царь возвратился въ Москву съ великою побѣдою. За пять миль передъ Москвою вышли къ нему на встрѣчу весь народъ великаго града Москвы, мужи и жены, юноши и старцы, малые и большіе, радуясь и веселясь по поводу возвращенія добраго и тишайшаго великаго царя⁴.

„Въ томъ же году были окончены большія вѣшнія городскія стѣны, которыя онъ вывелъ съ основанія земли и которыя были предъ тѣмъ земляныя“.

„Въ шестой годъ своего царствованія, онъ послалъ великаго патриція (τὸν μέγαν πατριμόν) своего царства Стефана Годунова, перваго двоюроднаго брата царицы, съ большимъ войскомъ въ Нѣмечину, который и покорилъ болѣе половины сѣверной Нѣмечины и возвратился съ великою побѣдою.—Въ томъ же году подчинилась царю и великому князю Феодору вся Корелія, и заключенъ былъ великій миръ между Россіей и Нѣмечиною.—Въ томъ же году прибылъ великій посолъ (Варкочь) отъ кесаря и великаго царя Алеманіи (Австріи), и была ему устроена торжественная встрѣча, а когда онъ возвращался, царь съ бояриномъ Сабуровымъ¹⁾ и великимъ логоеетомъ Василиемъ Аванасьевымъ послалъ кесарю Алеманіи въ помощь много жизненныхъ припасовъ, потому что въ то время Алеманія вела войну съ султаномъ константинопольскимъ Амуратомъ“.

„Въ томъ же году сердце великаго боярина Годунова Бориса возгорѣлось желаніемъ къ царствованію, и тайно, безъ

¹⁾ По нашимъ источникамъ,—Вельминовъ. С. Соловьевъ. Исторія Россіи съ древѣйшихъ временъ. т. VII. стр. 326.

согласія царя, пославши въ городъ Угличъ, гдѣ находился подъ надзоромъ братъ царя Дмитрій Ивановичъ, убили его, и, когда происходило замѣшательство, были убиты и многіе другіе. Въ томъ же году сгорѣла большая часть Москвы, при содѣйствіи Бориса, какъ говорили многіе. Въ томъ же году, при содѣйствіи боярина Бориса, какъ говорили многіе, явился на Москву ханъ татарскій (Казы-Гирей) ради безпокойства царя и всего народа, дабы не было разслѣдованія о смерти брата его Дмитрія. И такъ какъ царь и воеводы не знали этого замысла, то царь послалъ того самого великаго боярина Бориса воеводою, предводителемъ войска, отправлявшагося противъ царя татарскаго. И когда произошло сраженіе, то войско царя одержало великую побѣду надъ ханомъ татарскимъ и, помимо воли полководца Бориса, захватило весь обозъ его и верблюдовъ, которыхъ мы видѣли своими глазами въ Москвѣ, болѣе 300, множество плѣнныхъ татаръ и многіхъ коней. Ханъ татарскій, по волѣ и по пущенію военачальника Бориса, едва убѣжалъ назадъ ни съ чѣмъ, оплакивая *насмѣшку* (τὸν γέλῳον) и потерю свою, согласившись притти, по совѣту Бориса⁴.

„Этотъ царь и великій князь Феодоръ съ основанія земли построилъ, какъ они являются передъ нами, каменные толстыя и крѣпкія стѣны въ Казани, въ Астрахани и въ Смоленскѣ, которыя прежде сего были деревянныя и земляныя. Онъ воздвигъ и великій храмъ Вознесенія внутри Москвы, при которомъ имѣется большой монастырь для многочисленныхъ дѣвственницъ монахинь, а внутри великаго храма находятся гробы великихъ княгинь и царицъ. Этотъ же царь построилъ (каменные) зданія для суда и для торговыхъ лавокъ на площади срединной крѣпости Москвы (въ Китай-городѣ), которыя до сего времени были деревянныя. Выстроилъ онъ и монастырь (1591 г.) во имя Пречистой (л. 25) Донской за Москвою въ четырехъ миляхъ. Онъ устроилъ величайшую пушку (παμμέγιστον λομπάρδα), которая находится на площади (ἐν

тѣ фѳрф), противъ великой двери, ведущей въ царскія палаты, каковая пушка не только велика, но и весьма художественно сдѣлана и изящная (πολλὰ τεχνικὴ καὶ εὐμορφῆ), со множествомъ ядеръ (πολλὰ πλοομία) и съ вычеканенными на ней письменами, и имѣть вычеканенное изображеніе сего царя на конѣ со скиптромъ въ правой его рукѣ. *Думаю по истинѣ* (Νομίζω ἐπ' ἀληθείας), что во всемъ мірѣ не сыщется другая, подобная этой по величинѣ и художественности, и была отлита она съ великимъ мастерствомъ и съ великими издержками (μετὰ πολλὴν σοφίαν καὶ ἔξοδον)¹⁾.

Избраніе на царство Бориса Годунова, послѣ смерти Θεодора Ивановича, описывается совершенно согласно съ нашими источниками и съ свидѣтельствами другихъ очевидцевъ. Въ качествѣ новинки, нельзя не отмѣтить у Арсенія, арх. еласонскаго, упоминанія о многихъ представителяхъ восточной православной церкви при коронаціи сего государя. Такъ, напр., „отъ константинопольскаго патріарха таковымъ былъ *епископъ Ериссо и Святой горы киръ Инатій*, который вскорѣ потомъ назначенъ былъ архіепископомъ рязанскимъ, а при Лжедмитріѣ избранъ патріархомъ Москвы и всей Россіи, архіепископъ ахридскій киръ Нектарій, митрополитъ Видинскій Θεοφάνъ, великій архимандритъ іерусалимскій киръ Дамаскинъ по происхожденію изъ Элады, великій старецъ великой лавры святого Саввы Освященнаго въ Іерусалимѣ Дамаскинъ и многие другіе іеромонахи и монахи святой горы Аѳонской и изъ другихъ различныхъ монастырей“.

Семейный бытъ царя Бориса Годунова и его заботы о судьбѣ своей злополучной семьи Арсеній, арх. еласонскій, описываетъ такъ: „Этотъ царь и великій князь Борисъ имѣлъ прекраснаго сына по имени Θεодора и красавицу дочь Ксенію.

1) Опускаемъ здѣсь характеристику Θεодора Ивановича, какъ щедраго благотворителя и милостынедателя монастырямъ русскимъ и восточнымъ, не заключающую въ себѣ ничего интереснаго.

Въ третій годъ его царствованія, явились два нѣмецкіе царевича (въ Москву), наслышавшись о достоинствахъ этой красавицы царевны Ксеніи, съ предложеніемъ руки и не получили желаемаго. Первый (т. е. шведскій принцъ) не показался пріятнымъ самой дщери и приближеннымъ царя, потому что былъ болѣе 25 лѣтъ, второй же (т. е. датскій) весьма понравился самой дщери и родителямъ ея, царю и царицѣ, и всѣмъ придворнымъ, кто видѣлъ его, потому что былъ не только благороденъ и богатъ, но и былъ молодъ, а главное настоящій красавецъ и большой умница. Царь и царица весьма полюбили его и ежедневно принимали его во дворцѣ, желая устроить бракъ, но,—или за грѣхи, или по инымъ причинамъ, Господь вѣдаетъ,—когда стали готовиться къ вѣнцу, этотъ красавецъ юноша, немного поболѣвши, скончался. Царь и всѣ придворные горько оплакали этого красавца юношу. Всѣ приближенные этого благороднаго юноши возвратились на родину, будучи одарены отъ царя богатыми дарами и немалыми деньгами. И послѣ слезъ, печали и великаго поминувенія, (царь) отправилъ всѣхъ тѣхъ, которые общались при слатъ (съ тою же цѣлью) другого его брата. Посланные обнадѣжили царя“.

„Въ четвертый же годъ его царствованія, когда пришли изъ великой Иверіи апокрисіаріями по имени Соломонъ и другой монахъ Кирилъ по царской надобности, и, во время многочисленныхъ разспросовъ, заявили, что благочестивѣйшій царь Иверіи имѣетъ родную дочь, молодую и весьма красивую. Царь и царица Марія, услышавши, весьма обрадовались и пожелали взять ее въ невѣсты сыну своему Θεодору. Скоро они послали съ ними въ Иверію, въ качествѣ апокрисіарія, боярина Михаила Татищева со многю свитою и дарами и съ ними отравили лучшаго драгомана по имени Константина Сфотія, хорошо знающаго многіе языки: греческій, русскій, турецкій, татарскій и грузинскій, дабы они привезли родную дочь царя Александра въ качествѣ невѣсты сыну своему Θεодору“.

Изображая щедрость Бориса Годунова, его любовь къ благотворительности, которую онъ проявлялъ особенно по отноше- нію къ восточнымъ патріархатамъ и къ православнымъ монасты- рямъ не только востока, но даже и запада, и любовь къ благо- украшенію храмовъ, Арсеній, арх елаассонскій, пишетъ: „онъ возобновилъ и украсилъ многіе церкви и монастыри, храмъ Бого- родицы (Успенія), патріархію покрылъ желѣзною крышею, украсилъ, возвысилъ и покрылъ золотомъ большую колокольную, въ большомъ дворцѣ внутреннія палаты золотыя росписалъ жи- вописью, воздвигъ вновь большой дворецъ близъ рѣки Москвы, построилъ большой мостъ въ срединѣ Москвы со многими камарами, еще воздвигъ съ основанія большой храмъ иже во святыхъ отца нашего Николая чудотворца въ Москвѣ на Арбатѣ, устроилъ много сребровызолоченныхъ ракъ (зевтобжа), украсивъ ихъ многочисленнымъ жемчугомъ и драгоценными камнями и переложилъ въ нихъ чудотворныя святаго мощи святыхъ, просіявшія въ Москвѣ и во всей Россіи: иже во святыхъ отца нашего всечестѣйшаго митрополита московскаго и всея Россіи Алексѣя чудотворца, святаго блаженнаго Василія чудотворца, преподобнаго отца нашего Макарія, ка- лизинскаго чудотворца, преподобнаго отца нашего Пафнутія, боровскаго чудотворца, устроилъ и другіе многіе ковчеги (κιβότια) изъ чистаго золота и положилъ въ нихъ всѣ святаго (части- цы) мощей, которыя находятся въ царской казнѣ и которыя патріархъ вмѣстѣ съ царемъ и со всѣмъ архіерейскимъ и свя- щеннымъ чиномъ приносятъ въ великую пятницу съ торже- ственною литаніею въ соборную церковь Пресвятой Богоро- дицы, и поютъ великіе часы, и, послѣ часовъ и вечерни, снова относятъ въ соборный храмъ Благовѣщенія въ казну, гдѣ онѣ хранятся. Этотъ же царь устроилъ плащаницу¹⁾ съ

¹⁾ Въ нашихъ документахъ мы находимъ указаніе не только на эту плащаницу но даже и на печальную судьбу ея. «И въ цар- скихъ полатахъ подобіе Христова тѣлеси и Пречистыя Богородицы и архангеловъ, иже уготовлено было на Господню плащаницу подъ златыя чеканныя образы, пишетъ патріархъ Іовъ въ соборной про-

изображеніями Господа Христа съ Божіею Матерью, двѣ- надцатью апостолами и Іосифомъ и Никодимомъ, изъ чистаго ковანнаго (μετά σφυρίου) золота, тонкой работы, достойной удивленія. На изображеніе Господа Христа пошло чистаго золота 200 литръ и на cadaго апостола по 200 литръ¹⁾. Онъ же отлилъ два большіе колокола, одинъ для Москвы въ патріархію, въ который звонятъ въ великіе праздники, а другой въ монастырь святой Троицы. Подобной величины колоколовъ и такой красоты нельзя найти въ другомъ царствѣ во всемъ мірѣ. Онъ возобновилъ и украсилъ дѣвичій (ново- дѣвичій) монастырь близъ Москвы и совершилъ многочислен- ныя другія прекрасныя дѣла и украшения. Онъ прогналъ та- таръ далеко отъ русскихъ границъ, выстроивши на грани- цахъ многочисленныя укрѣпленія большія и крѣпкія для за- щиты російскаго царства“.

„Но демонъ, всему завидующій и немогущій выносить, созерцать добро и многочисленныя превосходныя дѣянія и добродѣтели прекраснаго и благочестиваго царя,—или по грѣ- хамъ нашимъ, или по инымъ причинамъ, Богъ знаетъ,—воз- будилъ противъ него молодого человѣчка (ἀνθρωπάριον) и убо- гаго монаха (μοναχὸν βακευδότην), іеродіакона, по имен. Гри- горія, монаха великаго монастыря Архистратига Михаила внутри Москвы,—монастырь святаго нашего митрополита мо- сковскаго Алексѣя чудотворца,—и внушилъ ему желаніе цар-

сальной грамотѣ 1607 года, и то вражіею ненавистію разаробивша и, на копы и на рогаины вѣсткая, по граду и по торжищу носяку позорующе, забывъ страхъ Вождя» (Акты Археограф. Экспеди. т. II, № 67, стр. 154, 150).

¹⁾ «Οὗτος, читаемъ мы въ рукописи объ этой плащаницѣ, ἐποίησε καὶ τὸν Δεσπότην Χριστὸν ἐπιτάφιον μετὰ τῆς Θεοτόκου καὶ τῶν δώδεκα ἀποστόλων καὶ Ἰωσήφ καὶ Νικοδήμου ὀλοχρῆσους μετὰ σφυρίου, τέχνη λεπτῆ ἀξιοθαυμάστῃ. Ὁ Δεσπότης Χριστὸς μόνος τὸ βάρος χρυσάφιον λίτρας διακοσίας, καὶ πᾶς ἀπόστολος τὸ βάρος ἀπὸ λίτρας διακοσίας χρυσάφιον καθαρὸν».

ствовать. Онъ, удалившись въ Польшу и имѣя съ собою по-собниками своего желанія двухъ монаховъ, назвался сыномъ царя и великаго князя великой Россіи Ивана Васильевича по имени Димитріемъ, который, въ царствованіе царя Θεодора, былъ убитъ въ городѣ Угличѣ, гдѣ онъ находился подъ охраною, при содѣйствіи царя Бориса, какъ говорили многіе, въ бытность его бояриномъ“.

Появленіе Самозванца въ Польшѣ, встрѣча его съ Адамомъ Вишневецкимъ и Сендомирскимъ воеводою Георгіемъ Мнишекъ, походъ въ Россію и встрѣча съ войсками Бориса Годунова, переходъ на его сторону черниговскаго воеводы и народа и внезапная смерть царя Бориса описаны Арсеніемъ, архіепископомъ елассонскимъ, весьма кратко. По поводу трагической кончины послѣдняго нашъ историкъ восклицаетъ: „О несчастіе! Сколь великое бѣдствіе началось съ того часа! Итакъ, весь синклитъ бояръ, патріархъ съ архіереями и іереями и всѣмъ народомъ провозгласили и многолѣтствовали сына Θεодора Борисовича царемъ и великимъ княземъ Москвы и всей Россіи. Будучи въ ту пору еще только 15 лѣтъ въ большемъ дворцѣ, и хотя онъ былъ юнъ, но прекрасенъ, достоинъ, образованъ, милостивъ, воспитанъ отцемъ своимъ ко всякому благодѣянію, уменъ и способенъ на всякое слово и дѣло. Онъ великую и неисчислимую милостыню роздалъ по отцѣ своему, какъ иной никто и никогда, всѣхъ голодныхъ насытилъ, всѣхъ бѣдныхъ обогатилъ, прощае сказать, всѣхъ богатыхъ и бѣдныхъ преисполнилъ всякихъ благъ и доставилъ имъ радость. О, неизслѣдимыхъ судьбъ твоихъ, Господи Христе Царю! Такой и столь добрый и невольный царь Θεодоръ царствовалъ только 45 дней, только что совершилъ поминъ по отцѣ своему, и не успѣлъ вѣнчаться царскою діадемою, но несомнѣнно, какъ я полагаю, былъ увѣнчанъ въ царствѣ небесномъ“.

„И когда началось замѣшательство большое въ войскахъ, находившихся подъ Кромомъ (περί τὸ Κρόμι), то всѣ войска,

но грѣхамъ нашимъ, поклонились выдававшему себя за царя Димитрія, заключившемуся въ крѣпости Путивль (ἐν τῇ κάστρῳ Ποτιμ(φ)). Услышавши это въ Москвѣ, весь синклитъ и весь народъ оставили своего добраго царя, съ великою поспѣшностію отправились и поклонились провозгласившему себя царемъ Димитріемъ, направляющемуся изъ путивльской крѣпости. На пути онъ послалъ великаго воеводу князя Василя Голицина и князя Василя Масальскаго съ грамотою въ Москву къ патріарху, архіереямъ, іереямъ, къ боярамъ и ко всему народу великой Москвы, чтобы они схватили и заключили царя Θεодора, мать его царицу Марію и сестру его Ксенію. Весь народъ Москвы, услышавши объ этомъ, исполненномъ яда (τὸ φαρμακερὸν γράμμα), послави, тотчасъ, на подобіе дикихъ звѣрей, какъ разбойники, съ ножами, дубинами и камнями устремился во дворецъ къ царю Θεодору и къ царицѣ Маріи, вытащилъ ихъ изъ дворца и заключилъ ихъ въ старомъ домѣ отца его, который онъ построилъ прежде воцаренія. Быстро глупый народъ (ὁ μωρὸς λαός) забылъ великую доброту отца его Бориса и неисчислимую милостыню, которую онъ раздалъ имъ. Равнымъ образомъ заключали и всѣхъ родственниковъ его, близкихъ людей и друзей, и сослали въ ссылку въ мѣста весьма отдаленныя, а именно: достойнѣйшаго великаго боярина и первѣйшаго сановника государства Стефана Годунова, Симеона Никитича Панскаго. Тѣло царя Бориса вынули изъ гроба, который находился въ соборномъ храмѣ Архангеловъ, ради поруганія, и похоронили въ маленькомъ женскомъ монастырѣ, именуемомъ Варсонофіевскомъ. Черезъ пять дней умертвили царя Θεодора и мать его Марію и похоронили ихъ вблизи царя Бориса въ Варсонофіевскомъ монастырѣ, а сестру его царевну Ксенію черезъ пять мѣсяцевъ постригли въ монахини, назвавши ее Ольгою монахинею, и сослали въ ссылку въ Бѣлозерскій (εἰς τὴν Ἀστρούμνον) женскій монастырь. О, безумство и беззаконіе людское, что они сдѣлали, хотя

сами всё потомъ съ женами и дѣтьми испили ту чашу, которую приготовили“ (ἐπιον τὸ ποτήριον ἐς ὄσπερ ἐκέρασαν)?

„Царь Димитрій, приблизившись къ Москвѣ на разстояние десяти миль, послалъ низвергнуть съ патриаршаго трона святѣйшаго патриарха Иова. Снявши съ него патриаршескія одежды, посланные облекли его въ иноческое одѣяніе и отправили въ ссылку въ Старицкій монастырь; сослали въ ссылку архимандрита великаго Чудовскаго монастыря именемъ Варлаама, назначивши на его мѣсто другого, равнымъ образомъ удалили и Андроніевскаго архимандрита Василия“.

«Καὶ ἀνελθόντος αὐτοῦ βασιλέως Δημητρίου εἰς μεγάλην Μοσχολίαν, ἅπας ὁ λαὸς ἐδέχθη αὐτὸν μετὰ παρρησίας μεγάλης, καὶ προὔπαντησαν αὐτὸν πάντες οἱ ἄρχιερεῖς καὶ ἱερεῖς μετὰ παντός τοῦ λαοῦ μετὰ τιμῶν καὶ ἁγίων σταυρῶν καὶ εἰκόνων, μετὰ λαμπάδων πολλῶν καὶ εἰκόνων καὶ θυμιατῶν ἐν τόφῳ Δουμπλέν¹⁾, ὃ λέγεται λιθόστρωτος. Κάκεισε λιτῆς μεγάλης γενομένης καὶ εὐλογήσαντες (л. 38) οἱ ἄρχιερεῖς καὶ ἔδωσαν αὐτῷ ἁγίας εἰκόνας, καὶ μετὰ τοῦ εὐλογησαί αὐτὸν πάντες περὶ ἐπορεβήμεν μετὰ τοῦ νέου βασιλέως εἰς τὸν μέγαν ναὸν τῆς πανάγνου Θεοτόκου, καὶ προσκυνήσας καὶ ἀσπασάμενος τὰς ἁγίας εἰκόνας κατὰ τὴν τάξιν, ἐξῆλθε καὶ εἰσῆλθεν εἰς τὸν μέγαν ναὸν τῶν Ἀρχαγγέλων καὶ προσκύνησε καὶ ἠσπάσατο τὰς ἁγίας εἰκόνας καὶ τοὺς τάφους τῶν βασιλέων καὶ μεγάλων κνεζῶν, καὶ τοὺς τάφους Ἰωάννου βασιλέως καὶ Θεοδώρου βασιλέως ἐπροσκύνησε καὶ

Когда этотъ царь Димитрій вступилъ въ великую Москву, то весь народъ встрѣтилъ его съ великою церемоніею; всѣ архіереи и священники со всѣмъ народомъ вышли къ нему на встрѣчу съ честными и святыми крестами и иконами, со множествомъ свѣчей и вѣдильницы на лобное мѣсто, которое называется лнестротномъ. Тамъ, послѣ великой лити, архіерей, благословивши, поднесли ему свѣтлыя иконы, а по благословеніи, всѣ мы съ новымъ царемъ пѣшкомъ пошли въ соборный храмъ пречистой Богородицы. Поклонившись и поцѣловавши свѣтлыя иконы, по чину, (царь) вышелъ и отправился въ соборный храмъ Архангеловъ, поцѣловалъ свѣтлыя иконы и поклонился гробамъ царей и великихъ князей, и гробамъ Ивана царя и Θεодора царя поклонился и заплакавъ, сказавши громкимъ голосомъ²⁾ слѣдующее:

¹⁾ Въ рукописи несомнѣнно ошибка. Нужно читать: *лобное*, видѣно *лупленное*, мѣсто, которое дѣйствительно называлось *ливостротномъ*. И. Снегиревъ. Памяти. московск. древности. М. 1842—1845 стр. 351—358.

²⁾ У Карамзина объ этомъ моментѣ въ жизни Самозванца гово-

ἐκλαυσε, λέγας μεγάλη τῇ φωνῇ οὕτως: «Οὐαί μοι, πῆτερ μου καὶ ἀδελφεῖ μου, βασιλεῖς, πολλὰ κακὰ μοι ἐποίησαν οἱ ἐυθραεόντες μοι ἀδίκως, ἀλλὰ δόξα τῷ ἁγίῳ Θεῷ, τῷ ῥομφαί μοι δι' εὐχῶν ἁγίων ὑμῶν ἐκ χειρὸς μισούντων (об.) με καὶ ἀδικούντων με, καὶ ἔγειροντι ἀπὸ γῆς πτωχὸν καὶ ἀπὸ κοπρίας ἀνοψῶν πένητα τοῦ καθίσει αὐτὸν μετὰ ἀρχόντων, μετὰ ἀρχόντων λαοῦ αὐτοῦ». Μετὰ δακρύων λέγων, κηρύττων εἰς ἅπαντας, ὅτι εἶναι πατὴρ αὐτοῦ ὁ βασιλεὺς Ἰωάννης καὶ ἀδελφὸς αὐτοῦ Θεόδωρος ὁ βασιλεὺς. Καὶ πάντων μὴ εἰδόντων, ἀπακρίνοντο μεγαλοφῶνας: «Ναί, ἀληθῶς οὗτός ἐστι πατὴρ σου καὶ οὗτος ἀδελφὸς σου, εὐσεβέστατε βασιλεῦ καὶ μέγα κνεζῆ Δημητρίε Ἰωαννοβιτῆ πάσης Ῥωσσίας». Καὶ ἐπὶ ῥωσαν τὸ ῥῆτόν τοῦ γεγραμμένον λέγοντι: «Πλοῦσιος ἐλάλησε, καὶ πάντες ἐπήνεσαν, καὶ τὸν λόγον αὐτοῦ ὕψωσαν ἕως εἰς οὐρανόν. Καὶ πορευθὲς εἰς τὰ παλάτια, ἐκάθησαν εἰς τὸν βασιλικὸν θρόνον, καὶ ἐπροσκύνησαν αὐτὸν πάντες οἱ ἄρχοντες: καὶ πάσα ἡ σὺγκλητος τοῦ παλατιοῦ (л. 39), καὶ πάσα ἡ στρατιά, συμπορευόμενοι μετ' αὐτοῦ, καὶ πᾶς ὁ λαός.

«Καὶ τῇ ἑτῆς ἡμέρᾳ ἐπροσκαλέσατο πάντας τοὺς ἄρχιερεῖς καὶ ἀρχιμανδρίτας καὶ ἡγούμενους, ἐσυμβουλευσατο, ἵνα ψηφίσωσι πατριάρχην, εἰπῶν, ὅτι ὁ πατριάρχης, ὁ ἁγιωτάτος πατὴρ ἡμῶν, κύρ Ἰωβ εἶναι γέρων πολλὰ καὶ ἀόμματος, καὶ οὐκ ἔξεισι πατριάρχου,

«Уви, мѣ, отче мой и брате мой, царіе! Много зла содѣлаша мнѣ враждующіе на мя неправедно, но слава святому Богу, избавляющему мя, ради свѣтыхъ молитвъ вашихъ, изъ рукъ ненавидѣвшихъ мя и дѣлающихъ мнѣ съ неправдою, воздвизающему отъ земли нища, и отъ гноища возвышавшаго убога посадити его съ князи, съ князи людей своихъ» (Псал. СХІІ, 7, 8). Говора со слезами, онъ провозгласилъ предъ всѣми, что отецъ его царь Іоаннъ и братъ его царь Θεодоръ. Такъ какъ всѣ ничего не знали, то громкогласно воскликнули: „Да, истинно сей—твой отецъ, а сей—братъ твой, благочестивѣйшій царь и великій князь всей Россіи Димитрій Іоанновичъ!“ И исполнилось слово Писанія, говорящее: «Вогатый возглагола и вси похваляина, и слово его вознесома даже до неба». (Сирах. ХШ, 28). Огравившись во дворець, онъ сѣлъ на царскій тронъ, и поклонился ему всѣ бояре, весь синилитъ двора и все войско, пришедшіе съ нимъ, и весь народъ.

На слѣдующій день онъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ архіереевъ, архимандритовъ и игуменовъ, далъ совѣтъ имъ, чтобы они избрали патриарха, сказавъ при этомъ, что патриархъ, свѣтѣйшій отецъ нашъ, господиъ Іовъ—великій старецъ

рится слѣдующее: «Оттуда спѣшилъ онъ (т. е. изъ собора Успенскаго) въ церковь архистратига Михаила, гдѣ съ видомъ благоговѣнія преклонился на гробъ Іоанновъ, лилъ слезы и сказалъ: «О родитель любезный! Ты оставилъ меня въ сиротствѣ и гоненіи, но святыми твоими молитвами я цѣль и державствую!» Оіе искусное лицедеѣствіе было не бесполезно: народъ плакалъ и говорилъ: что истинный Димитрій!» (Исторія государства російскаго. СПб. 1835 г. изд. IV, т. ХІ, стр. 199).

διὰ τοῦτο ἐπιπέψασθε, ἵνα ψηφίσητε ἄλλον πατριάρχην ἀντὶ αὐτοῦ, ὅποιον ἐξελέξεθε. Οἱ δὲ πάντες ἀπεκρίθησαν: «Καλῶς ὀρίζεαι, εὐσεβέστατε βασιλεῦ καὶ μέγα κνέζη Δημήτριε Ἰωαννοβίτη πάσης Ῥωσσίας, γεννηθῆτω τὸ θέλημά σου, ὡς κελεύεις». Καὶ προσκυνήσαντες καὶ εὐλογήσαντες αὐτόν, ἐπορεύθησαν εἰς τὸν μέγαν ναὸν τῆς πανάγου Θεοτόκου. Καὶ προσκυνήσαντες καὶ ἐδέξαμενοι εἰσῆλθον (об.) ἅπαντες οἱ ἀρχιερεῖς ἔνδον τοῦ παρακλήσιου τῆς Πокρόβας Πρεζβίτας, ἤγουν εἰς τὴν Σκέπην τῆς Παναγίας¹⁾. Κάκεισε λιτὴν ποιήσαντες, ἐκάθησαν ἐπὶ θρόνων ἅπαντες, καὶ σὺν αὐτοῖς ὁ πῆρ χει καὶ ὁ ταπεινὸς ἀρχιεπίσκοπος τῶν Ἀρχαγγέλων κβριος Ἀρσένιος. Καὶ ὁμιλήσαντες πάντες ὁμοθυμαδὸν ἀλλήλοις, εἶπαν διὰ τὸ εἶναι πάλιν ὁ ἀγιώτατος πατριάρχης κβρ Ἰωβ, ἀλλ' ἐπειδὴ γέρον ὢν πολλὰ καὶ ἄομματος καὶ μὴ δύνασθαι ποιμαίνειν τὴν τοῦ Χριστοῦ μεγάλην ἐκκλησίαν καὶ τοιοῦτον μέγα ποιμνιον, ἀντέφησαν, μὴ οὕτως, ἀλλὰ ὡς ἐκλέξωμεν ἄλλον ἀντ' αὐτοῦ τοῦ γέροντος καὶ ἄομμάτου πατριάρχου κβρ Ἰωβ εἰς ἐπίσκοψιν τῆς Χριστοῦ μεγάλης ἐκκλησίας καὶ τῶν λογικῶν τοῦ Χριστοῦ προβάτων. Καὶ δὴ νομίμως πάντες οἱ ἀρχιερεῖς ἐξ ἑνὸς λόγου ἐκλεξαν καὶ ἐψήφισαν τὸν πανιερωτάτον (л. 40) ἀρχιεπίσκοπον Ῥαζανίου κβρ Ἰγνά-

τιον сльпецъ и не можеть пребывать на патриаршествѣ, посему обсудите, чтобы назначить вмѣсто него другого патриарха, кого вы избирете. Всѣ отвѣтили: „Хорошо ты опредѣляешь, благочестивѣйшій царь и великій князь всея Россіи Димитрій Ивановичъ; да исполнится воля твоя, какъ ты повелѣваши“. Поклонившисъ и благословивши его, они отравилисъ въ соборный храмъ Пречистой Богородицы. Совершивъ поклоненіе и помолясь, всѣ архiereи вошли въ придѣлъ Покрова Пречистой, т.е. въ Покровъ Пресвятія и, совершивши тамъ литію, сѣли всѣ на тронахъ. Съ ними находиза и смиренный архіепископъ архангельскій господинъ Арсеній. Поговоривши всѣ единодушно другъ съ другомъ, рѣшили: пусть будетъ снова патриархомъ святѣйшій патриархъ господинъ Іовъ, но такъ какъ онъ великій старецъ и сльпецъ и не въ силахъ пасти великую церковь Христову и столь многочисленную паству, то перерѣшили не его оставить, но избрать другого, вмѣсто сего старца и сльпца, патриарха кнръ Іова, для смотрѣнія за великою церковью Христовою и за словесными овцами Христа. И дѣйствительно, законно всѣ архiereи единогласно избрали и нарекли пресвященнѣйшаго архіепископа рязанскаго кнръ Игнатія патриар-

¹⁾ В рукописи, очевидно, ошибка. Придѣлъ въ честь Покрова пр. Богородицы при Успенскомъ соборѣ никогда не было, а былъ придѣлъ вверху собора во имя *Похвалы пр. Богородицы* (И. Снегиревъ. Памятники московской древности. М. 1842 г. Описание Успенскаго собора. стр. 8), въ которомъ обыкновенно и происходили церемоніи избраній и нареченій сначала въ митрополиты, а потомъ и въ патриархи московскіе (тамъ же, стр. 8—9; Христ. Чтен. 1879, № 11—12, стр. 562).

τιον πατριάρχην Μοσχობίας καὶ πάσης Ῥωσσίας, καὶ γράψαντες τὸν κωνόδικον, ἔδειξαν τῷ βασιλεῖ καὶ τῇ συγχλήτῳ. Καὶ ὁ βασιλεὺς καὶ πάσα ἡ σύγχλητος ἐπήνεσαν τὸν ψηφισθέντα διὰ πατριάρχην».

(Ἀναβίθασις τοῦ ἀρχιεπισκόπου Ῥαζανίου κβρ Ἰγνατίου, τοῦ ποτε Ἐρισσοῦ καὶ Ἀγίου ὄρους ἐπίσκοπου, εἰς τὸν πατριαρχικὸν θρόνον Μοσχობίας¹⁾).

«Καὶ τῇ 1^ῃ Ἰουνίου²⁾ μηνὸς ἡμέρα κυριακῇ ἀνεβίθασαν τὸν πανιερωτάτον ἀρχιεπίσκοπον Ῥαζανίου κβρ Ἰγνατίου καὶ ὑποψήριον εἰς τὸν μέγαν καὶ ὑψηλότατον πατριαρχικὸν θρόνον μεγάλῃ Μοσχობίας καὶ πάσης Ῥωσσίας, ἐν τῇ μνήμῃ τῶν πανευφήμων δωδεκα ἀποστόλων, ἡμέρα κυριακῇ, γενομένης λειτουργίας καὶ παύρησας τῆς συγχλήτου καὶ παντός τοῦ λαοῦ. Καὶ μετὰ τῆς λειτουργίας ἐφιλευσεν ὁ βασιλεὺς τὸν πατριάρχην καὶ τοὺς ἀρχιερεῖς καὶ ἱερεῖς καὶ πᾶσαν τὴν σύγχλητον ἐν (τῷ) μεγάλῳ παλατίῳ. Καὶ μετὰ τῆς τραπέζης ἐχάρισεν (sic) ὁ βασιλεὺς τῷ πατριάρχῃ καὶ τοῖς ἀρχιερεῶσι δῶρα πολλὰ, καὶ μετὰ χαρᾶς πάντες ἐπορεύθησαν οἴκαδε.

комъ Москвы и всей Россіи и, подписавши кодексъ, показави царю и синклиту. Царь и весь синклитъ одобрили избраннаго патриарха».

(«Восшествіе архіепископа рязанскаго кнръ Игнатія, нѣкогда епископа Ериссо и Святой горы, на патриаршіи тронъ Москвы»).

«Въ 30 день іюня мѣсяца, въ воскресенье, возвели пресвященнѣйшаго архіепископа рязанскаго кнръ Игнатія и нареченнаго на великій и высочайшій патриаршіи тронъ великой Москвы и всеа Россіи, на память славнѣйшихъ 12 апостоловъ, въ воскресенье, когда совершалась съ великимъ торжествомъ литургія, въ присутствіи царя, синклита и всего народа. Послѣ литургіи царь въ большомъ дворцѣ привѣтствовалъ патриарха, архiereевъ, священниковъ и весь синклитъ. Послѣ трапезы царь одарилъ многими дарами патриарха и архiereевъ, и всѣ возвратилсѣ домой съ великою радостію.

«Βασιλεία καὶ αὐτοκρατορία βασιλέως καὶ μεγάλου κνέζου Δημητρίου τοῦ ἀπο μοναχῶν. Γ.ε. Царствование и самодержавіе царя и великаго князя Димитрія изъ монаховъ».

«Ἐν τῷ 7^ῳ μηνὸς ἡμέρα κυριακῇ ὁ πατριάρχης τῆς μεγάλῃς Μοσχობίας καὶ

«Въ 7113 = 1605 году, 7 числа іюля мѣсяца, въ воскресенье, патриархъ великой Москвы и всея

¹⁾ Заглавія, которыя мы заключаемъ въ скобки, взяты нами съ полей рукописи. Писаны они кнноварью.

²⁾ Въ рукописи ошибочно стоитъ: 31 число іюня, переаправленное изъ прежде написаннаго: 31 мая.

πάσης Ῥωσσίας κύρ Ἰγνάτιος οὖν τῆ περι αὐτοῦ ἀρχιερατικῆ συνόδῳ καὶ μετὰ πάντων τῶν μεγάλων ἀρχόντων καὶ τῆς συγκλήτου καὶ παντός τοῦ λαοῦ ἐν τῷ πανσέπτῳ μεγάλῳ ναφ τῆς πανάγνου Θεοτόκου ἑστέφαν βασιλέα Δημήτριον (г. 41) Ἰωαννοβίτην λεγόμενον μεγάλης Μοσχობίας καὶ πάσης Ῥωσσίας. Γενομένης δὲ παρήγιας μεγάλης, κομήσαντες τὰ βασιλικά παλάτια, καταστρώσαντες πᾶν τὸ ἔδαφος τοῦ παλατίου καὶ τὴν ἑδὸν, τὴν εἰσάγουσαν ἀπὸ τοῦ παλατίου εἰς τὴν μεγάλην ἐκκλησίαν, καὶ πᾶν τὸ ἔδαφος τῆς ἐκκλησίας, καὶ ἀπὸ τῆς Παναγίας ἕως εἰς τὴν μεγάλην ἐκκλησίαν τῶν Ἀρχαγγέλων, καὶ ὅλον τὸ ἔδαφος τῶν Ἀρχαγγέλων χρυσοῦφαντα χάςδια, καὶ οὕτως ἤλθε μετὰ πάντων τῶν ἀρχόντων καὶ τῆς συγκλήτου εἰς τὴν μεγάλην ἐκκλησίαν, καὶ ἑστάθη ἐν τῷ ἐτοιμασμένῳ καὶ ὑψηλῷ τόπῳ ἐν μέσῳ τῆς ἐκκλησίας, κάκειος ἐστέφθη ὑπὸ τοῦ πατριάρχου κύρ Ἰγνατίου τὰ βασιλικά στέμματα καὶ διαδήματα καὶ τὴν κορόνα τοῦ πατρὸς αὐτοῦ βασιλέως Ἰωάννου Βασιλιεβίτη, τὴν ἀπεσταλμένην (об.) παρὰ τοῦ καίσαρος τοῦ μεγάλου βασιλέως Ἀλαμανίας, συμπαρόντων ἐν τῷ ὑψηλῷ τόπῳ ἐκείνῳ καὶ τῶν ἀρχιερέων. Καὶ μετὰ τοῦ στεφθῆναι πάντα τὰ βασιλικά στέμματα ὑπὸ τοῦ πατριάρχου, ἤλθεν εἰς τὸν μέγαν ναὸν τῶν Ἀρχαγγέλων, ἐπροσκύνησε καὶ ἤρπασατο πάντας τοὺς τάφους τῶν μεγάλων κνέζων, εἰσῆλθε καὶ ἕσωθεν τοῦ παρακλήσιου Ἰωάννου τῆς Κλίμακος, ὅπου εἰσὶ οἱ τάφοι τῶν βασιλέων Ἰωάννου καὶ Θεοδώρου, καὶ ἐπροσκύνησεν αὐτούς. Κάκειος ἐν τῷ παρακλήσιῳ, ἀναλόγιον ἦν εὐπρεπισμένον κατέπαυα τοῦ ἀναλογίου ἦν ἡ κορόνα τοῦ εὐσεβεστάτου μεγάλου κνέζου Βλαν-

Россиі князь Игнатій со всѣми своими архіерейскими соборомъ, со всѣми великими боярами, синклитомъ и всѣми народомъ во всечестномъ соборномъ храмѣ пречистой Богородицы вѣнчали на царство царя Дмитрія Ивановича, именуемаго (царемъ) великой Москвы и всей Россіи. Во время торжественной церемоніи былъ украшенъ царскій дворецъ и разостлана по всему полу дворца и по пути, ведущему изъ дворца въ соборную церковь, и по всему полу церкви и отъ церкви Пречистой до собора Архангельскаго храма и по всему полу Архангельскаго собора затканная золотомъ бархатная парча, и, такимъ образомъ, даръ пошелъ со всѣми боярами и синклитомъ въ соборную церковь и всталъ на уготованномъ и высокомъ мѣстѣ посредникѣ церкви, и тамъ былъ вѣнчанъ патриархомъ князь Игнатіемъ царскимъ вѣнцомъ, дадемоу и короною отъ своего Ивана Васильевича, присланною отъ кесаря, великаго царя Аламанія, въ присутствіи на томъ же высокомъ мѣстѣ архіереевъ. Послѣ вѣнчанія всѣми царскими регалиями патриархомъ, (царь) пошелъ въ соборный Архангельскій храмъ, поклонился и облобызалъ всѣ гробы великихъ князей, вошелъ и внулгъ придѣла Іоанна Лѣвтиничика, гдѣ находятсѣ гробы царей Іоанна и Θεοδωρα, и поклонился имъ. Тамъ, въ придѣлѣ, стоялъ хорошо убранный аналогіи, на которомъ находилася корона благочестивѣйшаго князя Владиміра Мономаха. И тамъ вѣнчалъ его этою самою короною великаго князя Владиміра Мономаха смиренный архіепископъ архангельскій, нѣкогда емассонскій и

τιμήρου μοναχοῦ (Μονομάχου)¹). Κάκειος ἐστέφατο αὐτὸν τῆ αὐτῇ κορόνῃ τοῦ μεγάλου κνέζου Βλαντιμήρου μοναχοῦ (г. 42) ὁ ταπεινὸς ἀρχιεπίσκοπος τῶν Ἀρχαγγέλων Ἀρσένιος, τοῦ ποτε Ἐλασσόνος καὶ Δημονίου τοῦ τῆς Ἑλλάδος, ἐπέβηκεν ἐπὶ τῆ κεφαλῇ αὐτοῦ, εὐχόμενος εἰπὼν Ἄξιος. Οἱ δὲ φάλται ἔφαλλον τὸ αὐτὸ Ἄξιος. Καὶ ἄφ' οὗ ἐκοροιάσθη, ἐπορεύθησαν εἰς τὸν μέγαν ναὸν τῆς πανάγνου Θεοτόκου, κάκειος προσκαρτεροῦντες ὁ πατριάρχης καὶ οἱ ἀρχιερεῖς, καὶ εἰσελθόντες ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ τῆς πανάγνου Θεοτόκου, ἤρξατο ἡ θεία λειτουργία. Πληρωθείσης τῆς θείας λειτουργίας, ἐπορεύθησαν ἅπαντες εἰς τὸ μέγα παλάτιον, ἐτοιμασμένης οὖσης τραπέζης. Μετὰ δὲ τῆς τραπέζης ἐκείνης μεγάλης, φιλοτιμήσας ὁ βασιλεὺς τὸν πατριάρχην δῶρα πολλὰ καὶ τοὺς ἀρχιερεῖς ἐπορεύθησαν οἰκαδε.

«Ὅθι οὖν βασιλεὺς (об.) γραμματικὸς καὶ φρόνιμος ὦν, φρονίμως καὶ τὴν βασιλείαν ἐκυβέρνα, μιμωμένος τοὺς πρὸ αὐτοῦ βασιλεῖς, καὶ μάλιστα ἐσοβδαζε, ἵνα τοὺς περᾶσθαι εἰς πᾶσαν πράξιν καὶ προκοπὴν βασιλικὴν, ἀγαπήσας δὲ μᾶλλον τὴν δόξαν τῶν ἀνθρώπων ὑπὲρ τὴν δόξαν τοῦ Θεοῦ.

(Ἐπὶ ἀνάκλησις Μαρίας βασιλίσσης καὶ τῶν λοιπῶν ἐξωρισμένων). «Ὅθι ὁ βασιλεὺς Δημήτριος μετεκαλέσατο πάντας τοὺς ὀργιστοὺς καὶ ἔξοριστοὺς καὶ φολακωμένους ὑπὸ τοῦ βασιλέως Βποροβου τὴν βασίλισσαν Μαρίαν, τὴν ἐπονομαζομένην Μάρθαν μοναχίην, τὴν ἰδοῦσθαι Ἰωάννου βασιλέως, ἀπὸ τῆς ἔξορίας ἔφερε καὶ διὰ μητέρας αὐτοῦ μεγάλως ἐτίμα, καὶ τοὺς ἀδελ-

Димоника изъ Эллады, возложилъ ее на голову его, молясь и сказавъ Ἄξιος. Пѣвцы пропѣли тоже самое: Ἄξιος. И послѣ того, какъ онъ былъ коронованъ, отправились въ великій храмъ пречистой Богородицы, и тамъ находившіеся патриархъ и архіереи, когда вошли въ церковь пречистой Богородицы, начали божественную литургію. По окончаніи божественной литургіи, всѣ отправились въ большой дворецъ, такъ какъ была приготовлена трапеза. Послѣ этой большой трапезы, даръ, почтивъ великими дарами патриарха и архіереевъ, отпустилъ ихъ домой.

«Итакъ, царь этотъ, будучи образованнѣмъ и мудрымъ, мудро управлялъ и царствомъ, подражая царямъ, прежде него бывшимъ, и въ особенности стремился, чтобы превзойти ихъ во всякомъ царскомъ дѣланіи и успѣхѣ, любивъ, однакоже, болѣе славу человѣческую, нежели славу Божию.

(«Возвращение изъ ссылки Маріи царицы и остальныхъ опальныхъ»). «Этотъ царь Дмитрій вызвалъ всѣхъ опальныхъ, сосланныхъ въ ссылку и заключенныхъ въ темницы царемъ Борисомъ царицу Марію, называемую Маршою монахинею, супругу царя Іоанна, возвратилъ ее изъ заточенія и, какъ мать свою, почтивъ великою честью, и братство ея и

¹) Здѣсь и ниже: μοναχοῦ — ошибка въ рукописи, вмѣсто Μονομάχου.

φοδς αὐτῆς καὶ πᾶσαν τὴν γενεάν αὐτῆς μεγάλως ἐτίμησε, καὶ τοὺς οἰοὺς Νικήτα Ῥωμανοῦ τοὺς τεσσαύρους (sic) ἀδελφοὺς, ὅπου ἦτον (sic) ἐξωρισμένοι καὶ φυλακισμένοι (л. 43) ὑπὸ τοῦ Παροβση, τοὺς πρῶτους ἐξαδελφούς Θεοδώρου βασιλέως, προεκαλέαστο ἐκ τῆς ἐξορίας καὶ μεγάλως ἐτίμησε¹⁾ τὸν μὲν πρῶτον Θεόδωρον ὄνομα, ὅπου αὐτικῶς συκοφαντήθει, οὐ μόνον ἐξώρισεν, ἀλλὰ καὶ ἐκ τῆς γυναικὸς αὐτοῦ ἐχώρισε καὶ μοναχὸν ἐκούρευσε καὶ ἀπέκλεισαν αὐτὸν εἰς φυλακὴν. Καὶ μὴ θέλων ὁ Θεόδωρος μετὰ τοῦ προσκαλέσασθαι, κελεσάσας τοῦ βασιλέως, συντελοῦντος αὐτῷ καὶ τοῦ πατριάρχου καὶ τῆς συνόδου, λαβεῖν τὴν ἰδίαν γυναῖκα, ἐτι ζῶσαν, καὶ ἀπολαβεῖν τὰ τῶν μοναχῶν ἄμφια, τὰ παρὰ κανόνας καὶ βίας ἐνδύσασθαι²⁾ ἀλλ' ἔπει καὶ σώφρων ὢν καὶ τὸν Θεὸν φοβούμενος, οὐκ ἕτερεν ἀπολαβεῖν τὰ τῶν μοναχῶν, ἀλλὰ πάλιν παρὰ τοῦ βασιλέως παρακληθεὶς καὶ (τοῦ) (об.) πατριάρχου καὶ τῶν ἀρχιερέων μητροπολίτης Ῥοσσοτίου ἐχειροτονηθῆναι, Φιλάρετος ὀνομαζόμενος, κατὰ τὴν κλήσιν καὶ ἡ πράξις ἐπ' ἀληθείας φιλάρετος ἦν. Ἡ δὲ γυνὴ αὐτοῦ, εὐγενῆς οὔσα καὶ σώφρων, ἐκουρεύθη καὶ αὐτὴ μοναχὴ ἀντὶ Μαρίας διὰ τοῦ θείου κα ἀγιοεπισκοπῆς ἡμῶν, ἐπωνομάσθη Μάρθα μοναχῆ. Ἐχόντες οὖν καὶ οἶον Μεχαὴλ ὄνομα μεγάλως ἐτίμησεν αὐτὸν ὁ βασιλεὺς.

(Συμβουλή). «Μετὰ οὖν δύο μῆνας τῷ αὐτῷ χρόνῳ τῆς αὐτοῦ βασιλείας συμβουλεύσας τοὺς ἄρχοντας καὶ τῆ συγκλήτῳ τοῦ παλατίου, ὄστε λαβεῖν διὰ γυναῖκα τὴν τοῦ Σαντομήρου τοῦ βιθίνου τῆς Λαχίας Γεωργίου θυγατέρα Μαρίαν. Πάντες ἔδωσαν βουλὴν, ἵνα λάβῃ αὐτήν, ἐὰν μεταβασιθεῖ ἐν τῇ καθ' ἡμᾶς ἀνατολικῇ

¹⁾ В рукописи супруга Лжедимитрия называется большею частью *Μαριέю*, а не *Μαρινюю*, какъ въ нашихъ памятникахъ.

весь родъ ея весьма почтилъ; синоверъ Никиты Романовича, четверехъ братьевъ, которые находились въ ссылкѣ и были заключены въ темницу Борнсомъ, двоюродныхъ братьевъ царя Θεωδора, вызвалъ изъ изгнания и весьма почитилъ: перваго, по имени Θεοδора, ложно оговореннаго, (царь Борсь) не только сослалъ въ ссылку, но и отъ жены его отлучилъ, постригъ въ монашество и заключилъ его въ тюрьму. Θεοδὸρ послѣ того, какъ былъ вызванъ изъ ссылки, по приказанію царя, когда патриархъ и синодъ разрѣшили ему принять свою жену, еще въ живыхъ находящуюся, и снятъ съ себя монашескія одежды, надѣтыя на него вопреки канонѣвъ и силѣю, не пожелалъ, но такъ какъ, будучи и мудрымъ и боящимся Бога, не рѣшился снятъ съ себя монашескія санъ, то снова приглашенный къ царю, патриархомъ и архіереями былъ рукоположенъ ростовскимъ митрополитомъ съ именемъ Филарета. По имени и дѣяніе его было по истинѣ мисостивное. Жена же его, будучи благородною и благоразумною, постриглась и сама въ монахини и, вѣсто Маріи, въ божественной ангельской схимѣ получила названіе Марыи монахини. Имѣвшемуся у нихъ сыну, по имени МихаѴл, царь весьма много оказывалъ почестей.

(Совѣщаніе). «Итакъ, спустя два мѣсяца, въ томъ же году его царствования, посовѣтовавшись съ боярами, синклитомъ двора относительно того, чтобы взять себѣ въ жены Марину, дочь польскаго сандомирскаго воеводы Георгія, всѣ порѣшили взять ее, если она будетъ перекрещена въ нашей восточ-

ѣн κλήσιν. Καὶ οὕτως ἔσταλιν εἰς τὴν Λαχίαν τὸν μέγαν ἄρχοντα κνέστην (л. 44) Βασίλειον Μασάλοκιον καὶ τὸν μέγαν λογοθέτην Ἐθανάσιον Βλάστον μετὰ τῶν δώρων πολλῶν καὶ ἐξόδων, καὶ ἔφεραν αὐτήν, καὶ οὖν αὐτῇ ἤλυθε καὶ ὁ πατήρ αὐτῆς Γεώργιος βοεβδάς Σαντομηρίου, καὶ οἱ ὄθο ἀδελφοὶ αὐτῆς καὶ πολλοὶ ἄρχοντες καὶ ἀρχόντισσας τῆς Λαχίας, καὶ πολλοὶ εὐγενεῖς παῖδες καὶ νεανίδες ἤλθον μετ' αὐτῆς διὰ τὴν χάριν τοῦ γάμου. Πᾶσαι φυγαὶ οὖν αὐτῇ ἤλθον πλείον χιλιάδες ἔξ¹⁾. Ἦλθον δὲ μετὰ παρρησίας μεγάλης, καὶ ἐγένετο μεγάλῃ προῦπάντησις χάριν αὐτῆς. Πάντες οἱ ἄρχοντες καὶ οἱ ἀρχόμενοι ἐξήλθον ἐκ τῆς Μοσχεβίας εἰς προῦπάντησιν αὐτῆς, πάντες μετὰ λαμπρῶν ἐνδυμάτων, προσδοκιοῦντος τοῦ βασιλέως κατὰ τάξιν καὶ τῶν ἄρχόντων εἰς προῦπάντησιν (καί?) τοῦ λαοῦ. Καὶ μετὰ διορθώσεως τῆς προῦπαντῆς, ἐστράφη ὁ βασιλεὺς εἰς τὰ (об.) παλάτια μετὰ ολίγους ἄρχοντας. Καὶ πᾶσα ἡ παράταξις ἤλθεν μετὰ Μαρίας, τῆς θυγατρὸς Σαντομηρίου, μετὰ δόξης καὶ τιμῆς μεγάλης, τῆς ὁποίας τιμῆς καὶ δόξης οὐ δυνατὰ τις διὰ γραφῆς δοῦναι τοιαύτην εὐπρέπειαν καὶ παράταξιν²⁾ εἰς ἀργυροχορον μέγα ἀμάξιον ἐκαθέζετο ἡ Μαρία μετὰ πολλῶν νεανίδων παρθένων, τὸ ὁποῖον ἀμάξιον ἔφερον ἵπποι ἐλεκτικοὶ δώδεκα, πάντες λευκοὶ, καὶ γῦρθεν τοῦ ἀμαξίου ἀρχοντοπούλα χρυσοφορεμένα ἐφιππα, καὶ ἐμπροσθεν τοῦ ἀμαξίου πολλοὶ στρατιῶται νέοι ἐλεκτικοὶ ἀρματωμένοι, περὶοὶ με τοουφῆκια εἰς τοὺς ὤμους καὶ ἀργυροκαθοζωσμένοι, καὶ ἐμπροσθεν τῶν περὶων στρατιωτῶν ἕτεροι πολλοὶ στρατιῶται ἔφιπποι ἀρματωμένοι με ἄρματα ἐλεκτὰ (л. 45) ἀργυροχορρα, καὶ ἐμπροσθεν ἀπ' αὐτῶν τῶν στρατιω-

¹⁾ Такое число гостей польскихъ насчитываетъ и Авраамій Палицынъ. (Русск. Истор. библ. т. XIII, ст. 494.)

ной церкви. И, такимъ образомъ, онъ отправилъ въ Польшу великаго боярина князя Василія Масальскаго и великаго дьяка (логовета) Аванасія Власьева съ многочисленными подарками и деньгами на расходы, и они привели ее. Съ нею прибылъ отецъ ея Георгій, воевода сандомирскій; явились съ нею на брачное торжество два брата ея, многие польскіе бояре и боярыни, многіе изъ благородныхъ фамилій юноши и дѣвѣцъ. Всего прибыло съ нею душъ болѣе шести тысячъ. Явились они съ великимъ торжествомъ, а дѣя нея была устроена величественная встрѣча. Всѣ бояре и начальствующіе въ блестящихъ одеждахъ вышли на встрѣчу ей изъ Москвы, въ предместіи, по чину, царя, бояръ и народа. Послѣ того, какъ была приготовлена встрѣча, царь съ немногими боярами возвратился во дворецъ. Вся церемонія встрѣчи Маріи, дочери сандомирскаго воеводы, прошла со славомъ и великою честью, каковыя никто не въ состояніи описать по причинѣ ихъ великолѣбна и торжественности. Въ большой сребровызолоченой каретѣ сѣдла Марія со многими молодыми дѣвѣцами. Въ карету были запряжены избранные двѣнадцать коней, всѣ бѣлой масти, кругомъ кареты на коняхъ ѣхали боярскіи дѣти въ золотыхъ одеждахъ, впереди кареты находились многочисленныя избранные молодые, вооруженные, пѣшіе воины, съ ружьями на плечахъ и съ серебряными мечами у пояса, а впереди пѣшихъ воиновъ ѣхало на коняхъ множество другихъ вооруженныхъ воиновъ, съ ору-

τῶν ὁ ἀρχιστράτηγος χρυσοφορούμενος ἔφιππος, κρατῶν ἀργυρόχρυσον ῥάβδον, καὶ ἔμπροσθεν ἀπὸ τοῦ ἀρχιστράτηγου ὄργανα πολλὰ εὐχησάμενοι (sic), κόμβοι, τῦμπανα καὶ βούκινα καὶ ἄλλα τινὰ μουσικὰ πάντα ἀλαλάζοντα, καθ' ὅδον πορευόμενοι. Καὶ ὄπισθεν πλησίον τοῦ ἄρματος ὑπῆρχεν ὁ πατήρ αὐτῆς καὶ οἱ ἀδελφοὶ αὐτῆς καὶ συγγενεῖς, καὶ μετ' αὐτῶν ὄπισθεν ὀρθόντισσες πολλαὶ ἐπὶ ἄμαξων καὶ τεσσάρων ἵππων. Καὶ εἰσελθόντες ἐν Μοσχολίᾳ τῇ μεγάλῃ ἐπροσεδέετο αὐτὴν ἡ βασίλισσα Μάρθα μοναχὴ, τοῦ βασιλέως μήτηρ, μετὰ παρρησίας μεγάλης, εὐτρεπισμένων ὄντων τῶν αὐτῆς μεγάλων οἰκῶν ἐν τῇ (об.) μοναστηρίῳ τῶν παρθένων τῆς Ἀναλήψεως Χριστοῦ Θεοῦ ἡμῶν, καὶ μείνασα μετ' αὐτῆς τῆς μητρὸς τοῦ βασιλέως ἡμέρας ὀκτώ, ἐγένετο τῆς ἑτοιμασίας τοῦ γάμου, καὶ πάντων ἑτοιμασθέντων ἐν τῇ παλατίῳ, διὰ νυκτὸς ἦλθεν ἡ Μαρία μετὰ τῆς βασιλίσσης Μάρθας μοναχῆς καὶ μετὰ τοῦ πατρὸς αὐτῆς, καὶ τῶν ἀδελφῶν, καὶ τῶν ἀρχόντων ἀνδρῶν τε καὶ γυναικῶν.

1) «12 мая, читаемъ мы въ дневникѣ Марини Миншекъ, былъ въездъ царицы въ Москву. Обозъ отправили впередъ; за порядкомъ встрѣчи наблюдалъ самъ царь, который въѣзжалъ для сего только съ десятиа всадниками, не желая быть узненнымъ. Давъ наставленіе тѣмъ лицамъ, которые назначены были присутствовать при вшествіи, или находиться при двухъ шатрахъ, раскинутыхъ у самой столицы надъ Москвою рѣкою, онъ самъ разставилъ въ два ряда стрѣльцовъ и алебардшиковъ, числомъ около тысячи человекъ. Королевскій посолъ Малогоскій въѣхалъ въ Москву однимъ часомъ ранѣе царицы. Какъ скоро она приблизилась къ городу, окруженная панами, немедленно тысяча гусаръ изъ царской конницы выстроилась по сторонамъ вышеозначенныхъ наметовъ: царица вошла въ оныя и приняла поздравленіе вое-

«Καὶ γενομένης ἡμέρας τῇ ἡ' τοῦ Μαΐου μηνὸς μετὰ μεγάλης τάξεως καὶ παρρησίας καὶ τιμῆς ἐνωθέντες, ὁ βασιλεὺς Δημήτριος (σὺν) τῇ Μαρίᾳ ἐκατέβησαν ἀπὸ τοῦ παλατίου μετὰ πάντων τῶν ἀρχόντων καὶ τῆς συγγλήτου ἀνδρῶν τε καὶ γυναικῶν μετὰ δόξης καὶ παρρησίας πολλῆς. Πᾶν τὸ ἔδαφος τοῦ παλατίου καὶ ἡ

«Когда наступило 8-е мая, то съ великимъ чиномъ, торжественно стію и честію соединившись, царь Димитрій съ Марією вышли изъ дворца, въ сопровожденіи всѣхъ бояръ, синелита, мужчинъ и женщинъ со славомъ и торжественно стію великою¹⁾. Весь полъ дворца и плусть, ведущій въ соборный храмъ

водъ, князей, думныхъ бояръ и всѣхъ царедворцевъ, привѣтствовали ея, по своему обыкновенію, съ счастливымъ и радостнымъ при бытіемъ. *Посль сего представлена ей отъ имени царя карета, отправленная серебромъ, съ царскими гербами, въ 12 лошадей, съ бѣлыми и черными пятнами: каждую вель особенный конюхъ. По окончаніи поздравленій, она тотчасъ сѣла въ карету и отправилась. Алебардшики и стрѣльцы шли около кареты, офицеры нашей цусарской роты въжали своими порякомъ, а Русскіе передъ каретою. При въѣздѣ въ старый городъ, за третью каменную стѣну, уда рили въ литавры и барабаны, собранные въ великомъ числѣ, предъ крѣпостью на площади, въ знакъ счастливаго окончанія путешествія. Этотъ промъ не умолкалъ, доколь царица не вступила во дворецъ, жилище царской матери, гдѣ слѣзала привѣтствіе, какъ ей, такъ и царю. Тутъ оставалась она до свадьбы съ своею камерфрей льяною при царской матери» (Н. Устрялов. Сказанія современниковъ о Димитріѣ самозванцѣ т. IV, стр. 28—29). Болѣе обстоятельно тотъ же въездъ описывается въ дневникѣ польскихъ пословъ Олесницкаго и Гонсѣвскаго (Тамъ же, стр. 123—126), у Георга Перле (т. II, стр. 45—47), въ Московской лѣтописи Мартина Бера (т. I, стр. 261—262) и у др., но за арх. Арсеніемъ все же остается несомнѣнное преимущество въ описаніи этого въезда по картинности и обстоятельности всѣхъ подробностей этой церемоніи.*

1) Чтобы можно было видѣть, насколько точно описываетъ арх. Арсеній въ своихъ мемуарахъ коронаціонныя и брачныя торжества Марини Миншекъ и Самозванца, мы приведемъ здѣсь извлеченія изъ оффиціального «отрывка брачнаго чина». «А чинъ въ соборной церкви устроити, говорится въ этомъ «отрывкѣ», поставити середъ церкви нагой с паволокою, гдѣ стояти царскому чину, а паволока прежняя; да устрои-

ὁδός, ἡ ἀπάγουσα εἰς τὸν μέγαν καὶν τῆς πανάγου Θεοτόκου, καὶ τὸ ἔδαφος ὕλον τῆς (λ. 46) μεγάλης ἐκκλησίας ἐστρωμένον ἦν μεταξοχρυσόχαζδια. Καὶ εἰσελθόντες εἰς τὴν ἐκκλησίαν, ἐπροσδέξατο αὐτοὺς ὁ πατριάρχης μετὰ τῶν ἀρχιερέων καὶ εὐλόγησεν αὐτοὺς μετὰ τοῦ τιμίου καὶ ἁγίου σταυροῦ, καὶ οἱ φάλται ἐψάλλον αὐτὴν τοῦ βασιλέως φήμην. Καὶ ἀμφοτέρους λαβὼν ὁ πατριάρχης, συμπάρωντων καὶ τῶν ἀρχιε-

речиной Богородицы, и весь полъ соборной церкви были устланы бархатною парчею, затканною золотомъ. При входѣ въ церковь, ихъ встрѣтилъ патриархъ съ архiereями и благословилъ ихъ честнымъ и святымъ крестомъ. Пѣвцы пропѣли ей царское многолѣтіе. Патриархъ, взявши обѣихъ, въ сопровожденіи архiereевъ, вошелъ на приготовленное высокое мѣсто, посрединѣ церкви, все покрытое и украшен-

ти *чертожное мѣсто*, здѣлати новое пошире старово, а у него 12 степеней, обложи багрецомъ; да поставити Государю престолъ персидкой золотъ с каменьемъ, да колодка золотная, а с правую сторону поставити стулъ патрeарху, а с левые Государыне Цесареве поставити стулъ болшой золотой, да колодочка золотная бархатна, или камчатая. А отъ чертожнаго мѣста слати *сукнажъ багрецовые и бархаты* Государю и Государыне *з золотомъ*, а потрeарху бархатъ чернъ; и поставити отъ чертожнаго мѣста по обе стороны скамьи, гдѣ сидѣти властемъ; а послати наволочники Государевы 2 на рядъ с плетевки... И встрѣтитъ чинъ царскви патриархъ у дверей, вышедъ изъ церкви со всѣмъ соборомъ... А какъ воидеть Государь и Государыня в церковь, и пѣти многолѣтіе Государю; а Государь прикладываецца к образу к пречистой Богородице к чудотворному образу, да к чудотворцамъ к Петру и к Иове; а Государыне итти за Государемъ... а у образовъ и у чудотворцовъ, гдѣ Государыне прикладыватца, приступцы здѣлати колодочки, смотря по мѣстомъ... И какъ Государь и Го ударыня, прикладывався у образовъ, придетъ к патриаршу мѣсту, и патриархъ со всѣми властми поклонитца Государю, Государыне, и благословитъ Государя и Государыню, и возведетъ Государя и Государыню на чертожное мѣсто... А власти сядуть по скамьямъ, а бояре стануть за Государемъ у столпа по правую сторону, а по лѣвую сторону стоять боярынемъ... Дальнѣйшее изложение подробностей чина коронаванія, какъ увидимъ ниже, кромѣ момента причащенія новокороначнной, исполнѣ согласно съ обычными коронаціонными чинами русскихъ государей (Собраи. Госуд. грам. и договор. т. II, № 138, стр. 290—292).

реων, ἀνέβησαν εἰς τὸν ἐτοιμασμένον τόπον τὸν ὑψηλὸν ἐν μέσῳ τῆς ἐκκλησίας, ὄλος κεισο(μη)μένος καὶ σεκασμένος μὲ μεταξοχρυσόχαζδια. Καὶ ἐπάνω τοῦ ὑπερῶου ἐκείνου τόπου ἦσαν τρία ἀργυρόχροσα σκαμνία μετὰ προσκεφάλων πολυτιμῶν τοῦ πατριάρχου, τοῦ βασιλέως καὶ τῆς νύμφης Μαρίας. Καὶ ἐκάθισαν ἐπάνω αὐτῶν, οἱ δὲ ἀρχiereεὶ ἐκάθισαν εἰς τὰ σκαλῶνια (об.) τοῦ ὑψηλοῦ τόπου ἐκείνου ἐπάνω προσκεφάλων χρυσοῦφάντων. Καὶ ἐμπροσθεν τῆς ὥραιας πόλης ἐπάνω τετραποδίου καλοεπρεπιμένου ἦσαν τὰ βασιλικά στεμματα τῆς βασιλείσης. Καὶ ἀναστάς ὁ πατριάρχης καὶ ὁ βασιλεὺς καὶ πάντες οἱ σὺν αὐτοῖς καθεζόμενοι ἀρχiereεὶ, ὁ πατριάρχης εἶπεν Ἐβλόγητόν. Καὶ ὁ πατριάρχης, λέγων τὰς εὐχάς, οἱ ἀρχiereεὶ κατὰ τάξιν, ἀπὸ οὗο ἀρχiereεὶ ἐφέρονταν τὰ βασιλικά στεμματα καθ' ἑν κατὰ τάξιν. Καὶ ὁ πατριάρχης, δεχόμενος αὐτά, εὐλόγει αὐτὰ καὶ ἔδωκεν τῆς Μαρίας τῆς βασιλείσης, ὁ πατριάρχης καὶ οἱ ἀρχiereεὶ συμβοηθοῦντες. Ὁ δὲ βασιλεὺς, προσεστημένος ὦν τῶν βασιλικῶν στεμμάτων, ἐστέκετο. Καὶ στέψαντες τὴν βασιλίссαν πάντα τὰ στεμματα καὶ διαβάσας ὁ πατριάρχης (л. 47) τὰς εὐχάς, οἱ φάλται ἐψάλλον τὸ Ἄξιо; καὶ τὴν φήμην. Καὶ πληρωθέντων τῶν στεμμάτων καὶ τῶν εὐχῶν, κατέβηκε ὁ βασιλεὺς καὶ ἡ βασιλίсса, ἀμφοτέροι ἐστεμμένοι τὴν βασιλικῶν στεμμάτων, προσδοποιοῦντος τοῦ πατριάρχου, ἕως οὗ ἀνέβησαν εἰς τὸν ὑψηλότατον θρόνον τῶν βασιλικῶν, προκαρτεροῦντες τῆς θείας λειτουργίας. Καὶ ἀρξάμενος ὁ πατριάρχης τῆς θείας λειτουργίας καὶ πληρωθείσης αὐτῆς, ἐψάλλον οἱ φάλται τὸν πολυχρονιοῦν τὸν βασιλικὸν κατὰ τάξιν. Καὶ μετὰ τῆς θείας λειτουργίας ὁ πρωτοπαπᾶς Θεόδωρος τοῦ Ἐθαγγελιοῦ ἐστεφάνωσεν αὐτοὺς ἐν μέσῳ τῆς ἐκκλησίας ἐμπροσθεν τῶν ἁγίων

ное бархатною съ золотомъ парчею. Вверху на этомъ высокомъ мѣстѣ стояли три среброволоченныя скамеечки съ драгоцѣнными подушками для патриарха, для царя и невѣсты Маріи. Они сѣли на эти скамеечки, а архiereи сѣли на ступенкахъ возвышеннаго мѣста на золототканныя подушки. Предъ царскими дверями, на пригтовленномъ хорошо убранномъ столнкѣ, лежали царскія одежды царицы. Патриархъ, царь и всѣ архiereи, сидящіе съ ними, встали, патриархъ сказалъ: «Благословенъ Богъ нашъ». Во время чтенія молитвъ патриархомъ и архiereями, по чину, два архiereи принесли царскія одежды каждый по одной, по чину. Патриархъ, принявши ихъ, благословилъ ихъ и возложилъ на парицу Марію, при помощи архiereевъ. Царь, будучи напередъ короновавъ царскими одеждами, стоялъ (на своемъ мѣстѣ). По возложеніи на царицу всѣхъ одеждъ, когда патриархъ прочиталъ молитвы, пѣвцы пропѣли Ἄξιо; и многолѣтіе. По возложеніи одеждъ и по прочтеніи молитвъ, царь и царица, оба облаченные въ царскія одежды, сошли внизъ и, въ предшествіи патриарха, вошли на высочайшій царскій тронъ, оставаясь для выслушанія божественной литургии. Патриархъ началъ божественную литургію и, по окончаніи ея, пѣвцы пропѣли царское многолѣтіе, по чину. Послѣ божественной литургии благовѣщенскій протопопъ Θεодоръ новѣнчалъ ихъ посрединѣ церкви предъ святыми вратами. И послѣ вѣнчанія своего, *оба они не пожелали причащаться Святыахъ Таинъ*. Это сильно опечалило всѣхъ, не только патриарха и архiereевъ, но и всѣхъ

θυρῶν. Καὶ μετὰ τοῦ στεφανώσαι αὐτούς, οὐκ ἐβέλησαν ἀμφοτέροι μεταλαβεῖν τῶν θεῶν μυστηρίων. Τοῦτο (οὐ) μεγάλας ἐλόπησαν ἅπαντας οὐ μόνον τῷ πατριάρχῃ καὶ τοῖς ἀρχιερεῦσιν, ἀλλὰ καὶ πάντας τοὺς θεωρησάντας καὶ ἀκούσαντας. Τοῦτο οὖν ἐγένετο πρώτη καὶ μεγάλη λύπη καὶ ἀρχὴ τοῦ σχηδάλου, καὶ αἰτία πολλῶν κακῶν εἰς πάντα τὸν λαὸν Μοσχοβίας καὶ πάσης Ῥωσίας. Καὶ μετὰ τὸ στεφανωθῆναι ἀνήλθον εἰς τὸ παλάτιον κατὰ τάξιν, καθ' ὅδον βίψαντες ἀργύρια ἀναριθμήτα καὶ φλωρία οὐκ ὀλίγα. Καὶ ἀνεβθόντες εἰς τὸ παλάτιον ὁ βασιλεὺς, ἡ βασίλισσα καὶ πάντες οἱ ἄρχοντες, αἱ ἀρχόντισσες τῆς Ῥωσίας καὶ τῆς Δελχίας, καὶ πᾶσα ἡ οὐγκλητος, καὶ ἐγένετο χαρὰ μεγάλη καὶ πάντα τὰ τοῦ γάμου ἀκόλουθα. Ὁ δὲ πατριάρχης καὶ οἱ ἀρχιερεῖς μετὰ τῆς θείας λειτουργίας ἐπορεύθησαν οἴκαδε.

«Τῇ δὲ ἐρχομένη κυριακῇ ὁ πατριάρχης, οἱ ἀρχιερεῖς καὶ οἱ ἀρχιμανδρίται (α. 48), καὶ οἱ ἡγούμενοι ἐπορεύθημεν ἄνω ἐν τῷ παλατίῳ, κοίσαντες δῶρα πολλὰ τῷ βασιλεῖ καὶ τῇ βασίλισσῃ ἀργυροχρύσας εἰκόνας, χρυσοῦφανα χαζῖδια, ἀργυροχρῶσα ποτήρια, καμπουχάδες καὶ σαμοῦρια. Καὶ ἀνεβθόντες εἰς τὸ παλάτιον πολλῶν ὄντων μεγιστάνων ἀρχόντων καὶ ἐτέρων πολλῶν καρτεροῦντων μετὰ δῶρων πολλῶν, θέλοντες χάριτα τῷ βασιλεῖ καὶ τῇ βασίλισσῃ. Πρῶτον εἰσελθὼν ὁ μέγας πατριάρχης μετὰ τοὺς ἀρχιερεῖς εἰς τὸ μέγα χρυστὸν παλάτιον, εὐλόγησε τὸν βασιλεῖα καὶ τὴν βασίλισσαν, κα-

видѣвшихъ и слышавшихъ. Итакъ, это была первая и великая печаль, и начало скандала и причина многихъ бѣдъ для всего народа московскаго и всей Руси. Послѣ вѣчанія, они отправились во дворецъ, по чину, на пути осмпаемые безчисленными серебряными деньгами и немалыми количествами флориновъ (золота). Когда вошли во дворецъ царь, царица, всѣ бояре и боярыни русскіе и польскіе и весь синклитъ, то началось великое торжество и все что относится къ браку. Патриархъ и архіереи послѣ божественной литургии удалились домой.

Въ слѣдующее воскресенье патриархъ, архіереи, архимандриты и игумены и мы пошли во дворецъ съ многочисленными подарками царю и царицѣ, состоящими изъ сребровызолоченныхъ иконъ, бархатовъ золототканыхъ, сребровызолоченныхъ кубковъ, рытнхъ бархатовъ и соболей¹⁾. Мы пришли во дворецъ, когда тамъ уже ожидали весьма знатные бояре и другія лица, пришедшіе со многими дарами и желающіе принести ихъ царю и царицѣ. Вошедши въ золотую палату вслѣдъ за архіереями, патриархъ сначала благословилъ царя и царицу, сидящихъ на

θεωρούμενους ἄμφω εἰς βασιλικούς καὶ περιφρούρους θρόνους, καὶ καθήρα: ὁ πατριάρχης ἐκ δεξιῶν πλησίον τοῦ βασιλέως εἰς θρόνον καλοσυνεπρεπτόν. Καὶ ἀναστάντες ἔδωσαν ἐπὶ πατριάρχῃ τὰ χαρίσματα τὸν βασίλεα πάντα πρῶτον, καὶ δεύτερον εὐλόγησας (οὐ) αὐτόν. Ὁμοίως ἔδωκε καὶ τῇ βασίλισσῃ τὰ δῶρα, εὐλόγησας αὐτήν. Ὁμοίως καὶ οἱ ἀρχιερεῖς πάντες εὐλόγησαν τὸν βασιλεῖα καὶ τὴν βασίλισσαν, ἔδωσαν τὰ χαρίσματα, οἱ δὲ ἀρχιμανδρίται καὶ ἡγούμενοι προσκυνήσαντες ἔδωσαν τὰ δῶρα καὶ αὐτοῖς τῷ βασιλεῖ καὶ τῇ βασίλισσῃ. Τοῦτο οὖν οὐκ ἀρεστὸν ἐφάνη τῷ πατριάρχῃ καὶ τοῖς ἀρχιερεῦσι, τοῖς ἄρχουσι καὶ παντὶ τῷ λαῷ, θεωρήσαντες τὴν βασίλισσαν μετὰ ἄγνωστον καὶ ξένην, φορεσίαν ἐνεδουμένην, βαστῶν φορεσίαν λευκὴν¹⁾ καὶ οὐχὶ ροδικα, καθὼς ἦν ἡ τάξις τῶν βασιλέων. καὶ εἶχον οἱ πρὸ αὐτοῦ βασίλεις. Τοῦτο πάντα μεγάλως ἐλόπησε. Τοῦτο ἐγένετο αἰτία καὶ ἀφορμὴ πολλῶν κακῶν (α. 49) καὶ ἀπώλεια τοῦ βασιλέως καὶ πάντες τοῦ λαοῦ ἀμφοτέρων τῶν ἐθνῶν Ῥουσσῶν καὶ Λευῶν.

(Θάνατος ἀτιμὸς Δημήτριου βασιλέως τοῦ ἀπό μοναχῶν). «Καὶ μετὰ ἕξ ἡμέρας συμβόλιον ποιήσαντες οἱ ἄρχοντες: καὶ ἡ πᾶσα οὐγκλητος τοῦ παλατίου θανάτῳ ἀτίμῳ παρέδωκαν αὐτὸν τὸν βασιλεῖα Δημήτριον. Γονυώσαντες αὐτὸν τῶν βασιλικῶν φορεμάτων, ἔσωσαν αὐτὸν γυμνὸν διὰ τῆς ἕδου ἔξω τοῦ παλατίου, ἐβρίψαν αὐτὸν ἐν τῷ φόρῳ γυμνόν. Ποιήσας ἐκεῖνος ἡμέρας δ' ἄνεπιμέλητος καὶ ἀταρτος, θεωροῦντες πάντες αὐτὸν κατέπειζον καὶ ἔλεγον αὐτὸν παράνομον, ψεύστην

царскихъ богатыхъ тронахъ, и сѣлъ справа близъ царя на маломъ тронѣ, хорошо убранномъ. Поднявшись, патриархъ поднесъ царю всѣ подарки, предварительно и потомъ благословивши его; равнымъ образомъ онъ поднесъ подарки и царицѣ, благословивъ ее. Точно также благословили царя и царицу всѣ архіереи и вручили подарки, а архимандриты и игумены поднесли дары царю и царицѣ, поклонившись. Итакъ, не показавшись приятнымъ патриарху, архіереямъ, боярамъ и всему народу, видѣвшимъ царицу, одѣтую въ невнятную и иноземную одежду, вмѣстную на себѣ польское платье, а не русское, какъ это было принято въ царскомъ чинѣ, и какъ это дѣлали цари прежде него. Все это весьма сильно опечалило. Это послужило причиною и поводомъ ко многимъ бѣдствіямъ, къ погибели царя и всего народа обѣихъ національностей Русскихъ и Поляковъ.

(Позорная смерть царя Димитрія изъ монаховъ). Черезъ шесть дней бояре и весь синклитъ двора, устроивши совѣшаніе, предали сего царя Димитрія позорной смерти. Скинувши съ него царскія одежды, нагимъ тащили его вонъ изъ дворца по улицѣ и бросили его нагаго на площадь. Тамъ въ теченіи четырехъ дней онъ находился безъ призора и непохороненнымъ. Всѣ, видѣвшие его, насмѣхались надъ нимъ и называли его преступникомъ, лжецомъ и разстригомъ.

1) «20 мая (воскресенье 21 мая, по новому стилю), говорится въ дневникѣ Марини Миншекъ, снова загремѣли трубы. Предъ обѣдомъ патриархъ и духовенство поднесли царю подарки: мѣха рысьи, собольи, парчу (Н. Устряловъ. Сказ. соврем. о Димитр. самозванцѣ г. IV, стр. 47).

1) Во время этого приема, по замѣчанію дневника Марини Миншекъ, «царица была въ польскомъ нарядѣ, а царь въ русскомъ» (Тамъ же, стр. 47 и 158).

2) Въ рукописи по ошибкѣ стоитъ: Арсеній Елассонскій.

καὶ κοορεμένον, ἀνεβιβάζοντες καὶ μέγα γελῶντες αὐτὸν ἄνδρες καὶ γυναῖκες, μικροὶ τε καὶ μεγάλοι. Καὶ μετὰ τὸν κακὸν νόμον αὐτοῦ, τὴν βασιλείαν Μαρτίνου οἱ ἀγνώμονες ἔδωσαν τοῖς περὶ αὐτῆς. ἧτις ἐγένετο (об.) ἀφορμὴ πολλῶν κακῶν. ὡς ποτε ἡ Ἑλένη ἐν τῇ μεγάλῃ πόλει Τρωάδα, μὴ γινώσκοντες οἱ ἀγνώμονες τὸ ἀποβησόμενον τί μέλλει γενέσθαι.

«Καὶ ὁ λαὸς τῆς Μοσχοβίας ἀνευ τῆς βουλῆς τῶν μεγάλων ἀρχόντων ἄρμασαν κατὰ τῶν Λεγῶν καὶ ἀπέκτειναν πολλοὺς ἀρχοντας καὶ ἀρχόντους, καὶ πολλοὺς παῖδας εὐγενεῖς, καὶ στρατιώτας πολλοὺς καὶ ἔλαβον τὸν θῖον αὐτῶν καὶ τὰ ἄρματα αὐτῶν. Καὶ οἱ μεγάλοι ἀρχόντες καὶ οἱ τοῦ παλατίου λογοθέται καὶ γραμματικοὶ μετὰ πολλοὺς κόπους καὶ μόχθου ἐμπόδισαν τὸν ἀγνώμον(α) λαόν, ἀπὸ ἐβουλεύθησαν τελείως ἐξαλεῖψαι ἀπαντας τοὺς ἐκ τῆς Λεγίας. Καὶ μετὰ δὲ τέσσαρας ἡμέρας οὐρανοῦς τὸ πτώμα αὐτοῦ ἔξω Μοσχοβίας κατέκασαν, καὶ τῆς ὥρας, ὅπου ἔβγαλαν αὐτὸ ἔξω τῆς πόλεως (л. 50), κατέπεσεν ἡ στέγη τῆς μεγάλης πόλεως τοῦ κάστρου ἅπασα, μεγάλη στέγη καὶ ὕψηλὴ οὐσα καὶ στερεά. Τοῦτο ἐγένετο σημεῖον, ἀρχὴ δόδων κακῶν. Βασιλέβας ὁ αὐτὸς Δημήτριος ἐν τῇ μεγάλῃ Μοσχοβίᾳ μῆνας δέκα καὶ πρὶν στεφθῆναι βασιλεὺς μῆνας ὀκτώ καὶ ἡμέρας δώδεκα. Τοῦτω οὐκ ὠφέλησεν ἡ βσιλεία, μάλλον δὲ ἐβλάψεν».

Страницы анализируемых мемуаров, посвященные описанию царствования Лжедмитрия, или, как выражается арх. Арсений, „самодержца царя и великаго князя Дмитрія изъ монаховъ“, заключаютъ въ себѣ много новыхъ и любопытныхъ подробностей, доселѣ совершенно неизвѣстныхъ нашимъ историкамъ, а поэтому мы считаемъ не лишнимъ остановить

Позорили его и жестоко насмѣхались надъ нимъ мужчины и женщины, малые и большіе. Послѣ позорной смерти его, люди недалековидные выдали свѣтъ ея царю Марію, которая и послужила причиною всѣхъ бѣдъ, какъ нѣкогда Елена для великаго города Трои, не предвидя по недалековидности грядущее, что можетъ произойти отсюда.

Народъ московскій, безъ согласія великихъ бояръ, бросился на Поляковъ и многихъ бояръ, боярынь, многихъ благородныхъ дѣтей и многихъ вѣнцовъ умертвилъ и отнял у нихъ имущество и оружіе ихъ. Великіе бояре и дьяки двора и пшцы съ великимъ трудомъ и усиліемъ успокоили неразумный народъ, такъ какъ онъ намѣревался стереть съ лица земли всѣхъ пришедшихъ изъ Польши. Послѣ четырехъ дней, извлекиши трупъ его, сожгли вѣдъ Москвѣ, и въ тотъ часъ, въ который извлекли трупъ за городъ, пала вся крыша великихъ воротъ крѣпости. Крыша была большая, высокая и прочная. Это послужило признакомъ начала ужасныхъ бѣдствій. Эгого Дмитрія процарствовалъ въ великой Москвѣ десять мѣсяцевъ и прежде вѣнчанія на царство мѣсяцевъ восемь и двѣнадцать дней. Царствованіе не привнесло пользы ему, а скорѣе причинило вредъ».

на нихъ вниманіе нашихъ читателей и дать по поводу нихъ документальныя справки и объясненія, не бесполезныя, какъ намъ кажется, для пониманія данныхъ страницъ мемуаровъ.

Торжественный въѣздъ въ Москву Самозванца и встрѣча его на лобномъ мѣстѣ русскимъ духовенствомъ въ общихъ чертахъ намъ уже извѣсны по русскимъ источникамъ и изъ сказаній современниковъ—иностранцевъ, но мемуары архіепископа Арсенія восполняютъ эти наши свѣдѣнія такими любопытными подробностями, которыя не могли быть извѣсны и переданы потомству въ упомянутыхъ источникахъ. Таково, напр., описаніе у арх. Арсенія момента поклоненія Лжедмитрія гробамъ своихъ мнимыхъ царственныхъ предковъ въ Архангельскомъ соборѣ и всенароднаго объявленія при этомъ о царственномъ своемъ происхожденіи, при восторженныхъ радостныхъ кликахъ со стороны, находившагося въ соборѣ, народа, съ неподдѣльнымъ восторгомъ встрѣтившаго эту публичную исповѣдь Самозванца. Составитель мемуаровъ, въ качествѣ архіепископа Архангельскаго собора, сопровождавшей Лжедмитрія къ гробницамъ московскихъ царей, находившейся все время вблизи его и хорошо слышавшей сказанное, описываетъ данный моментъ, какъ очевидецъ, весьма обстоятельно. Текстъ рѣчи, произнесенной Самозванцемъ къ народу у гробницъ царей Ивана Васильевича и Феодора Ивановича, едвали можетъ возбуждать какое нибудь сомнѣніе относительно своей достовѣрности. Содержаніе этой рѣчи и манера изложенія вполне отвѣчаютъ и той минутѣ, какую переживалъ новый властелинъ Московскаго государства, находившейся въ сердцѣ его, въ Москвѣ, у цѣли своихъ завѣтныхъ стремленій, и тому представленію о Самозванцѣ, которое установилось въ исторической наукѣ о немъ, какъ о человѣкѣ краснорѣчивомъ и великомъ нечеткиивѣ. Читая теперь, интересующую насъ, рѣчь Самозванца въ изложеніи архіепископа Арсенія, невольно поражаешься той точности въ стилизовомъ отношеніи, съ которой онъ воспроизвелъ ее на страницахъ своихъ мемуаровъ.

Свѣдѣнія о личности второго русскаго патриарха Игнатія, объ избраніи его и поставленіи въ московскіе патриархи, являются въ данныхъ мемуарахъ отъ начала до конца новыми и въ высшей степени интересными. На основаніи этихъ свѣдѣній личность патриарха Игнатія получаетъ совершенно новое освѣщеніе. Какъ любимецъ и ставленникъ Самозванца, память о которомъ русскій народъ покрылъ полнымъ презрѣніемъ и даже позоромъ, къ тому же, въ концѣ своего пребыванія въ Россіи, оказавшійся измѣнникомъ православію и перебѣжчикомъ на сторону враговъ Россіи Поляковъ, патриархъ Игнатій въ памяти народной раздѣлилъ участь своего покровителя. Народная молва и множество повѣстей, составленныхъ современниками подъ вліяніемъ сильной антипатіи къ этому патриарху, преувеличили и исказили настоящій характеръ его дѣятельности и на самую личность его взвели немало обвиненій и даже неправды, съ цѣлью очернить и представить ее въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ предъ потомствомъ въ исторіи. И усилія современниковъ, нужно правду сказать, не остались тщетными въ этомъ отношеніи. До самаго послѣдняго времени наши историки имя Игнатія не упоминали среди московскихъ патриарховъ, а когда вынуждались обстоятельствами вести рѣчь о немъ, то не иначе титуловали его, какъ *лжепатриархомъ*¹⁾, не смотря на то, что въ историческихъ актахъ и грамотахъ онъ именуется, то „великимъ господиномъ патриархомъ московскимъ и всея Руси“²⁾, то просто „патриархомъ“ безъ обычной прибавки „святѣйшій“³⁾, и въ каковомъ титулѣ ему не отказывалъ даже такой ригористъ, какъ патриархъ Филаретъ Никитичъ, подвергшій

1) Еп. Филаретъ. Исторія русской Церкви. М. 1853 г., період. IV, стр. 28, 321; Чтен. въ Импер. общ. истор. и древн. 1848 г., № 8, отд. IV, стр. 37—41.

2) Собран. Госуд. грам. и договор. т. II, № 92, стр. 204; № 138, стр. 290, 291 и др.

3) Акты Археогр. Экспедиц. т. III, № 330, стр. 483.

его, какъ извѣстно, жестокому осужденію¹⁾. Только покойный митрополитъ Макарій рѣшился включить Игнатія въ число московскихъ патриарховъ²⁾ и отвести ему мѣсто на страницахъ своей „Исторіи русской церкви“, хотя въ характеристикѣ личности его онъ не ушелъ далѣе современныхъ этому патриарху „сказаній“ и „повѣстей“³⁾. „Однимъ изъ первыхъ дѣйствій новаго царя, показавшимъ, повидимому, его заботливость о православной церкви, но вмѣстѣ и *пренебреженіе* къ ея *уставамъ*, начинаетъ свою рѣчь митрополитъ Макарій о патриархѣ Игнатіѣ, было избраніе новаго патриарха. По церковному правилу, избраніе патриарха въ Россіи было предоставлено собору русскихъ святителей, а государю принадлежала только власть утверждать одного изъ избранныхъ соборомъ кандидатовъ на патриаршество. *Лжедимитрій поступилъ иначе: онъ самъ избралъ патриарха и, какъ можно до-*

1) Третья изд. Москов. 1651 г., л. 560.

2) Замѣчательный фактъ, что и Н. *Левинскій*, взявшій на себя роль защитника памяти патриарха Игнатія, въ статьѣ „Игнатій, патриархъ московскій“ (Христ. Чтен. 1886 г., т. II, стр. 549—590), и доказывающій полную каноничность его избранія въ патриархи, нисколько не отрѣшился отъ невѣрныхъ сужденій о личности его.

3) Наиболее сгруппированными являются обвиненія противъ патриарха Игнатія въ «Исторіи о первомъ патриархѣ Іовѣ московскомъ». «Джехристъ же растрига и проклятый еретикъ Гришка Огребьевъ, говорить авторъ этой исторіи, по совѣщанію лестцевъ своихъ, сотвори изгнаніе блаженному Іову патриарху изъ царствующаго града Москвы во градъ Старицы, во Успенскій монастырь, и возведе на патриаршество Игнатія, бывшаго архіепископа рязанскаго, суца волка, тайнаго же врага и еретика, каковъ и самъ еретикъ Гришка Огребьевъ, гречески пострижена, а вѣрою напечаника суца и блядива. И о семъ надѣ писано, какъ съ Москвы къ папѣ отъѣде, и на Россію всю и на четьрехъ патриарховъ греческихъ велико гоненіе воздвиже, и святѣйшаго патриарха Кирилла константинопольскаго турскій салтанъ царь, по ево Игнатіену умыслу, камень на нью навязавъ, вверже его въ море, а

гадываться, еще прежде, чѣмъ вступилъ въ Москву¹⁾. Выборъ его палъ на Игнатія, архіепископа рязанскаго. Это былъ грекъ, занимавшій прежде архіепископскую кафедру на острове Кипръ. Вынужденный турками бѣжать изъ отечества, онъ поселился въ Римъ и будто бы принялъ тамъ унию. Но наслышавшись о благочестіи русскаго царя Ѳеодора Ивановича и объ его благосклонности къ греческимъ іерархамъ, въ 1595 г. прибылъ въ Москву, прожилъ въ ней нѣсколько лѣтъ и съ 1603 г. получилъ въ управленіе рязанскую епархію. Игнатій угодилъ Самозванцу тѣмъ, что первый изъ русскихъ архіереевъ открыто призналъ его царевичемъ Димитріемъ и съ царскою почестью встрѣтилъ его въ Тулѣ... Царь приказалъ архіереемъ возвести Игнатія въ санъ патріарха, и Игнатій былъ возведенъ 24 іюня, т. е. спустя три-четыре дня по вступленіи Самозванца въ Москву²⁾... „Избранникъ Лжедмитрія, патріархъ Игнатій за то, что, не крестивъ Марину по православному, а только муропомазавъ, допустилъ ее къ таинству причащенія (?) и къ таинству брака, низринутъ былъ соборомъ іерарховъ отъ своего престола и даже отъ святительства и, въ качествѣ простого черноризца, отосланъ въ Чудовъ монастырь подъ начало“³⁾. Въ этой выдержкѣ, такъ сказать, сгруппировано все, что

прочихъ патріарховъ вселенскихъ церкви и пастыи ихъ едва не погубила отъ ево затѣй въ конецъ. И того Игнатія, патріарха русскаго, всѣ восточніи власти, патріархи и митрополиты и архіепископы и епископы проклинають даже и до днесь» (Русск. истор. библ. СПб. 1891 г. XII, ст. 937—938).

¹⁾ Нашъ историкъ Д. И. Иловайскій свою догадку простраетъ далѣе и видитъ «нареченнаго патріарха Игнатія» «во главѣ» духовенства, вышедшаго «въ свѣтлыя ризахъ, съ хоругвами, образами и евангеліями» для встрѣчи Лжедмитрія (Смутное время Московскаго государства. М. 1894, стр. 42).

²⁾ Исторія русск. церкви т. X, кн. 1, стр. 106—107.

³⁾ Тамъ же, стр. 122.

могъ сказать преосвященный Макарій о личности патріарха Игнатія и что теперь, благодаря мемуарамъ Арсенія, архіепископа елассонскаго, за самыми незначительными исключениями, оказывается невѣрнымъ отъ начала до конца.

Мѣстомъ первоначальнаго служенія патріарха Игнатія на Востокѣ была незначительная и скорѣе номинальная кафедра городка *Ериссо* и святой *Авонской горы*, (*ὁ ἐπίσκοπος Ἐρισσοῦ καὶ Ἀγίου ὄρους*), о чемъ арх. Арсеній упоминаетъ въ своихъ мемуарахъ *дважды*. Появляется онъ въ Москвѣ, какъ нужно полагать, въ концѣ царствованія Ѳеодора Ивановича. На коронаціи его преемника, Бориса Ѳеодоровича Годунова, епископъ Игнатій, въ числѣ многихъ другихъ духовныхъ особъ православнаго Востока, присутствовалъ въ качествѣ представителя константинопольскаго патріарха (*ἀπὸ τῆς Κωνσταντινουπόλεως*), или его мѣстоблюстителя, каковымъ въ данное время (1597—1599) былъ, извѣстный ревнитель православія, патріархъ александрійскій *Мелетій Пигасъ*. Это послѣднее обстоятельство, по нашему мнѣнію, совершенно устраняетъ всякую мысль о первоначальномъ мѣстѣ служенія Игнатія на кафедрѣ кипрскаго архіепископа, а равно и сомнѣніе въ его нравственной репутаціи, въ смыслѣ шаткости его религиозныхъ убѣжденій. Кипрскій архіепископъ, какъ независимый отъ патріарха константинопольскаго, автокефальный іерархъ, едва ли могъ принять на себя представительство даннаго патріарха или его мѣстоблюстителя, которому къ тому же и не было ни малѣйшей необходимости возлагать на постороннее лицо, столь лестное и выгодное въ матеріальномъ отношеніи, порученіе, такъ какъ въ Москвѣ въ это время находились епископы, подчиненные вселенскому патріарху, въ случаѣ же надобности, не представляло особеннаго труда послѣднему снарядить въ Москву и специальное посольство. Это съ одной стороны. Съ другой, ревностный поборникъ православія, Мелетій Пигасъ, можно говорить съ полною увѣренностью, и не возложилъ бы порученія на еп. Игнатія,

если-бы онъ зналъ что-либо сомнительное въ его прошлой жизни относительно шаткости его религиозныхъ убѣждений. Едва-ли, далѣе, будущій московскій патриархъ, съ сомнительнымъ прошлымъ и безъ авторитетныхъ аттестаций, при крайней подозрительности и недовѣри къ прѣзжимъ иностранцамъ со стороны нашихъ духовныхъ и свѣтскихъ властей, былъ бы принятъ въ Москвѣ благосклонно, а тѣмъ болѣе получилъ бы въ самостоятельное управленіе отъ московскаго патриарха Іова богатую рязанскую кафедру. Весьма сомнительно, наконецъ, и то, чтобы послѣдующіе константинопольскіе патриархи безъ риска для себя рѣшились поддерживать съ еп. Игнатіемъ сношенія и вести корреспонденцію, какъ это мы видимъ изъ письма вселенскаго патриарха Рафаила (1603 — 1607), переданнаго рязанскому архіепископу въ 1604 году черезъ амиклонскаго архіепископа Θεодосія ¹⁾,—особенно же въ ту пору, когда этотъ іерархъ занималъ еще скромное мѣсто рязанскаго архіепископа.

Изложеніе старца-слѣнца, патриарха Іова, и избраніе на его мѣсто новаго патриарха совершилось, по словамъ арх. Арсенія, съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формальностей (νομίμος) со стороны собора русскихъ іерарховъ, который происходилъ по сему предмету въ придѣлѣ Похвалы Богородицы въ Успенскомъ соборѣ. Хотя арх. Арсеній и утверждаетъ, что избраніе рязанскаго архіепископа Игнатія въ московскіе патриархи было добровольное и единогласное (ἐξ ἐνός λόγου), тѣмъ не менѣе, едвали можно сомнѣваться въ томъ, что избранникъ на патриаршую кафедру былъ намѣченъ новымъ властелиномъ Москвы еще раньше,—чѣмъ и объясняется радость послѣдняго, по случаю составившагося избранія. Последнее обстоятельство не было новостію въ практикѣ русской церкви, потому что такимъ образомъ состоялся выборъ перваго московскаго патриарха Іова; такъ

¹⁾ Сношен. Россія съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ т. I стр. 318.

раньше избирали предшественники Лжедмитрія кандидатами въ московскіе митрополиты. Но противники патриарха Игнатія ставятъ ему въ вину и это обстоятельство и вообще его близость къ Самозванцу, которую они объясняютъ не случайными обстоятельствами въ жизни этихъ своего рода авантюристовъ, а единствомъ ихъ образа мыслей въ смыслѣ расположенности къ латинству ¹⁾. Поводомъ къ ихъ сближенію, какъ извѣстно, послужила торжественная встрѣча Лжедмитрія Игнатіемъ, въ качествѣ рязанскаго архіепископа, которому въ ту пору была подчинена, между прочимъ, и Тула, при его проѣздѣ черезъ этотъ городъ, послѣ того, какъ онъ былъ признанъ законнымъ государемъ со стороны русскихъ бояръ и русскаго воинства. Не оказать подабающей чести новому государю, сыну царя Ивана Васильевича, архіепископъ Игнатій не могъ никоимъ образомъ, какъ не сдѣлали этого потомъ и русскіе владыки, при встрѣчѣ Самозванца въ Москвѣ на лобномъ мѣстѣ, такъ какъ невниманіе съ его стороны было бы принято за ослушаніе и непокорность. Эта первая встрѣча съ русскимъ владыкою на московской территории не могла не запечатлѣться въ памяти Лжедмитрія, на котораго личность рязанскаго владыки произвела благоприятное впечатлѣніе. Новый властелинъ Москвы уже здѣсь, при этой встрѣчѣ, рѣшилъ свою судьбу связать съ судьбою этого владыки и сдѣлать его своимъ пособникомъ въ дѣлѣ управленія московскимъ государствомъ, предоставивъ, однако, собору русскихъ іерарховъ соблюсти всѣ законныя требованія относительно избранія, нареченія и хиротоніи его въ патриархи московскіе и всея Руси.

30 іюня, въ воскресенье, въ день памяти двенадцати апостоловъ, а не 24 іюня ²⁾, какъ утверждаютъ наши исто-

¹⁾ М. Макарій. Исторія русской Церкви т. X, кн. I, стр. 106.

²⁾ Основаніемъ для нашихъ историковъ считать 24 іюня днемъ поставленія въ патриархи Игнатія служить неточное указаніе на этотъ день въ «Иномъ сказаніи». «Въ недѣлю, іюня въ 24 день, гово-

рики¹⁾, архієпископъ рязанскій былъ рукоположенъ въ московскіе патріархи въ Успенскомъ соборѣ, и состоялась по этому случаю обычная царская трапеза во дворцѣ въ честь новаго патріарха и всѣхъ участниковъ въ его рукоположеніи. Свидѣтельство архієпископа елассонскаго Арсенія о днѣ и числѣ поставленія Игнатія въ московскіе патріархи находить себѣ подтвержденіе и въ нашемъ официальномъ документѣ.

«Окружная грамота патріарха Игнатія въ Сибирь о воспріятіи Лжедмитріемъ царской короны, о посвященіи его Игнатія въ патріархи всея Россіи и т. д.» датирована 30 іюня 1605 года²⁾, т. е. днемъ самого рукоположенія патріарха Игнатія. Если бы хиротонія его совершилась *на цѣлую недѣлю раньше*, то едва-ли можно мотивировать какими нибудь серьезными причинами такую медлительность въ посылкѣ столь важной государственной грамоты и при томъ въ такой отдаленный край, какъ Сибирь.

Вышеуказанныя случайныя обстоятельства, поднявшія архієпископа рязанскаго до высоты патріаршаго престола въ столицѣ русскаго государства, послужили, какъ извѣстно, скоро-же и причиною его быстрого паденія, и повлекли для него самого неожиданнымъ образомъ тѣ печальныя послѣдствія, при какиxъ онъ окончилъ свою жизнь. По свидѣтель-

рится въ этой повѣсти, поставилъ (Лжедмитрій) патріарха именемъ Игнатія г. ечанна» (Русск. Истор. библ. т. XIII, ст. 52). Но это свидѣтельство нельзя считать достовернымъ. Въ 1605 году *день недѣльный* падалъ на 23 іюня, что видно и изъ разсказа того же автора о вступленіи Лжедмитрія въ Москву «въаца іюня въ 20 день, четверка» (тамъ же, ст. 51). Слѣдовательно, 24 іюня въ этотъ годъ приходилось *въ понедѣльникъ*, а не въ день воскресный, къ которому обыкновенно приурочивались всегда патріаршескія хиротоніи.

¹⁾ М. Макарій. Исторія русской Церкви т. X, стр. 107; С. Соловьев. Исторія Россіи съ древѣйшихъ временъ. т. VIII, М. 1858, стр. 117; Н. Левицкій. Христ. Чтен. 1886 г., кн. II, стр. 567.

²⁾ Собран. госуд. грам. и договоров. т. II, № 92, стр. 205.

ству архієпископа Арсенія, патріархъ Игнатій былъ явлено-женъ, послѣ убіенія Лжедмитрія, въ ближайшее воскресенье, безъ всякаго законнаго разсмѣдованія (προκαθελόντες αὐτόν τῇ χοριακῇ ἐκ τοῦ πατριάρχου Ἰγνατίου ἀνευ τινὸς νομίμου ἐπισκέψεως)¹⁾. Только патріархъ Филаретъ Никитичъ на соборѣ 1620 года и безъ всякаго основанія рѣшился утверждать, что этого патріарха „священноначальницы великія святыя церкви русскія, яко презрѣшаго правила святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, отъ престола и отъ святительства *правилымъ святымъ изринувша* въ лѣто 7114“²⁾.

Такимъ образомъ, только теперь, при свѣтѣ тѣхъ данныхъ, которыя сообщаются архієпископомъ Арсеніемъ въ его вновь открытыхъ мемуарахъ, является возможность говорить съ полною достовѣрностію о мѣстѣ первоначальнаго служенія на Востокъ патріарха Игнатія, о канонической законности его избранія и рукоположенія 30 іюня 1605 года въ московскіе патріархи и, до нѣкоторой степени, даже о характерѣ его религиозныхъ убѣжденій. Эти свѣдѣнія, мы не сомнѣваемся, послужатъ для нашихъ историковъ руководящею нитью въ розысканіи архивныхъ дачныхъ для всесторонняго выясненія личности второго московскаго патріарха и, главнымъ образомъ, данныхъ о его происхожденіи, воспитаніи, служеніи на Востокѣ до назначенія на каедрю Ериссо и св. Аѳонской Горы, о его управленіи этою каедрю и о времени его путешествія въ Россію. Къ сожалѣнію, мы не можемъ ожидать скорого разрѣшенія всѣхъ интересующихъ насъ вопросовъ касательно личности патріарха Игнатія, такъ какъ, по странной случайности, наши статейные списки, въ которыхъ можно было бы искать свѣдѣній о немъ и о другихъ современныхъ ему духовныхъ лицахъ, пріѣзжавшихъ въ Россію съ Востока по разнымъ дѣламъ, за самыя любопытныя годы съ 1589 по 1624, на которые падаетъ у насъ дѣятельность этого іерарха,

¹⁾ Рукл. Трапез.-Сумел. мон. л. 60 об.

²⁾ Трабл. М. изд. 1851 г. л. 560.

погибли безвозвратно для науки, а любопытнейший архивъ Карейскаго Протата на св. Аѳонской горѣ, гдѣ несомнѣнно найдутся данныя для личности патріарха Игнатія, ревниво оберегаемый отъ взоровъ любопытствующихъ его настоящими владѣльцами, не скоро еще сдѣлается доступнымъ нашимъ историкамъ...

Официальный чинъ коронаціи Лжедмитрія не дошелъ до нашего времени, а поэтому нѣкоторыя подробности этого коронаціи, описанныя въ мемуарахъ архіепископа Арсенія, нельзя не признать любопытными для отечественныхъ историковъ. Въ частности, его рассказъ о коронаціи Самозванца авторомъ мемуаровъ въ придѣлѣ св. Іоанна Лѣтвичника, у гробовъ царей Ивана Васильевича и Теодора Ивановича, короною Мономаха является для насъ неожиданною и важною новостію, на которой нельзя не остановить серьезнаго вниманія. Сколько мы знаемъ изъ коронаціонныхъ чиновъ русскихъ князей и царей, предшественниковъ Самозванца и даже послѣдующихъ русскихъ государей, никто изъ нихъ, при своей коронаціи, не допускалъ отмѣченной нами особенности. Очевидно, Лжедмитрій настоящимъ исключительнымъ актомъ въ церемоніаль своей коронаціи желалъ показать русскому народу, что священнѣйшее наслѣдіе русскихъ государей— корону Владимира Мономаха онъ получилъ какъ-бы изъ рукъ своихъ покойныхъ царственныхъ предковъ—отца и брата. И нужно отдать полную справедливость находчивости Самозванца, такъ какъ придуманный имъ обрядъ, по своей исключительной обстановкѣ, былъ несомнѣнно эффектенъ и произвелъ на присутствующихъ при коронаціи глубокое впечатлѣніе.

Пышный торжественный въѣздъ въ Москву будущей московской царицы, Марины Мнишекъ, намъ извѣстенъ изъ обстоятельныхъ его описаній Мартиномъ-Беромъ изъ Нейшта-та¹⁾ въ его „Московской лѣтописи“, изъ, такъ называемаго

¹⁾ Н. Устряловъ. Сказаніе современниковъ о Дмитріѣ самозванцѣ ч. 1, изд. 2 СПб. 1887, стр. 71—78.

„Дневника Марины Мнишекъ“ (1605—1608)¹⁾ и изъ другихъ источниковъ, но и описаніе его у архіепископа Арсенія, не смотря на скромную оговорку съ его стороны, что блескъ и роскошь этого въѣзда не поддаются никакому описанію, по своей картинности и нѣкоторымъ живымъ подробностямъ, схваченнымъ наблюдательнымъ авторомъ съ природы, превосходитъ всѣ извѣстныя описанія и не можетъ быть игнорируемо историкомъ данной эпохи.

Что касается коронаціи и браковѣчанія Марины Мнишекъ съ Лжедмитріемъ, то, благодаря, дошедшему до насъ, хотя и съ небольшимъ дефектомъ въ самомъ началѣ, официальному церемоніалу, можно было бы думать, что новаго чего нибудь въ открытыхъ нами мемуарахъ искать довольно трудно, но на самомъ дѣлѣ и здѣсь архіепископу Арсенію удалось отмѣтить такія подробности и отступленія отъ официального церемоніала, которыя дѣлаютъ страницы ихъ, посвященныя даннымъ событіямъ, въ высшей степени любопытными для русскаго историка и заставляютъ послѣдняго серьезно пристрадаться надъ официальнымъ чиномъ этого коронаціи. Въ общемъ, порядокъ и даже подробности чиновъ коронаціи Марины Мнишекъ и ея браковѣчанія съ Лжедмитріемъ описаны въ мемуарахъ согласно съ официальнымъ церемоніаломъ, при чемъ архіепископъ Арсеній иногда какъ-бы даже ссылается на этотъ самый церемоніаль, но заключеніе описанія всѣхъ этихъ религиозныхъ торжествъ у арх. Арсенія совершенно расходится съ нимъ. „И послѣ означенія изъ, пишетъ онъ, оба не пожелали приобщиться Божественныхъ Таинъ (Καὶ μετὰ τοῦ στεφανώσαι αὐτοῦς, οὐκ ἐδέξαντο ἀμφοτέροις τὰ τὰ λαβεῖν τῶν θεῶν μυστηρίων)“. „Это сильно, прибавляетъ авторъ мемуаровъ, опечалило всѣхъ, не только патріарха и архіереевъ, но и всѣхъ видѣвшихъ и слышавшихъ. Итакъ, это была первая и великая печаль, начало скандала и при-

¹⁾ Тамъ же ч. IV, стр. 123—127.

чина многихъ бѣдъ для всего народа московскаго и всей Россіи". Это замѣчаніе анализируемыхъ нами мемуаровъ имѣетъ, по нашему мнѣнію, болѣе важное значеніе, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго раза, при бѣгломъ его чтеніи, и заставляетъ насъ для яснаго пониманія данныхъ строкъ обратиться къ внимательному пересмотру самого официальнаго церемониала.

Сохранившійся „отрывокъ брачнаго обряда, при Лжедмитріевой свадьбѣ съ Мариною Сендомирскою происшедшаго 1606 въ маѣ“¹⁾, какъ официальный документъ, представляетъ изъ себя явленіе не только у насъ исключительное, но едва-ли когда вѣдѣе повторявшееся и при дворахъ другихъ европейскихъ государей. Присматриваясь къ этому „отрывку брачнаго обряда“ внимательно и вчитываясь въ его содержаніе, нельзя не видѣть, что въ немъ соединено нѣсколько обрядовъ и церемоній, не имѣющихъ, повидимому, никакой связи между собою ни съ формальной стороны, ни со стороны жизненно-практическихъ удобствъ. Рано утромъ, до начала литургіи, въ „столовой избѣ“ протопопъ Ѳеодоръ, по этому отрывку, „говоритъ молитвы обручальныя, по чину“, и совершаетъ чинъ „обручанья“ Марины Мнишекъ съ Лжедмитріемъ. Затѣмъ, послѣ привѣтствія невесты со стороны боярина князя Василія Ивановича Шуйскаго въ грановитой палатѣ, послѣдовала торжественный выходъ обрученныхъ жениха и невесты въ Успенскій соборъ для совершенія обряда коронованія надъ Мариною Мнишекъ, въ качествѣ русской царицы, каковою фактически она не была еще. Послѣ литургіи, которую совершалъ патріархъ Игнатій съ архіереями, по окончаніи обряда коронованія и помазанія св. муромъ въ царскихъ дверяхъ царской невесты, протопопъ Ѳеодоръ здѣсь же, въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи патріарха, архіереевъ и множества народа, *повѣнчалъ* Лжедмитрія съ Мариною

Мнишекъ, съ соблюденіемъ всѣхъ церковныхъ и народныхъ русскихъ обычаевъ. Итакъ, гдѣ же искать причину, побудившую Самозванца придумать и во всѣхъ подробностяхъ весьма обстоятельно разработать, конечно, не безъ согласія и одобренія и патріарха Игнатія, такой небывалый коронаціонно-свадебный церемониалъ, нагромоздивъ въ немъ одинъ обрядъ надъ другимъ безъ всякой послѣдовательности и даже противостественно?

Самый удовлетворительный отвѣтъ на поставленный вопросъ, вытекающій естественно изъ чтенія указаннаго „отрывка брачнаго чина“, дается, по нашему мнѣнію, разсмотрѣніемъ тѣхъ тяжелыхъ обстоятельствъ, среди которыхъ очутился Самозванецъ накануне своей свадьбы съ Мариною Мнишекъ. Какъ говорить Арсеній, архіепископъ елассонскій, и какъ это извѣстно изъ нашихъ источниковъ, русскіе бояре согласились на бракъ Лжедмитрія съ Мариною подъ тѣмъ лишь условіемъ, если она будетъ перекрещена по обряду православной восточной церкви (ἐὰν μεταβαπτισθῆι ἐν τῇ καθ' ἡμᾶς ἀνατολικῇ ἐκκλησίᾳ), а между тѣмъ избранница его сердца, будучи ревностною католичкою, не только не хотѣла слышать о перемѣнѣ вѣроисповѣданія и перекрещиванія по обряду православной церкви, но въ душѣ питала тайную надежду со временемъ привести въ лоно католической церкви и всѣхъ своихъ будущихъ подданныхъ. Въ этой мысли ее укрѣплялъ и ея духовный отецъ, папскій нунцій при дворѣ короля польскаго, знаменитый Клавдій Ронгони. Марина Мнишекъ отказалась пойти и на компромиссы и уступки, которыхъ требовалъ отъ нея ея будущій супругъ, съ тѣмъ, чтобы безпрепятственно и безъ всякихъ замѣшательствъ прошли весьма важныя въ ихъ жизни религіозныя церемоніи: коронованіе Марины Мнишекъ и браковѣнчаніе ея съ Лжедмитріемъ. Отказавшись отъ мысли перекрестить свою невесту по обряду православной церкви, Самозванецъ въ „наказѣ“, данномъ въ ноябрѣ 1605 г. секретарю своему Яну Бучинскому, по

¹⁾ Собран. госуд. грам. и догов. т. II, № 138, стр. 289—293.

первому пункту, требовалъ у воеводы сеподмирскаго Юрія Мишка, „чтобъ воевода у ксенжа у легата Папина промыслилъ і побилъ челомъ о волномъ позволеніе, чтобъ еѣ милость панна Марина причастилась на обѣднѣ отъ патриарха нашего, потому что безъ того коронована не будетъ“¹⁾. Въ другихъ пунктахъ того же „наказа“ были высказаны и другія требованія, менѣе важныя, относительно наружнаго соблюденія обрядовъ православной церкви будущаго русскою царицею. Но въ отвѣтъ на свое желаніе 3 февраля 1606 г. Лжедмитрій получилъ отъ папскаго нунція рѣшительный отказъ. „Я увѣренъ, писалъ папскій нунцій Клавдій Ронгони, что В-е В-о (благоразумнѣйшимъ своимъ разсужденіемъ и превосходнѣйшимъ дарованіемъ внявъ обстоятельнѣе и прилѣжаннѣе существу сего дѣла) силою высочайшей своей власти, коей никто не долженъ противиться, преодолѣете всѣ препятствія, не допустите толковать иначе, нежели должно, законы, и ни малѣйшаго въ толь важномъ дѣлѣ, изъ коего многія могутъ провозйти ссоры, не нанесете пресвятѣйшей вашей невѣстѣ принужденія. Да и не новое сіе есть дѣло; ибо повсюду почти видимъ, что латинской церкви люди посягаютъ женъ греческаго закона, а греческой вѣры женятся на исповѣдающихъ римскую, оставляя ихъ невозбранно при своихъ обрядахъ и при своей вѣрѣ; въ обоихъ бо сихъ обрядахъ одинаковое исповѣдуется таинство, отъ римскаго и уніатскаго духовенства установленное. Не должно также вѣрить, чтобы законодатели относили оное установленіе къ Государямъ, будто-бы они должны только жениться на едино-вѣрныхъ“²⁾. Итакъ, добиться желаемаго не удалось Лжедмитрію ни со стороны невѣсты и ея родныхъ, ни со стороны папскаго нунція и римской куріи, а посему естественно, по пріѣздѣ Марины Мишекъ въ Москву, наканунѣ своей свадьбы, оная находился въ весьма затруднительномъ положеніи и

1) Тамъ же № 105, стр. 228—229.

2) Тамъ же № 124, стр. 267—268.

преисполненъ былъ всякаго рода опасеній и сомнѣній на счетъ счастливаго исхода предстоящихъ церковныхъ торжествъ. Въ такую критическую минуту ничего иного не оставалось дѣлать Лжедмитрію, какъ положиться, по совѣту нунція К. Ронгони, на свое „благоразумнѣйшее разсужденіе“, „превосходнѣйшее дарованіе“ и „силу своей высочайшей власти, коей никто не долженъ противиться“, чтобы, такъ сказать, разомъ преодолѣть „всѣ препятствія“, стояція на пути къ достиженію намѣченной цѣли, и чтобы все совершилось по его желанію. „А какъ де я венчался, и у меня де *въ ту пору большое опасеніе было*, повѣрялъ своимъ любимцамъ Станиславу и Яну Бучинскимъ Лжедмитрій свое тревожное душевное состояніе въ данное время, потому что, по ихъ крестьянскому закону, *первое крестивъ, да тожъ ввести въ церковь; а не крестивъ никому иныхъ вѣръ в церковь не входити; и азъ де нарочно велѣлъ быти въ ту пору в церковь люторемъ и колвинцомъ и евангеликомъ, и иныхъ всякихъ вѣръ людемъ, и они де в церкви были, и слышель де есми, что и образомъ ихъ ругалися і смеялися и в церкви іные сидѣли в обѣдню; а иные спали, на образы приклоняся, і за то де никаковъ человекъ не смѣлъ слова молвити. А болши де есми всего боялся, что Цесарева моя римские вѣры, и нѣчто митрополиты і архиепискупы і епискупы упрямятца, не благословятъ и миромъ не помажутъ і во многолѣтье не стануть поминати; и какъ де есми *винолгъ въичатися в церковь, и азъ де что хотѣлъ, то і дѣлалъ, все де дѣлалося по моему хотѣнію і воле; а которые де митрополиты і архиепискупы і епискупы и протопопы учали были прежь сего о томъ поговаривали, и азъ де ихъ порозослалъ, и ныне де никаковъ человекъ не смѣетъ слова молвити, і во всемъ волю мою творятъ“¹⁾. Правда, Карамзинъ²⁾, а за нимъ Н. Устряловъ³⁾,**

1) Тамъ же № 140, стр. 298.

2) Истор. государства російскаго т. XII, стр. 7.

3) Сказанія современниковъ о Дмитріѣ самозванцѣ ч. III, стр. 230. Арсеній, архіеп. владиславскій.

С. Соловьевъ ¹⁾ и др. показанія Бучинскихъ не считаютъ „достойными уваженія“ и признаютъ ихъ „вынужденными и вымышленными“, но въ той части, которою мы пользуемся въ данномъ случаѣ, нѣтъ серьезныхъ оснований не довѣрять имъ, такъ какъ всѣ указываемые ими факты подтверждаются и свидѣтельствами иностранцевъ-очевидцевъ, напр., о допущеніи въ Успенскій соборъ на коронацію Марины Мнишекъ Поляковъ и объ ихъ неблагочиномъ поведеніи при этомъ ²⁾, и событіями въ русской церкви, имѣвшими мѣсто въ данномъ случаѣ, какъ напр., удаленіе изъ Москвы на епархію Гермогена, митрополита казанскаго, сильнаго противника Самозванца ³⁾.

Чтобы устранить возможность возраженій относительно того, какимъ образомъ Марина Мнишекъ коронуется на престолъ русской царицы, не имѣя на то фактическаго права, такъ какъ вѣнчаніе ея съ Лжедмитріемъ еще не было совершенно, предусмотрительный Самозванецъ, во главѣ „брачнаго обряда“ или официалаго церемоніала, поставилъ „чинъ обрученья“, который совершилъ протопопъ Ѳеодоръ предъ литургіею въ „столовой избѣ дворца“ и который, по воззрѣніямъ древнихъ византійскихъ канонистовъ, считался, если не важнѣе чина вѣнчанія, то во всякомъ случаѣ равносильнымъ „чину вѣнчанія“ ⁴⁾. Невиданный доселѣ на Руси *обрядъ коронаванія царицы съ миропомазаніемъ* долженъ былъ, по мысли Лжедмитрія, которую, по всей вѣроятности, раздѣлялъ и патриархъ Игнатій, замѣнить для русскихъ людей, требовавшихъ отъ будущей царицы перекрещиванья по обрядамъ православной

¹⁾ Исторія Россіи т. VIII, стр. 163.

²⁾ Н. Устряловъ. Сказ. современниковъ о Дмитріѣ самозванцѣ ч. IV, стр. 147—148. Сп. Русск. Истор. библ. т. XIII, ст. 748.

³⁾ М. Маварій. Исторія русской церкви т. X, кн. 1, стр. 115.

⁴⁾ Проф. И. С. Вердниковъ. Краткій курсъ церковнаго права. Каз. 1888, стр. 64; Сп. проф. А. С. Павловъ, 50 глава Коричей книги. М. 1887, стр. 71—74.

церкви, *актъ присоединенія ея къ православію* ¹⁾, чѣмъ и объясняется то обстоятельство въ официалаго церемоніалѣ этого дня, что *чинъ коронаванія предшествуетъ чину вѣнчанія*, а не наоборотъ, какъ слѣдовало бы расположить эти чины по естественному порядку. Безъ чина присоединенія къ православію, хотя бы и видимого, Лжедмитрій опасался назвать Марину своею женою и приступить къ совершенію обряда вѣнчанія съ нею.—Повидимому, гораздо болѣе труда предстояло Лжедмитрію уладить другой щекотливый вопросъ—о принятіи Мариною Мнишекъ Тѣла и Крови Христовыхъ изъ рукъ православнаго патриарха, на что не соглашались, какъ мы видѣли, ни она сама, ни папскій нунцій Ронгони, и безъ чего, по словамъ „наказа“ Бучинскому, она не могла быть и коронована. Вопросъ этотъ значительно усложнился тѣмъ еще обстоятельствомъ, что въ практикѣ русской церкви, согласно съ обычаемъ церкви византійской съ древнѣйшихъ временъ, существовалъ еще въ данное время обычай приобщать преждеосвященными Дарами жениха и невесту при браковѣнчаніи ²⁾.

¹⁾ Указаніе на это можно видѣть въ «соборной прощальной грамотѣ» патриарха Іова 1607 г. (Акты Археогр. Эксп. т. II, № 67, стр. 155) и съ большею ясностію въ актахъ собора 1620 года, бывшаго при патриархѣ Филаретѣ Никитичѣ, «о крещеніи латыя и о ихъ ересехъ» (Требн. М. изд. 1651 г., л. 560). Въ дѣйствительности же между чинами коронаванія царей и присоединеніемъ къ православію общаго только и есть одинъ актъ—миропомазаніе съ произнесеніемъ словъ: «Печать дара Духа Святого», во всемъ прочемъ эти чины различны до противоположности. Главную особенность чина присоединенія къ православію составляютъ не молитвы, совершенно отличныя отъ молитвъ чина коронаванія, а оглашеніе или анаематствованія еретическихъ заблужденій.

²⁾ А. Дмитріевскій. Богослуженіе въ русской церкви въ XVI в. Каз. 1884, т. 1, стр. 395—396; іером. Филаретъ. Опытъ сличенія церковныхъ чиноослѣдованій по изложенію церковно-богослужебныхъ книгъ московской печати, изданныхъ сервами пятью російскими патриархами. М. 1881 г. изд. 2, стр. 57.

Настояла, такимъ образомъ, необходимость для Марины Мнишекъ принимать Тѣло и Кровь Христовы по обряду православной церкви *двукратно*. Эти новыя затрудненія Лжедмитрій устраивалъ присоединеніемъ къ чину коронаціи чина вѣнчанія, и трудность выполненія данной задачи облегчалъ ей, такъ сказать, на половину. Двукратное приобщеніе Святыми, Тайнами въ одинъ и тотъ же день въ церкви православной, какъ известно, не практикуется.—Но то, что представляло вначалѣ для Лжедмитрія трудности неустранимыя, теперь, накануне свадьбы, подъ влияніемъ серьезныхъ размышленій надъ всѣмъ этимъ, онъ неожиданно для себя пришелъ къ счастливой мысли совершенно освободить свою невѣсту отъ поступка, который ей, какъ истой католичкѣ, казался преступнымъ и противнымъ совѣсти, склонивъ покорнаго патріарха перенести обрядъ причащенія Св. Тайнъ изъ чина коронаванія или, вѣрнѣе, изъ чина литургіи, слѣдовавшей послѣ упомянутого обряда, въ чинъ вѣнчанія, когда долженъ былъ выполнить тоже самое и царь—женихъ. Въ такомъ смыслѣ мы понимаемъ слова архіепископа Арсенія въ анализируемыхъ мемуарахъ: „послѣ вѣнчанія *оба (дѣфотеро)* они не пожелали причаститься Божественныхъ Тайнъ“. Правда, причащеніе Св. Тайнами коронуемой Марины Мнишекъ было предусмотрено нашимъ официальнымъ чиномъ, и указанъ моментъ для сего, согласно съ практикою византійскою, въ чинѣ литургіи, во время причащаннаго стиха, но о причащеніи въ то же время царя, коронованнаго прежде, здѣсь не говорилось ни словомъ. „А какъ учнугъ пѣти кенаники, читаемъ мы въ „отрывкѣ обряда вѣнчанія“ Марины Мнишекъ, и въ поры постелничему Семену Шапкину послати передъ царскими дверми коверъ, а поверхъ ковра бархатъ золотной, а архидіаконъ и протодіаконъ зовуть государыню Цесареву на помазаніе и к причащенію, и Государыня поидеть к причащенію, и Государь поидеть с неюжъ“¹⁾. Т. е. Государь, по чину, долженъ былъ со-

¹⁾ Собран. государ. грам. и договор. т. II, № 138, стр. 292.

провождать Марину Мнишекъ къ царскимъ вратамъ, гдѣ совершался надъ нею обрядъ муропомазанія, но по той простой и вполне естественной причинѣ, чтобы помочь иноземкѣ, являвшейся въ православный храмъ въ первый разъ и совершенно незнакомой съ ея обычаями, въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Государь, по тому же церемониалу, ходилъ „съ Государынею вмѣстѣ“ и послѣ херувимской пѣсни, когда патріархъ возлагалъ „на Государыню чѣпъ злату Мономахову“¹⁾, конечно, съ тою же цѣлью. Лжедмитрій, какъ уже коронованный раньше, активнаго участія въ коронаваніи своей будущей супруги не принималъ. Но, какъ сообщаетъ намъ теперь непосредственный участникъ въ коронаваніи Марины Мнишекъ и очевидецъ вѣнчанія ея съ Лжедмитріемъ, и сама Марина Мнишекъ за литургіею, слѣдовавшую послѣ коронаванія ея, не причащавшаяся, а, по окончаніи браковѣнчанія, когда всѣ опасенія на счетъ замѣшательства и затрудненій въ коронаціи разсѣялись, невѣста, а за нею и женихъ всенародно отказались отъ принатія Св. Тайнъ, оставленныхъ для нихъ отъ, только что совершенной, литургіи. Самозванецъ и его супруга, выражаясь языкомъ показаній Бучинскихъ, въ это время уже „что хотѣли, то и дѣлали“, а протопопъ Ѳеодоръ „творилъ ихъ волю“. Кромѣ прямого указанія архіепископа Арсенія, что Самозванецъ и его супруга отказались, послѣ браковѣнчанія, принять Св. Тайны, косвеннымъ доказательствомъ того же можетъ служить и то обстоятельство, что современники—польскіе лѣтописцы, присутствовавшіе при коронаціи и браковѣнчаніи Марины Мнишекъ и описавшіе самымъ обстоятельнымъ образомъ всѣ мельчайшія детали этихъ церковныхъ торжествъ (Дневникъ путешествія Марины въ Москву, стр. 44—46; Дневникъ пословъ польскихъ Олесницкаго и Гонсѣвскаго 1606 г., стр. 144—150), ни единымъ словомъ не упоминаютъ о такомъ, съ

¹⁾ Тамъ же, стр. 292.

точки зрѣнія вѣроисповѣдной, важнымъ фактъ, какъ принятіе католичкою Мариною Св. Тавнъ изъ рукъ православнаго патріарха. Трудно допустить, чтобы, напр., польскіе послы Олесницкій и Гонсѣвскій, прибывшіе съ спеціальнымъ порученіемъ отъ польскаго короля для представительства на коронаціи, не были освѣдомлены, какіе по этому поводу вель переговоры Лжедмитрій съ Мариною Мишекъ, съ ея родными, съ папскимъ нунціемъ Ронгони и даже съ Римомъ, а между тѣмъ въ ихъ „дневникѣ“ нѣтъ никакого замѣчанія на этотъ счетъ¹⁾. Въ высшей степени любопытенъ для насъ и тотъ фактъ, что другой современникъ данныхъ событій, престарѣлый патріархъ Іовъ, въ своей „соборной прощальной грамотѣ“ 1607 года, припоминая объ обстоятельствахъ коронованія Самозванцемъ Марины Мишекъ, говоритъ о ея миропомазаніи, но умалчиваетъ о принятіи ею Св. Тавнъ изъ рукъ патріарха Игнатія. „До конца хотя разорити нашу непорочную христіанскую вѣру, читаемъ мы въ этой грамотѣ о Самозванцѣ, пріявъ себѣ изъ Литонскія земли невѣсту, люторскія вѣры дѣвку, и введе ея въ соборную и апо-

¹⁾ Въ дневникѣ польскихъ пословъ Олесницкаго и Гонсѣвскаго отмѣчено, напр., менѣе важное обстоятельство—ходженіе Марины Мишекъ въ придѣлъ «на молитву». «Послѣ продолжительнаго пѣнія и разныхъ церемоній, читаемъ мы здѣсь, царь сошелъ съ трона и сѣлъ въ полномъ облаченіи у царскихъ дверей, гдѣ цари обыкновенно садятся, а царица отошла въ придѣлъ на молитву». (Сказан. современниковъ о Дмитріѣ Самозванцѣ, т. IV, стр. 148). Не безынтересно здѣсь отмѣтить и тотъ любопытный фактъ, что упоминаемое ходженіе Марины Мишекъ въ придѣлъ Дмитрія Солунскаго было предумыслительно и нашимъ официальнымъ чиномъ коронованія. «А после совершенія молебна, говорится въ церемональѣ, Государь и Государыня и патріархъ соидеть съ чертожнаго мѣста, и начнетъ обѣдню; а Государь Цесарь станеть на своемъ царскомъ мѣстѣ, а Государыня поидеть в придѣлъ Дмитрея Солунскаго, а с нею свахи и болрини немногие, кому Государь укажетъ» (Собран. Госуд. грам. и договор. т. II, № 138, стр. 292).

столскую церковь Пречистыя Богородицы и вѣнча царскимъ вѣнцомъ, и повель той своей скверной невѣстѣ прикладыватися и въ царскихъ дверяхъ святымъ мѣромъ ея помазалъ“¹⁾. Только на соборѣ 1620 года патріархъ Филаретъ Никитичъ, касаясь того же событія изъ времени царствованія перваго Самозванца, категорически высказался въ томъ смыслѣ, что причащеніе Св. Дарами обоимъ—жениха и невѣсты состоялось. „Патріархъ Игнатій, говорится въ актахъ этого собора, угояя еретикомъ латынскія вѣры, и въ церковь соборную пресвятая Владычица наша Богородица и приснодѣвы Маріи честнаго и славнаго ея Успенія, введе еретическія папешскія вѣры Маринку, святымъ же крещеніемъ совершеннымъ²⁾ христіанскаго закона не крестилъ ю, но токмо единымъ святымъ миромъ помаза, и потомъ вѣнчалъ ю стѣль Разстриною. И якоже Іюда предатель, и сей поругася Христу, и обоимъ³⁾ убо силъ врагомъ Божиимъ Розстрилъ и Маринку подаде пречистое Тѣло Христова ясти и Святую и честную Кровь Христова пити, его же Игнатія, за таковую вину священноначальницы великія святыя церкви российскія, яко призрѣвшаго правила святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, отъ престола и отъ святительства правиломъ святымъ изричуша въ лѣто 7114“⁴⁾. Но этотъ единственный фактъ, обосно-

¹⁾ Акты Археограф. Экспед. т. II, № 67, стр. 155.

²⁾ Страннымъ представляется, что такой почетчикъ и знатокъ церковности, какимъ былъ въ свое время патріархъ Филаретъ Никитичъ, въ постановленіи собора 1620 года, повидимому, смѣшиваетъ миропомазаніе въ чинѣ присоединенія къ православной церкви съ миропомазаніемъ при коронованіи царей.

³⁾ И патріархъ Филаретъ Никитичъ говоритъ о причащеніи обоимъ, т. е. Лжедмитрія и Марины Мишекъ, чѣмъ даетъ понять намъ, что онъ имѣетъ въ виду причащеніе ихъ Св. Таинами при браковѣнчаніи, такъ какъ Лжедмитрій, какъ коронованный раньше, во время коронаціи Марины Мишекъ, по чину, не причащался.

⁴⁾ Треби. изд. Москов. 1651 г., л. 560.

ванный, как кажется, на, не вполне понятном, официальном чинѣ коронованія и браковѣчанія Маринѣ Мнишекъ съ Лжедмитріемъ, и констатированный черезъ четырнадцать лѣтъ послѣ самого событія, едва ли можетъ быть принятъ безъ оговорокъ и ограниченій, особенно если имѣть въ виду свидѣтельство архіепископа елассонскаго Арсенія, что патріархъ Игнатій былъ лишень престола безъ всякаго законнаго разслѣдованія. Во всякомъ случаѣ, свидѣтельство современника—очевидца и участника данныхъ торжествъ, архіепископа Арсенія, о публичномъ отказѣ Лжедмитрія и Маринѣ Мнишекъ принять Св. Тайны при браковѣчаніи, вызвавшее къ тому же съ его стороны искреннее и трогательное замѣчаніе слѣдующаго содержания: „это сильно опечалило всѣхъ, не только патріарха и архіереевъ, но и всѣхъ видѣвшихъ и слышавшихъ. Итакъ, это была первая и великая печаль, начало скандала и причина многихъ бѣдъ для всего народа московскаго и всей Россіи“,—не мало не оставляетъ въ насъ сомнѣнія въ исторической его достовѣрности и должно, по нашему мнѣнію, быть отмѣчено историческою наукою, какъ новый и въ высшей степени любопытный фактъ, проясняющій въ значительной степени ускоренный ходъ дальнѣйшихъ событій въ жизни перваго Самозванца, приведшій къ трагической развязкѣ.

Нѣкоторыя мелкія замѣчанія, разсѣянные въ разсматриваемыхъ нами мемуарахъ о первомъ Самозванцѣ, какъ, напр., разнорѣчивыя характеристики личности перваго Самозванца, скорбь автора по поводу выдачи Маринѣ Мнишекъ Полякамъ, нѣкоторыя подробности касательно смерти Лжедмитрія и т. п., мы увѣрены, не будутъ игнорированы серьезнымъ и вдумчивымъ историкомъ данной эпохи и дадутъ матеріалъ для болѣе обстоятельной и яркой картины ея въ слѣдующихъ историческихъ работахъ.

„Царствованіе благочестивѣйшаго царя и великаго князя Василя Шуйскаго храбраго (τοῦ πολυάθλου)“.

„Черезъ три дня, по кончинѣ царя Дмитрія, всѣ бояре и синклитъ и народъ великой Москвы, безъ согласія всего народа (παντὸς τοῦ κόσμου) великой Россіи и прочихъ городовъ и начальниковъ, провозгласили царемъ великой Москвы и всей Россіи Василя Шуйскаго. Бояре и синклитъ, пришедши съ нимъ во всечестный соборный храмъ Пречистой Богородицы, въ понедѣльникъ, съ архіереями безъ патріарха кирѣ Игнатія, низложеннаго, въ воскресеніе, съ патріаршаго трона безъ какого либо законнаго разслѣдованія (προκαθελόντες αὐτὸν τῆ χοριακῆ ἐκ τοῦ πατριαρχικοῦ θρόνου ἄνευ τινὸς νομίμου ἐπιπέμφεως), пропѣли молебень. Въ слѣдующее воскресеніе, 26 мая мѣсяца, во всечестномъ храмѣ Пречистой Богородицы архіереи, имѣя во главѣ Исидора, преосвященнѣйшаго митрополита Великаго Новгорода, короновали сего царя Василя Шуйскаго, взявши съ князя Василя Шуйскаго предварительно клятву, въ присутствіи всѣхъ и предъ св. крестомъ, въ томъ, что онъ не будетъ невинно пытать бояръ и народъ по каждому дѣлу; что пусть не наказывается отецъ за сына, ни сынъ—за отца, ни братъ—за брата, ни родственникъ—за родственника, только виновникъ пусть несетъ наказаніе, послѣ тщательнаго разслѣдованія, по законамъ, согласно съ виною его, а не такъ, какъ прежде (было), во времена царя Бориса¹⁾, который за одного преступника наказывалъ многихъ, и происходили (отсюда) ропотъ и большая несправедливость²⁾. Царь этотъ Василій оказался весьма скупымъ и

1) Въ рукописи на полѣ сдѣлана рукою писца красными чернилами замѣтка: «ἡμοὶ λάθος ἐγένετο», т. е. «у меня произошла ошибка», но, къ чему относится эта ошибка, для насъ непонятно.

2) На полѣ рукописи приписка писца: «И какъ только воцарился

неблагодарнымъ, и не воздалъ почестей воинамъ и не далъ обычныхъ даровъ боярамъ и священникамъ, которые раздавали прежніе цари, подъ тѣмъ предлогомъ, что его предшественникъ, царь Димитрій, расточилъ царскую казну (τὸν βίον τῆς βασιλείας), а онъ значительно увеличилъ ее, потому что получилъ многочисленныя подарки отъ бояръ и народа и бояръ польскихъ и не успѣлъ отдарить ихъ; всѣ подарки остались въ царской казнѣ (εἰς τὸν χαζυὸν τῆς βασιλείας). По этой причинѣ быстро начались для него многія бѣдствія и создались поводы къ многочисленнымъ скандаламъ для него со стороны обиженныхъ бояръ и всего народа, провозгласившихъ, что царь Димитрій убѣждалъ. Другіе признали многихъ сыновей у царей Иоанна царя и Θεодора, и большинство, оставивши его (т. е. Шуйскаго), послѣдовали и служили имъ. Въ крѣпости Путивльской признали нѣкоего юношу по имени Петра, называя его сыномъ царя Θεодора Ивановича, которому поклонились многіе города, вся Сѣверская земля, Калуга и Тула, укрѣпленные города, и воцарился онъ въ Тулѣ. Царь Василій, явившись въ Тулу съ многочисленнымъ войскомъ, осаждалъ ее въ теченіе семи мѣсяцевъ. Съ трудомъ она была предана ему послѣ того, какъ царь Василій далъ клятву, что онъ не предастъ смерти Петра и воеводъ, бывшихъ съ нимъ, и что онъ не причинитъ вреда ни гражданамъ, ни городу. И послѣ того, какъ городъ сдался, царь не сдержалъ своей

(т. е. Василій Шуйскій), то скоро же отправилъ митрополита ростовскаго Фларета съ царскимъ бояриномъ, и принесли они мощи царевича Димитрія изъ Углича, и встрѣтили ихъ съ великимъ торжествомъ не только, какъ мощи царевича Димитрія, но и ради святыхъ чудесъ, совершившихся отъ гроба его въ соборномъ Архангельскомъ храмѣ, установивъ праздникъ ему съ стихирами и канонами и славословіями. Это онъ сдѣлалъ, чтобы всеобщимъ изгладить (изъ памяти народа) имя, прежде него бывшаго, царя Димитрія (Τούτο ἐπραξεν, ἵνα σβήσῃ τὸ ὄνομα τοῦ πρὸ αὐτοῦ βασιλέως Δημητρίου).

клятвы и первого его воеводу Ивана Болотникова отправилъ въ Москву на показъ всѣмъ. И назначивши въ Тулѣ своего воеводу и судей, быстро отправился и самъ въ Москву, оставивъ городъ Калугу и другіе города невзятыми, и даже не выслалъ вояновъ взять ихъ, чтобы не дать воинамъ положенныхъ награды. Всѣ возвратились въ Москву, и всѣ воины, покинувши его, разошлись по домамъ. Упомянутаго Петра, именуемаго сыномъ царя Θεодора, преступивши клятву, (царь) повѣсилъ, а Ивана Болотникова, какъ достойнѣйшаго мужа и свѣдущаго въ военномъ дѣлѣ, и прочихъ съ нимъ, удаливши въ далекое изгнаніе, тайно умертвилъ тамъ. И такъ, когда все это произошло, весь народъ былъ весьма возмущенъ и пришелъ въ негодованіе противъ царя. И снова крѣпость Путивль и вся Сѣверская земля провозгласили царемъ Димитрія, такъ какъ онъ живъ и царствуетъ. Царь Василій, услышавши это, царицу Марію и отца ея и бояръ, пріѣхавшихъ изъ Польши, отправилъ изъ Москвы въ отдаленное изгнаніе, во внутренніе города Россіи. И такъ, если бы онъ пожелалъ взять себѣ въ супруги царицу Марію, такъ какъ онъ былъ вдовъ и въ ту пору не имѣлъ супруги, при полномъ желаніи самой царицы, ея отца Георгія Сеномирскаго и всѣхъ его сторонниковъ,—онъ не захотѣлъ потерять царства (Ἐὰν οὖν ἤθελε λάβῃ τὴν βασιλισσαν Μαρίαν εἰς γυναῖκα, ἐπεὶ καὶ ἀπόχρητος ὢν, μὴ ἔχων γυναῖκα τῷ τότε καιρῷ, θελούσης καὶ τῆς βασιλείσης καὶ τοῦ πατρὸς αὐτῆς Γεωργίου Σανομήρη καὶ τῶν σὺν αὐτῷ πάντων, οὐκ ἤθελε τρεπήσῃ (στερηθῆ?) τῆς βασιλείας),—но онъ предпочелъ взять себѣ (въ супруги) молодую и красивую дѣвушку и избралъ и вступилъ въ бракъ съ юною красивою дѣвицею, дочерью князя Петра Ростовскаго,—дѣвица была красивѣйшая и разумная,—отъ которой онъ имѣлъ двухъ дочерей Анну и Анастасію⁴.

⁴Дѣйствительно¹), царица Марія послужила (причиною)

1) Ἡ τοῦ Μαρία ἡ βασίλισσα ἐγένετο ἀπόλεια καὶ χαλασμός πά-

гибели и разрушенія всей Россіи и великой Москвы. Какъ нѣкогда Елена была (причиною несчастій) для Трои и всей Фригіи и Эллады, такъ и она сдѣлалась тѣмъ же для Москвы, Россіи, Нѣметчины и Польши; и какъ тамъ умерли отъ убійственнаго меча многіе храбрые и благородные мужи и особенно цари: великій и славный храбростію, умомъ, благородствомъ и красотою Ахиллесъ и мужественный великій Гекторъ, сынъ Царя Пріама и Гекубы, великій и славный мужествомъ Аяксъ, сынъ Эака, Патроклъ, самый любимый родственникъ великаго Ахиллеса, и многіе другіе и безчисленные (мужи), точно такимъ же образомъ и эта царица Марія въ Россіи послужила причиною гибели многихъ: изъ царей одного предала мучительной смерти, а другого сослала въ отдаленную ссылку; супруга своего, одѣтаго въ рубище и тяжело осужденнаго, отлученнаго отъ жены и дѣтей, братьевъ и родственниковъ предала позорной смерти и, наконецъ,

ος Ῥωσσίας καὶ τῆς μεγάλης Μοσχοβίας, ὡς περ ποτὲ ἡ Ἑλένη τῆς Τρωάδας καὶ πάσης Φρυγίας τε καὶ Ἑλλάδος, οὕτω καὶ αὐτὴ ἐγένετο Μοσχοβίας καὶ Ῥωσσίας καὶ Νεμηττίας καὶ Λευτίας. Καὶ καθὼς ἕκαστοι πολλοὶ ἄνδρες ἀνδρείων ἦσαν καὶ εὐγενεῖς, καὶ μάλιστα βασιλεῖς, ἀπόθαναν διὰ φόβου μαχαίρας· ὁ μέγας καὶ περίφημος ἐν ἀνδρείᾳ καὶ συνέσει καὶ εὐγενείᾳ καὶ ὀριότητι Ἀχιλλεύς, καὶ ὁ ἀνδρεῖος μέγας Ἔκτωρ, ὁ υἱὸς τοῦ βασιλέως Πριάμου καὶ Ἑκάβης, καὶ ὁ μέγας καὶ περιβόητος ἐν ἀνδρείᾳ Αἴας ὁ Τελαμώνιος, καὶ ὁ Πάτροκλος, ὁ φίλτατος· καὶ συγγενῆς τοῦ μεγάλου Ἀχιλλεύου, καὶ ἄλλοι πολλοὶ καὶ ἀναρίθμητοι, οὕτω καὶ αὐτὴ ἡ Μαρία ἡ βασίλισσα ἐν τῇ Ῥωσσίᾳ ἐγένετο πολλῶν ἀπώλεια. Τοὺς βασιλεῖς, τὸν μὲν θανάτῳ πικρῷ παρέδωκε, τὸν δὲ μακρᾷ ἐξορίᾳ παρέπεμψε, βρανεδότην καὶ λίαν καταδεδιχαμένον, ζωντανοχόριστον γυναικὸς τε καὶ τέκνων, ἀδελφῶν τε καὶ συγγενῶν, θανάτῳ ἀτίμῳ καὶ πορῇ τέλος παρέδωκε τὸν παρακοιτην αὐτῆς. Τὸν δὲ πατέρα καὶ τοὺς ἀδελφοὺς ἐπίκρανε καὶ ἐπτώχωνε πτωχίᾳ μεγάλῃ καὶ ἐνιείᾳ. Τὴν μεγάλην Μοσχοβίαν κατέκαυε, κάστροι πολλὰ τῆς μεγάλης Ῥωσσίας καὶ χωρία ἐρήμωσε, καὶ πλῆθος ἀνδρῶν ἐφθεῖρε οὐ μόνον Ῥώσσοις, ἀλλὰ καὶ Λέχοις καὶ Νεμηττίουσις.

огню; отцу же и братьямъ причинила огорченіе и довела ихъ до великой нищеты и скитанія на чужбинѣ; великую Москву сожгла, многіе города великой Руси и деревни опустошила, множество мужей погубила не только Русскихъ, но Поляковъ и Нѣмцевъ“.

„Снова возвратимся на подлежащее“.

„Итакъ, Пугивль и другіе города Сѣверской земли провозгласили царемъ другого, юношу благоразумнаго, прекраснаго, милостиваго, весьма образованнаго и искуснаго въ военномъ дѣлѣ (ὄχιον φρόνιμον, καλὸν καὶ ἐλεγήμονα, καὶ πολλὰ γραμματισμένον, καὶ δόκιμον τοῦ πολέμου), называя его Димитріемъ, убитымъ предъ тѣмъ царемъ. На его сторонѣ оказались не только Русскіе, но и Поляки, родственники царицы Маріи, и родственники, знакомые и друзья убитыхъ предъ тѣмъ въ Москвѣ, чтобы отомстить за несправедливо пролитую кровь. Услышавши это, царь Василій послалъ брата своего князя Димитрія съ великимъ войскомъ, и когда произошло сраженіе, то князь Димитрій, братъ царя, потерпѣлъ сильное пораженіе, и самъ и бывшіе съ нимъ убѣжали ни съ чѣмъ, безъ всякаго оружія. Этотъ князь Димитрій удалился въ Москву, а прочіе всѣ, куда успѣли. Эта битва происходила вблизи Болхова. Димитрій, именуемый новымъ царемъ, захвативши пушки и весь военный снарядъ, и богатство и все, что необходимо для войны, у войска князя Димитрія, брата царя, храбро и съ великою радостію прибылъ въ Москву, не встрѣтивъ ни съ чьей стороны никакого препятствія; всѣ — и всякій городъ и деревня выражали ему покорность. Подчинился ему и великій Владиміръ, только Смоленскъ и Коломна, по грѣхамъ, не подчинились, прочіе же города, одни путемъ убѣжденія, а другіе путемъ завоеванія были захвачены. Самъ онъ устроилъ стоянку вблизи Москвы въ семи миляхъ, въ мѣстечкѣ, называемомъ Тушино. Онъ осаждалъ Москву въ теченіе восьмидесяти мѣсяцевъ и не овладѣлъ ею по причинѣ многочи-

сленнаго народонаселенія города, но во время войны съ обѣихъ сторонъ были убиты многіе. Итакъ, когда они воевали въ теченіи долгаго времени, выступилъ въ походъ великій король (ὁ μέγας ῥῆγας) польскій Сигизмундъ и осадилъ городъ Смоленскъ, чтобы взять его, и, весьма долго осаждавши, не овладѣлъ имъ. Великій король отправилъ посла къ царю Димитрію съ грамотою, содержаніе которой никому не извѣстно. Самъ же Димитрій, испугавшись посланника, наслышавшись ложныхъ извѣстій, такъ какъ при немъ находилось много польскихъ солдатъ, тайно убѣжалъ въ Калугу, покинувъ царицу свою Марію, дочь воеводы Сандомирскаго, которую, не желая взять себѣ (въ супруги), царь Василій отпустилъ съ отцемъ ея и со многими боярами, оставшимися отъ вышеописаннаго убійства. Царь Василій и Марія царица и послы великаго короля Александръ и Николай, заключивши клятвенный договоръ съ послами короля предшествующаго года относительно того, чтобы они возвратились въ Польшу къ великому королю, дабы утвердить условія мира, которыя они высказали и скрѣпили клятвою, и, такимъ только образомъ, царь позволилъ всѣмъ имъ инымъ путемъ удалиться на родину. Они же, или добровольно, или силою (ἢ θέλοντες καὶ μὴ θέλοντες), были на пути задержаны царемъ Димитріемъ, и онъ взялъ царицу Марію, говоря, что она — жена его; согласилась и подтвердила и она и отецъ ея, заявивши предъ всѣми, что онъ прежній ея мужъ, царь Димитрій, вѣнчанный въ Москвѣ. Нарушили (такимъ образомъ) клятвы и обѣщанія царица Марія и отецъ ея и всѣ находившіеся при нихъ. Итакъ, самъ царь Димитрій, какъ я сказалъ, убѣжалъ тайно въ Калугу. Всѣ виновники многихъ злодѣяній съ радостію приняли его въ Калугѣ, войска же его разошлись, одни удалились въ Москву, другіе къ великому королю подѣ Смоленскъ, а третіе къ нему въ Калугу. Итакъ, когда это случилось, царь Василій, собравъ большое войско, подѣ командою брата своего Димитрія Шуйскаго отправилъ его противъ

великаго короля. Когда произошла битва съ полководцемъ великаго короля Станиславомъ Жолкѣвскимъ, князь Димитрій, братъ царя, былъ разбитъ на голову, и убѣжалъ назадъ въ Москву самъ и всѣ съ нимъ бывшіе. Немалочисленные измѣнники царя Василя, захвативши напередъ нѣкоторыхъ бояръ Москвы, отправились къ великому королю, находившемуся подѣ Смоленскомъ, умоляя и прося его дать сына его Владислава въ цари великой Москвы и всей Россіи. Великій король, съ радостію выслушавши ихъ просьбу, обѣщавшись исполнить. Эти русскіе бояре послали въ Москву письмо, написавши объ обѣщаніи великаго короля относительно сына его Владислава. Бояре Москвы и весь народъ, услышавши объ этомъ, съ великою радостію приняли обѣщаніе великаго короля. Великій король отправилъ грамоты къ боярамъ и народу и къ великому своему полководцу Жолкѣвскому съ просьбою договориться о мирѣ. И когда пришелъ полководецъ Станиславъ Жолкѣвскій подѣ Москву съ большимъ войскомъ, то раскинулъ свои палатки вблизи Москвы, по ту сторону рѣки, на полѣ, не встрѣчая сопротивленія ни съ чьей стороны, потому что приходъ его былъ весьма приятенъ. Въ эти дни вернулся изъ Калуги и именуемый царь Димитрій съ великимъ войскомъ подѣ Москву, и поставилъ онъ свои палатки, по другую сторону рѣки, на полѣ, съ другой стороны Москвы. Бояре же и весь народъ московскій съ патриархомъ, съ архіереями и священниками обсудили напередъ и предпочли имѣть царемъ и великимъ княземъ ихъ Москвы сына великаго короля Сигизмунда Владислава. И сговорившись другъ съ другомъ, удалили царя Василя изъ царскаго дворца и отправили его и царицу Марію въ старый домъ его. И спустя три дня, вопреки его желанію, постригли его въ монахи, назвавши его Варлаамомъ. Равнымъ образомъ постригли въ монахи и царицу Марію. Царя монаха Варлаама заключили въ Чудовскомъ монастырѣ, т. е. (Алексѣя) чудотворца, а

царицу—въ женскомъ монастырѣ Иоанна Предтечи ¹⁾.—И по окончаніи царствованія Василія Шуйскаго, вышель изъ Москвы великій бояринъ князь Феодоръ Ивановичъ Мстиславскій и многіе другіе съ нимъ бояре и дьяки и многіе изъ синклита, въ воскресеніе, и соединились съ полководцемъ великаго короля Станиславомъ Жолкѣвскимъ, и повели рѣчь о мирѣ. И согласившись другъ съ другомъ, они провознесли между собою страшную клятву, чтобы никто не былъ измѣнникомъ, пренебрегши условія.—Итакъ, услышавши это, царь Дмитрій снова бѣжалъ въ Калугу съ немногими солдатами, потому что всѣ Поляки оставили его.—Конечно, ради прочной вѣрности, они написали и грамоты по-русски и по-польски, заключающія въ себѣ границы и чинъ царства, дабы они были неподвижны и нерушими великимъ королемъ и царемъ Москвы и всей Россіи Владиславомъ, сыномъ его. И когда установилась дружба и великій миръ между Русскими и Поляками, явился въ Москву великій полководецъ Станиславъ Жолкѣвскій и все войско его и обдумывали, что предпринять относительно царя Дмитрія, потому что онъ снова царствовалъ въ Калугѣ и надъ всею Сѣверскою землею. Итакъ, въ это время отправилъ патриархъ киръ Гермогенъ и архіереи, и бояре, и весь синклитъ двора, и весь народъ Москвы митрополита ростовскаго киръ Филарета, великаго боярина князя Василія Голицына, князя Данила (Ивановича Мезецкаго) и Захарія Ляпунова изъ Рязани ²⁾ и Томило (Дуговскаго) (Τόμιλος), великаго дьяка

¹⁾ «Царицу Марью», по словамъ С. Соловьева, потомъ «заключили въ Суздальскомъ Покровскомъ монастырѣ» Истор. Россіи съ древн. врем. т. VІІІ, стр. 339.

²⁾ По нашимъ документамъ, въ составѣ посольства не было Ляпунова, а вмѣсто него называются «думный дворянинъ Василій Бор-

дворца, и архимандритовъ, игуменовъ, протопопа, и священниковъ и діаконовъ, царскихъ секретарей, и купцовъ съ грамотами и многочисленными подарками по чину и чести къ великому королю Польши Сигизмунду на поклонъ и съ просьбою относительно сына его Владислава, высказывая удовольствие и желая, чтобы онъ царствовалъ надъ ними и былъ царемъ и великимъ княземъ Москвы и всей Россіи. Эти же всѣ, явившіеся къ великому королю и поклонившіеся ему, передавъ грамоты и многіе дары, были приняты весьма радостно, прося сына его, чтобы онъ далъ его имъ на царство у нихъ въ великой Москвѣ и во всей Россіи и во всей сѣверной странѣ. Король охотно принялъ ихъ просьбу и согласился исполнить это вскорѣ, но не выполнялъ требуемаго ими до конца, пребывая тамъ въ войнѣ, чтобы овладѣть Смоленскомъ. Итакъ, великій король отправилъ въ Москву грамоту къ боярамъ и народу съ просьбою, чтобы они прислали къ нему для большей вѣрности Василія царя, называемаго монахомъ Варлаамомъ, и братьевъ его князя Дмитрія и князя Иоанна. Они, получивъ грамоту, скоро отправили его и братьевъ его. Явившійся царь Василій къ великому королю былъ принятъ любезно самъ и его братья. Великій король, снявъ съ царя Василія, въ монастырѣ Варлаама, монашескія одежды, облекъ его въ мірскія и отправилъ его вмѣстѣ съ братьями его въ Польшу подъ охрану. Итакъ, великій король продолжалъ осаждать, чтобы взять Смоленскъ. Спусти три мѣсяца, былъ убитъ царь Дмитрій въ Калугѣ отъ нѣкоего князя Петра ногайца (παρά τιος κλέσο Πέτρου Νογάη). И по причинѣ медлительности и непостоянства короля, не желающаго рѣшиться, чтобы дать (въ цари) сына своего, и осаждающаго Смоленскъ, не произошло ничего хорошаго. Итакъ, жители Москвы и всей Россіи, услышавши, что великій ко-

совицъ Сукинъ, дьякомъ думной Томило Дуговской да Сыдавной Васильевъ». Собр. госуд. грам. и договор. т. II, № 206, стр. 446.

Архiep. елассонскій Арсеній.

роль воюетъ противъ Смоленска и сына своего не желаетъ дать, весьма опечалились и не только русскіе, но и всё польскіе воины. Итакъ, Русскимъ и Полякамъ, отправившимъ пословъ съ грамотами къ великому королю, онъ не далъ отвѣта—отпустить, или не отпустить (сына царствовать), продолжая осаждать Смоленскъ. Удалившійся съ немногими людьми полководецъ Станиславъ Жолкѣвскій, оставивши въ Москвѣ пана Александра Ивановича Гонсѣвскаго, пошелъ за войсками къ великому королю, чтобы укрѣпить соглашенія и написанное относительно мира и послать сына его, какъ сказали раньше, въ великую Москву въ качествѣ царя, потому что избралъ сего сына великаго короля, Владислава Сигизмундовича, великій патріархъ Москвы и всей Россіи киръ Гермогенъ съ архіерейскимъ соборомъ и синклитомъ и всѣмъ народомъ. Но и этотъ не могъ измѣнить мнѣнія великаго короля. Случайно онъ слушался несправедливыхъ убѣжденій враговъ и не рѣшился послать сына своего, но осаждалъ Смоленскъ, который, по причинѣ непокорности своей, не только погубилъ себя самого, но и многіе города и деревни совершенно опустошилъ и самый великій городъ Москву привелъ въ ничтожество. Всѣ жители Москвы и города Россіи, услышавши, что великій король не желаетъ давать сына своего въ цари имъ и, поправъ договоры,—утвердить написанное, заключенное съ главнокомандующимъ Жолкѣвскимъ, безчестили воиновъ великаго короля. Возставшіе города—Калуга, Рязань и другіе города назначили воеводу боярина Прокопія Лянунова изъ города Рязани и другого съ нимъ, Ивана Мартыновича Заруцкаго, командующими войсками,—помимо согласія и желанія бояръ и народа великой Москвы, потому что Москва еще ожидала сына короля.

Нѣкоторые говорили, что возстаніе городовъ и народа произошло по совѣту патріарха киръ Гермогена, хотя истину вѣдаетъ Господь, потому что самъ онъ отрицалъ это. (Εἶπον τινές, ὅτι ἡ ἐπανάστασις τῶν πόλεων καὶ τοῦ λαοῦ ἐγένετο μετὰ

γνώμης τοῦ πατριάρχου κὶρ Ἑρμογένους, ἀμὴ Κύριος οἶδε τὸ ἀληθές· αὐτὸς γὰρ ἤρνεῖτο).

Настоящая глава анализируемыхъ мемуаровъ весьма бѣдна новыми данными. Если не имѣть въ виду краткихъ замѣчаній Арсенія, архіепископа елассонскаго, объ удаленіи съ патріаршей кафедрой Игнатія безъ законнаго разслѣдованія соборомъ русскихъ іерарховъ, о неудавшихся замыслахъ Марини Мнишекъ и ея отца устроить новый бракъ съ царемъ Василіемъ Шуйскимъ, замѣчаній, какъ намъ кажется, доселѣ неизвѣстныхъ въ исторической литературѣ, а равно нѣкоторыхъ дополнительныхъ свѣдѣній относительно состава посольства къ королю польскому Сигизмунду съ просьбою отпустить сына его Владислава на московскій престолъ, и послѣдняго замѣчанія о патріархѣ Гермогенѣ, что онъ отрицалъ свое участіе въ возбужденіи русскаго народа къ возстанію противъ Поляковъ, то все остальное въ этой главѣ является хорошо извѣстнымъ по другимъ источникамъ и въ болѣе обстоятельной передачѣ, чѣмъ въ какой эти событія изложены у нашего автора.

„Ἡ ἀνάλωσις τῆς μεγάλης καὶ βασιλευούσης πόλεως Μοσχίας, φεῦ, βαί! Т. е. Разореніе великаго и царствующаго града Москвы. Увы, горе!“

«Ἐν τῷ ζεῖθ' ἔτις μηνὶ Μαρτίῳ 19, τῇ μεγάλῃ τρίτῃ, ἄνευ τινὸς βουλῆς ἢ γνώμης ἀρχοντικῆς Ῥουσσῶν καὶ Λεχῶν, ἢ πλουσίων καὶ ἄνθρωπων, ἐγένετο ἐπανάστασις ἀπὸ ὀλίγων ἀνθρώπων ἀγνώστων καὶ ποταπῶν ἀνθρώπων, ἀπὸ δοῦλου μαροῦς καὶ μεθυσμένου, ἀρχίζαντες οἱ ἄγνωστοὶ καὶ μαροὶ λαλοῦντες τὰς καμπάνας ἄνευ τῆς βουλῆς τῶν ἱερέων καὶ τῶν ἀρχόντων καὶ τοῦ λαοῦ εἰς πόλεμον. Καὶ ἐξεληθόντες οἱ δοῦλοι τῶν ἀρχόντων καὶ ἰδόντες τὴν παραχρῆν καὶ τὴν σύγχυσιν τῶν ἀνθρώ-

«Въ 7119=1611 году, марта 19, въ великій вторникъ, безъ всякаго совѣта или боярскаго согласія Русскихъ или Поляковъ, или богатыхъ хорошихъ людей, было учинено возстаніе немногими неизвѣстными людьми, людьми безъ роду и племени, глупыми и пьяными холопами. Незвѣстные и глупые зачинщики ударили, безъ воли священниковъ, бояръ и народа, въ колокола къ возстанію. Холопы бояръ, вышедши и видя смятеніе и народное волненіе, на-

παν, ἤρξαντο οἱ δοῦλοι τῶν στρατιωτῶν κατακόπτειν καὶ φοβεῖν τοὺς ἀνθρώπους ἐν τῇ ἀγορᾷ. Καὶ ἔπῃν Ἀλέξανδρος ὁ στρατηγὸς ἐκρήρτεν εἰς τοὺς στρατιώτας αὐτοῦ μὴ ποιεῖν φόνους, οὐκ ἐδόνατο καταπαῦσαι αὐτοὺς. Ὁμοίως καὶ οἱ ἄρχοντες οἱ Ῥουσοὶ κηρύττοντες καὶ αὐτοὶ εἰς τοὺς δοῦλους αὐτοῦ (αὐτῶν (?), οὐκ ἐδυνήθησαν καταπαῦσαι αὐτούς. Οὗτε οἱ μωροὶ καὶ ποταποὶ ἄνθρωποι τοῦ λαοῦ ἤκουον αὐτοὺς, ἀλλ' ἐν ἀλαλαγμῷ καὶ μεγάλῃ τῇ φωνῇ ἐκραύαζον, λέγοντες: «Ὁ Προκόπιος Λεπινόδης ἦλθε». Καὶ ἀνάψαντες οἱ δοῦλοι τῶν Λεσχῶν τὸ ξέθων μέγα κάστρον, καὶ ἀνεμου σφοδρῶ γενόμενον, ἐκάησαν πολλοὶ οἴκοι καὶ ἐκκλησίαι. Ἐως ἑσπέρας μύλις ἔπαυσεν ἡ φλόξ, καίουσα τοὺς οἴκους καὶ τὰς ἐκκλησίας. Καὶ τῇ ἑπαύριον ἐξεληθόντες οἱ ἄρχοντες τῶν Ῥουσοῦν καὶ τῶν Λεσχῶν, ἀνακηρύττοντες εἰρήνην. Πάλιν οἱ μωροὶ καὶ ἀγνώμονες ποταποὶ ἄνθρωποι οὐκ ἤκουον, ἀλλ' ἤβηλον αὐτούς ἀποκτεῖναι, λέγοντες: Ἐβίβασεν ὁ Προκόπιος Λεπινόδης, σήμερον καὶ αὔριον πάντα ὑμᾶς ἀπολέσομεν. Καὶ ἀπολύσαντες τοὺς στρατιώτας, πάλιν ἀνάψαν καὶ ἔκαυσαν τὸ μέγα κάστρον τὸ ξέθων. Καὶ καίωμεναι αἱ οἰκίαι καὶ αἱ ἐκκλησίαι, οἱ στρατιώται μὲν ἄλλοι ἔκοπταν τὸν λαόν, ἄλλοι δὲ ἐκούρυσσαν τοὺς οἴκους καὶ τὰς ἐκκλησίας. Καὶ ἅπας ὁ λαὸς καὶ ἅπαντες ἐφθάρησαν οἱ ἐν τῇ Μοσχολίᾳ, ἄλλοι διὰ φόνου μαχαίρας, ἄλλοι δὲ διὰ πυρός. Καὶ ἀφανίσθη τοιοῦτον μέγα βασιλικὸν κάστρον τελείως, λαβόντες οἱ στρατιώται κοδρῆν ἀμετρα. Ἐκορυσσαν καὶ ἤρνανισαν καὶ τὸ μεσαίτατον κάστρον, τὰς ἐκκλησίας, τὸ παζάριον, τὰ ἐργαστήρια ἅπαντα καὶ τὰ ἀρχοντικὰ ὀσπήτια. Καὶ τὰ ἐργαστήρια ἅπαντα ἐκ θεμελίων ἤρνανισαν, γυρεύοντες θησαυρόν. Ἀποκτείναν καὶ τὸν μέγαν ἄρχοντα Ἀν-

чани рубить солдатъ и убивать людей на площади. Панъ Александръ полководецъ объявлялъ воинамъ своимъ, чтобы они не чинили убийствъ, (и) не могъ остано- вить ихъ; равнымъ образомъ и русскіе бояре, давъ приказаніе рабамъ своимъ, не были въ силахъ сдержать ихъ; въ тому же и глупые, люди безъ роду, изъ народа не слушали ихъ, но съ радостію и великимъ голосомъ кричали: «Пришелъ Прокопій Ляпуновъ!» Рабы польскіе, поджегши вѣнскую большую крѣпость (Вѣный городъ), при сильномъ вѣтрѣ, сожгли множество домовъ и церквей. Пламя едва къ вечеру потухло, пожигая дома и церкви. Бояре русскіе и польскіе, вышедши, на слѣдующій день провозгласили миръ. Снова глупые и невѣстные проходимцы не послушались, но пожелали убить ихъ, говоря: «Пришелъ Прокопій Ляпуновъ; сегодня и завтра мы всехъ васъ истребимъ». И наступивши солдатъ, снова подогли и сожгли вѣнскую большую крѣпость. И когда пылали дома и церкви, то одни солдаты убивали народъ, а другіе грабили дома и церкви. И весь народъ и все жители Москвы были истреблены, одни убійствомъ меча, другіе огнемъ. И такъ великій царственный городъ былъ совершенно доведенъ до убожества, такъ какъ солдаты учинили безчисленные грабежи; они ограбили и разрушили центральную часть (Китай городъ) города, церкви, базаръ, все лавны и боярскіе дома. Лавны разрушили до основанія, отсыкая сокровищъ. Убили и великаго боярина, князя Андрея Голицына, брата великаго боярина князя Василия Голицына, который былъ

рѣан Γολήτζηνον, τὸν ἀδελφόν τοῦ μέγαλου ἄρχοντος, κνέζου Βασιλείου Γολήτζηνου, ὅπου ἦτον ἀποσταλμένος ἀποκριτάρης εἰς τὸν κράλην. Καὶ ἄλλους πολλοὺς ἄρχοντας καὶ πραγματευτὰς πλοῦστους ἀπέκτειναν καὶ ἔλαβον τὸν βίον αὐτῶν. Ἐκατέβασαν καὶ τὸν ἁγίαστον πατριάρχην κύρ Ἐρμογάνην ἐκ τοῦ πατριαρχείου καὶ ἐπερίωρισαν αὐτὸν ἐν τῷ μετοχιῷ τοῦ ἁγίου Κυρίλλου, ἐκδόντες αὐτὸν τὰ ἀρχιερατικά χωρὶς ἀρχιερατικῆς συνάξεως, ἐνέδωσαν αὐτὸν μοναχικᾷ ἄμφια οἱ τῆς Μοσχολίας ἄρχοντες, ἔχοντας εἰς αὐτὸν μεγάλην ὑποψίαν καὶ ὀργήν, λέγοντες, ὅτι μετὰ συνέργιας αὐτοῦ ἐγένετο ἡ ἐπανάστασις τοῦ λαοῦ, καὶ ἐγάλασαν τὰ κάστρα, καὶ διεφθάρη καὶ ἐχθρῆ τοσοῦτον αἷμα χριστιανικόν, μὴ γινώσκοντες τὸ βέβαιον. Ὁ δὲ λαὸς ἀπάσης τῆς Μοσχολίας, ἄρχοντες καὶ ἀρχόνεοι, πλοῦστοι καὶ πένητες, ἄνδρες τε καὶ γυναῖκες, νέοι τε καὶ γέροντες, παιδία τε καὶ κοριττίζια οὐ μόνον ἀπὸ τῶν φόβων τῶν στρατιωτῶν ἔφευγαν, ἀλλὰ τὸ περισσότερο ἔφευγαν ἀπὸ τοῦ πυρός τῆς φλογός. Καὶ ἄλλοι μὲν ἔφευγαν γυμνοὶ ἀπὸ τῆς βίας αὐτῶν, ἄλλοι δὲ ἀνοπθῆναι, καὶ μάλιστα κρῶς καιρὸς ἦν. Καὶ ἔφευγαν κοπάδια, κοπάδια ὡς τὰ πρόβατα φεύγοντα ἀπὸ τῶν λύκων, λαὸς πολὺς ἀναριθμητός, ὡσεὶ ἄμμος θαλασσῶν, καὶ ἀπὸ τοῦ κρούς καὶ ἀπὸ τῆς πείνης ἀπέθνησκον ἀναριθμητοί, ἀπὸ ταῖς στραταῖς, ἀπὸ λόγους, ἀπὸ τοῦ κάμπους ἀνεπιμέλητοι, ἄταφοι. Ἀρχοντες εὐγενικοὶ, ἀρχοντισσαί, καὶ ἀρχοντοπούλαι, καὶ ἀρχοντοπούλαις, καὶ πᾶς ὁ λαὸς τῆς Μοσχολίας διεσκορπίσθη καὶ διεφθάρη χειρότερα. ἀποτολμῶ εἰπεῖν, παρὰ ποτὲ, ὅπου διεφθάρησαν τὰ Σόδομα καὶ Γόμορρα, καὶ ἡ Νινευὴ ἡ πόλις ἡ μεγάλη, ὅτι ἐκείναι μὲν αἱ πόλεις ταχέως καὶ συντόμως ἐφθάρησαν παρὰ τῆς ὀργῆς τοῦ Κυρίου, ἡ μὲν διὰ πυρός, ἡ δὲ δι-

отправленъ посломъ къ королю; убили и многихъ другіхъ бояръ и богатыхъ купцовъ и захватили ихъ имущество. Бояре московскіе изгнали и святѣйшаго патріарха кыр Гермогена изъ патріархіи и заключили его въ подворья святаго Кирилла (Влоозерскаго), славяши съ него архіерейскія одежды безъ архіерейскаго собора, одѣли его въ монашескія одежды, такъ какъ имѣли на него большое подозрѣніе и гнѣвъ, говоря, что, при его содѣлствіи, произошло народное возстаніе, разрушены крѣпости, потеряно и пролито столько христіанской крови,—не зная навроное. Народъ же всея Москвы, бояре и начальствующіе, богатые и бѣдные, мужичины и женщины, юноши и старцы, мальчичи и дѣвочки бѣжали не только отъ страха передъ солдатами, но болѣе всего отъ гнѣвнаго пламени; одни, по ирчины своей послѣдственности, бѣжали нагими, другіе—босыми, и особенно при холодной погодѣ; бѣжали толпами, какъ овцы, бѣгущія отъ волковъ. Великій народъ, многочисленный, какъ песокъ морской, умиралъ въ безчисленномъ количествѣ отъ голодовъ, отъ голода, на улицахъ, въ рощахъ и въ поляхъ безъ всякаго призора, непогребенными. Благородные бояре и боярчичи, дѣти боярскія и боярышничны и весь народъ московскій былъ разсыянъ и погубленъ гораздо хуже, осмѣливаюсь сказать, чѣмъ нѣкогда были погублены Содома и Гоморра и Ниневія, градъ великій, потому что эти города быстро и въ короткое время были разрушены отъ гнѣва Господня, одишь посредствомъ огня, а другою посредствомъ воды, великая же Москва была приведена въ ничтожество посредствомъ многихъ на-

ὑδάτος, ἡ δὲ μεγάλη Μοσχοβία διὰ πολλῶν τιμαριῶν ἀφανίσθη διὰ πυρός, διὰ κρούσεως ψυχροῦ, καὶ διὰ φόνου μαχαίρας καὶ πείνης. Θεὸ τῆς συμφορᾶς! Ὁ τῆς μακροθυμίας Σου, Κύριε! Τίς δύναται εἰπεῖν τὰ ἄδηλα καὶ κρύφια τῆς σοφίας Σου; ἢ ἐκαραιθμησάτω τὴν ἄβυσσον τῶν κριμάτων Σου, κατὰ τὸν προφήτην, λέγοντα: Τὰ κρίματα τοῦ Θεοῦ ἄβυσσος πολλή. Ἦλεως γενοῦ ἡμῶν, Κύριε. Ὁ τοσοῦτος λαὸς πλοῦσιος, πλὴς καὶ ἀναριθμητος, προσκαλούμενος τῷ ὀνόματι Σου τῷ ἁγίῳ, θανάτῳ πικρῷ παρεδόθη. Πλήθος πολὺ, γένος ἐκλεκτόν, εὐσεβές, χριστιανικώτατον, ἀναριθμητόν, ὡς τὴν ἄμυνον τῆς θαλάσσης. Δίκαιος εἶ, Κύριε, καὶ εὐθεὶς αἰκρίσεις Σου, πάντα πρὸς συμφέρον οἰκονομῶν.

Ἐκρούσμεν παρὰ πολλῶν, ὅτι ἦσαν ἐντός μεγάλης Μοσχοβίας τῶν τριῶν κάστρων ἄνδρες τε καὶ γυναῖκες, νέοι τε καὶ γέροντες, πᾶσαι ψυχαί, μυριάδες τριακοσίας, ἤγγον τρεῖς φοραὶς χιλίας χιλιάδας. Τοσοῦτον οὖν πλήθος λαοῦ εἰς πέντε ἡμέρας διεφθάρη καὶ ἔφυγεν ἀπὸ τῆς μεγάλης Μοσχοβίας, ἵνα βυθῶσι τοῦ φόνου καὶ τῆς μαχαίρας καὶ τοῦ πυρός. Καὶ ἐγένετο κλαυθμὸς, θρήνος πολὺς καὶ ὄδωρος μέγας, βλέποντες καὶ ἀκούοντες οἱ πατέρες καὶ μητέρες τὰ τέκνα αὐτῶν πεφονευμένα καὶ θανατωμένα, τὰ μὲν ὑπὸ πυρός, τὰ δὲ ὑπὸ σπάθης, ἄλλα δὲ ὑπὸ τοῦ πεγματοῦ καὶ τῆς πείνης. Ὁμως καὶ τὰ τέκνα ἔβλεπον τοὺς γονεῖς αὐτῶν καὶ τοὺς ἀδελφοὺς καὶ συγγενεῖς ταλαιπωρούμενους ἀπὸ πάσης συμφορᾶς: καὶ θλίψεως ταλαιωμένων, ἄδωροντο πικρῶς καὶ ἔλαινά. Θεὸ τῆς ἀπολείας, ἧς ἐγένετο ἐν τῇ περιφθίμῳ καὶ μεγάλῃ Μοσχοβίᾳ! Ἡ θασίλισσα καὶ κυρία πολλῶν πόλεων ἐγένετο ὄνειδος καὶ ἐξουδένημα πολλῶν ἔθνων! Θεὸ τοῦ πτώματος! Σπλαγγισθήτω, Κύριε, καὶ μὴ ὀφθῆ: ἡμᾶς διὰ τὰς ἀμαρτίας

καζανίη: огнемъ, холоднымъ временемъ, убійствомъ меча и голодомъ. О, несчастіе! О, долготерпѣніе Твое, Господи! Кто можетъ изрещи безвѣстная и тайная премудрости Твоеѣ, или исчислити глубину судьбѣ Твоихъ, по пророку Давиду, говорящему: *Судьбы Твоѣ бездна многа* (Ис. XXXV, 7). Буди милостивъ къ намъ, Господи! Такой богатый народъ, великій и безчисленный, призванный именемъ Твоимъ святымъ, былъ преданъ тяжелой смерти. Народъ великій, родъ избранный, благочестивый, самый христіанскій, безчисленный, какъ несокъ морскаго. *Праведенъ еси, Господи, и правы суди Твои* (Ис. СХVІІІ, 137), вся устроена на пользу».

«Мы слышали отъ многихъ, что въ трехъ укрѣпленіяхъ великой Москвы находилось мужей и женъ, юношей и старцевъ, всего душъ, триста мириадъ, т. е. три раза тысячу тысячъ. Итакъ, такое множество народа было истреблено и бѣжало изъ великой Москвы, чтобы избавиться убіенія мечемъ и огнемъ. И была ἦλαчь, рыданіе возе и вопль много, такъ какъ отцы и матери видѣли и слышали, что дѣти ихъ убиты и преданы смерти, одни посредствомъ огня, другія посредствомъ меча, а третія умерли отъ холода и голода. Въ свою очередь и дѣти видѣли родителей своихъ и братьевъ и родственниковъ, бѣдствующихъ отъ всякаго рода несчастій и терзаемыхъ скорбью, плакали горько и жалостно. О, какое разрушеніе произошло въ славоѣ и великой Москвѣ! Царица и госпожа многихъ городовъ сдѣлалась поношеніемъ и униженіемъ у многихъ народовъ. О, несчастіе! Умилосердись, Господи, и не даждь намъ

ἡμῶν ἀπολέσθαι εἰς τέλος, ἔργα χειρῶν Σου ὄντας. Ὅτι Σε ἐπικαλοῦμεθα καὶ Σε εὐλογοῦμεν πάσας τὰς ἡμέρας τῆς ζωῆς ἡμῶν, διὰ πρεσβειῶν τῆς παναγράντου Σου Μητρὸς Θεοτόκου καὶ ἀειπαρθένου Μαρίας, τῆς ἀσπύρας κηρύσσας Σε, τὸν ἐλαγίμονα καὶ εὐήκοον ἡμῶν Θεόν, τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστόν, καὶ διὰ τῶν φωτισθῶν ἁγίων Σου Ἀγγέλων, καὶ διὰ τοῦ τιμίου Σου ἐνδόξου προφήτου, Προδρόμου καὶ Βαπτιστοῦ Ἰωάννου, καὶ πάντων Σου τῶν ἁγίων, τῶν ἀπ' αἰῶνος Σοι εὐαρεστησάντων».

по грѣхамъ нашимъ погибнути до конца, дѣла рукъ Твоихъ есмь, яко Ты призываемъ и Ты благословляемъ вся дни живота нашего, молитвами пречистыя Твоея Матери Богородицы и приснодѣвы Маріи, безсеменно зачнейшей Тя, милостиваго и благоувѣливаго Бога Нашего, Господа Нашего Иисуса Христа, и свѣтлѣйшихъ святыхъ Твоихъ ангелъ, и честнаго Твоего славнаго пророка Предтечи и Крестителя Іоанна и всѣхъ Твоихъ святыхъ, отъ вѣка Тебѣ благоугодившихъ».

„27 марта мѣсяца, въ новую (ѳоминую) среду, пришелъ русскій главнокомандующій Прокопій Ляпуновъ изъ Рязани съ большимъ и многочисленнымъ войскомъ; съ нимъ находился и Иванъ Мартыновичъ Зарудскій. По этой причинѣ, произошло еще большее разореніе и великое избіеніе Поляками, которые жгли и убивали оставшихся Русскихъ изъ опасенія, чтобы они не были предателями и измѣнниками. Прокопій (Ляпуновъ) съ войскомъ своимъ овладѣлъ всѣми монастырями, находящимися вокругъ Москвы, только не могъ взять дѣвичій (ново-дѣвичій) монастырь, потому что онъ былъ сильно защищенъ Поляками и многочисленными Нѣмцами, находившимися внутри, и множествомъ пушекъ. Въ нѣскольکو дней онъ овладѣлъ внѣшнимъ большимъ каменнымъ укрѣпленіемъ, сожженнымъ огнемъ. Внѣшнее укрѣпленіе деревянное сгорѣло въ пламени все дотла. Русскіе внутренняго укрѣпленія устроили плетни и рвы и установили пушки, и каждый день храбро нападали на оба внутреннія укрѣпленія, находившіяся въ рукахъ Поляковъ; въ свою очередь и Поляки и Нѣмцы извнутри отражали нападенія, и съ обѣихъ сторонъ были убиты многіе. Все это произошло по той причинѣ, что король не хотѣлъ дать сына своего въ пари имъ, какъ обѣщался, говоря, что онъ, или дасть имъ сына своего

въ цари имъ, или оставить Москву, всякое мѣстечко и деревню сей великой Россіи испепеленными, и они возвратятся во свояси, въ Польшу, съ миромъ, съ великою и страшною клятвою. Поляки же, находившіеся въ Москвѣ, не желали этого“.

„12 июня мѣсяца, прибылъ отъ великаго короля съ большимъ войскомъ и панъ Иванъ Сапѣга (ὁ πᾶν Ἰωάννης Σαπίγας). Всѣ Поляки вступили въ бой съ Русскими обоихъ полковъ; никакое войско не одержало побѣды, только въ средѣ ихъ произошли многочисленныя избіенія. Это случилось часто, и погибали изъ среды ихъ многіе безъ побѣды. И такъ какъ Поляки находились въ большемъ затрудненіи отъ голода, то панъ Иванъ Сапѣга со многими солдатами отправился по городамъ и деревнямъ, чтобы награть и доставить продовольствіе въ Москву, потому что войско его въ Москвѣ весьма сильно пострадало отъ голода. Панъ же Александръ Гонсѣвскій съ лучшими изъ войска и многочисленными солдатами охранялъ Москву. Панъ Александръ, будучи благоразумнымъ и боясь Бога, управлялъ обѣими сторонами, Русскими и Поляками, и словомъ и дѣломъ, ожидая отвѣта отъ короля. Онъ утѣшалъ русскихъ бояръ и народъ и, смилостивившись, многихъ мужей и жевъ, истощенныхъ отъ голода, отпустилъ на волю, и многихъ накормилъ, умоляя и уговаривая народъ свой, Русскихъ и Поляковъ, къ твердости и миру. Когда панъ Янъ Сабѣскій отправился, 4 июля мѣсяца, со многими воинами въ города и деревни, чтобы награть провіанта, то Прокопій (Ляпуновъ) со многимъ войскомъ взялъ все большое укрѣпленіе кругомъ, и большія западныя башни, и всѣхъ Нѣмцевъ, однихъ взялъ живыми, а другихъ убилъ; и заключилъ всѣхъ Поляковъ внутри двухъ укрѣпленій; и воевали старательно день и ночь Русскіе извнѣ, а Поляки изнутри. 28, въ воскресенье, съ большимъ трудомъ Русскіе взяли женскій монастырь, не сдѣлавъ никакихъ убійствъ въ монастырѣ, потому что добровольно покорилось большинство, которое, спустя нѣкоторое время, сдѣлалось измѣнниками“.

(Смерть Прокопія (Ляпунова). „Въ 3 день августа мѣсяца, въ субботу, или по волю Божіей, или по грѣхамъ нашимъ, или по зависти діавольской, или по человѣческой глупости, главнокомандующій Прокопій Ляпуновъ, который, дабы утвердить великое правосудіе въ народѣ и въ войскахъ и достигнуть тяжкими наказаніями и военными приказами, чтобы не чинилась никакая неправда ни въ народѣ, ни среди солдатъ, наказывалъ злодѣевъ, грабителей и обидчиковъ,—казаками, затаившими злобу и разсерженными, безъ боярскаго и народнаго рѣшенія, неожиданно, какъ разбойниками и дикими звѣрями, былъ изрубленъ ими на многія части на глазахъ народа. Войска и народъ, видѣвшіе неожиданную и злую смерть Прокопія, сильно были опечалены, много плакали и горевали, лишившись такого великаго мужа, прекраснаго и достойнаго полководца, хотя не знали, что дѣлать, такъ какъ боялись сильно казаковъ, по причинѣ возмущенія ихъ). Въмѣсто сего Прокопія, они сдѣлали главнокомандующимъ Ивана Мартыновича Заруцкаго, человѣка достойнаго и свѣдущаго въ военномъ дѣлѣ, и Андрея Просовецкаго (Ἀνδρέαν Πρασονόβστην), которые очень много воевали словомъ и дѣломъ даже до смерти. Случайно, во время смерти Прокопія, возвратился панъ Янъ Сапѣга изъ деревень и городовъ, которые онъ грабилъ, и въ тотъ часъ, въ который онъ вернулся въ Москву, такъ какъ русскіе стражи, по случаю волненія и смерти Прокопія, не находились въ воротахъ, воины Яна пана Сапѣги неожиданно вошли внутрь (города) чрезъ никитскія ворота. И послѣ этого Поляки изнутри и панъ Янъ Сапѣга извнѣ со всѣмъ польскимъ войскомъ отворили западныя ворота Москвы; и Поляки, освобожденные изъ заключенія, ожидающіе помощи и войска отъ великаго короля день на день, входили въ Москву и выходили.

(Смерть пана Сапѣги.) „5 числа сентября мѣсяца, скончался и панъ Янъ Сапѣга, и оплакали его не только многіе Поляки, но Русскіе, которые имѣли общеніе съ нимъ,

потому что онъ былъ человѣкъ весьма прекрасный, сострадательный, достойный, пріятнѣйшій и весьма благородный. Въ десятый день мѣсяца сентября, русскіе московскіе бояре и бояре паны польскіе: панъ Александръ Гонсѣвскій и всѣ другіе отправили съ грамотами пословъ: князя Георгія Никитича Трубецкаго, Михаила Глѣбовича Салтыкова, Михаила Александровича Нагого, Василя Иосифовича Иванова (Янова) и Феодора Ивановича Андронова¹⁾. Русскіе и Поляки отправили и польскихъ великихъ пановъ и воиновъ въ немаломъ количествѣ къ великому королю Польши, пиша и умоляя, чтобы онъ далъ сына своего Владислава въ цари Москвы и всей Россіи, дабы умирить царство русское, или,²⁾ чтобы онъ прислалъ большое войско, дабы подчинить себѣ русскія войска и города, или,³⁾ чтобы онъ прислалъ приказъ покинуть Москву и всѣмъ польскимъ солдатамъ возвратиться въ Польшу къ самому королю и каждому восвося. Изъ этихъ трехъ требованій, какое пожелаетъ великій король, пусть исполнить. И они установили время въ четыре мѣсяца, чтобы получилъ вѣрный отвѣтъ относительно трехъ желаній, какое онъ захочетъ исполнить.

„Послѣ плѣненія великой Москвы, заперлись въ ней, внутри двухъ крѣпостей, съ Поляками многіе русскіе бояре и дворяне, два патриарха—бывшій патриархъ киръ Игнатій въ Чудовскомъ монастырѣ и патриархъ киръ Гермогенъ, заключенный въ метохѣ св. Кирилла, два архіерея: митрополитъ крутицкій киръ Пафнугій и блаженнѣйшій архіепископъ архангельскій киръ Арсеній (*καὶ ὁ μακαριώτατος ἀρχιεπίσκοπος τῶν Ἀρχαγγέλων κὸρ Ἀρσένιος*), архимандриты, игумены, протопопъ, священники и іеродіаконы и нѣсколько душъ изъ народа. И, спустя 15 дней, послѣ плѣненія великой Москвы, умеръ отъ великой скорби митрополитъ крутицкій киръ Пафнугій, архі-

¹⁾ Объ этомъ посольствѣ см. у С. Соловьева въ его «Исторія Россіи съ древнѣйш. времени» т. VIII, стр. 435—436.

ерей благочестивый, святой, постникъ, подвижникъ въ высокой степени, какъ никто другой во время его во всей Россіи. Похоронили его въ великомъ Чудовскомъ монастырѣ, оплакавъ его всѣмъ народомъ. Черезъ нѣсколько дней скончались два великіе боярина, князь Андрей Телятевскій (*Τελατίσιος*) и Михаилъ Нагой, братъ царицы Марыи монахини, и, спустя двадцать дней, послѣ смерти Михаила Нагого, скончалась и царица Марья монахиня, жена царя Ивана Васильевича всея Россіи и мать Дмитрія царевича, изъ-за-котораго, Дмитрія царевича, произошелъ большой соблазнъ (*σκάνδαλος*) и великое разрушеніе Москвы и всей Россіи. О, несчастіе! Съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ рожденъ ничего хорошаго не произошло въ Москвѣ и во всей Россіи, но только убійства, кровопролитія и опустошеніе городовъ и селъ.

„Посланные же боярами великой Москвы и польскими боярами, великій бояринъ князь Георгій Никитичъ Трубецкой, бояринъ Михаилъ Глѣбовичъ и всѣ прочіе, направляясь въ Польшу къ великому королю, встрѣтили на пути великаго главнокомандующаго великаго короля по имени Карла Ходкѣвича. Онъ, посовѣтовавшись съ ними, далъ позволеніе отправиться всѣмъ къ великому королю, только возвратилъ двухъ бояръ, чтобы итти съ нимъ въ Москву—Михаила Александровича Нагого и Феодора Андронова. И прибывши въ Москву, 15 сентября, едва они вошли внутрь Москвы, какъ въ теченіе трехъ дней сгорѣла срединная крѣпость, такъ какъ русскіе извнѣ бросили въ крѣпость огненный снарядъ (*πῦρ μετα κείνου*) и, при сильномъ вѣтрѣ, былъ сожженъ весь центральный городъ (Китай-городъ), и сгорѣли многіе польскіе бояре и воины, и безчисленный народъ, избранные кони, безчисленное количество военнаго оружія, серебряно-вызолоченные и мѣдные сосуды, деньги, жемчугъ и золототканья и шелковыя одежды и нѣкоторые другіе предметы, которые они отняли у жителей государства, у бояръ и богатыхъ людей великой Москвы. Оставшіеся Поляки отъ великихъ злоключеній

своихъ и скорби и отъ громаднаго пожара бѣжали изъ домовъ крѣпости, чтобы не сгорѣть. Русскіе, намѣреваясь захватить крѣпость, по грѣхамъ, въ тотъ самый часъ, при наступленіи вечера, зажгли одно жилище среди домовъ, занятыхъ Русскими и, благодаря замѣшательству и народному воплю, всѣ русскіе солдаты возвратились назадъ тушить то пламя. Вышедшіе изъ внутренней крѣпости великій полководецъ Александръ Говсѣвскій и немалое количество съ нимъ солдатъ овладѣли стѣнами крѣпости. Нѣкоторые говорили, что Иванъ Зарудскій, питая зависть и гнѣвъ въ сердцѣ своемъ, былъ небреженъ и не постарался овладѣть крѣпостью, какъ въ концѣ своей (жизни) и доказалъ это. И снова, на слѣдующій день, во внутренней крѣпости сгорѣла палата, въ которой находились сѣно и всякіе военные запасы (*βόταμον καὶ πᾶσαν τὴν κατασκευὴν τοῦ πολέμου*), потому что одинъ польскій начальникъ (Рудницкій), вошедши внутрь палаты съ своими служителями, чтобы взять сѣна, имѣя (въ рукахъ) и зажженую лампаду, и, по неосторожности съ лампадою, когда поджегъ сѣно, то сорвало всю крышу, размѣтало стѣны; начальника, слугъ и коня его разорвало и не осталось отъ нихъ слѣдовъ, и многихъ сторожей этой палаты сожгло¹⁾. Сгорѣла и нѣкоторая часть дома *блаженнѣйшаго архієпископа архангельскаго киръ Арсенія* ("Ἐκαστε καὶ μέρος τι ἐκ τῆς ἀλλῆς τοῦ μακαριωτάτου ἀρχιεπισκόπου τῶν Ἀρχαγγέλων κὸρ Ἀρσενίου).

„Пришедшіе въ Москву всѣ единодушно порѣшили на совѣтѣ начать войну съ Русскими, находящимися внѣ. Великій полководецъ Карлъ, вышедши со всѣми Поляками, началъ воевать съ Русскими, и, во время войны, великій полководецъ Карлъ былъ побѣжденъ дважды и трижды въ большомъ сраженіи, и многіе изъ его (воиновъ) были убиты, и, такимъ образомъ, онъ возвратился назадъ, оплакивая и сѣтуя на свою неудачу. Въ этой войнѣ изъ войска полководца

¹⁾ См. объ этомъ подробнѣе въ дневникѣ С. Маскѣвича (Н. Устряловъ. Сказ. современн. о Дмитріѣ самозванцѣ, т. V, стр. 103).

Карла болѣе пятисотъ избранныйшихъ мужей, вооруженныхъ всадниковъ, храбро пытались проникнуть въ жилища русскихъ, чтобы захватить и сжечь дома ихъ. Русскіе, подоспѣвшіе въ время, отразили ихъ нападеніе, поражая ихъ стрѣлами и ружьями. Отъ страха и ужаса предъ Русскими, всѣ, обратившись въ бѣгство и заблудившись, попали въ рѣку Язуу—рѣка глубокая и болотистая,—всѣ потонули съ конями ихъ и оружіемъ, и никто изъ нихъ не спасся, подобно нѣкогда Фараону въ Красномъ морѣ съ конями и всадниками египетскими. На слѣдующій день, когда дано было позволеніе, Русскіе, вытащивши ихъ изъ глубины рѣки и собравши, ихъ оружіе, и деньги и одежды подѣли между собою, а трупы ихъ бросили въ рѣку въ пищу рыбамъ и звѣрямъ. Гибель столькихъ воиновъ опечалила не только главнокомандующаго Карла, но немало огорчила и великаго короля, потому что они были не только храбрые и лучшіе мужи, но приходились родственниками, дѣтми благородныхъ (фамилій). Главнокомандующій же, не будучи въ силахъ сдѣлать еще что либо, возвратившись, вошелъ въ Москву и, по совѣту всѣхъ, ввелъ внутрь Москвы пана Александра Гасѣвскаго (*Γουόβτχγ*) и великаго боярина пана Сборовскаго Александра Самойловича и многіхъ солдатъ для охраны крѣпости. Самъ же главнокомандующій Карлъ и многіе воины, болѣе двадцати пяти тысячъ, пошли по городамъ и деревнямъ, дѣлая грабежи во всякомъ городѣ и деревнѣ; они достигли до Ростова и были вблизи Ярославла; они опустошили многія деревни, сожигая и опустошая деревни и мѣстечки, но и сами немногіе вернулись назадъ, потому что они выпили ту чашу, которую приготовили другимъ.

„27 декабря, этотъ главнокомандующій Карлъ съ оставшимся у него войскомъ возвратился снова въ Москву съ небольшимъ количествомъ добычи, хлѣба и мяса и ничего другого. И оставивши часть добычи въ Москвѣ, онъ опять отправился грабить города и деревни, имѣя съ собою през-

няго патріарха кирь Игнатія¹⁾ и съ нимъ господина Мануила Кантакузина, сына Андроника, и Дмитрія македонца изъ Сидерокансіи. Они имѣли при себѣ многіе драгоценнѣйшіе предметы: золото, серебро и весьма много жемчуга, намѣреваясь отправиться къ великому королю въ Польшу. За нимъ послѣдовали и многіе другіе: великій дьякъ (логоееть) Іоаннь секретарь и дьякъ Евдокимъ Титовъ (Τίτιος) и другіе, которые вмѣстѣ съ патріархомъ кирь Игнатіемъ были ограблены на пути русскими воинами, и едва нагими и лишенными всего (γυμνοί καὶ τετραχῆλιςμένοι) убѣжали въ Польшу патріархъ кирь Игнатій и нѣкоторые съ нимъ. Полководецъ же Карль воевалъ безъ всякой побѣды, осаждалъ русскіе города и деревни, ожидая сына великаго короля въ великую помощь, чтобы воевать съ Русскими. Итакъ, ожидали продолжительное время и полководецъ Карль и находящіеся въ Москвѣ Русскіе и Поляки, но ожидали напрасно. Поджидая, такимъ образомъ, день на день, что прибудетъ сынъ великаго короля для (установленія) мира и успокоенія государства и народа, и онъ не явился. Всѣ, Русскіе и Поляки, находящіеся въ Москвѣ, гибли, многіе отъ голода, нѣкоторые ѣли не только мясо коней, но и собакъ, и кошекъ, и мышей, и мясо людей.

„21 августа прибылъ снова полководецъ Карль съ большимъ войскомъ, которое послалъ на помощь великій король изъ Польши: Поляковъ, Нѣмцевъ и Венгерцевъ было болѣе сорока тысячъ. 21 августа, когда произошелъ бой польскаго

1) Наши историки время бѣгства патріарха Игнатія изъ Москвы приурочиваютъ ко времени «вступленія въ Москву Жолѣвскаго» (С. Соловьевъ. Исторія Россіи т. VIII, стр. 436. Св. М. Макарія. Исторія русской Церкви т. X, стр. 157—158) и рассказываютъ объ этомъ событіи менѣе правдоподобно и вообще иначе (М. Макарій. Истор. русской Церкви т. X, стр. 158), чѣмъ какъ описывается оно въ анализируемыхъ нами мемуарахъ. По словамъ м. Макарія, напр. при отправкѣ, 5 октября, такъ называемыхъ, «вѣрющихъ грамотъ патріарха Игнатія уже не было въ Москвѣ» (т. X, стр. 158).

главнокомандующаго Карла съ великимъ бояриномъ и русскимъ главнокомандующимъ княземъ Дмитріемъ Михаиловичемъ Пожарскимъ, главнокомандующій Карль былъ разбитъ и возвратился въ свои палатки. 22 того же мѣсяца, на память иже во святыхъ отца нашего преосвященнѣйшаго Петра, митрополита московскаго и всея Руси чудотворца, когда произошло сраженіе между великимъ полководцемъ Карломъ со всѣми польскими воинами, прибывшими съ нимъ и находившимися въ Москвѣ, и великимъ бояриномъ княземъ Дмитріемъ Тимоеевичемъ Трубецкимъ и великимъ бояриномъ княземъ Дмитріемъ Михаиловичемъ Пожарскимъ съ находившимися при нихъ солдатами и казаками, то, при помощи Божіей, по молитвамъ Пречистой Богородицы и ради ходатайствъ иже во святыхъ отца нашего Петра, митрополита московскаго чудотворца, Карль, польскій полководецъ, былъ совершенно разбитъ въ большемъ сраженіи, и они истребили всѣхъ, находившихся при немъ, польскихъ солдатъ его. Едва съ немногими солдатами Карль убѣжалъ въ Польшу, оплакивая и сѣтуя на свое злосключеніе и несчастіе. Великіе же бояре и князья и всѣ ихъ русскіе воины и казаки, захвативъ весь военный багажъ Поляковъ: лошадей, повозки, пушки, оружія и все имущество, вино и масло, которыя они принесли изъ Польши въ пищу воинамъ, находящимся въ Москвѣ, возвратились по домамъ своимъ съ радостію и великою побѣдою. Поляки, находящіеся въ Москвѣ: великій староста Струсь и бывшіе съ нимъ заперли ворота Москвы и пребывали въ страхѣ и большомъ ужасѣ. На завтра, 23 того же мѣсяца, староста Струсь съ воинами и нѣкоторыми русскими начальниками: Θεодоромъ Андроновымъ, Иваномъ Безобразовымъ и Иваномъ Чичеринымъ (Τζητζήμ?), послѣ совѣщанія, изгнали изъ Москвы всѣхъ немощныхъ, старцевъ, женъ, мальчиковъ и дѣвочекъ, отняли у Русскихъ всякій провіантъ, вещи—серебро, золото, жемчугъ, одежды золототканная и шелковыя; отняли всѣ доходы и у блаженнѣйшаго архіеписко-

на архангельского и немало вещей и денег (έλαβαν και εισόδημα του μαχαριωτάτου αρχιεπισκόπου των Ἀρχαγγέλων και κτήματα και χρήματα οὐκ ὀλίγα). День на день снова ожидали они сына короля и полководца Карла для своего освобождения. И, поджидая, такимъ образомъ, въ теченіи многихъ дней, они израсходовали всю пищу, и многие умирали каждый день отъ голода, и ъли все скверное и нечистое и дикорастущія травы (ἀγριοχορτα); выкапывали изъ могилъ тѣла мертвыхъ и ъли. Одинъ сильный поѣдалъ другого. Обманутые безумцы, тщетно ожидая и пребывая въ теченіи двухъ мѣсяцевъ въ напрасномъ трудѣ, и умирая повседневно отъ великаго голода, всѣ погибли“.

(Ὁρα στενοχωρίαν και μεγάλην θλίψιν του μαχαριωτάτου αρχιεπισκόπου κὸρ Ἀρσενίου)¹⁾.

Και μετὰ δύο μῆνας ὁ μαχαριωτάτος ἀρχιεπίσκοπος τῶν Ἀρχαγγέλων κὸρ Ἀρσένιος ἐκ τῆς μεγάλης θλίψεως και πείνης λιμοκτονούμενος και θλιδόμενος, ἵνα μὴ βρῶμα γένῃ τῶν στρατιωτῶν, κλαίων και ὀδυρόμενος τὴν μεγάλην αὐτοῦ δυστοχίαν τε και ταλαιπωρίαν, ἐδέετο τοῦ πανοικτίρμονος Θεοῦ και τῆς πανάγνου Αὐτοῦ Μητρός, και πρὸς πάντας τοὺς ἁγίους δεόμενος εἰς ἐπίσκεψιν και βοήθειαν και φιλανθρωπίαν αὐτοῦ. Και δεόμενος ἐπὶ πολλὰ μετὰ τὸ ἀπόδειπνον, ἐκ τοῦ πολλοῦ κῆπου και τῆς μεγάλης θλίψεως ἐστράπη εἰς ὕπνον. Και μετὰ τὸ μεσονύκτιον ἀπεκαλύφθη αὐτῷ τῷ ἀρχιεπισκόπῳ κὸρ Ἀρσένιῳ, τῷ πάνῳ ἀγίῳ και θαυμαστῷ ἀνδρί,

(Смотри затруднительное положение и великую скорбь блаженнѣйшаго архієпископа кирь Арсенія). (Спустя два мѣсяца, блаженнѣйшій архієпископъ архангельскій кирь Арсеній, страшно изнемогая отъ великой скорби и голода и сокрушаясь, чтобы не сдѣлаться пищею вонючь, оплаивая и сѣтуя на свое несчастіе и бѣдствіе, молился всемогущему Богу и Пречистой Его Матери, призывая и всѣхъ святыхъ на посщевіе и помощь и сохраненіе свое. И молясь продолжительное время послѣ повечерія, отъ великаго труда и большой скорби они погрузились въ сонъ. Послѣ полуночи явился ему, архієпископу кирь Арсенію, весьма святому и дивному мужу, ибкій богосовнѣи мужъ, священнолѣбный монахъ, держа въ рукъ своей посохъ

¹⁾ На подѣ рукописи имѣется и другое заглавіе къ данной статьѣ: «Ἐκστασις φρικτὴ του μαχαριωτάτου αρχιεπισκόπου κὸρ Ἀρσενίου, δι' ἧς καθ' ὕπνον ἐθεάσατο τὸν μέγαν ἐν ἀσκηταῖς Σέρριον θαυματουργόν». Т. е. Дивное восхитеніе блаженнѣйшаго архієпископа кирь Арсенія, въ которомъ онъ увидѣлъ во снѣ великаго изъ аскетовъ Сергія чудотворца.

τις θεοφόρος ἀνὴρ, ἱεροπρεπὴς μοναχός, κρατῶν ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ βακτηρίαν, κρούων τὴν θύραν, ἔλεγε· Κύριε Ἰησοῦ Χριστε, Γίε του Θεοῦ, ἐλέησον ἡμᾶς. Ὁ δὲ ἱεράρχης ἐκ τῆς μεγάλης πείνης μὴ δυνάμενος ἀνταπεῖν τὸ Ἀμὴν, και δευτερον και τρίτον κτυπήσας, εἰπὼν τὸν αὐτὸν λόγον. Και μόλις ὁ ἀγιώτατος ἱεράρχης εἰπὼν τὸ Ἀμὴν, ἡμίθανης ὢν, ἀοράτως ἠνοιχθη ἡ θύρα, και εισήλθεν ἐντός ὁ ἱεροπρεπὴς ἐκεῖνος ἀνὴρ, μοναχός ἀγγελουχῆμων, και πλησίασας τῆς κλίνης του ἱεράρχου, ἤψατο τῆς χειρὸς αὐτοῦ, λέγων· Ἀνάστα, χαίρου· ἠκούσθη γάρ ἡ δέησίς σου εἰς τὰ ὦτα Κυρίου Σαβαώθ, διότι ἡ ὑπεραγία Θεοτόκος και οἱ ἐν τῇ Μοσχολίᾳ διαλάμπαντες ἅγιοι ἱεράρχαι, πανερώτατοι μητροπολίται, ὁ ἅγιος Πέτρος, Ἀλεξίος και Ἰωάννης, οἱ μέγιστοι θαυματουργοί, κατὰ πολλὰ δεηθέντες του Θεοῦ του πανοικτίρμονος και πολυεσπλαγγχνοῦ Θεοῦ, ἤκουσε τὴν δέησιν του παναγράντου Αὐτοῦ Μητρός και τῶν θεραπόντων Αὐτοῦ ἁγίων, και ἐγένετο ἐλήμων, και ἐλεησε και ἐβῆσατο ὑμᾶς τοὺς φιλοχρίστους και εὐσεβεῖς χριστιανούς ἀπὸ τῆς δουλείας και τυραννίδος τῶν ἀντιπάλων Λατίνων, και δέδωκεν ὑμῖν αὐτοὺς εἰς τὴν πόλιν ὑμῶν, εἰς τὰς χεῖρας ὑμῶν, και ἰδοὺ ταχέως χαρίζεται ὑμῶν ἡ καρδιά. Και εἰ βούλεισθε μαθεῖν τὸ ἐμὸν ὄνομα, εὐρένησον και ταχέως μαθεῖν θέλειс. Εἶπε και ἄλλα πνευματικὰ ῥήματα, και, ταῦτα εἰπὼν, ἄφαντος ἐγένετο ἀπ' αὐτοῦ. Ὁ δὲ ἱεράρχης ἐγερθεὶς ἐκ του ὕπνου και τῆς κλίνης, ἔδωκε δόξαν τῷ ἁγίῳ Θεῷ και τῇ πανάγνῳ Θεοτόκῳ και τοὺς ἐν Μοσχολίᾳ και ἐν πάσῃ τῇ μεγάλῃ Ῥωσσίᾳ διαλάμπαντας ἁγίους θαυματουργούς. Και τὴν ἕκστασιν εἰπὼν τῷ κελενίχῳ αὐτοῦ, Κυρίλλῳ μοναχῷ, ἐθαύμασαν ἄμφω, και αὐτοὶ ἐρευνησαντες ἐγνώσαν ἐκ τῶν χαρακτήρων και σημείων, ὅτι ἀπε-

(и) стуча въ дверь, «сказавъ: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ». Ієрархъ же отъ великаго голода не могъ отвѣтитъ «Аминь». Ударивши во второй и третій разъ, онъ сказалъ тоже слово. И едва святѣйшій ієрархъ отвѣтилъ «Аминь», будучи полумертвымъ, невидимо отворилась дверь и вошелъ внутрь священнолѣбный тотъ мужъ, монахъ ангелоподобный и, приблизившись къ ложу ієрарха, коснувшись рукою его, говоритъ: «Возстани, радуйся, ибо услышана молитва твоя Господомъ Саваоомъ и, просіявшие въ Москвѣ, святые ієрархи, преосвященнѣйшіе митрополиты—святіи Петръ, Алексѣй и Іоанъ, величайшіе чудотворцы, усердно умоленные всецѣлаго и многоимлющаго Бога, и Онъ услышалъ молитву Пречистой Его Матери и служителей Его святыхъ и сдѣлалася милостивымъ, и помиловалъ и избавилъ васъ, христіановъ и благочестивыхъ христіанъ, отъ рабства и тиранинн противоборниковъ Латинянъ и уредалъ ихъ вамъ въ градъ вашъ въ руки ваши, и се возсѣдается сердце ваше. И если захочешъ узнать мое имя, то потщися и скоро можешь узнать». Сказавъ и другія духовныя изреченія и, сказавъ это, сдѣлалася невидимъ ему. Ієрархъ, пробудившись отъ сна и (воставъ) съ ложа, воздалъ славу святому Богу и Пречистой Богородицѣ и въ Москвѣ и во всей великой Россіи просіявшимъ святымъ чудотворцамъ. И рассказавъ келеннику, послушнику своему, монаху Кириллу, о видѣніи, оба дивились и, исследовавши, они по характеру и признакамъ узна-

καλόφθη ἀπὸ ὁ μέγας ἐν θαύμασι
διαλάμψας θεὸς Σέργιος, ὁ θεοφόρος
πατὴρ ἡμῶν καὶ καθ' ἡγήτης τῆς
μεγάλης λαύρας τῆς ἁγίας Τριάδος.

ли, что ему открылся великій, въ чудесѣхъ просіявшій, преполобный Сергій, боговоносный отецъ нашъ и игумень великой лавры Святой Троицы».

„На разсвѣтѣ дня, въ четвергъ, въ шестомъ часу того дня, легко, безъ большого боя, великіе бояре и князья рускіе съ немногими воинами взяли срединную крѣпость (Китай-городъ) и перебили всѣхъ польскихъ воиновъ. Великій же староста Струсъ, оставшіяся во внутренней крѣпости (въ Кремлѣ) съ немногими солдатами, попросилъ о мирѣ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они не предавали смерти ни его, ни находившихся съ нимъ. Великіе бояре и князья, смилостившись, выслушали ихъ просьбу и, отворивши ворота крѣпости, оба великіе боярина съ русскими солдатами вошли внутрь центральной крѣпости (τῷ ἐνδοτέρῳ κάστρου) и въ царскія палаты. Старосту Струсю они вывели изъ большого дома царя Бориса и заключили его въ метохѣ святого Кирилла (Бѣлоозерскаго), а капитана Симона Харлампіевича—въ келліи великаго Чудовскаго монастыря, остальныхъ же (товарищей ихъ) отправили въ ссылку по городамъ Россіи для сохраненія и для обмѣна (διὰ σύναξιν) на бояръ, посланныхъ въ великому королю за сыномъ его Владиславомъ просить его, чтобы онъ царствовалъ надъ ними. О, несчастіе! Что сдѣлалъ великій король, послушавшись совѣта дурныхъ вредныхъ людей! Онъ послужилъ виновникомъ многихъ бѣдъ, потерявши все богатство свое, многихъ бояръ своихъ и безчисленное количество воиновъ, и лишилъ сына своего такого великаго царства и, почти (можно) сказать, не только сжегъ Москву и отяготилъ великую Россію, но и своихъ собственныхъ бояръ и воиновъ предалъ смерти и все свое царство польское и литовское обременилъ и довелъ до нищеты“.

(Прибытіе великаго короля въ Россію). „Спусти немного времени, 6 ноября, прибылъ въ предѣлы Рос-

сіи лично (σφραγισῶς) великій король съ сыномъ своимъ Владиславомъ, съ многими воннами и боярами; съ нимъ прибыли и патриархъ Игнатій и многіе рускіе бояре, полагая, что Москва находится въ рукахъ его войска,—чтобы короновать сына своего царемъ Москвы и всей Руси, но тщетно было намѣреніе, потому что онъ раньше долженъ былъ дѣлать это, не полагаясь на умъ свой, (по пословицѣ): и быстрота приноситъ пользу. Итакъ, Русскіе, услышавши о прибытіи короля, заперлись по городамъ, по непроходимымъ мѣстамъ и деревнямъ, и ни одинъ не встрѣтилъ прибытіе короля и его сына. Увидѣвши это, великій король сильно былъ огорченъ и недоумѣвалъ, что дѣлать, потому что воины его не только страдали отъ голода, но и отъ Русскихъ, которые каждый день захватывали ихъ и убивали мечемъ. Великій король, увидавъ непокорность Русскихъ, пришелъ въ большой страхъ, и, со всею силою своею и воинами попытавшись овладѣть одною небольшою крѣпостью, по имени Волоколамскъ, потерпѣлъ дважды и трижды великое пораженіе, и изъ его войска пали многіе не только Поляки, но и Нѣмцы и Венгры. Находившіеся въ крѣпости Русскіе захватили пушки и большую добычу. Увидавши это, великій король, убоявшись большаго, удалился назадъ. Быстро, съ великимъ стыдомъ, самъ и сынъ его и находящіеся съ нимъ возвратились въ Польшу, говоря другъ другу: „Если такая и ничтожная крѣпость не была взята нами и оказалась столь крѣпкою, и одержала надъ нами великую побѣду, то, слѣдовательно, какъ мы пойдемъ въ другія большія, сильныя и извѣстныя крѣпости“. Итакъ, великій король и его свита успокоились; и возвратился онъ домой со всѣмъ войскомъ, питая въ сердцѣ своемъ сильное негодованіе и большую вражду противъ великой Россіи“.

(Боярское правленіе великой Москвы. Ἀριστοκρατία τῆς μεγάλης Μοσχολίας). „Послѣ уничтоженія Поляковъ 1)

1) «Καὶ μετὰ τὴν κατάλοιπιν τῶν Λεχῶν καὶ ἐλευθερίαν τῆς μεγάλης Ῥωσσίας καὶ Μοσχολίας, ἤρχοντο ἐν τῇ Μοσχολίᾳ οἱ δύο με-

и освобождения великой Россіи и Москвы, два великіе боярина князья,—князь Дмитрій Тимоѣевичъ Трубецкой и князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, взяли бразды правленія въ свои руки. Весь народъ московскій и всѣ находящіеся въ великой Россіи архіереи, іереи, бояре и начальствующіе, правящіе народомъ въ преподобіи и правдѣ, подчинились имъ. Эти благородные бояре и князья преисполнили всякимъ добромъ и *блаженнѣйшаго архієпископа архангельскаго киръ Арсенія* и всѣхъ съ нимъ заключенныхъ, которые много пострадали отъ сильнаго голода и несчастія, враговъ же государства и возлюбленныхъ друзей великаго короля, Θεοδωρα Ανδρονου и Ивана Безобразова, подвергли многимъ пыткамъ, чтобы (разузнуть) о царской казнѣ, о сосу-

γάλοι ἄρχοντες καὶ κνέζιδες, ὃ τε κνέζης Δημήτριος Τιμοθεοβίτζης Τρουμπετοκόης καὶ κνέζης Δημήτριος Μιχαηλοβίτζης Παζάρουχης. Καὶ ὑποτάσσονταν αὐτοῖς πᾶς ὁ λαὸς τῆς Μοσχουβίας καὶ πάντες οἱ ἐν τῇ μεγάλῃ Ῥωσσίᾳ ἀρχιερεῖς καὶ ἱερεῖς, ἄρχοντες καὶ ἀρχόμενοι, διοικοῦντες τὸν λαὸν ἐν δαιοτήτῃ καὶ δικαιοσύνῃ. Αὐτοὶ οἱ εὐγενεῖς ἄρχοντες καὶ κνέζιδες ἐνέπλησαν καὶ τὸν μακαριώτατον ἀρχιεπισκόπον τῶν Ἀρχαγγέλων κύρ Ἀρσένιον καὶ τοὺς οὖν αὐτῷ ἐγκλειστοὺς πάντως ἀγαθοῦ, οἵτινες πολλὰ ἐλυμοκτόνησαν ἀπὸ τῆς μεγάλης πείνης καὶ ταλαιπωρίας. Τοὺς δὲ ἐχθροὺς τῆς βασιλείας καὶ φίλους ἠγαπημένους τοῦ μεγάλου βῆγός, τὸν Θεόδωρον Ἀνδρόνοβον καὶ Ἰωάννην Βεζομπράζοβον πολλὰ ἐτοράνησαν διὰ τὸν χαζνὰν τῆς βασιλείας, καὶ διὰ τὰ σκευὴ καὶ πλοῦτη, οἵτινες πολλὸν χαζνὰν καὶ πλοῦτον ἔδειξαν, καὶ ἐφανέρωσαν καὶ τὴν μεγάλην κορώναν(ν) τῆς βασιλείας, τὴν ἀπεσταλμένην παρὰ τοῦ βασιλέως Καίσαρος τῆς Ἀλλαμανίας, καὶ κιβώτια χρυσᾶ μετὰ ἁγίων λειψάνων κθ'. Ἐφανέρωσαν καὶ τὸ ἀξιότιμητον σκήπτρον τοῦ βασιλέως καὶ μεγάλου κνέζου Ἰωάννου Βασιλειεβίτζης καὶ ὄβο ἀξιότιμηταις τραχηλίας τῆς εὐσεβοστάτης βασιλείσης καὶ μεγάλης κνεῖνας Ἀναστασίας, τῆς μητρὸς τοῦ εὐσεβοστάτου βασιλέως καὶ μεγάλου κνέζου Θεοδώρου Ἰωαννοβίτζη πάσης Ῥωσσίας, ἡ μία ἢ τιμὴ αὐτῆς τῆς τραχηλίας φλωρία χιλιάδας πεντακοσίας, τῆς δὲ δευτέρας φλωρία χρυσᾶ χιλιάδας τριακοσίας. Ἐδειξαν καὶ ἄλλα πράγματα ἀκριβώτατα».

дахъ и о сокровищахъ. Они указали великую казну и сокровища и открыли (мѣсто храненія) государственной короны, присланной царемъ—Кесаремъ Аламаніи, 22 золотыхъ кивотовъ съ святыми мощами¹⁾, драгоценнаго скиптра царя

¹⁾ О царской казнѣ и въ частности о кивотахъ съ мощами и о мѣстѣ ихъ храненія мы находимъ весьма любопытныя свѣдѣнія въ дневникѣ Самуила Маскѣвича (1594—1621). «Было чѣмъ заплатить изъ казны, читаемъ мы здѣсь, но бояре не хотѣли трогать сокровища, необходимыя для торжественнаго вѣнчанія королевича, коего съ часу на часъ ожидали. Тамъ хранились всякія вещи, употребляемыя при коронаціи: царскія одежды, утварь золотая и серебряная, множество золотой столовой посуды, не говоря о серебряной, драгоценныя камни, сверхъ того дорогіе столы, ошпаннныя каменьями стулья, золотыя обои, шитыя ковры, жемчугъ и многое тому подобное. Все это я видѣлъ своими глазами. Не упоминаю о дорогихъ мѣхахъ, кои беругуть единственно для царя, не выпуская нигде за границу для продажи. Не упоминаю о *драгоценныхъ ковчегахъ съ св. мощами*: они хранятся въ склепѣ, длиною около 5 сажень, съ окнами въ двухъ противоположныхъ стѣнахъ, и вложены въ шкапы столярной работы, занимающіе три стѣны отъ пола до потолка. *Эти ковчеги золотые, длиною въ поллоктя, съ литерами на концы, означающими, чьи мощи въ себѣ заключаютъ.* Среди склена идутъ еще два шкапа, отъ пола до потолка съ *подобными же золотыми лючками* по обѣимъ сторонамъ. Такимъ образомъ, ковчеги занимаютъ 7 стѣвъ, нигдѣ не оставяя пустаго мѣста. Слѣдовательно, хотя было, говорю, чѣмъ заплатить намъ, но бояре не хотѣли резорять казны, и только дали въ кладъ нѣсколько вещей, обѣщая скоро выкупить ихъ, а именно: двѣ царскія короны, изъ коихъ одна принадлежала Годунову, а другая, еще не совсѣмъ оконченная работою, Дмитрію, мужу Мишиковны, 2 или 3 единорога, царскій посохъ изъ единорога, по концамъ оправленный золотомъ съ брилліантами и гусарское сѣдло, того же Дмитрія, украшенное золотомъ, каменьями и жемчугами» (Н. Устряловъ. Сказ. современниковъ о Дмитріѣ Самозванцѣ ч. V, стр. 108—109). Упомянутыя вещи царской сокровищницы, отданныя въ залогъ, не были выкуплены боярами и въ январѣ 1614 года, и пошли въ дѣлѣжъ.

и великаго князя Ивана Васильевича и двухъ драгоценныхъ ожерелей благочестивѣйшей царицы и великой княгини Анастаси, матери благочестивѣйшаго царя и великаго князя Θεодора Ивановича всея Россіи. Цѣна одного этого ожерелья пятьсотъ тысячъ флориновъ, а другого триста тысячъ золотыхъ флориновъ. Указали они и многіе другіе драгоценнѣйшіе предметы. Во время наказанія ихъ и пытки, умерли изъ нихъ трое: великій дьякъ царскаго судилища Тимошей Савиновъ, Степанъ Соловецкій и *Μπαξένος* (?) Замоискій, присланные великимъ королемъ довѣреннѣйшіе казначеи его къ царской казнѣ. Итакъ, открытые посредствомъ пытки деньги и сосуды положили въ царскую ризницу и изъ этихъ денегъ много раздали воинамъ и казакамъ, и весь народъ успокоился. Эти же великіе бояре съ архіереями, боярами, со всѣмъ синклитомъ, со всѣмъ народомъ и воинствомъ совѣщались о состояніи государства и относительно (избранія) царя. Оказался непокорнымъ только Иванъ Заруцкій, потому что, отъ страха предъ бояриномъ княземъ Димитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ, онъ заранѣе убѣжалъ съ немногими казаками и, придя въ городъ Коломну, взялъ тамъ царицу Марію и сына ея и удалился въ пограничные города вблизи Татаріи. Тамъ казаки, бывшіе при немъ, силою утвердились, провозгласивши Марину царицею и сына ея, сына царя Димитрія, царемъ, но города и народъ не подчинились имъ. Однако, послѣ многихъ дней, Иванъ Заруцкій и Марія съ сыномъ ея и приверженцами, обратившись въ бѣгство, погибли, потому что Миронъ (*Μύρων*?), полководецъ и воевода рязанскій, съ своими солдатами преслѣдовалъ его, Ивана Заруцкаго, и Марію и ихъ приверженцевъ, до конца.

Въ томъ же дневникѣ Маскѣвича говорится: «мы рѣшились раздѣлить ихъ между собою: *равно* разломали двѣ короны Θεодорову (sic) и Димитріеву, съѣдо гусарское, оправленное золотомъ съ драгоценными камнями, и три единорога; посохъ остался цѣлъ, его отдали вмѣстѣ съ ахонтомъ изъ короны, величиною въ два пальца, Гонсѣвскому и Дунковскому за стѣнную службу» (Тамъ же, стр. 146).

И во святую сорокатыницу происходило разсужденіе относительно (избранія) царя».

Въ этой, довольно обширной, главѣ мемуаровъ русскій историкъ почерпнетъ немного новыхъ данныхъ, такъ какъ важнѣйшіе факты и событія, описываемые въ ней, въ общемъ хорошо извѣстны по другимъ источникамъ, но если внимательно присмотрѣться къ нѣкоторымъ частностямъ и деталямъ этой главы, то найдется для русскаго историка и здѣсь немало весьма любопытнаго. Отечественный историкъ, на долю котораго выпадетъ обязанность дать общую характеристику положенія вещей въ Москвѣ, во время народнаго мятежа въ ней 1611 года, несомнѣнно всегда предпочтетъ холоднымъ официальнымъ даннымъ, живую и съ рѣдкимъ воодушевленіемъ написанную очевидцемъ съ натуры, картину этихъ народныхъ бѣдствій и жалкаго состоянія столицы, послѣ происшедшихъ въ ней кровавыхъ мятежей и страшныхъ опустошительныхъ пожаровъ.—Свѣдѣнія о русскіихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицахъ, искавшихъ себѣ пріюта въ Кремль, послѣ разоренія Москвы, и, благодаря этому, подвергшихся всѣмъ ужасамъ военнаго осаднаго положенія, не только совершенно новы для насъ, но и весьма любопытны по многимъ детальнымъ подробностямъ. Благодаря имъ, а равно и указаніямъ въ концѣ этой главы, кого считали врагами государства и искренними друзьями польскаго короля князя Димитрій Трубецкой и Димитрій Пожарскій, овладѣвшіе Москвою, выясняется теперь, по нашему мнѣнію, съ полною опредѣленностью вопросъ о, такъ называемыхъ, «вѣрющихъ грамотахъ», отъ 5 и 6 октября 1611 года¹⁾, отправленныхъ русскимъ духовенствомъ, во главѣ съ *архіепископомъ Арсеніемъ*, и русскими боярами, находившимися въ осадномъ положеніи, съ *вторичнымъ приглашеніемъ*²⁾ на русскій престолъ королевича Владислава.

¹⁾ Собран. госуд. грам. и договор. т. II, № 272, стр. 572 и № 273, стр. 573—574.

²⁾ Можно думать, что большинство находившихся въ Кремль, буду-

Дѣло это было патриотическое; направлялось оно ко благу русскаго государства, и у большинства русскихъ людей вытекало изъ искренняго желанія водворить миръ и порядокъ на своей бѣдствующей родинѣ. Архіепископъ Арсеній, вопреки недобвѣрью къ этому лицу со стороны нашего историка С. М. Соловьева, опирающагося исключительно на греческое его происхожденіе¹⁾, не отдѣлялъ себя отъ русскихъ горячихъ патриотовъ и имѣлъ полное основаніе желать мира въ этомъ второмъ своемъ отечествѣ. Вотъ почему, между прочимъ, архіепископъ Арсеній, а равно и нѣкоторые изъ русскихъ бояръ, принимавшихъ участіе въ посылкѣ „вѣрующихъ грамотъ“, не только не получили упрековъ за свой якобы необдуманный и антипатриотическій поступокъ со стороны такихъ горячихъ ратоборцевъ за родину, какими были князья Трубецкой и Пожарскій, но даже были награждены ими и „преисполнены всякимъ добромъ“. — Изъ настоящихъ мемуаровъ, далѣе, точно узнаемъ, когда бывшій патриархъ Игнатій покинулъ Москву (27 декабря) и свое заключеніе въ Чудовомъ монастырѣ и отдался во власть Карла Ходкѣвича, при помощи котораго ему удалось бѣжать въ Польшу, а равно и имена другихъ многихъ лицъ, большею частію иностраннаго происхожденія, искавшихъ себѣ спасенія и покровительства также у Поляковъ и раздѣлившихъ съ злосчастнымъ патриархомъ его печальную участь. — Не безынтересны, наконецъ, для историка подробности битвы русскихъ солдатъ съ войсками Карла Ходкѣвича на рѣкѣ Яузѣ и свѣдѣнія, добытыя путемъ допросовъ, снятыхъ съ Θεодора Андропова и Ивана Безобразова, относительно расхищенныхъ въ смутное время царскихъ со-

чи отрѣзаны отъ остальнаго міра, не знали и не слышали о новомъ движеніи среди русскаго народа, направленномъ противъ кандидатуры на русскій престолъ королевича Владислава, во главѣ котораго стояли теперь два извѣстные патриота, архимандритъ Діонисій и его колѣаръ Авраамій Палицынъ.

¹⁾ Исторія Россіи съ древн. врем. т. VIII, стр. 436.

кровищъ и нѣкоторыхъ царскихъ регалій, составляющихъ государственное достояніе. Но наибольшій интересъ настоящей главы заключается, безспорно, въ томъ, что она содержитъ въ себѣ множество свѣдѣній, имѣющихъ неоспоримое значеніе для характеристики личности составителя анализируемыхъ нами мемуаровъ. Изъ этихъ свѣдѣній особеннаго вниманія заслуживаетъ рассказъ о видѣніи во снѣ архіепископомъ архангельскимъ Арсеніемъ преподобнаго Сергія, Радонежскаго чудотворца, и о предсказаніи послѣднимъ названному архіепископу о скоромъ совершенномъ освобожденіи Москвы отъ Поляковъ.

Рассказъ этотъ хорошо извѣстенъ по русскимъ источникамъ и при томъ съ давнихъ временъ. Его мы находимъ въ Прологѣ подъ 22 октября, по поводу празднованія „Пресвятѣй Богородицѣ (казанскія), избавленія ради отъ Ляховъ“, въ 78 главѣ¹⁾ „сказанія Авраамія Палицына о осадѣ Троицкаго—Сергіева монастыря отъ Поляковъ и Литвы и о бышихъ потомъ въ Россіи мятежахъ“ и въ нѣкоторыхъ другихъ древнерусскихъ сказаніяхъ „о смутномъ времени“, составленныхъ подъ влияніемъ упомянутыхъ источниковъ (напр., „Иное сказаніе о самозванцахъ“ и др.). „Не подобаетъ убо и сего молчанію предати, шипеть Авраамій Палицынъ, молю же васъ прилѣжно послушати безъ всякаго сумнѣнія, внѣ всякія суетныя молвы себе сотворше, преклоните ушеса ваша, и услышите о предивныхъ чудесѣхъ великаго отца нашего чудотворца Сергія, паче же о новосотворшемся чудеси въ царствующемъ градѣ Москвѣ. Тогда убо Галасунскому архіепископу бывшу въ осадѣ въ Кремлѣ съ окаянными Поляками и съ Нѣмцы, и *всѣми потребами обнищавшу, весь домъ его Поляки и Нѣмцы разграбиха, и вся имѣнія его и запасы поимаша.* Архіепископу же гладомъ умирающу, и уже

¹⁾ Глава эта носитъ такое заглавіе: «О явленіи чудотворца Сергія во осадѣ Галасунскому архіепископу Арсенію».

живота своего отчаявшуся и отходную ему проговорившу; лежащу же ему въ келліи соединѣмъ старцомъ, келейникомъ своимъ, является ему великій въ чудесѣхъ Сергій, пришедъ къ келліи тихо и молитву сотвори; архіепископъ же отъ зельныя немощи едва отвѣща „Аминь“, и абіе входитъ въ келлію его преподобный Сергій, и свѣтъ велій въ келліи возсія, и глагола ему святыи: Арсеніе, се убо Господь Богъ молитвъ ради всенепорочныя Владычицы нашея Богородицы и великихъ чудотворцевъ, ради святителей Петра и Алексѣя и Іоны и всѣхъ святыхъ, *да и азъ грѣшныи съ ними же годатай быхъ*, заугра градъ Китайъ предаеть въ рудѣ христіаномъ, и враговъ вашихъ вскорѣ всѣхъ низложитъ и изъ града извергнетъ. Архіепископъ же Арсеній очи свои возведе, и яспѣ видитъ близъ одра его стояща великаго Сергія чудотворца, и познавъ его и едва возставъ на ногу свою поклонися ему, и онъ же невидимъ бысть отъ очю его, и свѣтъ онъ велій явлшійся въ келліи его разыдеся. Архіепископъ же въ себѣ бывъ, ощути себе отъ болѣзни здрава, и благодаривъ Бога до утра. Заутра же, 121 года, октября въ 22 день, на память иже во святыхъ отца нашего Аверкія, епископа іернопольскаго, чудотворца, воеводы градъ Китайъ приступомъ взяли, по словеси святаго Сергія чудотворца, и много въ немъ Литвы и Нѣмецъ побили, оставшихъ же въ Кремлѣ выгнали, и обрѣтоша много чановъ и наполовъ плоти человѣческія солены и подъ стропами много трупу человѣческаго, и сѣдоша въ Китайъ христіолюбивое воинство, врагомъ же большую тѣсноту сотвориша, еретици же до конца изнемогоша, но ждуще изрученія крѣпыхуся¹⁾. Разсказъ о томъ же свидѣніи въ нашемъ „Прологѣ“ передается почти буквальными словами „Сказанія Авраамія Палицына“, но съ прибавленіемъ, что предъ этимъ видѣніемъ

1) А. Палицынъ. Сказаніе о осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря отъ Поляковъ и Литвы. Москв. 1784 г. стр. 244—246.

„все російское воинство, отъ различныхъ градовъ російскія земли подвижется“ „къ царствующему граду Москвѣ“, „еже паки того“ „отъ злочестивыхъ Ляховъ“ „восприяти“, съ общаго согласія, наложило на себя трехдневный постъ и горячо „на помощь призывало“ всещедрого Бога и пречистую Богоматерь, — и съ особымъ заключеніемъ въ концѣ разсказа. „Провесеса же вскорѣ, читаемъ мы это заключеніе въ Прологѣ, видѣніе сіе въ слухи благочестивыхъ воеводъ, и всего православнаго російскаго воинства. И абіе благонадежны бывше, по словеси святаго Сергія, и вооружившеса приступиша ко граду, и вскорѣ взяша градъ Китай, мѣсяца октоврія въ двадесять второй день 7121 лѣта. Во градѣ же Кремлѣ велю тѣсноту сотвориша злочестивымъ Ляхомъ. Видяще же они, яко уже не избѣгнути имъ отъ російскаго воинства, предашеса вскорѣ, и градъ Кремль имъ отвориша“¹⁾. Сопоставляя теперь разсказы о свидѣніи архіепископа Арсенія, по нашимъ русскимъ источникамъ и по вновь открытой греческой рукописи, мы находимъ въ нихъ нѣкоторыя довольно существенныя и любопытныя особенности. Объ архіепископѣ Арсеніи „Прологъ“ выражается такъ: „*архіепископу никоому гречину* галасунскаго града Арсенію именемъ“..., при чемъ самое чудесное явленіе преподобнаго Сергія ставитъ въ связь съ трехдневнымъ постомъ и молитвою всею русскаго воинства; у Авраамія Палицына — Арсеній именуется также „галасунскимъ архіепископомъ“, но уже безъ всякаго указанія на то, почему удостоился видѣнія этотъ архіепископъ, тогда какъ въ анализируемыхъ нами мемуарахъ архіепископъ Арсеній называется „весьма святымъ и дивнымъ мужемъ“, и видѣніе приписывается его „продолжительной молитвѣ“, скорбямъ и сѣтованіямъ по поводу пережитыхъ имъ страшныхъ лишеній. По русскимъ источникамъ, архіепископъ Арсеній сразу узнаеть въ лицѣ явившагося къ не-

1) Прологъ изд. Москв. 1843 г., т. 108 об.—109.

му инока преподобнаго Сергія Радонежскаго, который говорить о себѣ: „и азъ грѣшный ходатай быхъ“ за русскую землю предъ Богомъ вмѣстѣ съ Богоматерью и московскими чудотворцами, тогда какъ въ греческой рукописи—явившійся „богоносный и священнолѣпный мужъ и ангелоподобный инокъ“ ничего не говоритъ о своемъ ходатайствѣ предъ Богомъ за Русь, но совѣтуетъ, если архіепископъ пожелаетъ узнать его имя, въ непродолжительномъ времени разслѣдовать о себѣ. И архіепископъ Арсеній, только съ помощію своею келейника, монаха Кирилла, путемъ выясненія характеристическихъ чертъ явившагося въ видѣннн святого мужа, призналъ потомъ, что это былъ дивный чудотворецъ Сергія Радонежскій.

„Избраніе царя Михаила Ѳеодоровича всѣмъ множествомъ народа“ (ἀπὸ παντὸς τοῦ πλῆθους καὶ τοῦ λαοῦ).

„Во святую и великую четыредесятницу, въ первое воскресенье православія, въ большомъ московскомъ дворцѣ, въ присутствіи внутри и внѣ всего народа изъ всѣхъ городовъ Россіи, архіереи, бояре, князья, архимандриты, игумены, священники, іеродіаконы, дьяки, воины, казаки, купцы и весь народъ, волею Божіей, всѣ, какъ бы едиными устами и въ одно слово закричали, провозгласили и съ радостію привѣтствовали царемъ, чтобы царствовалъ надъ ними благочестивѣйшій царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, сынъ преосвященнѣйшаго митрополита ростовскаго киръ Филарета и госпожи Марѣи Ивановны монахини. Этотъ Михаилъ Ѳеодоровичъ находился съ матерью своею далеко отъ Москвы, въ городѣ Костромѣ, въ своей вотчинѣ, будучи юношею, не болѣе четырнадцати лѣтъ, благоразумнымъ, скромнымъ, разсудительнымъ и похожимъ на тетку свою, благочестивѣйшую царицу и великую княгиню Анастасію. Отецъ же его, преосвященнѣйшій митрополитъ киръ Филаретъ, давно былъ отправленъ въ Польшу святѣйшимъ патріархомъ киръ Гермогеномъ и соборомъ къ великому королю Сигизмунду вмѣстѣ съ вели-

кимъ бояриномъ княземъ Василиемъ Голицынымъ и со многими боярами и дьяками великаго двора, съ архимандритами, игуменами, іереями, іеродіаконами и купцами и со многими дарами, въ бытность тогда великаго короля подъ Смоленскомъ, большимъ городомъ, при его осадѣ. И причина, почему они отправились, была слѣдующая: чтобы просить сына его Владислава королевича, умоляя дать имъ его въ цари надъ ними и надъ всею Россіею. Великій же король, поступивъ неблагоразумно, не только преосвященнѣйшаго митрополита и съ нимъ прибывшихъ отослалъ въ Польшу, но и сына своего Владислава лишилъ такого великаго царства, и свое богатство и многихъ воиновъ потерялъ и, почти (можно) сказать, отяготилъ не только великую Россію, но разорилъ свое царство Литву и Польшу. О, несчастіе! Что причинилъ неразумный совѣтъ!

„Снова возвратимся на подлежащее.

„Итакъ, когда былъ провозглашенъ благочестивѣйшій царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Россіи всѣмъ соборомъ и народомъ въ великой Москвѣ, отъ сотворенія міра въ лѣто 7121, отъ (воплощенія) же Христова 1613, въ фебралѣ мѣсяцѣ, въ 21 день, въ воскресенье первое святой четыредесятницы, то былъ совершенъ великій молебенъ и литанія и большое многолѣтіе всѣми архіереями и народомъ въ славномъ соборномъ храмѣ пречистой Богородицы въ патриархіи. Во вторникъ на той же недѣли, весь соборъ, и бояре, и синклитъ и весь народъ съ грамотою, когда подъ нею подписались всѣ архіереи, бояре, архимандриты, игумены, дьяки и всѣ представители народныя, отправилъ преосвященнѣйшаго архіепископа рязанскаго киръ Ѳеодорита и великаго боярина Ѳеодора Ивановича Шереметьева, и архимандрита Чудовскаго монастыря киръ Авраамія и иныхъ многихъ архимандритовъ и игуменовъ, и протоіереевъ, протопопа собора Благовѣщенскаго киръ Ивана и протопопа собора Архангельскаго киръ Василя, и протопопа женскаго Вознесенскаго монастыря киръ Кирилла, и прото-

діакона соборнаго Богородичнаго храма киръ Андрея¹⁾, и избраннѣйшихъ многихъ монаховъ, старцевъ монастырей, воеводъ и дьяковъ, и многихъ воиновъ къ благочестивѣйшему царю и великому князю Михаилу Теодоровичу всея Россіи и къ госпожѣ Марѣѣ монахини, его матери, умоляя и усердно прося принять скиптръ царства на управленіе великою Москвою и всею Россією и итти въ большой дворець великой Москвы на высокій и великій тронъ Москвы. Онъ же, послѣ усиленной просьбы и мольбы преосвященнѣйшаго архіепископа рязанскаго киръ Теодорита и преподобнѣйшаго великаго архимандрита великой лавры святой и живоначальной Троицы киръ Діонисія²⁾ и прочихъ архимандритовъ и игуменовъ, и протоіереевъ и воеводъ и всего народа и госпожи Марѣѣ монахини, матери его, послѣ многихъ дней просьбы и моленій, принялъ скиптръ изъ рукъ преосвященнѣйшаго архіепископа рязанскаго киръ Теодорита въ великой церкви святой Троицы великой лавры святаго Ипатія, вблизи города Костромы, въ четвертое воскресеніе святой великой чгырдеcятницы, въ каковое воскресеніе была великая радость у всѣхъ жителей въ томъ городѣ и во всей великой Россіи“.

1) По нашимъ официалнымъ даннымъ (см. Собран. госуд. грамот. и договор. т. III, стр. 4, 8, 16 и 51) и по свидѣтельству Авраамія Палицына (Сказ. о осадѣ Троиц.-Сергіева мон. отъ Поляковъ стр. 253), составъ даннаго посольства указываетъ нѣсколько иной.

2) Въ нашихъ официальныхъ документахъ указывается предводителемъ въ этомъ посольствѣ отъ Троице-Сергіевской лавры знаменитый келарь этой лавры Авраамій Палицынъ, а не архимандритъ ея Діонисій. (Собран. госуд. грам. и договор. т. III, стр. 8, 16, 51). Впрочемъ, въ документѣ № 11 и 12 упоминается и архимандритъ, не названный по имени и переправленный недателями на келаря (Тамъ же, стр. 51).

«Καὶ τῇ 6' τοῦ Μαΐου μηνός, ἡμέρᾳ Κυριακῇ, ἐν τῷ Ἱερῷ ἔτει ἀπὸ τῆς τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ παρουσίας χιλιοστῶ ἑξακοσιοστῶ δεκάτῳ τρίτῳ, ἦλθεν ὁ βασιλεὺς Μιχαὴλ Θεοδωροβίτζης εἰς τὴν μεγάλην Μοσχολίαν, προσδεξιόμενος αὐτὸν πᾶς ὁ τοῦ Χριστοῦ χριστιανώμος λαός, ἀρχιερεῖς, ἀρχιμανδρίται, ἡγούμενοι, πρωτοῖερεῖς, ἱερεῖς, ἱεροδιάκονοι, πάντες φορεμένοι ἱερατικὰς στολάς λαμπράς μετὰ μεγάλης θαύσεως καὶ λιτανείας, προοδοποιοῦντος τοῦ μεγάλου καὶ ζωοποιοῦ Σταυροῦ καὶ τῶν ἁγίων ἁγίων θαυματοργῶν εἰκόνων, μετὰ φανῶν, καὶ λαμπάδων, καὶ θυμιατῶν, ἐπόμενοι πάντες οἱ ἀρχιερεῖς, ἱερεῖς, ἄπαντες, οἱ ἱεροδιάκονοι, καὶ μουσικοὶ, καὶ ἅπας ὁ τοῦ Κυρίου χριστιανώμος λαός Μοσχολίας, ἄνδρες τε καὶ γυναῖκες, ἀρχόντες καὶ ἀρχόμενοι, νέοι τε καὶ γέροντες, μικροὶ τε καὶ μεγάλοι, νεανίσκοι τε καὶ παρθένοι, φάλλοντες καὶ λέγοντες: «Δόξα ἐν ὑψίστοις Θεῷ, καὶ ἐπὶ γῆς εἰρήνη ἐν ἀνθρώποις εὐδοκία», καὶ τὸ «Εὐφρανέσθεσαν οἱ οὐρανοὶ, καὶ ἀγαλλιάσθω ἡ γῆ», προπάντησαν αὐτὸν ἔξω τῆς μεγάλης πόλεως Μοσχολίας μίλια δύο, καὶ ἐκεῖσε παράκλητον φάλλοντες καὶ λιτανεῖαν μεγάλην ποιήσαντες. Στεκόμενον τὸ πλῆθος τοῦ λαοῦ κατὰ τάξιν πραιάς, ἀρχιερεῖς, ἱερεῖς, ἀρχόντες καὶ ἀρχόμενοι, καὶ πᾶς ὁ λαός μικροὶ τε καὶ μεγάλοι, ὁ βασιλεὺς καὶ μέγας κνέτζης (Μιχαὴλ) Θεοδωροβίτζης ἠπάσατο τὰς ἁγίας σεπτὰς εἰκόνας, καὶ μετὰ τὸ ἀπάσασθαι αὐτάς, εὐλόγησεν αὐτὸν ὁ πανιερωτάτος μητροπολίτης τοῦ μεγάλου Κακάνιου κὺρ Ἐφραίμ μετὰ τοῦ τιμίου καὶ ἁγίου Σταυροῦ. Ὁ δὲ πανιερωτάτος μητροπολίτης Ῥοσθιοῦ κὺρ Κβρίλλο: ἔδωκε τῷ εὐσεβαστάτῳ βασιλεῖ καὶ μέγα (sic) κνέτζη (Μιχαὴλ) Θεοδωροβίτζη ἁγίαν εἰκόνα ἀρροχρόσσην, καὶ ἔπειτα εὐλόγησεν αὐτὸν μετὰ τῆς χειρὸς αὐτοῦ εἰς κεφαλάν, εἰς

«2 мая, въ воскресенье, въ лѣто 7121, отъ пршества Господа Нашего Исуса Христа 1613, прибылъ царь Михаилъ Теодоровичъ въ великую Москву, встрѣченный всѣмъ христоименитымъ народомъ, архіереями, архимандритами, игуменами, протоіереями, іереями, іеродіаконами, облаченными въ блестящія священныя одежды, съ великимъ молебномъ и лitanією, въ предшествіи великаго и животоворящаго креста и честныхъ святыхъ чудотворныхъ иконъ, съ большими фонарями, лампадами и кадильницами, въ сопровожденіи всѣхъ архіереевъ, всѣхъ іереевъ, іеродіаконовъ, музыкантовъ и всего христолюбивѣйшаго народа московскаго: мужей и женъ, бояръ и начальствующихъ, молодыхъ и старцевъ, малыхъ и великихъ, юношей и дѣвъ, съ пѣніемъ: «Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ въ челоуѣцѣхъ благоволеніе» и «Да возвеселится небеса и радуется земля» (Псал. ХСV, 11). Встрѣтилъ его внѣ великаго города Москвы за двѣ мили съ пѣніемъ тамъ молебна и съ великою лitanією толпы, стоящаго въ порядкѣ по дугамъ, народа, архіереи, священники, бояре и начальствующіе и весь народъ, малые и великіе. Царь и великій князь Михаилъ Теодоровичъ поцѣловалъ святая честныя иконы, и послѣ цѣлованія ихъ, благословилъ его честнымъ и святымъ крестомъ преосвященный митр полгѣтъ великой Казани киръ Ефремъ, преосвященнѣйшій же митрополитъ ростовскій киръ Бириллъ подаль благочестивѣйшему царю и великому князю (Михаилу) Теодоровичу святую икону въ среброволооченномъ окладѣ и потомъ благословилъ его, (сдѣлавши крестъ)

στήθος, εις δεξιάν και ἀριστεράν, και καθιστάσαστο τήν τιμίαν δεξιάν του βασιλέως. Ὁμοίως και ὁ Σουλτελης ἀρχιεπίσκοπος κύρ Γεράσιμος, και ὁ ταπεινός ἀρχιεπίσκοπος κύρ Ἀρσένιος τῶν Ἀρχαγγέλων ὡσαύτως. Ὁμοίως και ὁ ἐπίσκοπος Κολόμνας κύρ Ἰωσήφ, και ὁ ἐπίσκοπος Κορέλλης κύρ Σιλβεστρος· οἱ γάρ Κασάνιου και Ῥαζανίου ἀρχιερεῖς προλαβόν (sic) εὐλόγησαν αὐτὸν τὸν εὐσεβεστάτον βασιλέα, ὅτι μετ' αὐτὸν ἦλθον ἀπὸ Καστραμῶν. Οἱ δὲ πάντες οἱ ἀρχιμανδρίται, οἱ ἡγούμενοι, πρωτοῖερεῖς και οἰώτατοι πρωτογέροντες τῶν μεγάλων μοναστηρίων ἔδωσαν οὐτὶς ἁγίας εἰκόνας, και ἐπροσκύνησαν αὐτὸν. Οἱ δὲ μεγάλοι ἀρχόντες, και κνέζιδες, και λογοθέται του παλατίου, και πᾶσα ἡ συγκλήτος ἐπροσκύνησαν αὐτὸν, και ἐφίλησαν αὐτὸν τήν τιμίαν χεῖρα. Ὁ δὲ πᾶς ὁ λαὸς ἐπροσκύνησαν αὐτὸν μετὰ ἄρτου και ἄλατος, και μετὰ πολλῶν δῶρων και χαρισμάτων. Ὁμοίως και τήν κυρίαν Μάρθαν μοναχήν, τήν μητέρα του βασιλέως, ἔδωσαν οἱ ἀρχιερεῖς ἁγίας εἰκόνας, και εὐλόγησαν αὐτήν. Και πάντες οἱ ἀρχιμανδρίται, και ἡγούμενοι, πρωτοῖερεῖς, και ἀρχόντες, και κνέζιδες, και λογοθέται, και ἡ συγκλήτος, και πᾶς ὁ λαὸς ἐπροσκύνησαν αὐτήν. Καὶ ἀπ' ἐκεῖσε πάντες μετὰ λιτῆς και ψαλμωδίας μεγάλης ἦλθαν εἰς Μοσχολίαν, ἐντὸς τῆς μεγάλης ἐκκλησίας τῆς παναχράντου Θεοτόκου. Καὶ ἐκεῖσε ὁ βασιλεὺς και ἡ κυρία Μάρθα μοναχή, ἡ μήτηρ αὐτοῦ, ἀσπαράζονοι τὰς ἁγίας εἰκόνας και τὰ ἅγια λείψανα τῶν πανερωτάτων μητροπολιτῶν τῆς Μοσχολίας και πάσης Ῥωσσίας, ἁγίου Πέτρου και ἁγίου Ἰωάννου τῶν θαυμα-

1) Ο πῦθησθῖν ἐν Καστρομῦ μῖτροπολιτα κασανσκαго Ефрема, по нашим источникам, ничего неизвѣстно.

рукою на главѣ, на груди, на правомъ и лѣвомъ плечѣ, и поцѣловалъ честную правую руку царя. Тоже самое сдѣлали суздальскій архіепископъ киръ Герасимъ и смиренный архіепископъ архангельскій киръ Арсеній, а равнымъ образомъ епископъ воломенскій киръ Иосифъ и епископъ корельскій киръ Сильвестръ, потому что архіерен казанскій¹⁾ и рязанскій прежде благословили сего благочестнѣйшаго царя, такъ какъ прибыли съ нимъ изъ Костромы. Всѣ архимандриты, игумены, протоіерей, преподобнѣйшіе первые старцы великихъ монастырей подаесли ему святая иконы и поклонились ему. Великіе же бояре и князья, дьяки двора и весь синклитъ поклонились ему и поцѣловали его честную руку. Весь народъ поклонился ему съ хлѣбомъ съ солью, со многими дарами и подношениями. Подобнымъ образомъ и госпожѣ Марѣѣ монахини, матери царя, архіерей подаесли святая иконы и благословили ее, и всѣ архимандриты и игумены, протоіерей и бояре и князья, дьяки, синклитъ и весь народъ поклонились ей. И оттуда всѣ съ литією и великими пѣснопѣніємъ мы пришли въ Москву въ соборную церковь Пречистыя Богородицы. И тамъ царь и госпожа Марѣа монахини, мать его, поцѣловавши святая иконы и святая мощи преосвященнѣйшихъ митрополитовъ Московы и всей Россіи, святаго Петра и святаго Іоны чудотворцевъ, и отѣвши молебствъ и получивъ благословеніе, послѣ отпуста, оба царь и мать его, госпожа Марѣа

τουργῶν. Καὶ ψάλλοντες παράκλησον, και εὐλογηθέντες, μετὰ τήν ἀπόλυσιν ἐπορεύθησαν ἀμφοτέροι, ὁ βασιλεὺς και ἡ μήτηρ αὐτοῦ κυρία Μάρθα μοναχή, και πάντες οἱ ἀρχόντες και κνέζιδες, και πάντες οἱ λογοθέται, και ἡ συγκλήτος πᾶσα μετ' αὐτὸν εἰς τὴν μέγαν και περιβόητον ναὸν τῶν Ἀρχαγγέλων. Καὶ ἐκεῖσε ἀσπαράζονοι τὰς ἁγίας εἰκόνας, και τὰς τάφους τῶν εὐσεβεστάτων ἁγίων βασιλέων και μεγάλων κνέζων Μοσχολίας και πάσης Ῥωσσίας Ἰωάννου Βασιλειεβίττζη και Θεοδώρου Ἰωαννοβίττζη, και τῶν λοιπῶν μεγάλων κνέζων, και εὐλογηθέντος αὐτοῦ του βασιλέως, και μεγάλου κνέζου, και τῆς κρίας Μάρθης μοναχῆς τῆς μητρὸς αὐτοῦ, μετὰ τήν ἀπόλυσιν τῆς παρακλησεως παρὰ του μακαριωτάτου ἀρχιεπισκόπου τῶν Ἀρχαγγέλων κύρ Ἀρσενίου, ἐπορεύθησαν ἐπάνω εἰς τήν βασίλειαν μεγάλην ἐκκλησίαν του Ἐσθλητονου τῆς πανάγνου Θεοτόκου. Καὶ ἀπ' ἐκεῖσε, προεζεύζονοι και ἀσπαράζονοι τὰς ἁγίας εἰκόνας, ἐπορεύθησαν ἐνδον εἰς τὰ βασίλεια μετὰ τῶν μεγιστάνων μεγάλων ἀρχόντων και κνέζων, και μεγάλων λογοθετῶν, και τῆς συγκλήτου. Οἱ δὲ ἀρχιερεῖς, ἀρχιμανδρίται, ἡγούμενοι, πρωτοῖερεῖς και πᾶς ὁ λαὸς ἐπορεύθησαν οἰκάδε μετὰ χαρᾶς μεγάλης και εὐφροσύνης πολλῆς.

монахиня, всѣ бояре и князья, и всѣ дьяки и весь синклитъ съ нимъ отравились въ соборный и славный храмъ Архангеловъ. И тамъ, облобизавши святая иконы и гроба благочестнѣйшихъ святыхъ (sic) царей и великихъ князей Москвы и всей Россіи, Ивана Васильевича и Θεοδора Ивановича и прочіихъ великихъ князей, и, по благословеніи сего царя и великаго князя и госпожи Марѣи монахини, матери его, послѣ отпуста молебна блаженнѣйшимъ архіепископомъ архангельскимъ киръ Арсеніемъ, шарились вверхъ въ царскую соборную церковь Благовѣщенія Пречистыя Богородицы, и оттуда, помолившись и облобизавши святая иконы, пошли внутрь двора въѣсть съ вельможными великими боярами и князьями и великими дьяками и синклитомъ, а архіерей, архимандриты, игумены, протоіерей и весь народъ отравились домою съ великою радостію и въ большемъ неселіи.

„Съ того дня, какъ возсѣлъ на престолѣ благочестивѣйшій царь и великій князь Михайлъ Θεοдоровичъ, стали и враги уменьшаться; обращаясь въ бѣгство, они удалялись изъ предѣловъ великой Россіи. 6 числа іюня мѣсяца, воины царя совершенно разбили и уничтожили нѣмецкое войско близъ Новгорода. Равнымъ образомъ и въ Сѣверской землѣ воины царя совершенно истребили Поляковъ, грабившихъ деревни Сѣверской земли. И для большаго удивленія и увѣренія, 16 іюня, они привели изъ двухъ мѣстъ—изъ подъ Нова Арсенія, архіепа еласкопскій.

города много Нѣмцевъ, а изъ Сѣверской земли многихъ Полоковъ, скованными. И радовался царь и всѣ жители Москвы и Россіи великою радостію, видя враговъ своихъ скованными и наказанными“.

(Смерть Ивана Заруцкаго и Маріи и сына ея).

„Прежде вступленія на престолъ сего Михаила Теодоровича, измѣнникъ Иванъ Заруцкій съ Мариною царицею и сыномъ ея, изгнанные изъ предѣловъ Россіи, чрезъ Ногайскую землю (διὰ Νογαίας) бѣжали въ большой городъ Астрахань. Имъ сопутствовали и не малочисленные казаки. Жители же Астрахани по той причинѣ, что еще не знали, что на Москвѣ царствуетъ царь и великій князь Михаилъ Теодоровичъ всей Руси, приняли Ивана Заруцкаго и Марину и сына ея и подчинились имъ. Послѣ шестимѣсячнаго правленія Ивана Заруцкаго и Марины, дошелъ слухъ и туда, что царствуетъ на Москвѣ и во всей Россіи Михаилъ Теодоровичъ. И какъ только услышали жители Астрахани, то всѣ мужчины и женщины, малые и большіе, всѣ, единодушно возставши, схватили измѣнника Ивана Заруцкаго и Марину, и сына ея, и ихъ приверженцевъ и, сковавши ихъ желѣзными цѣпями (καὶ δέσαντες αὐτοὺς πέλαις σιδηραῖς), отослали къ царю въ Москву. Царь съ боярами, допросивши ихъ (ἐξετάσας αὐτούς), Ивана Заруцкаго предалъ позорной смерти (посадилъ на колъ), сына же Марины повѣсилъ (ἐν σχοινίῳ κατεκρέμασε), и Марину, спустя нѣсколько дней, предалъ неизвѣстной смерти (ἀδύλῳ θανάτῳ), и, такимъ образомъ, они получили (должное) по дѣламъ ихъ“.

Въ этой, небольшой по объему, заключительной главѣ заслуживаютъ вниманія свѣдѣнія о составѣ посольства, отправленнаго изъ Москвы въ Кострому, съ предложеніемъ короны царю Михаилу Теодоровичу и нѣкоторыя подробности относительно торжественной встрѣчи новаго царя, 2 мая, при вступленіи его въ Москву, всѣ же прочіе факты хорошо извѣстны, по русскимъ источникамъ.

ГЛАВА III.

Критико-библиографическія свѣдѣнія о Сумелійской рукописи, содержащей въ себѣ мемуары и жизнеописаніе Арсенія, архіепископа елассонскаго.

Послѣдняя глава историческихъ мемуаровъ Арсенія, архіепископа елассонскаго, заканчивается двумя эпиграммами въ честь автора. Дословно онѣ читаются въ рукописи (л. 96 об. 97) такъ: „Ἐπίγραμμα εἰς τὸν μακαριώτατον ἀρχιεπίσκοπον κόνρ Ἀρσένιον, τὸν συγγραφεὰ τοῦ βιβλίου“.

„Ἀρσένιος μούσας πολλὰ πλεόν ἤπερ Ὀμηρος
Ῥουσαέων τ' ἀέθλων, δεῖξεν ὑπέρετιδας.

Μᾶλλον θῆν τό γε πᾶν μουσῶν ὑπέλεξεν Ὀμηρος,
Ἄρσενίῳ δέ γ' ἔπνει πνεῦμ' ἄρα θεϊότερον“.

Ἔτερον εἰς αὐτόν·

„Ἀρσένιος θεῖκεν τὸ δέ γ' ἀρχιερεὺς παρὰ γούνασι
Χιλιᾶδ' ἕξ ἑκατὸν δέκατ' ἕνα τον ἔτος“.

Т. е. эпиграмма въ честь блаженнѣйшаго архіепископа Арсенія, сочинителя книги: „Арсеній гораздо болѣе, чѣмъ Гомеръ, заставилъ музъ прославлять подвиги Россовъ. Скажемъ вѣрнѣе: Гомеръ писалъ все по вдохновенію музъ, а у Арсенія было вдохновеніе болѣе высокое (божественное)“.

История
Заруцкаго в
Византизмѣ

Вторая эпиграмма ему же: „Арсеній архіерей положилъ у колѣнъ (окочилъ) это сочиненіе въ тысяча шесть сотъ девятнадцатомъ году“.

Итакъ, приведенныя сейчасъ эпиграммы не оставляютъ, повидимому, никакого мѣста сомнѣнію въ томъ, что открытые нами мемуары написаны извѣстнымъ въ исторіи и въ наукѣ Арсеніемъ, архіепископомъ елассонскимъ и димоникскимъ, жившимъ долгое время въ Москвѣ при Архангельскомъ соборѣ и скончавшимся въ санѣ архіепископа суздальскаго и турскаго въ 1625 году. Временемъ ихъ окончанія, какъ гласитъ вторая эпиграмма, былъ 1619 годъ, на который падаетъ прїездъ въ Россію за милостынею патріарха іерусалимскаго Теофана съ двумя спутниками, архимандритомъ Христофоромъ и племянникомъ архидіакономъ Неофитомъ, оказавшимся переписчиками настоящей рукописи. Но какъ ни лсны и опредѣленны данныя указанія, однако, при внимательномъ чтеніи настоящихъ мемуаровъ, невольно возникаетъ сомнѣніе, что эти мемуары вышли изъ рукъ ихъ автора въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они являются передъ нами теперь въ рукописи трапезунтской Сумелійской обители. И хвалебный панигирическій тонъ приведенныхъ сейчасъ эпиграммъ, и самый текстъ мемуаровъ, особенно послѣднихъ двухъ главъ, и нѣкоторыя другія данныя, имѣющіяся на лицо въ той же рукописи, заставляютъ предполагать, что по этимъ мемуарамъ прошла другая, посторонняя, и притомъ весьма дружески расположенная къ ихъ автору, рука, оставившая послѣ себя довольно замѣтный слѣдъ. Благодаря присутствію этой посторонней руки, настоящіе мемуары можно подѣлить какъ-бы на двѣ, по объему весьма неравныя, части, изъ коихъ авторомъ первой, заканчивающейся описаніемъ „разоренія великаго и царствующаго града Москвы“ въ 1611 году и горячо прочувствованною молитвою къ Богу объ избавленіи Москвы отъ ниспосланныхъ на нее бѣдъ, несомнѣнно былъ архіепископъ елассонскій Арсеній, а авто-

ромъ второй, заключительной, части мемуаровъ можно признать даже другое постороннее лицо. Въ самомъ дѣлѣ, въ первой части историческія событія описываются обстоятельно и съ такими живыми подробностями, которыя даютъ ясно понять читателю, что авторъ ихъ непосредственный очевидецъ, современникъ, не опускавшій изъ вниманія даже малозначительныхъ фактовъ, тогда какъ въ двухъ послѣднихъ главахъ событія описываются сравнительно кратко и съ опущеніемъ иногда фактовъ первостепенной важности изъ исторіи этой тяжелой эпохи русской государственной жизни. Имена келара Троице-Сергіевской лавры Авраамія Палицына и нижегородскаго гражданина Минина, знаменитыхъ крѣпкихъ ратоборцевъ за отчизну въ данное время, совершенно не нашли себѣ мѣста на страницахъ мемуаровъ архіепископа Арсенія. Имя извѣстнаго, мужественнаго борца, Діонисія, архимандрита Троице-Сергіевской лавры, названо лишь въ числѣ другихъ посланниковъ, отправленныхъ въ Кострому къ юному Михаилу Теодоровичу, съ предложеніемъ царской короны, но авторъ мемуаровъ ни словомъ не обмолвился относительно неустрашимой его дѣятельности, при защитѣ знаменитой лавры отъ нападенія Поляковъ съ Яномъ Сапѣгою во главѣ, о которомъ архіепископъ Арсеній говоритъ много и даже съ похвалою. Впрочемъ, умолчаніе объ этихъ лицахъ и событіяхъ еще можно объяснять тѣмъ обстоятельствомъ въ жизни автора разсматриваемыхъ мемуаровъ, что онъ, находясь въ заключеніи въ Кремлѣ, не былъ очевидцемъ этихъ событий и не зналъ выдающихся дѣятелей, принимавшихъ въ нихъ участіе, но мы уже не можемъ никакъ понять, почему онъ не сообщаетъ намъ никакихъ свѣдѣній, напр., о времени избранія и хиротоніи извѣстнаго патріарха Гермогена (о патріотической его дѣятельности, во время заключенія въ Кремлѣ въ подворьѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, онъ выражается колебательно), не упоминаетъ о трагической его кончинѣ; однимъ словомъ, говоритъ о дѣятельности этого первосвятителя менѣе со-

чувственно, чѣмъ, напр., о дѣятельности крутицкаго митрополита Пафнутія, сравнительно мало извѣстнаго въ нашей исторіи. Но особенно любопытенъ тотъ фактъ, что авторъ мемуаровъ, описавъ обстоятельно вѣздъ въ Москву новоизбраннаго царя Михаила Θεοδοροβιχα съ его матерью инокинею Марѳою Ивановною¹⁾, ни однимъ словомъ не упомянулъ о другомъ знаменательномъ событіи въ жизни новаго царя—о его коронаціи, бывшей всего лишь черезъ два мѣсяца послѣ избранія, т. е. 11 июля, съ личнымъ участіемъ его самого, и перешелъ прямо къ событіямъ, происходившимъ значительно времени спустя, послѣ избранія на царство Михаила Θεοδοροβιχα.

Въ первой части мемуаровъ авторъ о себѣ говоритъ лишь тамъ, гдѣ, по ходу рѣчи, нельзя было избѣжать этого, но во второй части онъ самимъ собою занимается уже довольно много: здѣсь онъ рассказываетъ о пожарѣ въ своемъ домѣ, о грабежѣ денегъ и своего имущества Поляками, о тяжелой болѣзни и о страшномъ голодѣ, благодаря недостатку съѣстныхъ припасовъ, во время осады Кремля, о вознагражденіи проторей и убытковъ его, по освобожденіи Москвы отъ Поляковъ, князьями Пожарскимъ и Трубецкимъ и о нѣкоторыхъ другихъ интимныхъ фактахъ изъ своей личной жизни. Въ первой части мемуаровъ авторъ всюду себя называетъ «ταπεινὸς ἀρχιεπίσκοπος», т. е. такъ же, какъ и въ другомъ, несомнѣнно ему принадлежащемъ, сочиненіи подъ заглавіемъ: «Κόποι καὶ διατριβὴ τοῦ ταπεινοῦ ἀρχιεπισκόπου Ἀρσενίου, γράφει καὶ τὴν πρῆβιζασιν τοῦ πατριάρχου Μοσχολίας»²⁾, тогда какъ во второй, за исключеніемъ одного

¹⁾ Не безынтересно здѣсь отмѣтить тотъ фактъ, что вѣздъ въ Москву царя Михаила Θεοδοροβιχα описывается въ мемуарахъ архіепископа Арсенія почти дословно, какъ описать подобный же вѣздъ въ Москву Лжедмитрія, при чемъ въ описаніи даже титулъ архіепископа Арсенія въ одномъ случаѣ остается прежній: «ταπεινὸς ἀρχιεπίσκοπος», (л. 93), а въ другомъ—«μακαριώτατος ἀρχιεπίσκοπος» (л. 94).

²⁾ Σ. Ζαμπέλιος. Καθίδρομις πατριαρχείου ἐν Ῥωσσίᾳ σελ. 27, 37

раза, всюду уже титулуется «μακαριώτατος ἀρχιεπίσκοπος», т. е. придаетъ себѣ титулъ, на которое онъ, при жизни, не имѣлъ никакого права¹⁾. Здѣсь же, во второй части мемуаровъ, Арсеній, архіепископъ архангельскій или елассонскій, награждается и болѣе высокими эпитетами, какъ, напр., «ὁ ἀγιώτατος ἱεράρχης», «ὁ πάντο ἅγιος καὶ θαυμαστός ἀνὴρ» (л. 81 об.) и т. п.

Отмѣченные характерныя особенности разсматриваемыхъ нами мемуаровъ и по преимуществу двухъ послѣднихъ главъ убѣждаютъ насъ, что въ своемъ настоящемъ видѣ эти мемуары не могутъ быть приписаны безусловно Арсенію, архіепископу елассонскому; надъ ихъ окончательною обработкою потрудились несомнѣнно постороннія, и притомъ, какъ мы замѣтили выше, дружески расположенная къ ихъ автору, рука, которая получила эти мемуары отъ составителя ихъ далеко не въ законченномъ своемъ видѣ. Сумелійская рукопись въ полномъ своемъ составѣ даетъ, по нашему убѣжденію, нѣкоторыя опредѣленныя указанія относительно тѣхъ лицъ, которымъ съ вѣроятностію можно приписывать и составленіе этой рукописи, и послѣднюю редакцію содержащихся въ ней мемуаровъ.

Въ концѣ Сумелійской рукописи, содержащей въ себѣ, кромѣ мемуаровъ, и житіе Арсенія, архіепископа елассонскаго, подъ заглавіемъ: «Μηνὶ Ἀπριλίῳ τῆ κοίμησις τοῦ

56, 59, 67 и 68. Здѣсь же мы находимъ и другіе уничтожительные эпитеты, какими архіепископъ Арсеній нерѣдко титулуетъ себя самого, какъ напр., «Ἀρσένιον ἁμαρτωλόν» (сел. 45) «τὸν ἐλάχιστον ἀρχιερέων πάντων» (сел. 56, 59) «ἔσχατον ἐπισκόπων» (сел. 67), «ἐν τῷ εὐτελέστατος πάντων τῶν ἐπισκόπων, Ἀρσένιος ὁ ταπεινός, μικρότερος τῶν ἄλλων» (сел. 68).

¹⁾ Изъ живыхъ архіепископовъ право титуловаться «μακαριώτατος» принадлежитъ на Востокѣ лишь автокефальному кипрскому архіепископу, пользующемуся этимъ титуломъ наравнѣ съ тремя патріархами александрійскимъ, антиохійскимъ и іерусалимскимъ. По кончинѣ, титулъ «μακαριώτατος» прилагается безразлично ко всѣмъ архіереямъ.

μακαριωτάτου πατρός ἡμῶν Ἀρσενίου, ἀρχιεπισκόπου Σουσελίου, τοῦ πρόφην Ἐλασσόνος, ἐκ τῆς δευτέρας τῶν Θετταλῶν ἐπαρχίας», имѣется слѣдующая приписка: „Ἐγράφη ἐν ἔτει Ἰηρῶν Χριστοῦ δὲ ἰαχιδ' ἐν Μοσχουβίᾳ ὑπὸ Χριστοφόρου, ἱερομονάχου καὶ ἀρχιμανδρίτου τῶν Ἱεροσολύμων (καὶ) Νεοφύτου, ἀρχιδιακόνου Ἱεροσολύμων“ (л. 109). Т. е. написана (эта рукопись) въ лѣто 7127, а отъ (рождества) Христова въ 1619, въ Москвѣ иеромонахомъ и архимандритомъ іерусалимскимъ Христофоромъ (и) иеродиакономъ іерусалимскимъ Неофитомъ“. Конецъ приписки и именно слова: „иеродиакономъ іерусалимскимъ Неофитомъ“ писаны нѣсколько отличнымъ почеркомъ.

Оба, названные въ припискѣ, іерусалимскіе клирики— архимандритъ Христофоръ¹⁾ и иеродиаконъ Неофитъ,—люди хорошо извѣстные у насъ въ Россіи. Прибыли они къ намъ въ Москву въ 1619 году въ свитѣ патріарха іерусалимскаго Теофана, который поставлялъ въ патріархи Филарета Никитича. На третей недѣли по Пасхѣ, во вторникъ, представлялись они вмѣстѣ съ патріархомъ царю Михаилу Теодоровичу, при чемъ, по принятому обычаю, удостоились получить отъ царя цѣнные подарки²⁾. Оба они принимали участіе въ священнослуженіи патріарха Теофана съ русскими архіереями³⁾, а равно и въ хиротоніи въ московскіе патріархи, отца царя Михаила Теодоровича, Филарета Никитича⁴⁾, при чемъ на

1) Объ архимандритѣ Христофорѣ, какъ слугникѣ патріарха Теофана, упоминаетъ и очевидецъ—современникъ, А. Παπαδοπουλ. -Κεραρεβς. Ἀνάλεκτα ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας, Ἐν Πετροπολ. 1891 τ. α' σελ. 261.

2) Дѣла греческ. главн. арх. минист. иностр. дѣлъ 7133 г. № 5 и 7157 № 7. Архимандритъ Христофоръ получилъ „ковшъ серебрянъ въ 3 гривеники, портище камки багровые, 40 сободей въ 15 рублевъ, 20 рублевъ денегъ“, а архидиаконъ Неофитъ— «достоманъ въ 3 рубаи, портище камки багровые, 40 кунциъ, денегъ 15 рублевъ».

3) Чтен. общ. и истор. древн. при Моск. университетѣ 1883. кн. II, отд. II, стр. 165—167.

4) Собран. государств. грам. и договор. т. III, № 45, стр. 195.

обѣдѣ, данномъ послѣднимъ по поводу этого торжества, 1 іюля, въ честь іерусалимскаго патріарха, его свиты и высшаго русскаго духовенства, и архимандритъ Христофоръ и архидиаконъ Неофитъ получили за свои труды и отъ новаго русскаго патріарха также щедрые дары¹⁾. Не забыты эти слугники патріарха Теофана благодарнымъ царемъ Михаиломъ Теодоровичемъ и „на отпускъ“²⁾, когда прощался онъ съ своими дорогими гостями.

Архимандритъ Христофоръ и архидиаконъ Неофитъ познакомились съ своимъ соотечественникомъ, архіепископомъ суздальскимъ Арсеніемъ, черезъ патріарха Теофана, который сблизился съ нимъ, еще въ первый свой пріѣздъ въ Москву³⁾, въ званіи архимандрита и посланника своего дяди, патріарха іерусалимскаго Софронія, въ 1604 году⁴⁾. Архіепископъ Арсеній былъ, какъ мы знаемъ⁵⁾, весьма полезенъ въ каче-

1) Дѣла греческ. 7157 г. № 7. Архимандриту даны „ковшъ серебрянъ въ 2 гривеники, камка смирная, 40 сободей въ 20 рублевъ, денегъ 15 рублевъ“, а архидиакону— «чарка серебряна въ гривенку, камка адамашка смирная, 40 кунциъ добрыхъ, денегъ 8 рублевъ».

2) Тамъ же. Архимандритъ получилъ «ковшъ вѣсу въ 2 гривеники, 10 аршинъ камки по 25 алтынъ аршинъ, итого 7 рублевъ съ полтиною, 40 кунциъ въ 12 рублевъ, денегъ 15 рублевъ. Всего, опрѣчь ковша, на 34 рубаи съ полтиною, а ковшу что цѣна, того не вѣдомо», а архидиаконъ— «въ гривенку достоманъ, портище камки по 25 алтынъ аршинъ, итого 7 рублевъ съ полтиною камка, 40 кунциъ по 12 рублевъ сорокъ, денегъ 10 рублевъ... а достоману цѣны не вѣдомо». Всей свитѣ прибавлено было нѣчто еще и на дорогу.

3) Въ 1604 г ду, когда архимандритъ Теофанъ 25 декабря отпавился во дворецъ на аудіенцію къ царю Борису Годунову вмѣстѣ съ пріѣзжими восточными архіереями, митрополитомъ Симеономъ и епископомъ Калистомъ, то «сани подъ нихъ посланы елассонскаго архіепископа».

4) Греческ. дѣла арх. мин. иностр. дѣлъ въ Москвѣ 7111 г. № 3.

5) Чтен. общ. и истор. древн. при Москов. Университ. 1883 г. кн. II отд. II, стр. 165—167.

ствѣ переводчива патриарху Теофану и его спутникамъ, во время пребыванія ихъ въ Москвѣ въ 1619 году¹⁾, а поэтому и архимандритъ Христофоръ и архидіаконъ Неофитъ могли въ это время легко сблизиться съ нимъ до интимной дружбы, благодаря которой они прекрасно изучили симпатичную личность архіепископа Арсенія и узнали отъ него объ его, въ ту пору еще не вполне законченныхъ, историческихъ мемуарахъ. Подъ влияніемъ того обаянія, какое производилъ этотъ „смиранный“ и въ высшей степени обязательный архіепископъ на своихъ гостей соотечественниковъ, и въ виду живого интереса, какой пробудился у нихъ къ Россіи, вообще мало извѣстной на православномъ Востокѣ, архимандритъ Христофоръ и архидіаконъ Неофитъ рѣшились переписать мемуары этого архіепископа на память для себя, а затѣмъ присоединить къ нимъ и жизнеописаніе ихъ автора, почти неизвѣстнаго въ ту пору на Востокѣ. Быть можетъ, не было ли на то побужденія и со стороны даже самого патриарха Теофана, давняго знакомаго этого архіепископа. Дождаться полного окончанія мемуаровъ и ихъ совершенной обработки у спутниковъ патриарха Теофана не было времени, такъ какъ іерусалимскій патриархъ торопился покинуть Москву, а поэтому они переписали эти мемуары съ тѣми дефектами, на которые мы указали выше, позволивъ себѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этихъ, такъ сказать, черновыхъ набросковъ автора, сдѣлать небольшія отступленія и стилистическія неважныя исправленія. Благодаря этому предположенію, объясняются до нѣкоторой степени и упомянутые пропуски, и тѣ излишества, которыя неумѣстны въ устахъ „смирннаго архіепископа“—автора.

¹⁾ Архіепископъ Арсеній, подъ именемъ галасонскаго, принималъ участіе во встрѣчѣ патриарха Теофана въ Успенскомъ соборѣ вмѣстѣ съ русскими архіереями во вторникъ на третей недѣлѣ по пасхѣ. Греч. дѣла главн. арх. мин. иностр. дѣлъ 7157 г. № 7.

Чрезмѣрное обиліе интимныхъ подробностей изъ жизни архіепископа Арсенія въ послѣднихъ двухъ главахъ мемуаровъ, а особенно въ разсказѣ „о дивномъ восхищеніи блаженнѣйшаго архіепископа киръ Арсенія, въ которомъ онъ увидѣлъ во снѣ великаго изъ аскетовъ Сергія чудотворца“ (л. 81—83), и въ, слѣдующемъ за мемуарами, обстоятельномъ житіи архіепископа суздальскаго (л. 99—109), каковыя подробности едва ли могли быть получены іерусалимскими клириками изъ устъ самого архіепископа Арсенія, позволяютъ намъ сдѣлать новое предположеніе, а именно, что архимандритъ Христофоръ и архидіаконъ Неофитъ весьма много обязаны были въ этомъ отношеніи келейнику и послушнику архіепископа Арсенія, монаху Кириллу (л. 82 об.). Послѣдній былъ преданнѣйшимъ послушникомъ своего старца-архипастыря и раздѣлялъ съ нимъ всѣ невзгоды и тяготы военнаго осаднаго положенія, за что со стороны архіепископа пользовался безусловнымъ довѣріемъ и любовью. Архіепископъ Арсеній ему, первому, передалъ подробности чуднаго видѣнія и, при его помощи, по характеристическимъ особенностямъ призналъ въ „священнолѣпномъ монахѣ“, явившемся ему во снѣ, преподобнаго Сергія Радонежскаго. Этому-то монаху Кириллу весьма естественно было запечатлѣть въ памяти своей всѣ подробности даннаго видѣнія, даже, быть можетъ, записать, чтобы передать ихъ въ назиданіе потомству для большаго возвеличенія и прославленія памяти своего глубочочимаго старца. Тѣми же побужденіями, нужно полагать, руководился монахъ Кириллъ, посвящая іерусалимскихъ клириковъ и въ интимныя стороны жизни своего старца, когда онъ, напр., разсказывалъ имъ мельчайшія подробности о любви его къ широкой благотворительности нуждающимся и къ храмоздательству, съ подробнымъ наименованіемъ всѣхъ важнѣйшихъ храмовъ, построенныхъ и украшенныхъ старціемъ и на иждивеніе сего архипастыря. Разсказъ о всемъ этомъ въ устахъ архіепископа Арсенія могъ показаться даже

и для почитателей его самовосхваленіемъ и кичливостію... Въ устахъ же такого, искренно преданнаго почитателя архіепископа Арсенія, какимъ былъ монахъ Кириллъ, а черезъ него и подъ перомъ архимандрита Христофора, этотъ разсказъ не только вполне естественъ и искрененъ, но для насъ становится вполне понятны и тѣ эпитеты при имени архіепископа Арсенія, какіе мы отмѣтили выше, какъ неумѣстные въ устахъ или подъ перомъ послѣдняго.

Но и послѣ предположенія о нѣкоторомъ участіи въ работѣ надъ настоящими мемуарами іерусалимскихъ клириковъ, спутниковъ патриарха Теофана, архимандрита Христофора и іеродіакона Неофита, при помощи близкаго къ архіепископу Арсенію монаха келійника Кирилла, всѣ трудности относительно установленія времени написанія Сумелійской рукописи далеко еще не исчерпываются. Какъ мы уже сказали выше, въ этой рукописи, переписанной іерусалимскими клириками *въ Москвѣ въ 1619 году*, вслѣдъ за мемуарами находится житіе архіепископа Арсенія съ такимъ надписаніемъ: „Μη νι Ἀπριλίῳ 1) ἡ' κοίμησις τοῦ μακαριωτάτου πατρὸς ἡμῶν Ἀρσενίου, ἀρχιεπισκόπου Σουσδελίου, τῆ πρώτῃ Ἑλλάσσονος ἐκ τῆς δευτέρας τῶν Θεσσαλῶν ἐπαρχίας“. Какъ это заглавіе, такъ и слѣдующее за нимъ трехстишіе:

„Γέννημα σεμνὸν δευτέρας Θεσσαλάς,
Θρέμμα δ' αὐτοῦ ἡ μεγάλῃ Ῥωσσία,
Δεκάτῃ τρίτῃ Ἀρσένιος ψυχὴν Θεῷ δῶκεν (л. 99)“,
а равно и самый конецъ житія: „Ζήσας ἅπαντα τὰ ἔτη αὐτοῦ ἕξ πρὸς τοῖς ἑβδομήκοντα καὶ μῆνας τρεῖς, κελεύσει Θεοῦ, μετέστη τὸν τῆδε βίον, καταλιπὼν τὰ φάρτα, ἀπῆλθεν εἰς τὰ ἄφάρτα“,—ясно свидѣтельствуютъ, что житіе архіепископа Арсенія въ своемъ цѣльномъ настоящемъ видѣ могло явиться только лишь послѣ кончины святителя, т. е. послѣ 1625 года, и, слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ не могло быть переписано въ Сумелійскую рукопись іерусалимскими клириками,

1) Русскій переводъ этого текста и слѣдующихъ см. въ Приложеніи.

архимандритомъ Христофоромъ и архидіакономъ Неофитомъ, въ 1619 году и при томъ въ Москвѣ. Какъ уже извѣстно, суздальскій архіепископъ Арсеній въ это время жилъ въ Москвѣ на Богоявленскомъ подворьѣ Троице-Сергіевской лавры и принималъ во всѣхъ важнѣйшихъ церковныхъ и политическихъ событіяхъ Россіи самое живое и непосредственное участіе. Лично хорошо знавшіе этого святителя и пользовавшіеся въ Москвѣ его услугами неоднократно въ 1619 году, переписчики Сумелійской рукописи, архимандритъ Христофоръ и архидіаконъ Неофитъ, никоимъ образомъ въ своей рукописи о живомъ святителѣ не могли говорить, какъ уже о почившемъ и при томъ съ точнымъ указаніемъ дня кончины и количества лѣтъ его жизни. Не подлежитъ, слѣдовательно, сомнѣнію, что въ припискѣ Сумелійской рукописи, говорящей о времени ея написанія въ Москвѣ въ 1619 году іерусалимскими клириками, архимандритомъ Христофоромъ и архидіакономъ Неофитомъ, имѣются нѣкоторые анахронизмы и несообразности, которые невольно вызываютъ сомнѣніе въ ея исторической достовѣрности. Чтобы распутать указаннныя противорѣчія и за интересующею насъ припискою въ Сумелійской рукописи призвать историческую цѣнность, необходимо, по нашему мнѣнію, подвергнуть анализу и саму эту приписку и главнымъ образомъ существующее въ рукописи житіе Арсенія, архіепископа суздальскаго.

Если мы оставимъ на время въ сторонѣ надписаніе житія, трехстишіе, предваряющее его, и самый конецъ житія, то, при чтеніи его, рѣшительно нельзя указать ни одного мѣста, которое бы прямо говорило, что это житіе не могло быть написано въ 1619 году, когда упомянутые клирики іерусалимской церкви находились въ Москвѣ. Напротивъ, это житіе повѣствуетъ лишь о тѣхъ фактахъ въ жизни архіепископа Арсенія обстоятельно и подробно, какіе имѣли мѣсто до этого года, а послѣдующія событія изложены въ немъ кратко и общими фразами. Такъ, напр., изображая любовь архі-

епископа Арсенія къ созиданію и благоуукрашенію храмовъ, составитель житія перечисляетъ не только всѣ главнѣйшія церкви важнѣйшихъ монастырей и городовъ, на которыя простиралась до этого времени заботливость и попечительность этого архипастыря, но даже говорить о домовыхъ церквяхъ и храмахъ, построенныхъ имъ въ отдаленныхъ отъ Москвы деревняхъ (стр. 51—55). О жизни святителя въ Москвѣ, послѣ перевода его изъ Твери на суздальскую архіепископію, въ житіи читаемъ слѣдующее: „Καὶ διὰ βασιλικῶν γράμματος τοῦ εὐσεβεστάτου βασιλέως καὶ μεγάλου κνέζου Μιχαήλ Θεοδωροβίτζη πάσης Ῥωσσίας ἀπῆλθεν εἰς τὴν μεγάλην Μοσχολίαν πρὸς τὸν εὐσεβεστάτον βασιλέα καὶ μέγαν κνέζην Μιχαήλ Θεοδωροβίτζη, καὶ ἐδόθη αὐτῷ ἡ ἀρχιεπισκοπὴ Σουσδελίου καὶ Ταρουσίας, κατοικῶν πλησίον εἰς τὰ βασίλεια ἐν τῷ μοναστηρίῳ τῶν ἁγίων Θεοφανείων τοῦ μεγάλου Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, μοναστήριον τῆς μεγάλης λαύρας τῆς ἁγίας καὶ ζωοποιῶν καὶ ἀδαιρέτου Τριάδος, τῆς ἐπονομασθείσης τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Σεργίου, τοῦ μεγάλου θαυματουργοῦ καὶ ἡγουμένου τῆς ἁγίας μεγάλης λαύρας. Ζήσας οὖν ἐκεῖσε σὺτός ἐν τῷ μοναστηρίῳ τῶν ἁγίων Θεοφανείων καιρὸς καὶ χρόνος οὐκ ὀλίγους, φιλοτιμούμενος ὑπὸ τοῦ βασιλέως Μιχαήλ καὶ ὑπὸ τῆς ἐνδοξοτάτης αὐτοῦ ἁγίας μητρὸς δεσποίνης Μάρθας μοναχῆς“ (л. 109). Этотъ моментъ счастливой жизни архіепископа Арсенія въ Москвѣ, вблизи царскаго дворца, на Богоявленскомъ подворьѣ Троице-Сергіевской лавры падаетъ именно на время до 1619 года, потому что, когда сдѣлался патріархомъ Филаретъ Никитичъ, крѣпко взявшій въ свои руки бразды правленія русскою церковью, положеніе и значеніе этого архіепископа, уже въ это время старца, пошатнулось; ему вскорѣ пришлось совершенно покинуть Москву и переѣхать на постоянное жительство въ свой епархіальный, кафедральный, городъ Суздаль, гдѣ онъ и скончался.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что составитель житія архіепископа Арсенія ничего не зналъ объ его епархіаль-

ной дѣятельности на суздальской каедрѣ, хотя, какъ мы говорили выше, въ біографіи святителя, онъ и здѣсь не прекращалъ трудиться и надъ благоуукрашеніемъ храмовъ, и надъ устроеніемъ другихъ неотложныхъ въ епархіи дѣлъ,—и принужденъ былъ заключить свое житіе слѣдующимъ, безцвѣтнымъ и состоящимъ изъ общихъ мѣстъ, концемъ: „Βασιλεύσαντος οὖν ἐκεῖσε, ποιμανόμενος καὶ τὸ ἑαυτοῦ ποίμνιον καιρὸς καὶ χρόνος οὐκ ὀλίγους ἐν φόβῳ Θεοῦ καὶ εὐλαβείᾳ πολλῇ καὶ θεοφιλείᾳ. Ζήσας ἅπαντα τὰ ἔτη αὐτοῦ ἕξ πρὸς τοὺς ἐβδομήκοντα καὶ μῆνας τρεῖς, κελύσει Θεοῦ, μετέστη τὸν τῆδε βίον, καταλιπὼν τὰ φάρτά, ἀπῆλθεν εἰς τὰ ἀφάρτα. Οὕτως οὖν ἕζησε καὶ πολιτεύσατο ἐν τῷ φανερῷ· τὰ δὲ ἀδηλα καὶ κρύφια τῆς καρδίας αὐτοῦ Κύριος οἶδεν, ὁ ἐτάζων καρδίας καὶ νεφροὺς τῶν ἀνθρώπων· Αὐτῷ ἡ δόξα εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰῶνων. Ἀμήν“¹⁾. По самой конструкціи этого заключенія, состоящаго въ самомъ началѣ изъ дословнаго почти повторенія предыдущихъ фразъ, можно думать, что оно было поддѣлано послѣ, по кончинѣ этого святителя, уже нѣсколько лѣтъ спустя, и, безъ сомнѣнія, на основаніи общихъ слуховъ, ходившихъ въ средѣ знавшихъ покойнаго святителя по Москвѣ, но мало знакомыхъ съ его дѣятельностію въ послѣдніе годы жизни на суздальской каедрѣ. Этому-то завершителю житія архіепископа Арсенія и можно, по нашему мнѣнію, приписать и заглавіе къ житію, и трехсташіе въ началѣ его, и даже эпитеты: „μακαριώτατος“, „ὁ ἁγιώτατος ἱεράρχης“ и „ὁ πάντο ἄγιος καὶ θαυμαστός ἀνὴρ“, такъ какъ онъ переписывалъ свою рукопись, уже послѣ кончины святителя Арсенія.

Итакъ, что же нужно сказать въ концѣ концовъ о Сумелійской рукописи, содержащей въ себѣ мемуары Арсенія, архіепископа елассонскаго, и его жизнеописаніе? Несомнѣнно, въ своемъ настоящемъ цѣльномъ видѣ, по времени своего происхожденія, она, вопреки вышеприведенной

¹⁾ Русскій переводъ см. ниже въ Приложеніи.

припискѣ въ рукописи, въ концѣ ея, нѣсколько позже 1619 года, но все же время написанія ея не можетъ быть, по нашему мнѣнію, *отодвинуто даже къ началу второй половины XVII столѣтія*. Писцомъ ея мы считаемъ *Неофита, іерусалимскаго архидіакона*, который, въ качествѣ уже патриаршаго племянника, совершилъ, по порученію іерусалимскаго патриарха Теофана, *вторичное путешествіе въ Москву въ 1634 году*¹⁾ вмѣстѣ съ архимандритомъ Анеимомъ. Въ это-то время, узнавъ о кончинѣ своего стараго знакомаго, архіепископа Арсенія, весьма много оказавшаго услугъ ему въ пріѣздѣ 1619 года, архидіаконъ Неофитъ и рѣшился для себя переписать рукопись архимандрита Христофора, въ которую этотъ послѣдній въ 1619 году включилъ мемуары архіепископа Арсенія цѣликомъ до 1611 года, редактировалъ послѣдующія воспоминанія до 1613 года, сочинилъ къ нимъ епиграммы и, не безъ помощи келейника, монаха Кирилла, составилъ жизнеописаніе²⁾ святителя Арсенія до перехода его съ тверской кафедрѣ на суздальскую, или, вѣрнѣе, до пріѣзда въ Москву патриарха іерусалимскаго Теофана въ 1619 году. Только при этомъ предположеніи, станетъ для насъ понятна приписка Сумелійской рукописи, утверждающая, что эта рукопись писана *двумя іерусалимскими переписчиками, т. е. архимандритомъ Христофоромъ и архидіакономъ Неофитомъ*, потому что въ дѣйствительности эта рукопись, за исключеніемъ послѣднихъ словъ приписки: „*Неофѣтоу, архидіаконову 'Іеросолимѣову*“, писана отъ начала до конца однимъ почеркомъ. Несомнѣнно, архидіаконъ Неофитъ, списывая

¹⁾ Свешенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церкви, ч. II, СПб. 1860, стр. 253; Правосл. Палест. Сборн. в. 43 СПб. 1895 стр. 87.

²⁾ Считать жизнеописаніе архіепископа Арсенія за автобіографію мы не имѣемъ никакого права, такъ какъ въ ней не мало фактическихъ погрѣшностей, которыя не могъ допустить архіепископъ Арсеній (См. выше стр. 5, примѣч. 2; стр. 6—7, примѣч. 1 и Прилож.).

рукопись своего спутника въ Москву по первому путешествію, архимандрита Христофора, и дѣлая въ ней необходимыя дополненія, вызываемыя даннымъ временемъ, списалъ и приписку перваго писца, сохранивъ дату 1619 года, чѣмъ и причинилъ для изучающихъ Сумелійскую рукопись немало затрудненій, побѣдить которыя, говоримъ откровенно, не легко. Свою настоящую попытку распутать нѣсколько эти затрудненія мы никакъ не можемъ признать безусловно вѣрною: она можетъ считаться лишь вѣроятною и для насъ пока единственно возможною.

Выше мы уже замѣтили, что мемуары архіепископа Арсенія попали въ руки іерусалимскихъ клириковъ, архимандрита Христофора и архидіакона Неофита, не въ оконченномъ и не вполне обработанномъ видѣ, и что, слѣдовательно, остается полная возможность предполагать, что авторъ этихъ мемуаровъ продолжалъ трудиться надъ ними, и послѣ отъѣзда изъ Москвы іерусалимскаго патриарха Теофана и его спутниковъ, переписчиковъ ихъ. На это предположеніе насъ наводитъ слѣдующій весьма любопытный фактъ. Въ библиотекѣ Московской Синодальной хранится между другими рукописными богослужебными книгами *рукописная Триодь XV № 462 (284)*¹⁾, принадлежавшая нѣкогда извѣстному русскому митрополиту Фотію (1410—1431). На vhodныхъ листахъ, въ началѣ и въ концѣ этой рукописи, мы можемъ читать весьма интересныя черновыя замѣтки, напоминающія, и по содержанію и по изложенію, отрывки изъ мемуаровъ и писанія собственноручно Арсеніемъ, архіепископомъ елассонскимъ. Эти замѣтки сохранились не вполне, особенно пострадали сильно отъ времени, сырости и переплетчиковъ, обрѣзавшихъ края рукописи, замѣтки, входящіяся въ концѣ рукописи на л. 336. Мы считаемъ

¹⁾ Арх. Владиміра. Систематическое Описаніе рукописей Моск. Синодальной библиотекы. М. 1894 г., ч. 1, стр. 400.
Арсеній, архіеп. елассонскій.

таемъ вполне умѣстнымъ здѣсь цѣликомъ воспроизвести эти любопытныя замѣтки съ переводомъ ихъ на русскій языкъ:

(Л. 6 об.) ἰζ'ς' ,αφπη' 1) 'Επι τῆς βασιλείας τοῦ εὐσεβεστάτου μεγάλου βασιλέως Θεοδώρου Ἰωαννοβίτζου πάσης μεγάλης Ῥωσ(σ)ίας καὶ τῆς θεοστέπου αὐτοῦ μεγάλης βασιλείας Εἰρήνης, ἐπατριαρχεύσατο πρῶτος ἐν Μοσχολίᾳ τῆς μεγάλης Ῥωσ(σ)ίας ὁ ἀγιώτατος πατριάρχης Ἰωβ, μητροπολίτης ὡν πρότερον ἐν αὐτῇ. Ἐδέξατο τὴν αὐτὴν ὑψηλοτάτην χάριτα τῆς πατριαρχείας παρὰ τοῦ ἐν ἀγίοις πατριάρχου τοῦ τῆς Κωνσταντινουπόλεως Ἱερεμίου, ψήφω καὶ δοκιμασίᾳ τῶν ἀρχιερέων, τῶν ἐν τῇ μεγάλῃ Ῥωσ(σ)ίᾳ παρόντων, σὺν αὐτοῖς καὶ τοῦ πατριωτάτου μητροπολίτου Μομενβασίας κυρ Ἱεροθέου, καὶ τοῦ ταπεινοῦ ἀρχιεπισκόπου Ἐλασσόνος καὶ Δημονίκου Ἀρσενίου, κατὰ τὸ ἐπτάκι χιλιστό(ν) ἐνιαχοστὸν ἔκτον ἀπὸ κτίσεως κόσμου ἀπὸ δὲ τῆς Χριστοῦ γεννήσεως αφπη'. Γενομένης συναξέως καὶ λειτουργίας μεγάλης ἐν τῷ πανσέπτω καὶ περιωνύμῳ ναφ τῆς παναχράντου Θεοτόκου, τὸν ὄντα (sic) πλησίον εἰς τὰ βασίλεια, ὃν καὶ πατριαρχεῖον ἐτίμησάν τε καὶ ὠνόμασαν τῇ εἰκοστῇ ἔκτῃ τοῦ Ἰανουαρίου μηνός, ἐν ἧ (sic) καὶ ἡ προ-

7096=1588. В царствованіе благочестивѣйшаго великаго царя Θεодора Ивановича всея великія Россіи и богоуѣнчанной ея великой царицы Ирины, былъ поставленъ въ Москвѣ первымъ патриархомъ великой Россіи святѣйшій патриархъ Іовъ, бывшій въ ней прежде митрополитомъ. Онъ воспріялъ эту высочайшую благодать патриаршества отъ иже во святыхъ константинопольскаго патриарха Іереми, по избранію и испытанію архіереевъ, находящихя въ великой Россіи, при (соучастіи) съ ними высокопреосвященнѣйшаго митрополита монемвасійскаго киръ Героея и смиреннаго архіепископа елассонскаго и димоникскаго Арсенія, въ (лѣто) отъ сотворенія мира 7096, отъ рождества же Христова 1588. Во время собора и торжественной литургіи во всечестномъ и именитомъ храмѣ пречистыя Богородицы, находящимя вблизи дворца, каковой (храмъ) почтили и назвали патриархію, въ 26 день января мѣсяца, въ который и состоялось возведеніе

1) Годъ поставленія въ патриархи митрополита Іова трижды указанъ невѣрно, т. е. 1588, вмѣсто 1589, и эта ошибка имѣется не только въ рукописи Московской Синодальной, но и въ рукописи Сивайской библиотеки. Труды Киев. дух. Акад. 1865 г. т. III, стр. 237.

βίβασις τοῦ πατριάρχου κυρ Ἰωβ ἐγένετο καὶ ἡ λειτουργία, συλλειτουργήσαντες ἅπαντες οἱ ἀρχιερεῖς καὶ ἀρχιμανδρίται, καὶ ἡγούμενοι τῆς μεγάλης Ῥωσ(σ)ίας μετὸν παναγιώτατον πατριάρχην Κωνσταντινουπόλεως κυρ Ἱερεμیان, παρόντος καὶ τοῦ εὐσεβεστάτου μεγάλου βασιλέως Θεοδώρου Ἰωαννοβίτζου πάσης μεγάλης Ῥωσ(σ)ίας σὺν τοῖς μετρίστοις τε αὐτοῦ καὶ ἀρχοῦσιν. Ἦνίκα δὲ τὴν λειτουργίαν ἐπλήρωσαν, πάντες τὸν Θεὸν ἐδόξασαν, τὸν βασιλέα εὐφήμισάν τε καὶ ἐπολύηρσαν, τὸν πατριάρχην εὐχαρίστησαν καὶ τὸν νέον πατριάρχην τὸ Εἰς πολλὰ ἔτη, δέσποτα, ἔψαλαν, καὶ ἀπελθόντες εἰς τὴν τοῦ βασιλέως μεγάλην τράπεζαν, πάντες παντοίων ἀγαθῶν ἐνεπλήσθησαν, καὶ τὸν Θεὸν δοξάσαντες, καὶ τὸν βασιλέα πολυρονήσαντες, οἴκαδε(ν) ἐπορεύθησαν.

Ταπεινὸς ἀρχιεπίσκοπος Ἐλασσόνος καὶ Δημονίκου Ἀρσένιος.

(л. 336) 'Εν τῷ ἰζ' μηνί Μαΐω κς' ἰνδ... τῷ εὐσεβεστάτῳ ἡμῶν μεγάλῳ βασιλεῖ (Θεοδώρῳ Ἰωαννοβίτζῳ πάσης μεγάλης Ῥωσ(σ)ίας καὶ τῶν ἐξῆς... βασιλοπούδα Θεοδοσίᾳ, καὶ ἐγένετο μεγάλη χαρά, (ψυ)λακάς κατεκένωσε, τοὺς ἐν ἐξορίαις ὄντας ἐμετεῖ(ἀλεσε), καὶ ἀπλῶς εἶπεῖν, πάντας τοὺς πεινῶντας ἐνέπλησε, τοὺς πενομένους ἐπλούτησεν.

Πατριαρχεύοντας τοῦ... πατριάρχου κυρ Ἰωβ, πρῶτος τὴν πατρι-

киръ Іова въ патриархи и литургия, въ сослуженіи всѣхъ архіереевъ и архимандритовъ и игуменовъ великой Россіи, съ святѣйшимъ константинопольскимъ патриархомъ киръ Іеремию, въ присутствіи и благочестивѣйшаго царя Θεодора Ивановича всея великія Россіи съ его вельможами и боярами. Когда же окончили литургію, то всѣ прославили Бога, принесли привѣтствіе - многолѣтіе царю, поблагодарили патриарха, пропѣли новому патриарху: „На многа лѣта, владыко“ и, отправившись за парскую богатую трапезу, всѣ преисполнились различныхъ благъ и, прославивши Бога и помноголѣтствовавши царя, удалились домой.

Смиренный архіепископъ елассонскій и димоникскій Арсеній.

Въ лѣто 7100, въ маѣ мѣсяцѣ, 26 числа, индикціона... у благочестивѣйшаго нашего великаго царя Θεодора Ивановича всея великія Россіи и прочее... (родилась) царица Θεοδοσία, и была великая радость: онъ освободилъ узниковъ, возвратилъ находящихя въ ссылкѣ, и, проше сказать, всѣхъ алчущихъ накормилъ, нуждающихя обогатилъ.

Когда сдѣлался... патриархомъ киръ Іовъ, первый заняв-

αρχεῖον δεξάμενος τῆς μεγάλης Ῥωσ(σ)ίας... τοῦ ἐν ἁγίοις πατριάρχου τοῦ τῆς Κωνσταντινουπόλεως Ἱερεμίου, ἐλθόν(τος) χάριν ἐπισκέψεως καὶ εὐλογίας τοῦ μεγάλου βασιλέως Θεοδ(φ)ρου Ἰωαννοβίτ(τ)ζη πάσης μεγάλης Ῥωσ(σ)ίας, κατὰ τὸ ἤ44ς μῆνι Ἰανουαρίου κς'....

(Листъ по краямъ оборванъ).

пій патриаршество великой Россіи... отъ иже во святыхъ патриарха константинопольскаго Іереміи, пришедшаго ради посѣщенія и благословенія великаго царя Θεοδора Ивановича всея великія Россіи, въ лѣто 7096, мѣсяца января въ 26 день...

На основаніи этихъ любопытныхъ черновыхъ записей архіепископа Арсенія мы можемъ теперь полагать, что *по дминные мемуары* архіепископа Арсенія, къ глубокому сожалѣнію, остающіеся и доселѣ въ неизвѣстности, по своему содержанию превосходятъ значительно полнотою и обстоятельностью копию ихъ въ Сумелійской рукописи. Такъ, напр., въ Сумелійской рукописи совершенно отсутствуетъ обстоятельный рассказъ архіепископа Арсенія о рожденіи въ 1592 году у царя Θεοδора Ивановича дочери *Θεοδοσίας*, о великой радости во дворцѣ и большихъ милостяхъ по этому случаю, явленныхъ государемъ народу. Это, во-первыхъ. Во-вторыхъ, по этимъ черновымъ записямъ, мы можемъ теперь составить себѣ довольно ясное представленіе и о самомъ процессѣ литературныхъ работъ архіепископа Арсенія. Изложивъ краткій рассказъ объ учрежденіи въ Россіи въ 1589 году патриаршества и о церковныхъ и придворныхъ торжествахъ по этому случаю въ Москвѣ, архіепископъ Арсеній, очевидно, остался недоволенъ имъ, а поэтому ниже, послѣ замѣчанія о рожденіи дочери Θεοδοσίας у царя Θεοδора Ивановича, началъ былъ тотъ же рассказъ въ иномъ изложеніи, но не докончилъ его. На основаніи всего этого мы считаемъ вполнѣ возможнымъ предполагать, что кому нибудь изъ русскихъ или иностранныхъ ученыхъ представится счастливый случай открыть мемуары архіепископа елассонскаго Арсенія *въ ори-*

миналь ¹⁾ и въ болѣе полномъ и обработанномъ видѣ, чѣмъ тотъ, въ какомъ мы познакомились съ ними въ рукописи трапезунтскаго Сумелійскаго монастыря, изготовленной слѣшно и за нѣсколько лѣтъ до кончины ихъ автора. Можно надѣяться, что *оригиналь* восполнитъ тѣ дефекты, на которые мы указали выше, и устранить тѣ недоразумѣнія, какія возбуждаетъ Сумелійская рукопись въ настоящее время.

Рассказъ объ учрежденіи патриаршества въ Россіи, находящійся въ рукописи № 462 (284) Московской Синодальной библиотеки, къ мемуарамъ архіепископа Арсенія прямого отношенія не имѣетъ, а написанъ авторомъ едва ли не съ специальною цѣлью—дать читателямъ актовъ константинопольскаго собора 1593 года, утвердившаго патриаршество въ Россіи, краткія историческія свѣдѣнія ²⁾ объ этомъ знаменательномъ событіи въ русской церкви, столь торжественно отпразднованномъ благочестивымъ царемъ Θεοδοромъ Ивановичемъ и соборомъ русскихъ іерарховъ во главѣ съ константинопольскимъ патриархомъ Іеремію и его свитою. Это предположеніе мы основываемъ на томъ, уже извѣстномъ въ печати, фактѣ, что нашъ путешественникъ по Востоку, епископъ Порфирій Успенскій, нашелъ этотъ самый рассказъ объ учрежденіи патриаршества въ Россіи въ такомъ именно по-

1) Считаемъ не лишнимъ подѣлиться съ нашими читателями извѣстіемъ, которое мы слышали относительно мемуаровъ Арсенія, архіепископа елассонскаго, отъ молодого ученаго казначея въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей российскихъ при Московскомъ университетѣ С. А. Вѣловурова. По его словамъ, собиравъ свѣдѣнія объ этихъ мемуарахъ покойный секретарь этого общества Н. Поповъ, но никакого реферата въ обществѣ о нихъ не читалъ.

2) Покойный профессоръ Ф. А. Терновскій не прочь былъ считать за официальный документъ даже и стихотворный трудъ архіепископа Арсенія подъ заглавіемъ: „Κότος καὶ διατρεβή“. Изученіе византийскаго исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси. Киев. 1876, т. II, стр. 73.

ложенія, т. е. въ качествѣ предисловія къ актамъ собора 1593 года, въ одной рукописи Синайской бібліотеки ¹⁾. Къ глубокому сожалѣнію, сообщивъ время, когда (28 юля 1850 г.) имъ переписаны были акты этого собора и самый рассказъ, и имя своего переписчика (послушникъ Николай Крыловъ, спутникъ преосвященнаго—автора на Синай), и даже время, когда (въ Иерусалимѣ въ 1850 г.) вся эта любопытная находка была переведена на русскій языкъ ²⁾, преосвященный Порфирій, какъ это нерѣдко бывало съ нимъ, не сообщилъ самыхъ главныхъ свѣдѣній—*номера* Синайской рукописи, въ которой онъ нашелъ эти акты и рассказъ объ учрежденіи патріаршества, и *времени*, когда писана эта самая рукопись. Для насъ эти свѣдѣнія имѣли бы теперь немаловажное значеніе въ рѣшеніи вопроса, когда акты собора 1593 года и рассказъ архіепископа елассонскаго Арсенія объ учрежденіи въ Россіи патріаршества попали въ самую отдаленнѣйшую изъ православныхъ обителей.

Сообщимъ въ заключеніе краткія бібліографическія свѣдѣнія о трапезунтской Сумелійской рукописи, содержащей въ себѣ историческіе мемуары архіепископа елассонскаго Арсенія и его житіе, на основаніи данныхъ, находящихся въ самой этой рукописи. Сумелійская рукопись имѣетъ форматъ въ 16 долю листа и писана на 109 листахъ полублѣй бумаги размашистымъ и довольно небрежнымъ почеркомъ конца первой половины XVII столѣтія. На листахъ 97—98 рукописи мы находимъ много разнообразныхъ изреченій, писанныхъ рукою XVIII вѣка, и между этими изреченіями двѣ приписки позднѣйшаго владѣльца рукописи: а) „Γερβασίου ιεροδιακόνου ἐν ἔτει ἀπὸ Χριστοῦ ἀφ' ἑ“ (л. 98), т. е. Гервасія іеродіакона въ лѣто отъ (рождества) Христова 1735, и б) „Γερβασίου

¹⁾ Труды Кіев. духовн. Акад. 1865, т. III, стр. 237—238.

²⁾ Тамъ же, стр. 238.

ιεροδιακόνου, τοῦ καλουμένου Νατζατζή, υἱὸς (sic) Γεωργίου (это слово читается плохо, такъ какъ рукопись въ данномъ мѣстѣ попорчена) καὶ ὑπηρέτης Ἰγνατίου, ἀρχιερέως Χαλδίας“ (л. 97 об.), т. е. Гервасія іеродіакона, прозываемаго *Намцаи*, сынъ Георгія и служка Игнатія, халдейскаго архіерея. На основаніи этихъ приписокъ мы можемъ возстановить, какъ намъ кажется, болѣе или менѣе правдоподобно историческую судьбу Сумелійской рукописи. Рукопись іерусалимскихъ клириковъ, архимандрита Христофора и іеродіакона Неофита, попала сначала несомнѣнно въ руки Игнатія ¹⁾, просвѣщеннаго халдійскаго епископа (рукоположенъ 12 севт. въ 1717 году), который въ концѣ XVII или въ началѣ XVIII столѣтія обучался въ Букарештской Академіи. (Букарештъ, какъ извѣстно, лежалъ на томъ торномъ трактѣ, по которому двигались въ Россію и обратно многочисленныя духовныя лица, пріѣзжавшія за милостынею съ Востока). Послѣ смерти епископа Игнатія (въ 1734 апрѣля 17), рукопись эта перешла въ собственность къ его келейнику, іеродіакову Гервасію ²⁾, что онъ и удостовѣрилъ вышеприведенною подписью 1735 года, а отъ него, какъ инокъ ставропигіальной обители Сумелійской, она попала въ бібліотеку этой обители, гдѣ хранится и до настоящаго времени.

На рукописи кожанная обертка, а въ началѣ ея, въ качествѣ выходныхъ листовъ, имѣются два пергаментныхъ листа изъ русскаго Ирмологія прекраснаго письма XIII вѣка. Вотъ образчикъ языка этого древне-русскаго памятника: *Вѣнчаемъца жнкодмчѣ Хѣ, и чтѣмъ кнѣчнѣ Дхъ тѣон. жѣ ѿ ѿца послалъ еи Бжѣтвннмъ оучнкомъ еконмъ. Нѣса повѣдѣють славоу Бжѣна тѣоннѣ жѣ рокоу его козѣвѣщати тѣвѣдѣ.*

¹⁾ Біографическія свѣдѣнія объ этомъ епископѣ см. у Παπαδ. Κεραμέως. Ἱεροσολυμ. βιβλιοθ. т. α', σελ. 216, стр. α' и Ε. Κυριακίδου. Βιογράφαι τῶν ἐκ Τραπεζούντος καὶ τῆς περὶ αὐτὴν χώρας ἀπὸ τῆς ἀλώσεως μέχρι τῆς ἡμῶν ἀκμασάντων λογίων. ἐν Ἀθῆν. 1897 ст. σελ. 96—97.

²⁾ О іеродіаковѣ Гервасіѣ и о припискахъ на Сумелійской рукописи см. у Ε. Κυριακίδ. Βιογράφαι х. т. λ. σελ. 114.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Мѣсяца апрѣля въ 13 (день) успеніе блаженнѣйшаго отца нашего Арсенія, архіепископа суздальскаго, прежде бывшаго елассонскаго изъ второй Фессалійской епархіи.

„Почтенное дитя второй Фессалии,
Питомцею его была великая Россія.

Тринадцатаго (апрѣля) Арсеній Богу душу предалъ“.

„Сей блаженный архіепископъ происходилъ изъ второй Фессалійской епархіи, во времена агарянскаго владычества, изъ деревни, называемой *Каллорьяна*, близъ города Трикки, сынъ священника *Теодора* и *Хрисафы*, которая въ божественной и ангельской схимѣ была названа *Христиною*¹⁾ монахинею (и которая приходилась) родною сестрою (*γυνήσιν ἀδελφῆ*) блаженнаго ларисскаго митрополита Неофита, ктитора большого монастыря великаго Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, находящагося вблизи Великихъ Вратъ, въ народѣ (*κατὰ κόσμον*) называемаго *Дусикомъ*²⁾. У него было четыре брата по плоти: *Иоасафъ*, епископъ стагонскій, *Маркъ*, епископъ Димитриадъ, *Аванасій* іеромонахъ и *Панайотъ*³⁾.

1) Самъ архіепископъ Арсеній всюду мать свою называетъ монашескимъ именемъ—*Христудумією*. См. выше стр. 6—7, прим. 1; стр. 62, 67.

2) Примѣчаніе о времени построения этого монастыря въ 1522 году и объ ошибкѣ составителя житія—считать основателемъ его ларисскаго митрополита Неофита см. выше стр. 9, прим. 1.

3) Архіепископъ Арсеній во всѣхъ поминальныхъ записяхъ этого брата называетъ іеромонахомъ *Пахоміемъ*. См. выше стр. 6—7, прим., 1; см. стр. 8, прим. 1.

Послѣ смерти отца его *Теодора*, взявъ его въ свою епископію братъ его *Иоасафъ*, епископъ стагонскій, мальчикомъ, (и) обучилъ его начальной грамотѣ (*τὰ τερὰ γράμματα*). Послѣ начальнаго обученія онъ отдалъ его учителю, премудрому мужу, по имени монаху *Матѳею*¹⁾, обучающему въ Триккѣ многихъ учениковъ наукамъ—грамматикѣ, пѣтикѣ и риторикѣ, по повелѣнію и на иждивеніе пресвященнѣйшаго митрополита ларисскаго *Іереміи*. Итакъ, когда онъ тамъ обучался, то былъ постриженъ въ монахи нѣкимъ богоноснымъ духовнымъ отцемъ по имени *Арсеніемъ*, который, по причинѣ его благочестивой жизни и славы, сдѣлался митрополитомъ Древнихъ Патръ. Сей же, по имени *Апостолій*, былъ названъ монахомъ *Арсеніемъ*, и чрезъ нѣсколько дней митрополитомъ ларисскимъ киръ *Іеремію* былъ рукоположенъ въ іеродиакона. Итакъ, когда онъ обучался тамъ наукамъ, по проществіи нѣкотораго времени, названный митрополитъ *Іеремія*, приглашенный архіереями и клириками и знатью (*παρὰ ἀρχόντων*) Константинополя, былъ возведенъ на великій и высочайшій патриаршій тронъ Константинополи. Всѣ провозгласили его свѣтлѣйшимъ архіепископомъ Константинополя и вселенскимъ патриархомъ. Дидаскалъ монахъ *Матѳею*, такимъ образомъ, отправился съ нимъ, а ученики всѣ разсѣялись по своимъ монастырямъ, потому что большею частію были іеромонахи и монахи. Сей же *Арсеній* удалился къ брату своему *Иоасафу*, епископу стагонскому. Проживши тамъ достаточное время, братъ его скончался, и онъ направился въ монастырь великаго Бога и Спасителя Нашего Иисуса Христа въ *Дусикъ*, въ которомъ и былъ рукоположенъ во священника *братомъ* своимъ, епископомъ *Фанаря*, *Митрофаномъ*²⁾. А оттуда, чрезъ нѣсколько

1) Этотъ монахъ *Матѳею* былъ уроженцемъ острова Крита и учителемъ патриарха *Іереміи II* (Траноса). К. Σάβα Νεοελληνική φιλολογία. Ἐν Ἀθῆναις. 1868 σελ. 186.

2) Архіепископъ *Арсеній* нигдѣ въ своихъ записяхъ не называетъ,

дней вызванный патриаршимъ письмомъ, онъ отправился въ Константинополь къ патриарху кирь Іереміи. Благословившись у него, онъ получилъ повелѣніе быть патриаршимъ очереднымъ священникомъ великой церкви Всеблаженной въ патриархіи. И такъ, поживши тамъ хорошо немного времени, патриархъ рукоположилъ его, по избранію и свидѣтельству архіереевъ, въ епископа елассонскаго и димоникскаго. А пробывъ тамъ немного времени, онъ, по приказанію архіереевъ, (снова) явился въ Константинополь, когда возведенъ былъ въ патриархи Θεολιπтъ, митрополитъ филиппопольскій, потому что патриархъ Іеремія султаномъ Амуратомъ былъ изгнанъ въ ссылку на островъ Родось, будучи обвиненъ незаконными людьми и клеветниками въ томъ, что онъ крестилъ турецкихъ мужчинъ и женщинъ и отправилъ ихъ въ другія царства—въ Россію, въ Польшу и во Францію.

И такъ, когда утвердился въ патриархіи патриархъ господивъ Θεολιптъ, то въ то время находился въ Константинополѣ апокрисиарій царя великой Россіи, по имени Борисъ. Съ нимъ въ великую Россію, къ великому царю самодержцу Θεодору Ивановичу всея Россіи, ради молитвы и благословенія, патриархъ отправилъ со святыми мощами и другими честными дарами архіепископа Арсенія¹⁾. И когда они явились туда, то благочестивѣйшій царь Θεодоръ Ивановичъ принялъ его милостиво (милостивымъ взоромъ ὄμματι ἰλαρῷ). И вручивши сему благочести-

въ числѣ братьевъ, *Μιτροφана, епископа Фанаря* (См. выше стр. 62, 67), хотя въ Синодѣ Архангельскаго М. собора № 31 нмѣ этого архіерея и значится въ числѣ другихъ ему памятныхъ лицъ (стр. 7, примѣч.).

¹⁾ Въ мемуарахъ своихъ архіепископъ Арсеній прямо говоритъ, что съ нимъ былъ посланъ въ Москву еще и епископъ *διρραχίης Πανσεί* (см. выше стр. 78), что подтверждаютъ и наши официальныя данныя (стр. 11 прим. 11). Съ этимъ-то епископомъ Пансіемъ и доставилъ въ Константинополь царскую милостыню архіепископъ Арсеній (стр. 12—13, прим. 3).

вѣйшему царю патриаршее письмо¹⁾ и дары, онъ благословилъ, произнесъ отъ лица патриарха молитву и привѣтствіе. Царь, исполненный великой радости, оказалъ ему и его свитѣ, въ теченіе одного мѣсяца, благосклонность и отпустилъ его идти въ Константинополь, вручивши ему для передачи святѣйшему патриарху кирь Θεολιπτу много денегъ и много другихъ даровъ. И, направляясь въ Константинополь, на пути они прибыли въ городъ Львовъ, польское укрѣпленіе. И тамъ всѣ львовскіе христіане усердно упросили его остаться тамъ для благословенія и руководства ихъ, такъ какъ тамошніе жители были большею частію *латиняне*. Онъ же, неохотно склонившись на мольбы ихъ, прежде всего отославъ царскую милостыню и подарки патриарху Θεολιπτу, пробылъ тамъ два года.

Патриархъ кирь Іеремія, освобожденный изъ ссылки и получившій позволеніе отъ константинопольскаго султана Амурата отправиться къ царю великой Россіи, и будучи по пути въ *городъ Львовъ*²⁾ и встрѣтившись съ архіепископомъ Арсеніемъ, (вмѣстѣ) отправились въ великую Россію къ благочести-

¹⁾ Патриаршая грамота отъ 27 мая 1585 г. къ царю Θεодору Ивановичу была послана, по нашимъ даннымъ, съ афонскимъ старцемъ *Неофитомъ*. Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ ч. I, стр. 152—155.

²⁾ Здѣсь составителемъ житія допущена несомнѣнно *ошибка*. Патриархъ Іеремія *никогда* не былъ во Львовѣ и встрѣтился съ архіепископомъ Арсеніемъ въ *Замойскѣ*, гдѣ вселенскій патриархъ гостилъ нѣкоторое время у канцлера литовскаго Яна Замойскаго, и куда архіепископъ Арсеній былъ нарочито вызванъ изъ Львова письмомъ патриарха. Вотъ какъ объ этомъ обстоятельствеъ рассказываетъ въ своемъ стихотворномъ описаніи путешествія патриарха Іереміи въ Москву самъ архіепископъ Арсеній:

„Καὶ μεθ' ἡμέρας οὐ πολλὰς ἦλθεν ὁ πατριάρχης
Εἰς τῆς Λεχίας οὐρόρον, κ' ἔστειλε Καντζηλέρης
Ἀνθρώπου· τοῦ καὶ γράμματα εἰς αὐτὸν νὰ πηγαίνου,
Εἰς τὸ Ζαμόσκι κάστρον τοῦ αὐτὸν νὰ προσκαλέσου.

вѣйшему самодержцу, царю Θεодору Ивановичу. Царь же и все тамошніе архіереи и бояре, принявшіе великолѣбно вселенскаго патріарха и пришедшихъ съ нимъ, усиленно просили патріарха Іеремію остаться тамъ патріархомъ, но онъ не пожелалъ, потому что было невозможно¹⁾, но собственному ихъ митрополиту московскому по имени Іову, всесильною

Ἦκουσα πῶς ἀπέρασε τὸν Καντζηλήρην πάτρι

Ἐγὼ, καὶ ἐβιάστηκα κ' ἔφθασα στὸ Ζαμόσκι.

Παρασκευῇ ἐκίνησα μέσα ἀπὸ τὸ Λόβι,

Ἡμέρα τῇ κυριακῇ ἔφθασα στὸ Ζαμόσκι.

Ἀντάμωσα καὶ ξβαλα τότε τὸν πατριάρχην

Μετάνοιαν ἔδαφην μ' εὐλάβειαν μεγάλην...“

(Σ. Ζαμπел. Καθίδρουσι πατριαρχείου ἐν Ῥωσσίᾳ σελ. 27—28).

1) Рассказъ этотъ объ учрежденіи въ Россіи патріаршества не согласуется съ повѣствованіемъ архіепископа Арсенія въ его мемуарахъ (см. выше, стр. 83, 89), но замѣчательно точно, хотя и въ немногихъ словахъ, передаетъ факты изъ, бывшихъ по этому поводу, переговоровъ между русскимъ правительствомъ и патріархомъ Іереміемъ, какъ они рассказаны архіепископомъ Арсеніемъ въ специальномъ его поэтическомъ сочиненіи. Можно легко подобрать, сюда относящіяся, стихи изъ этого произведенія:

Ἡ Θεόδωρος ὁ κράτιστος ὁ μέγας βασιλεὺς

Βλαντιμερίου, Μόσχοβου καὶ ἄλλης τῆς Ῥωσσίας

Παρακαλεῖ καὶ δέεται ἐσὺ νὰ ἀπομείνης

Ἐδῶ στὸν μέγαν Μόσχοβον, νὰ εἶσαι πατριάρχης

Βλαντιμερίου, Μόσχοβου καὶ τῆς Ῥωσσίας πάσης,

Τότε πολλὰ λυπήθηκεν ἄρχων κυρὸς Μπορούσης,

Τὸ πῶς δὲν εἶναι δυνατὸν νὰ μείνῃ ὁ πατριάρχης.

Ἐτοῦτο εἶν' ἀδύνατον φθε ἐγὼ νὰ μείνω

Καὶ πατριάρχης Μόσχοβου ἐγὼ διὰ νὰ γένω.

Καὶ πατριάρχης ἔδωκε τὴν χάριν τοῦ Ἁγίου

властію и благодатию Пресвятого Духа, повелѣлъ быть патріархомъ владимірскимъ, московскимъ и всея Россіи, давши ему святое цѣлованіе и назвавши его братомъ, сослужителемъ и святѣйшимъ. И по достаточномъ времени, патріархъ киръ Іеремія былъ отпущенъ обратно въ Константинополь на его высочайшій тронъ со множествомъ даровъ и денегъ. Царь и святѣйшій патріархъ Іовъ, *удержавшіе*¹⁾ (κρατήσαντες) жить въ Москвѣ архіепископа Арсенія, весьма полюбившіе его и (сдѣлавшіе) архіепископомъ

Πνεύματος παντατίου τε μετὰ εὐχῆς μεγάλης

Νὰ εἶναι πατριάρχης τε Ῥωσσίας τῆς μεγάλης.

Καὶ φίλημα τὸν ἔδωκε τότε κατὰ τὴν τάξιν.

Καὶ πατριάρχης ὤρισεν ὁ λόγος του νὰ γένῃ,

Τοῦ ἀδελφοῦ μου θέλημα Ἰὼβ τοῦ πατριάρχου,

Ἰὼβ ὁ ἀγιώτατος καὶ μέγας πατριάρχης

Βλαντιμερίου Μόσχοβου Ῥωσσίας τῆς μεγάλης,

Καὶ ἀδελφὸς σὺλλειτουργὸς ἐκ Πνεύματος ἁγίου,

Ταύτην τὴν χάριν δίδει σοὶ καὶ δέξου μετὰ πόθου“.

(Σ. Ζαμπеліос. Καθίδρουσι πατριαρχείου ἐν Ῥωσσίᾳ σελ. 33, 34, 35, 39, 47, 58).

1) Приблизительно также и почти дословно о своемъ оставленіи въ Россіи рассказываетъ архіепископъ Арсеній и въ своихъ мемуарахъ (см. выше стр. 89), но въ „Κόποι καὶ διατριβή“ это событіе излагается иначе. Арсеній архіепископъ лично проситъ царя оставить его и въ просьбѣ поддерживаетъ его патріархъ Іеремія:

Ἡγάπησα νὰ κάθηναι τόσον πολλὰ μακριὰ

Ἐκ συγγενῶν πατρίδος τε καὶ ἐκ τῆς ἐπαρχίας,

Πάντα νὰ εὐχῶμαι Θεὸν νόκτας καὶ τὰς ἡμέρας

Νὰ ἦσαι πολυχρόνιος ν' ἄχης πολλὴν ὑγίαν...
.....

Καὶ πατριάρχης μέγιστος ἔφησε δι' ἐμένα

Λόγια, τὰ ἀφέλιμα πολλὰ εὐχαριστημένα...
.....

(Καθίδρουσι πατριαρχείου ἐν Ῥωσσίᾳ σελ. 66).

соборной Архангельской церкви, въ которой находятся гробы благочестивѣйшихъ царей и великихъ князей, вблизи царскихъ палатъ, и соборно (συνεδίωσις) царь съ святѣйшимъ патріархомъ и архіереями наименовали его, по благословенію его патріархомъ киръ Іовомъ, архіепископомъ архангельскимъ. Царь ему и находящимся при немъ подарилъ на пропитаніе деревни. И послѣ многихъ лѣтъ была дана ему другая архіерейская кathedra — суздальская и таруская¹⁾.

Сей (Арсеній) создалъ²⁾ много церквей въ Москвѣ и ея окрестностяхъ. Въ Москвѣ онъ построилъ церковь святыхъ великихъ мучениковъ Θεодора Стратилата и (Θεодора) Тирона. Потомъ, къ сѣверу, по дорогѣ, ведущей въ Тверь и Великій Новгородъ, съ основаній земли онъ воздвигъ великую церковь Вседержителя Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа и два придѣла при ней, съ правой и лѣвой сторонѣ, иже во святыхъ отца нашего Николая чудотворца и святыхъ великихъ мучениковъ Романа и Давида, украсивши ее съ придѣлами и папертями внутри и внѣ, покрывши ее съ придѣлами бѣлою жестью (σιδήρφ), оградилъ ее превосходною³⁾ оградой, выстроилъ высокую колокольню, покрывъ ее жестью и въ оградѣ вырылъ колодезь. И внутри Москвы на востокъ, въ мѣстѣ, называемомъ заставою, на пути, ведущемъ въ Рязань, воздвигъ съ основаній земли церковь

1) О бытіи архіепископа Арсенія на кathedрѣ тверской составитель житія почему-то здѣсь умолчалъ, но ниже говорить объ этомъ обстоятельно.

2) Греческій и русскій тексты этой части житія напечатаны нами выше стр. 51—55. Здѣсь мы вносимъ нѣкоторыя поправки въ эту часть мемуаровъ.

3) Слова: καὶ καλῶς αὐτὴν περιτείχισεν, καὶ χαμπανάριον ἔκτισεν ὑψηλὸν καὶ ἑσκέλευεν αὐτὸ σιδήρφ, по недомотру, мы опустили выше стр. 52.

Рождества Пресвятыя Богородицы, украсивши ее внутри и внѣ съ папертями и покрывъ желѣзомъ куполь ея. И по ту сторону рѣки Москвы, вблизи большого моста, на югѣ, противъ царскихъ палатъ, (на разстояніи) какъ бы трехъ выстрѣловъ изъ лука, воздвигъ съ основаній земли большую церковь свято́го славнаго великомученика Георгія Побѣдоносца, украсивши ее внутри и внѣ, покрывши ее и колокольню¹⁾ ея желѣзомъ. И въ своемъ домѣ, находящемся вблизи дворца, устроилъ церковь святого великомученика Димитрія муроточиваго, украсивши ее и паперть ея внутри и внѣ, покрывши всю бѣлою жестью. И на сѣверъ, далеко отъ Москвы, миль 120, въ деревнѣ, называемой *Завидово*²⁾, воздвигъ съ основаній земли большую церковь Успенія Пречистой Богородицы и приснодѣвы Маріи и два придѣла, съ правой и лѣвой сторонѣ ея, во имя собора величайшихъ чиповачальниковъ Михаила и Гавриила и всѣхъ небесныхъ силъ безплотныхъ и великаго пророка Іліи, украсивши ее и придѣлы ея внутри и внѣ и паперти ея кругомъ, и купола ея покрывъ бѣлою жестью. И вблизи этой деревни *Завидово*, въ мѣстечкѣ, называемомъ *Спасское*³⁾, воздвигъ церковь великаго Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа. Выстроилъ и другую церковь во имя Архангеловъ далеко отъ

1) Выше стр. 52, строка 24 напечатано у насъ: παραλήσιον—придѣлъ, вмѣсто χαμπανάριον—колокольню.

2) Слово *Завидово* (каз.) Московскои губерніи, Клинского уѣзда, въ 23 в. къ сѣверу отъ уѣзднаго города, по с.-петербургско-московскому шоссе, при рѣкѣ Долбицѣ. Имѣется въ селѣ двѣ церкви. (П. Семеновъ. Географическо-статистическій Словарь Россійской Имперіи т. II, СПб. 1865 стр. 243.

3) Деревня эта носитъ иныя названіе *Спасъ-Заулки*, находится въ томъ же Клинскомъ уѣздѣ, въ 17 верстахъ отъ уѣзднаго города, и лежитъ на петербургско-московскомъ шоссе. Въ деревнѣ этой двѣ церкви.

Москвы, миль 11½, въ деревнѣ, называемой *Никитское*¹⁾, обнесъ ее оградю кругомъ и посадилъ около нея различныя деревья. И близъ Москвы, на разстояніи около 15 стадій, воздвигъ церковь Всѣхъ Святыхъ, и украсилъ ее внутри и внѣ, обнесъ ее оградю кругомъ, и посадилъ около нея различныя деревья, и вблизи ея устроилъ прудъ, и вырылъ вблизи колодезь, противъ двери ея. *Все это онъ сдѣлалъ явно, тайная же сердца его выдаетъ Господь.* И на востокъ Москвы, около одной мили, по ту сторону рѣки Яузы, въ великомъ монастырѣ Нерукотвореннаго образа Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, называемаго *Андрониковскимъ*, съ великимъ искусствомъ онъ выстроилъ церковь во имя чуда Архистратига Михаила въ Хонѣхъ, превосходно отдѣлалъ и возстановилъ большую трапезу, бывшую ветхою и темною, и притворъ этой трапезы устроилъ внѣ, на мраморныхъ колоннахъ, и кругомъ много оконъ, и прекрасно покрылъ ее, и кругомъ и вверху росписалъ живописью, и лѣстницу, бывшую ветхою и разрушенною, прекрасно устроилъ, и колокольню, бывшую прежде деревянною отъ середины до верха, онъ выстроилъ каменную и сдѣлалъ болѣе высокою, и покрылъ бѣлою жестью, и поставилъ вверху ея честный и животворящій крестъ.

И въ Твери на архіепископіи соборную церковь во имя Преображенія великаго Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, древнюю и пришедшую въ упадокъ, и разрушенную, и опустѣлую, остававшуюся къ тому же безъ пѣнія и богослуженія 25 лѣтъ, онъ устроилъ и возобновилъ, и покрылъ ее и четыре ея придѣла—во имя введенія Пречистыя Богородицы и приснодѣвы Маріи, и святыхъ и преславныхъ апостоловъ Петра и Павла и прочихъ (апостоловъ), и святого славнаго великомученика Димитрія мѣроточиваго, и святого князя

¹⁾ Село *Никитское* Московской губерніи, Вязьманскаго уѣзда, въ 17 в. отъ уѣзднаго города, при рѣкѣ Несоченкѣ, на явзанскомъ шоссе. Тамъ же, т. III, 1867, стр. 456).

Михаила Ярославича чудотворца, и кругомъ палерти съ придѣлами покрылъ и украсилъ, и увеличилъ значительно съ прежнимъ; и возстановилъ и освятилъ сію соборную церковь великаго Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа и придѣлы ея, и назначилъ къ ней протопопа и священниковъ, и протодіакона, и іеродіакона, клириковъ, и пѣвцовъ, и чтецовъ, чтобы пѣть и священнодѣйствовать въ пей и въ придѣлахъ каждый день немолчно и непрерывно. И послѣ возобновленія этой соборной церкви и придѣловъ ея, онъ прожилъ тамъ на архіепископіи немного времени: *сначала два года и десять мѣсяцевъ, а вторично около двухъ мѣсяцевъ*¹⁾.

И, по царскому указу благочестивѣйшаго царя и великаго князя Михаила Теодоровича, онъ отправился въ великую Москву къ благочестивѣйшему царю и великому князю Михаилу Теодоровичу, и дана была ему архіепископія суздальская и тарусская съ правомъ жительства вблизи дворца, въ монастырѣ святыхъ Богоявленій великаго Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, въ подворьѣ великой лавры святыхъ животворящія и нераздѣльныя Троицы, названной (лаврою) преподобнаго отца нашего Сергія, великаго чудотворца и игумена святыхъ великія лавры. Итакъ, проживши тамъ, въ монастырѣ святыхъ Богоявленій, немалое количество лѣтъ, онъ былъ въ чести у царя Михаила и у преславнѣйшей его святой матери, госпожи Марѣи монахини.

Итакъ, когда онъ жилъ тамъ, то управлялъ своею паствою немалое количество лѣтъ въ страхѣ Божиемъ и въ

¹⁾ Подчеркнутыя нами слова были написаны въ видѣ поясненія рукою писца, писавшаго всю рукопись, но потомъ иною рукою, сходною съ припискою: „*Νεσφότου, ἀρχιδιακόνου τῶν Ἱεροσολύμων*“, эти слова *зачеркнуты*, и написано: „*ὡς πρότερον δύο χρόνους χωρίς δύο μῆνας (μηνῶν)*“, т. е. „какъ прежде: *два года безъ двухъ мѣсяцевъ*“. См. выше стр. 38, прим. 3.

великомъ и боголюбивомъ благочестіи. Проживши всего лѣтъ своей (жизни) семьдесятъ шесть и три мѣсяца, великіемъ Божиимъ, преставился изъ здѣшней жизни; оставивши глѣбная, онъ удалился въ неглѣбная. Такимъ-то образомъ, онъ прожилъ и дѣйствовалъ на виду (у всѣхъ), безвѣстная же и тайная сердца его вѣдаетъ Господь, испытующій сердца и утробы людей: Ему слава во вѣки вѣковъ. Аминь“.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

Важное историческое значеніе открытыхъ нами мемуаровъ Арсенія, архіепископа елассонскаго, понято было нами сразу, при первомъ же съ ними ознакомленіи, но не съ такою ясностію и отчетливостію, какъ въ настоящее время, послѣ возможно-всесторонняго изученія эпохи, которую они обнимаютъ. Последнее обстоятельство, до извѣстной степени, отразилось и на нашемъ трудѣ. Первоначально мы думали ограничиться извлеченіемъ изъ этихъ мемуаровъ лишь нѣкоторыхъ, наиболѣе, по нашему мнѣнію, интересныхъ мѣстъ. Но послѣ, при печатаніи своего труда, мы сознали, что подобныя извлеченія должны быть не только расширены, но и представлять, по возможности, дословный переводъ особенно тѣхъ страницъ изъ вновь открытыхъ мемуаровъ, которыя писаны были авторомъ, какъ очевидцемъ. Оказавшіеся у насъ, такимъ образомъ, пробѣлы въ началѣ второй главы мы рѣшились восполнить въ настоящихъ дополненіяхъ¹⁾.

¹⁾ Остается имѣть не переведенною лишь та небольшая (всего девять (8—11) листовъ рукописи) и не имѣющая особеннаго историческаго значенія часть мемуаровъ архіеп. Арсенія, которая обнимаетъ начальнѣйшій періодъ русской исторіи до воцаренія Θεодора Ивановича, при которомъ авторъ прибылъ въ Россію и имѣлъ возможность изучать историческія событія нашего отечества, какъ непосредственный дѣлатель и очевидецъ ихъ.

Кромѣ того, эти дополненія вызываются и другими обстоятельствами.

Во время печатанія настоящей работы, намъ удалось разыскать нѣсколько новыхъ данныхъ, восполняющихъ скудную свѣдѣнiя о жизни и дѣятельности архіепископа Арсенія, — при чемъ данныя эти заключаются въ такихъ, связанныхъ съ именемъ архіепископа Арсенія, рукописяхъ, которыя, представляя весьма значительный церковно-археологическій интересъ и сами по себѣ, невольно требуютъ къ себѣ особеннаго вниманiя съ нашей стороны и заслуживаютъ обстоятельнаго описанiя ихъ.

Наконецъ, уже и въ настоящее время мы успѣли замѣтить въ своемъ трудѣ нѣсколько погрѣшностей, требующихъ исправленiя. Вѣроятно, такихъ погрѣшностей потомъ найдется и болѣе: за указанiе и исправленiе ихъ мы приносимъ нашимъ читателямъ заранѣе свою глубокую благодарность. А въ настоящее время вмѣняемъ себѣ въ нравственный долгъ и прiятную обязанность выразить свою искреннюю признательность всѣмъ лицамъ, содѣйствовавшимъ намъ, при составленiи настоящаго труда, своими указанiями и доставленiемъ нужныхъ справокъ, — въ особенности же задрскому (въ Далмаціи) епископу *Никодиму Милашу*, протоіерею суздальскаго собора *М. И. Хераскову*, о. бібліотекарю русскаго Пантелеимоновскаго монастыря на Аѳонѣ *монаху Матвѣю*, *О. И. Успенскому*, *П. М. Милокову*, *С. А. Блюкорову* и завѣдующему церковно-археологическимъ музеемъ при Александровскомъ братствѣ во Владимірѣ на Клязьмѣ *В. Т. Георгиевскому*.

Къ стр. 7—9 Архіепископъ Арсеній въ мiрѣ носилъ имя *Апостолия*. (Ὁὗτος ὄνч 'Αποστόλης ὄνομα, 'Αρσένιος μοναχὸς ἐκλήθη). Объ этомъ говорится опредѣленно въ его житiи. См. Прилож. стр. 201.

— Третій братъ Арсенія, архіепископа елассонскаго, *архимандритъ Аванасій* принадлежалъ къ братству родной обители Дусика, иначе называемой монастыремъ „Великихъ

Братья“ (см. выше стр. 9). Архіепископъ Арсеній, проведенiй и самъ нѣкоторое время въ стѣнахъ этой обители, послѣ поселенiя въ Россіи на постоянное жительство, не забывалъ о благодѣянiяхъ, полученныхъ имъ отъ близкой его сердцу обители, и старался всячески покровительствовать ей и материально помогать. Несомнѣнно, благодаря его участливому отношенiю, обитель Дусика вошла въ сношенiя съ Россією, и монахи ея бывали нерѣдко гостями въ Москвѣ для испрошенiя милостыни у царя на нужды обители. Въ числѣ первыхъ гостей изъ этой обители и явился къ намъ въ Россію „братъ родной архіепископу елассонскому“, архимандритъ Аванасій. Онъ пріѣхалъ въ Москву въ свитѣ тырновскаго митрополита Діонисія, въ 1590 году привезшаго изъ Константинополя утвердительную соборную грамоту относительно учрежденiя у насъ въ Россіи патриаршества. Въ дѣлѣ о пріѣздѣ этого митрополита въ Россію говорится, что съ нимъ выѣстѣ прибыли „три архимандрита: *архимандритъ Аванасей отъ Преображеня Христова Душкова монастыря*, да съ нимъ священникъ *Герасимъ*, а другой архимандритъ *Дамаскинъ* отъ Всѣхъ Святыхъ изъ Метеора Варлаама, да старецъ *Кипріянь*, а третій *Меводій* отъ Ображеня Христова отъ Заборда (sic) да съ нимъ старецъ *Неофида*, да два человѣка *Ланда* (?), да *Луца*, а взиты мультаяскія земли“ (Греческ. дѣла архив. мин. иностр. дѣлъ въ Москвѣ 7099 г. № 3). Объ этихъ архимандритахъ митрополитъ Діонисій „государю билъ челомъ, что они люди имянитые, и монастыри почтенные, а пріѣхали для милостыни“ (тамъ же). Желанная милостыня была получена для монастырей, а архимандриту Аванасію, предпочтительно передъ другими архимандритами спутниками, какъ „брату родному архіепископа елассонскаго“, была оказана особая честь, и даны болѣе цѣнные подарки, чѣмъ прочимъ пріѣзжимъ архимандритамъ (тамъ же). Изъ того же монастыря Дусика или „Великихъ Братья“ снова являлись за милостынею въ Россію въ 1604 году три іеромонаха — *Давидъ*, *Евфимій* и *Каллиникъ*, но такъ какъ „смоленская

дорога была заперта“, по случаю морового повѣтрія, то имъ выдана была въ Смоленскѣ милостыня, и они принуждены были воротиться назадъ, не побывавъ въ Москвѣ. (Греческ. дѣла арх. мин. иностран. дѣлъ 7111 г. № 4).

Къ стр. 47—50. Относительно года кончины архіепископа Арсенія необходимо сдѣлать важную поправку. Мы, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, отнесли съ недоувѣріемъ къ надгробной плитѣ, находящейся въ суздальскомъ соборѣ надъ гробницею святителя и заключающей въ себѣ на этотъ счетъ опредѣленную дату, т. е. *1625 году, 29 апрѣля*. Основаніемъ для этого недоувѣрія послужилъ главнымъ образомъ рассказъ ключаря Ананія Феодорова о томъ, что архіепископъ Арсеній въ этомъ *1625 году и притомъ 23 ноября* принималъ участіе въ торжествахъ по случаю перенесенія въ Суздаль чудотворной иконы Казанской Божіей Матери, въ разслѣдованіи, по порученію патріарха Филарета, относительно чудесъ, бывшихъ въ Суздаль отъ этой иконы, и въ установленіи праздника въ честь ея на вѣчныя времена. Но мы впали здѣсь въ ошибку, упустивъ изъ вниманія то обстоятельство, что рассказчикъ держится хронологіи церковной, отъ сотворенія міра, по которой годъ начинается съ сентября мѣсяца, и человекъ, скончавшійся въ 7133 году (по современному счисленію 1625), *29 или 13 апрѣля*, могъ, слѣдовательно, съ полною возможностью принимать непосредственное участіе въ событіяхъ, происходившихъ *въ ноябрь мѣсяць* того же года. Въ достовѣрности 1625 года, какъ года кончины святителя, насъ можетъ убѣждать теперь и свидѣтельство, одного изъ ближайшихъ его преемниковъ по кафедрѣ и почитателя, Стефана, архіепископа суздальскаго, который въ 1668 году, т. е. всего только *черезъ сорокъ четыре года*, по кончинѣ архіепископа Арсенія, писалъ патріарху Іоасафу, что, „будучи онъ, архіепископъ Арсеній, въ Суздаль на своемъ престолѣ, волею Божіею, *преставися и поробенъ бысть въ соборной церкви Рождества Пресвятыя Богородицы въ прошломъ 7133=1625*

году, на лѣвой странѣ подлѣ столпа“. (Временникъ Импер. Москов. Общ. Исторіи и древностей російскихъ 1855 кн. XXII, стр. 32).

Къ стр. 60. Въ 1592 году архіепископъ Арсеній архимандриту Хиландарскаго монастыря Гавріилу, прѣзжавшему къ намъ въ Россію за милостынею и получившему особую грамоту отъ патріарха Іова въ 1591 году (Сношен. Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ т. I, стр. 229—231) на право сбора ея, а затѣмъ и рекомендованному нашимъ правительствомъ русскому Аеоно-Пантелеимоновскому монастырю въ качествѣ его устроителя (тамъ же стр. 261), подарилъ славяно-русское евангеліе. Рукопись эта небольшого формата, въ 32 долю листа, писана четкимъ изящнымъ почеркомъ 1592 года, на 387 листахъ. Въ концѣ рукописи рукою писца сдѣлана слѣдующая приписка: *Сѣи свѣдѣніи писано въ еѣохраннѣи ѣ кинарѣдномъ црѣвѣющѣи градѣ Москвѣ. въ дни вѣлѣочетиваго ї еѣохраннаго црѣ ѣ кѣакаго кнѣа Фѣвѣрѣа Иванѣвича кнѣа Рѣуѣи. самодѣжца. а далѣ еѣо и вѣлѣословнаго еѣословѣзнаго ѣ кѣисѣишнаго архіепѣпа кнѣа Арсеніа елѣсѣвскіа. архимандрита хиландарскаго Григоріа. лѣѣ 33. мѣа Фѣвѣрѣа. 13.* (Эта дарственная запись безъ соблюденія орѣографіи и съ нѣкоторыми неточностями была напечатана въ „Магазинѣ сербскомъ—далматинскомъ“ у Задру 1864 г. кн. XXIII, стр. 174 и приписана здѣсь безъ достаточныхъ основаній („истомъ рукою написано“) самому Арсенію, архіепископу елассонскому). Подарокъ архіепископа Арсенія въ Хиландарскую обитель не попалъ, а перешелъ въ частныя руки, какъ гласитъ о томъ слѣдующая подпись внизу, на поляхъ евангелія: *Сѣи свѣдѣніи ѣвангеліа 1785 г. Сѣиномонахѣ Викентіа Книжничѣ вѣспѣахъ сѣи еѣо ѣвангеліа вѣдѣ Петра сѣна сѣиника Іѣана Бѣускича пострижника еѣо Архагеліа ѣвѣнтѣа Крѣжнана 1803 года (л. 11—13).* Во второй половинѣ истекающаго столѣтія рукопись эта принадлежала далматинскому епископу Сте-

фану и, по его духовному завѣщанію, была передана въ бібліотеку Задрской богословской школы, гдѣ она и хранится нынѣ подъ знакомъ: 13. I. 6. а VII. 24. Благодаря любезному содѣйствию, бывшаго питомца нашей Академіи, извѣстнаго далматинскаго епископа Никодима Милаша, это евангеліе было выслано въ Совѣтъ Кіевской духовной Академіи для нашего непосредственнаго ознакомленія съ нимъ.

Евангеліе это имѣетъ изящныя виньетки и заглавныя буквы въ началѣ каждаго евангелиста, сдѣланныя голубою краскою съ золотомъ, и только лишь въ началѣ четвертаго евангелія и предъ мѣсяцесловомъ виньетки писаны чернилами. Предъ виньетками и заглавными буквами вставлены шелковые предохранительныя листы. Переплетъ на евангеліи красный кожаный, съ серебряными наугольниками, съ серебряной пластинкой съ начертательнымъ изображеніемъ Спасителя посрединѣ и съ серебряными застежками XVI в. Текстъ евангелискій предваряется молитвою, которую мы приводимъ цѣликомъ, какъ образчикъ правописанія этой рукописи: Гѣ Ісѣ Хѣ. Сѣи ѣднѣрѣшѣи везнѣланго ѡца. мѣкѣи прѣчѣстѣиши три оубѣты. ѡко везмѣи не мѡжете творити ничѣсѣже. Гѣ мѡн Гѣ кѣкроу ѡкѣѣ къ дѣшн мѡнѣ и сѣи цѣсѣкоу мѣчѣннаѣ, припадаѡ твоѣи вѣлѡсти. помози ми грѣшнѣмоу. ѣи жѣлѣаннѡе мѡноу начѣнѣ ѡ тѣбѣ самѡ ѣи покрѣшѣтѣи. Сѣцѣкѣ радѣи надѣѣжа прѡсѣтати дѡсѡжнѣ сѣсѣ ѣвалѣи на конѣѡ днѣ. Гѣ Хѣ, ѡгнѣ прѣидѣѡ вѣжѣрѣи на зѣмѣлѡ. сѣвѣдѣтели же сѣи вѣиши лоукакаго ѣтѣка. ѣи ѣи вѣиши кѣсѡрѣѣ хоуѣѣ. сѣрѣѣѣ. ѣвалѣкоѣ прѡпокрѣданѣи, ѣже ѡвразѡ ѡгнѣа очѣщаѣѣ, и погѡубѣлѣѣ сѣгрѣшѣнѣиѣа кѣѣжѣишиѣа (л. 1).

Къ стр. 61—62. Относительно греческаго напестольнаго евангелія, писаннаго Арсеніемъ, архіепископомъ елассонскимъ, въ Москвѣ въ 1596 году въ пожертвованнаго имъ въ обитель пр. Саввы Освященнаго, мы ограничились лишь приведеніемъ приписокъ къ нему, имѣющихъ значеніе для біографіи

писателя рукописи. Подробнаго описанія рукописи мы не сдѣлали на томъ основаніи, что такое описаніе, какъ намъ казалось тогда, интересующіеся могли видѣть въ книгѣ Пападопуло-Керамевса „Γερουσαλιτικὴ βιβλιοθήκη. Ἐν Πετροῦπ. 1897 ετ. τ. γ', σελ. 200—203“, но, познакомившись съ этимъ евангеліемъ непосредственно, во время послѣдняго (1898 г.) путешествія въ Іерусалимъ, мы убѣдились, во-первыхъ, что описаніе г. Пападопуло-Керамевса не отличается обстоятельностью и не чуждо нѣкоторыхъ важныхъ погрѣшностей, а во-вторыхъ, что настоящее евангеліе, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ гораздо большаго къ себѣ вниманія и болѣе подробнаго описанія со стороны русскихъ изслѣдователей, и въ виду его особаго историческаго значенія, и какъ памятника русскаго художества конца XVI в., заключающій въ себѣ довольно много миниатюръ, заставокъ и раскрашенныхъ заглавныхъ буквъ.

Евангеліе арх. Арсенія въ большой листъ (40×20 сантиметровъ), 512 листовъ, писано разгонистымъ и довольно крупнымъ почеркомъ (величина текста на страницахъ 24×13 сантиметровъ) по 18 строкъ на страницѣ. Рукопись эта—*Апракосъ*, и поэтому, кромѣ четырехъ евангелистовъ въ порядкѣ чтеній изъ нихъ въ теченіе цѣлаго года, заключаетъ въ себѣ 1) *Εὐαγγέλια ἐσωθινὰ καὶ ἀναστάσιμα* α', 2) *Μηρολόγιον* и 3) *Εὐαγγέλια εἰς διαφόρους μῆνας ἁγίων*.

На оборотѣ перваго листа, въ цѣльную страницу, имѣется изображеніе св. евангелиста Іоанна Богослова, стоящаго предъ скалистою пещерою. Голова его повернута по направленію къ небу, откуда на него падаютъ три луча, лѣвая рука прижата къ груди, а правая сложена какъ бы для благословенія. Ученикъ его *Прохоръ* сидитъ передъ пещерою и пишетъ со словъ евангелиста диктуемый текстъ *пославянски*. Бордюра вѣтъ, но его замѣняютъ цвѣтокъ, сдѣланный чернилами. На слѣдующемъ листѣ, предъ началомъ текста изъ евангелія отъ Іоанна, имѣется простая виньетка, состоящая изъ цвѣточнаго орнамента, сдѣланнаго перомъ; наверху за-

ставки и по бокамъ написаны красками въ небольшихъ медальонахъ Деисисъ, четыре евангелиста, святитель Николай чудотворецъ съ надписью: „Ѡ Ѧ Никола“ и преподобный Савва Освященный съ надписью: „прѣбѣ. Савва. (Мѣсто, куда предназначалось евангеліе). Славянскія надписи имѣются и надъ остальными изображеніями данной страницы.

Каждая начальная буква чтеній изъ евангелія отъ Іоанна, за исключеніемъ трехъ послѣднихъ чтеній, заключаетъ въ себѣ миниатюру, иллюстрирующую текстъ даннаго чтенія. Величина этихъ миниатюръ—буквъ въ общемъ хотя и не велика, но чрезвычайно разнообразна: миниатюра первая имѣетъ 7×6 сантиметровъ, девятая— 7×5 с., шестнадцатая— 5×4 с., двадцать первая и двадцать вторая— 5×3 с., двадцать третья, тридцать первая и тридцать пятая— 6×5 с., тридцать шестая— 6×3 с., сорокъ первая— $6 \times 4\frac{1}{2}$ с., сорокъ четвертая— 6×4 с., сорокъ пятая— $5\frac{1}{2} \times 4$ с., пятнадцатая, девятнадцатая и двадцатая— $3\frac{1}{2} \times 2$ и 3×2 с., а всѣ остальные— $4\frac{1}{2} \times 3$ с. Первая миниатюра—буква заключаетъ въ себѣ двѣ картины: а) Воскресеніе Господа и на облакахъ—Господь Вседержитель въ видѣ старца съ короною на головѣ и б) проповѣдь Предтечи въ пустынѣ, вторая—явленіе Христа апостоламъ, по воскресеніи, въ храмѣ, дверемъ заключеннымъ, третья—двѣ картины: а) Богъ Отецъ на тронѣ и на лонѣ Его Господь Иисусъ Христосъ и б) посольство къ Предтечѣ съ вопросомъ: Онъ ли Христосъ? четвертая—двѣ картины: а) апостолъ Петръ въ гробѣ Спасителя созерцаетъ пелены и б) явленіе Господа двумъ ученикамъ, шедшимъ въ Еммаусъ, пятая—свидѣтельство Іоанна Предтечи: „Се Агнецъ Божій“, шестая—бесѣду Спасителя, сидящаго на тронѣ, съ Никодимомъ, седьмая—изгнаніе продавцевъ изъ храма, восьмая—двѣ картины: а) крещеніе Іоанномъ Предтечею приходящихъ къ нему въ Енонѣ и б) крещеніе имъ же Господа „περαν τῆς Ἰορδάνου“, девятая—ослаженіе Спасителя апостоломъ Фомаю, десятая—бракъ въ Канѣ Галилейской (Христосъ, Богоматерь и ученики сидятъ вмѣстѣ съ

женехомъ и невѣстою, имѣющими на головахъ вѣнцы, за сервированнымъ столомъ. Архитриклинь наливаетъ вино изъ кожаныхъ мѣховъ, а вблизи его одинъ изъ слугъ закаляетъ животное), 11—14, 18—22, 24—25, 27—30, 34—37, 39—40 42—43 и 45—49 миниатюры изображаютъ Господа бесѣдующимъ или съ учениками, или съ приходящими въ нему группами іудеевъ, 15-я—двѣ картины: а) удаленіе Спасителя на гору для молитвы и отъѣздъ учениковъ въ Капернаумъ и б) хожденіе по водамъ, 16-я—три картины: а) распятіе, б) просьба тѣла Іисусова у Пилата, сидящаго на тронѣ, Іосифомъ Аримафейскимъ и с) положеніе во гробъ Спасителя, 17-я—двѣ картины: а) просьба капернаумскаго сотника объ исцѣленіи Господомъ его болящаго сына и б) воскресеніе этого сына, 23-я—исцѣленіе разслабленнаго у овчей купели, 24-я—Христосъ-Отрокъ въ храмѣ іерусалимскомъ среди книжниковъ и фарисеевъ, 31-я—двѣ картины: а) исцѣленіе Спасителемъ слѣпорожденнаго и б) омовеніе послѣдняго въ Силоамской купели, 32-я—синедріонъ іудейскій, замышляющій убить Господа, 33-я—двѣ картины: а) синедріонъ и б) проповѣдь Христа среди іудеевъ, 38-я—насыщеніе пяти тысячъ народа пятью хлѣбами и двумя рыбами, 41-я—Вознесеніе Господа и 44-я—первосвященническая молитва Господа. Три послѣднія чтенія изъ евангелія Іоанна имѣютъ заглавныя буквы изъ цвѣточнаго орнамента. Миниатюры съ первой по сорокъ шестую писаны художественно красками, а три послѣднія писаны на скорую руку штрихами и перомъ.

Евангелистъ Матѳей (л. 65 об.) изображенъ сидящимъ за столомъ, съ письменными принадлежностями, въ виду двухъ зданій, изъ коихъ одно на подобіе кресла съ высокою спинкою, а другое—домъ съ навѣсомъ, поддерживаемымъ двумя толстыми, съ перехватами сверху и внизу, колонками. Оба зданія соединяются посредствомъ флаговъ или перекинутыхъ полотень изъ одного зданія въ другое. Изображеніе имѣетъ слѣдующую надпись, сдѣланную вязью: агѣѡ Мадданѡскѡ. Краски блѣдныя. На слѣдующей страницѣ, передъ текстомъ

чтеній изъ евангелія отъ Матѣя, имѣется, въ качествѣ виньетки, изображеніе ангела съ книгою въ рукахъ, а наверху и по бокамъ его находятя медальонныя изображенія Деисиса, четырехъ евангелистовъ и святителей Василия Великаго и Иоанна Златоустаго безъ всякихъ надписей. (Изображенія святителя Григорія Богослова, о которомъ упоминаетъ г. Пападопуло - Керамевсъ, мы не нашли среди этихъ медальоновъ, да оно быто бы излишне и портило бы симметрію).

Заглавная буква перваго чтенія ($7\frac{1}{2} \times 5$ сант.) представляетъ двѣ картины: а) вверху Богъ Отецъ, сидящій на тронѣ, въ бѣломъ одѣяніи съ державою въ рукѣ, и предстоящіе по бокамъ ангелы и б) внизу Спаситель, прощающій грѣшниковъ. Въ чтеніяхъ изъ этого евангелиста имѣется еще одна миньютюра—буква на л. 71 об. ($6 \times 4\frac{1}{2}$ сант.), изображающая бесѣду Господа съ учениками, а всѣ остальные заглавныя буквы чтеній сдѣланы изъ растительнаго орнамента, раскрашеннаго красками.

Евангелистъ Лука (л. 173 об.) изображенъ сидящимъ на скамеечкѣ передъ столомъ, на которомъ красуются чернильница, ножницы, подсвѣчникъ и другія вещи, необходимыя при писаніи рукописей, а въ столѣ видѣются рукописныя свитки. Текстъ списываемаго евангелія и оригинала для него, лежащихъ на этомъ столѣ, греческій, но съ ошибками. За евангелистомъ изображены два зданія, одно многоугольное съ многоугольнымъ куполомъ и двускатною кровлею, а другое обыкновенной формы съ надстройкою наверху и съ полукупольною покрывкою. На слѣдующей страницѣ, въ началѣ чтеній изъ евангелія отъ Луки, изображенъ левъ съ закрытою книгою въ лапахъ, а наверху и по бокамъ его—изображенія въ медальонахъ Деисиса, четырехъ евангелистовъ и московскихъ святителей въ бѣлыхъ клобукахъ (Указаніе на мѣсто, гдѣ было изготовлено настоящее евангеліе) съ славянскими надписями: *Петръ* и *Алексѣй*. (Объ этихъ русскихъ святи-

телей г. Пападопуло-Керамевсъ совсѣмъ умолчалъ). Всѣ начальныя буквы чтеній изъ этого евангелія, за исключеніемъ одной (л. 218 об.), изображающей сразу три картины: а) просьбу Іаира къ Господу объ исцѣленіи его дочери, б) исцѣленіе кровоточивой женщины и с) воскресеніе дочери Іаира, оплакиваемой матерью ($6 \times 3\frac{1}{2}$ сант.), сдѣланы изъ цвѣтнаго орнамента и росписаны довольно вязно красками.

Евангелистъ Маркъ (л. 319 об.) съ вязною надписью наверху: *αρχη Μαρκου* изображенъ сидящимъ за столомъ съ письменными принадлежностями и пишущимъ по-гречески евангеліе съ ошибкою: *ως γεγραται*. Предъ столомъ на пюпитрѣ лежитъ греческій оригиналъ съ опискою: *ως γεγραται*. Въ столѣ находятся свитки, а подъ столомъ чернильница. На заднемъ фонѣ изображены два зданія съ перекинутыми флагами, изъ коихъ одно походить на храмъ съ куполомъ, а другое въ видѣ трона съ полукруглою высокою спинкою. Слѣдующая страница даннаго евангелія, вверху передъ текстомъ евангелія, имѣетъ изображеніе орла съ закрытою книгою въ когтяхъ. Наверху и по бокамъ этого орла мы видимъ, какъ и на другихъ подобныхъ страницахъ, въ медальонахъ изображеніе Деисиса, а вмѣсто обычныхъ четырехъ евангелистовъ изображенія русскихъ святыхъ съ славянскими надписями: *Боръ* и *Глѣба*. Оба святые въ княжескихъ шубкахъ и шапочкахъ на головахъ, на подобіе вѣнца Мономахъ. (Г. Керамевсъ-Пападопуло принялъ этихъ русскихъ святыхъ за изображенія *двухъ пророковъ*). Внизу подъ изображеніемъ мученика Бориса находятя изображенія (Тирона) *Θωδω* (Это изображеніе г. Пападопуло-Керамевсъ совсѣмъ замалчиваетъ) и священномученика *Θωδωτς* (по Керамевсу-Пападопуло, это изображеніе „*Θεοδοσιου του κομοβαρχου*“), а подъ изображеніемъ *Глѣба* на лѣвой сторонѣ—изображенія Маріи Магдалины въ строго-восточномъ одѣяніи съ покрытою головою и съ алавастромъ для мѣра въ рукахъ (По Керамевсу,—это изображеніе „*Μαριας Αιγυπτιας*“) и преподобной *Кинія*. Каждая

начальная буква чтеній въ евангеліи составлена изъ цвѣтчатого орнамента и художественно раскрашена красками.

Евангеліе 1596 г. имѣло на себѣ несомнѣнно драгоценный окладъ, доказательствомъ чего могутъ служить серебряные гвозди, сохранившіеся доселѣ на выходныхъ доскахъ и прикрѣпившіе вѣкогда этотъ окладъ, и красный атласъ на внутренней сторонѣ этихъ досокъ, которыя, при снятіи оклада, были переломлены пополамъ. Объ этомъ драгоценномъ окладѣ сообщилъ намъ свѣдѣнія вышнѣшній скевофилакть святого Гроба, архимандритъ Евѣимій, что онъ въ 1862 году былъ употребленъ на нужды святого Гроба. Если принять во вниманіе, что данное евангеліе имѣло какое нибудь отношеніе къ личности Бориса Годунова, а въ этомъ, какъ увидимъ сейчасъ, едва ли можно сомнѣваться, то окладъ на этомъ евангеліи долженъ быть не мало цѣненъ...

Въ нашемъ описаніи настоящаго евангеліа нельзя не обратить вниманія на л. 320, т. е. на начало евангеліа Марка, или, точнѣе, на его начальную виньетку и имѣющіяся здѣсь медальонныя изображенія святыхъ, присутствіе которыхъ въ данномъ евангеліи едва ли можно объяснять простою случайностію. Въ группѣ изображенныхъ святыхъ мы видимъ здѣсь св. мученика князя Бориса, св. Марію Магдалину, великомученика Θεодора Тирона и преподобную Ксенію, т. е. святыхъ покровителей всей семьи конюшеннаго боярина и царскаго шурина Бориса Годунова, у котораго супруга называлась *Марією* Григорьевною, сынъ и наслѣдникъ *Θεοδорома* Борисовичемъ и красавица дочь *Κσενією* Борисовною. Изображеніе св. мученика Глѣба попало сюда несомнѣнно для симметріи и потому еще, что эти два родные брата—святые мученики—въ нашей иконографіи всегда пишутся вѣстѣ. Но, почему здѣсь пишется изображеніе преподобнаго Θεοδοτα—это для насъ непонятно, и мы затрудняемся дать объясненіе этому явленію. Припоминая теперь время написанія даннаго евангеліа, т. е. 6 марта 1596 года, „когда, по выраженію

приписки къ евангелію, скиптръ (русскаго) царства держалъ (въ своихъ рукахъ) царь Θεοδορѣ (Ивановичъ)“, и когда его вліятельный бояринъ Борисъ Годуновъ еще былъ далекъ отъ русскаго престола, странность появленія святыхъ патроновъ этой семьи въ рукописи, предназначавшейся къ отправкѣ въ Іерусалимъ, въ обитель пр. Саввы Освященнаго, и притомъ отъ имени самого переписчика, Арсенія, архіепископа еласонскаго, на поминъ его собственной родной семьи,—вполнѣ очевидная для всякаго читателя. Въ виду этого у насъ является невольное убѣжденіе, что настоящая рукопись была писана, по порученію Бориса Годунова, и предназначалась къ пожертвованію въ чтимую имъ лавру пр. Саввы Освященнаго черезъ гостившаго въ то время въ Россіи, келаря Дамаскина, пользовавшагося особннымъ благоволеніемъ его. (Греческ. дѣла въ главн. архивѣ мин. иностран. дѣлъ 7099 г., № 3; 7111 г., № 2; 7111 г. № 3). Отправлена была эта рукопись въ назначенное мѣсто не ранѣе 1604 года, когда Борисъ Годуновъ сидѣлъ уже на русскомъ престолѣ, потому что Дамаскинъ келарь, прибывъ въ Россію въ 1590 году, не выѣзжалъ изъ Россіи болѣе десяти лѣтъ (тамъ же 7111 г. № 2), и монахи лавры „четыренадцать лѣтъ царской милостины не имѣли“. Можно думать, что эта посылка была одновременно съ посылкою другого евангеліа¹⁾ для святого Гроба,

¹⁾ Второе греческое евангеліе, писанное въ Москвѣ и извѣстное подъ именемъ евангеліа *царя Бориса*, хранящееся нынѣ въ Святогробской скевофилакціи, описывалось уже неоднократно, но эти описанія не были обстоятельны и не лишены нѣкоторыхъ фактическихъ погрѣшностей. Ученые греки *Γ. Παλαμα* (Ἱεροσολιμίς, ἡτοι ἐπίτομος ἱστορία τῆς ἀγίας πόλεως Ἱεροσολήμ. ἐν Ἱεροσολ. 1862 ἐτ. σελ. 489—490, σφμ. 1), *архимандритъ Кирилль Αθανασιάδης* (Σωτήρ 1889, т. XII, τεύχος β' σελ. 55, σφμ.) и *Δο. Παπαδοπούλο-Κεραμεύς* (Ἱεροσολοιτικὴ βιβλιοθήκη. ἐν Πετροῦπ. 1897 ἐτ. τ. γ' σελ. 219—223), воспроизвода цѣликомъ и совершенно *правильно* (хотя въ самомъ надписи

врученною патриаршему посланнику этого времени, архимандриту Теофану (Тамъ же), съ которымъ покинулъ Россію и

саніи на окладѣ имѣются орографическія описки, допущенныя русскимъ мастеромъ) греческія приписки на евангеліи и на его окладѣ, считаютъ, однако, это евангеліе даромъ царя *Теодора Ивановича*, или этого послѣдняго вмѣстѣ съ русскимъ диктаторомъ (ῥήτορ; δиктатор) Борисомъ Годуновымъ (А. П. -Кераменъ). Основаніемъ для нихъ служатъ заключительныя слова приписки на окладѣ евангелія, въ которой упоминается имя *Теодора, сына Бориса Годунова* (καὶ οὗτος αὐτοῦ Θεόδωρος), принятое ими, очевидно, по недоразумѣнію, за имя царя *Теодора Ивановича*, который на самомъ дѣлѣ не имѣетъ никакого отношенія къ этому второму греческому евангелію, если не имѣть въ виду, что оно писалось и получило свой драгоценный окладъ въ царствованіе этого послѣдняго. Надлежащимъ образомъ поняли значеніе этихъ приписокъ наши любители древнихъ памятниковъ искусства и письменности, которымъ приходилось разсматривать и интересоваться даннымъ евангеліемъ, напр. *А. Г. Яковлевъ* (Извѣст. археологическаго Института въ Константинополѣ кн. I, отд. III, стр. 24—25), *Θ. И. Успенскій* (тамъ же кн. II, отд. I, стр. 34—35) и *А. А. Суворинъ* (Палестина в. XXII), но, къ сожалѣнію, и наши описыватели давняго евангелія не только не воспроизвели точно греческихъ приписокъ къ евангелію, но не напечатали цѣлкомъ даже и славянской вкладной записи, находящейся на краяхъ златоскованнаго оклада. Читается эта любопытная записка такъ: *Лѣта 3711* снѣ сѣдѣю книгѣ ѿ пречистыхъ и вѣстивныхъ свѣтъ славѣмъ Гдѣмъ гдѣмъ евангеліе положена ко сѣдѣю цркъ пречистаго и тридннегавъ воскресннн вилнкогъ Гдѣ Бга и Слѣа наше Гдѣ Хѣ на сѣдѣи и прѣвысокии пречтвалъ на вѣстивнннн ѿго гдѣмъ имѣ итъ ко сѣдѣмъ градѣ Іерѣлѣ многогрѣшннн Корнѣ и Θεωδωρѣ. (Ἰσθ' Τὸ παρὸν βιβλίον, ὅπερ ἐκ τοῦ καθαρωτάτου καὶ θεϊκωτάτου Αὐτοῦ στόματος τ.δ. Κορίου ἀνομάσθη εὐαγγέλιον, ἀφιέρωσεν εἰς τὴν ἁγίαν ἐκκλησίαν τὴν φωτῆγοτάτην (sic) τῆς τριήμερου Ἀναστάσεως τοῦ μεγάλου Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, εἰς τὴν ἁγίαν καὶ ὑψηλωτάτην (sic) τράπεζαν, ἄνωθεν εἰς τὸν θεωτικόν (sic) Αὐτοῦ τάφον, τὸν ἐν τῇ ἁγίᾳ πόλει Ἱερουσαλῆμ (sic) Μπαρούσιος (καὶ οὗτος αὐτοῦ Θεόδωρος (sic))* Обстоятельное

названный келарь *Дамаскинъ* (Тамъ же, 7111 г. № 3). Этимъ обстоятельствомъ мы объясняемъ и тотъ фактъ, что евангеліе, писанное *Арсеніемъ*, архіепископомъ елассонскимъ, не попало, по своему назначенію, въ обитель св. Саввы, а задержано было въ скевофилакии св. Гроба, гдѣ оно хранится и до настоящаго времени. Какъ извѣстно, монахи лавры, въ силу разнаго рода неблагоприятныхъ обстоятельствъ, покинули тогда обитель „на малое время, доколѣ отъидеть гнѣвъ Господень, и, поймавъ всѣ свои сосуды монастырскіе, и *пришли въ святыи градъ Іерусалимъ, въ другой монастырь свой великихъ чиновначальникъ Михаила и Гавріила*“ (Греч. дѣла арх. мин. иностран. дѣлъ 7111 г. № 2). Скевофилакия святого Гроба была признана удобною хранительницею этого царскаго подарка на время, но послѣ, по переселеніи иноковъ обители пр. Саввы Освященнаго снова въ лавру, данное евангеліе оставлено было въ своемъ временномъ пріютѣ и уже навсегда потомъ сдѣлалось неотъемлемымъ его достояніемъ.

Считаемъ благовременнымъ исправить здѣсь нѣкоторыя свои неточности въ переводѣ второй приписки къ настоящей рукописи, говорящей о времени написанія ея *Арсеніемъ*, архіепископомъ елассонскимъ. Вотъ болѣе правильный переводъ ея: „Книга эта окончена 6 марта рукою грѣшнаго (τάχα) *Арсенія* и архіерея богоспасаемаго града, т. е. Елассоны, который находится и лежитъ вблизи Элады, въ 7104 = (1596 году) отъ начала существованія всего міра, въ городѣ Москвѣ великой Россіи, когда скиптръ этого царства держалъ царь *Теодоръ*, великій самодержецъ владимірскій, московскій и всего сѣвера. Послана она на поминованіе меня и родителей, и родныхъ моихъ братьевъ архіереевъ и іеромонаховъ (ἀρχιερομονάχων):

описание настоящаго евангелія и его драгоценнаго оклада, съ существенными поправками и дополненіями къ извѣстнымъ намъ описаніямъ, мы слѣжемъ въ особой статьѣ, обѣзданной нами для «Извѣстій археологическаго института въ Константинополѣ».

Арсеній архіеп. елассонскій.

Феодоръ священникъ былъ отцемъ моимъ и Христодулія—матерью мою, а также братьями моими Іоасафъ, (епископъ) стагонскій, Маръ, (епископъ) Димитріады, Аеоанасій, Пахомій, слава іеромонаховъ,—въ честную обитель Саввы Освященнаго, находящуюся въ Палестинѣ, вблизи Іордана, во славу Отца и Сына и Святаго Духа трисіятельныя и святыя (καὶ σεπτῆς въ подлинникѣ, а не τῆς σεπτῆς, какъ прочитала г. Керамевсъ-Пападопуло) нераздѣльныя Троицы“. Призываемъ не лишнимъ упомянуть здѣсь и о томъ, что на рукописи имѣется, кромѣ двухъ приписокъ писца рукописи, отъчужденныхъ г. Пападопуло-Керамевсомъ, и еще одна, писанная позднѣйшею рукою: „Τὸ παρὸν εὐαγγέλιον ἐγραφεῖτο ἔτος ἀπὸ Χριστοῦ 1596, ἀφ’ ἧς ὡς ἀνωθεν διαλαμβάνει ὁ στίχος ἀπὸ Ἀδάμ 7104=ϛρδ’.“

Къ стр. 67. Славяно-русское евангеліе XVI в., подаренное Арсеніемъ, архіепископомъ суздальскимъ, въ 1619 году въ Никольскій Шартомскій монастырь, въ настоящее время передано въ церковно-археологическій музей Александроневскаго братства въ городѣ Владимірѣ на Клязьмѣ. Ознакомившись непосредственно съ этимъ евангеліемъ, мы убѣдились, что описаніе его, сдѣланное іеромонахомъ Іоасафомъ (Церковно-историческое описаніе суздальскихъ достопамятностей. Чугуевъ 1857, стр. 30—31), не отличается точностію по крайней мѣрѣ, для нашего времени, такъ какъ съ 50 хъ годовъ истекающаго столѣтія оно пережило, очевидно, немало превратностей. До настоящаго времени евангеліе это, въ осьмую долю листа, сохранило лишь 287 листовъ. Рукопись имѣла когда-то миньятюрныя изображенія четырехъ евангелистовъ, но изъ нихъ уцѣлѣли лишь двѣ миньятюры—ὁ ἄγιος Μάρκος и ἄγιος Λοῦκᾶς. Изображенія, сдѣланныя перомъ и раскрашенныя потомъ красками, не высокаго достоинства въ художественномъ отношеніи, хотя, судя по правильности надписаній надъ изображеніями, художникъ былъ грекъ, но виньетки предъ началомъ cadaго евангелиста изъ

дѣтчнаго орнамента сдѣланы довольно недурно. Заглавныя буквы писаны киноварью. Вкладная запись (л. 97 об.), писанная собственноручно Арсеніемъ, архіепископомъ суздальскимъ, находится послѣ предисловія къ евангелію отъ Марка (а не отъ Луки, какъ говоритъ о. Іоасафъ) и дословно читается такимъ образомъ: *Смиренныи. Арсінїи архієпископѣ суздальскыи, и тороускыи, и прѣже* (о. Іоасафъ читаетъ: *а прѣже*) *ѣлассонскыи гречанинѣ. далѣ иже ѣвлѣ. на прѣстола въ домѣ великаго чюдотворца Николы въ Шаратомлякскѣи монастырѣ дла доушнѣнаго пїинїа. и дѣла поминанїе* (у о. Іоасафа: и дла *поминовенїа*) *родитѣли мои* (тамъ же: родителей моихъ) *свѣино. нерѣка Феѡдора. инскоу Христоу дулію. и дла братїи мои Иѡасафа. епкпа. Марка епкпа. Арсениа архієєпкпа: сщїно. инска. Афонасїа архіємоу дїита: свѣино. инска. Пахомїа. Христоу фора. Ѣмансїа. Нѡфїта. Калинїкїю* (у о. Іоасафа: Калинїкїа): *лѣта зрѣз. мѣца Нїюна въ а днѣ.*

Въ качествѣ образчика языка рукописи, мы дѣлаемъ слѣдующую выдержку: *Понѣжѣ оуцѣ мнѣзи начаша чїннїти повѣсть ѡ извѣствованнїи въ на кїїе. іакѣжѣ предѣла на иперѣла самскїицы, и слогы быкше словкїи. извѣанїа и мнѣ послѣдовакшоу, быкше кѣхъ испїтнѣ: по рѣдоу писати чїеѣк дїржавнїи Фїѡдїа. даразоумѣнїи. ѡнїижѣ наоучїнаса ии саскїи оуѣтѣрїнїи.*

Къ стр. 94—98. Послѣ разсказа о построеніи царемъ Феодоромъ Ивановичемъ, такъ называемой, царь-пушки, авторъ мемуаровъ ведетъ довольно пространную рѣчь о широкой благотворительности этого царя и его добромъ характерѣ. „И другія безчисленныя благодѣвія совершилъ онъ внутри и внѣ Москвы и во всей Россїи и во всякомъ городѣ и деревнѣ. И послалъ онъ богатую милостыню по родителямъ своимъ не только въ Россїю, но и въ другія царства, святымъ патриархамъ въ Константинополь, въ Александрїю, въ Антіохїю, въ Іерусалимъ, въ церкви и въ муж-

ские и женские монастыри, и всѣмъ бѣднымъ и нуждающимся. Особенно богатую милостыню онъ отправилъ во святую Гору и во всѣ монастыри Востока и Запада (*καὶ εἰς ἅπαντα τὰ μοναστήρια Ἀνατολῆς τε καὶ Δύσεως*). Этотъ святой царь и великій князь Θεодоръ былъ весьма добрый и милостивый и весьма кроткій царь, какъ никто другой изъ прежде него бывшихъ великихъ князей; и за его доброту всѣ цари и власти, находившіеся близъ него, промышленіемъ и мановеніемъ великаго царя нашего Бога, почитали его. Сей святѣйшій царь и великій князь Θεодоръ, поцарствовавши въ своемъ земномъ царствѣ пятнадцать лѣтъ, (водворился) въ небесномъ царствѣ со святыми вѣчно, получивъ въ обмѣнъ на земное царство небесное, 7 числа января мѣсяца. И погребли его въ честномъ соборномъ архангельскомъ храмѣ съ отцами его, внутри предѣла святого Іоанна Лѣтвичника, съ плачемъ и рыданіемъ въ теченіе многихъ дней. Весь народъ Москвы и всей великой Россіи пролилъ великій и весьма горькій вопль, такъ какъ лишились такого кротчайшаго и благочестивѣйшаго святого царя“.

Царствованіе благочестивѣйшаго царя и великаго князя Бориса Θεодоровича Годунова всея Россіи.

„Весь синклитъ двора и соборъ архіереевъ, и весь народъ великой Москвы и всей Россіи, согласно съ мнѣніемъ и волею царицы и великой княгини Ирины, провозгласили царемъ и великимъ княземъ всей великой Россіи великаго боярина Бориса Годунова въ женскомъ монастырѣ за Москвою, гдѣ находилась царица Ирина, сдѣлавшаяся монахиней, переименовавшись въ божественной и ангельской схимѣ въ монахиню Александру. Въ лѣто отъ созданія міра 7107, отъ рождества же Христова 1598, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, въ день воскресный, великій патріархъ Москвы и всей Россіи избранный Бориса Годунова, брата Ирины, царицы всея

Россіи, короновалъ въ царя московскаго и всея Россіи въ патріархѣ, въ соборномъ храмѣ пречистой Богородицы, въ присутствіи всѣхъ архіереевъ и архимандритовъ, и бояръ, и всего синклита, и всего народа Москвы. Находились¹⁾ (при этомъ) многіе архіереи и архимандриты изъ Константинополя: епископъ *Ериссо* и святой Горы *киръ Иманій*, которыми, спустя нѣкоторое время, сдѣлался архіепископомъ рызанскимъ и патріархомъ Москвы и всей Россіи, и архіепископъ ахридскій *киръ Нектарій*, и митрополитъ видинскій *Θεοφάνης*, и великій архимандритъ іерусалимскій *киръ Дамаскинъ* изъ Эллады, и великій старецъ великой лавры святаго Саввы Освященнаго въ Іерусалимѣ *Дамаскинъ*, и многіе другіе іеромонахи святой Аѳонской горы и изъ другихъ различныхъ монастырей. И какъ только былъ вѣнчанъ царь и воссѣлъ на царскій престолъ, то особенно почтилъ бояръ и всѣхъ придворныхъ, давъ имъ многіе подарки и учинивъ производства ихъ изъ одного достоинства въ другое.

„Итакъ, онъ явился подражателемъ блаженнѣйшаго и освещеннаго отца своего царя Θεодора (*Ὁὗτος οὖν ἐμιμήθη τὸν μακαριώτατον καὶ ἡγιασμένον πατέρα (sic) αὐτοῦ βασιλέα Θεόδωρον*) и раздавалъ каждый день великую милостыню. Имѣлъ онъ во многихъ мѣстахъ назначенныхъ людей, кото-

¹⁾ „Ἐπὶ τὸν ἄρχιεπισκοπικὸν καὶ πολλοὺς ἀρχιερεῖς καὶ ἀρχιμανδρίταις ἀπὸ Κωνσταντινουπόλεως· ὁ ἐπίσκοπος Ἐρισσοῦ καὶ Ἁγίου Ὁρους κύριος Ἰγνατίος, ὅστις μετὰ καιρὸν οὐ πολὺν ἀρχιεπίσκοπος Ῥαζανίου καὶ πατριάρχης Μοσχολοβίας καὶ πάσης Ῥωσσίας ἐχρημάτισεν, καὶ ὁ ἀρχιεπίσκοπος Ἀχρῖδων κύριος Νεκτάριος, καὶ ὁ μητροπολίτης Βοδενῶν Θεοφάνης, καὶ ὁ μέγας ἀρχιμανδρίτης τῶν Ἱεροσολύμων κύριος Δαμασκηνός, ὁ ἐκ Ἑλλάδος (πρωσβίτης, кажется, изъ мѣторскаго монастыря „Варлаамъ“), καὶ ὁ μέγας γέρονς κύριος Δαμασκηνός τῆς μεγάλης λαύρας τοῦ ἁγίου Σάββα τοῦ Ἠγιασμένου, τοῦ ἐν Ἱεροσολύμοις, καὶ ἄλλοι πολλοὶ ἱερομόναχοι ἀπὸ τοῦ Ἁγίου Ὁρους τοῦ Ἀθῶνος καὶ ἀπὸ ἄλλα ὁ ἀφ' ἄφορα μοναστήριον“.

рые раздавали повседневно милостыню не только по Москвѣ, но и по всей Россіи. Онъ роздалъ милостыню по монастырямъ, священникамъ и всѣмъ нуждающимся.

„Во второй годъ его царствованія былъ великій голодъ во всей Россіи, и продавался мѣшокъ пшеницы болѣе, чѣмъ за тысячу двѣсти аспрь, т. е. за десять золотыхъ флориновъ. И сей царь, какъ великій милостынедавецъ, каковымъ былъ, роздалъ много хлѣба и много продуктовъ нуждающимся и бѣднякамъ и освободилъ безчисленный народъ отъ великаго и ужаснаго того голода.

„Этотъ царь и великій князь Борисъ имѣлъ прекраснаго сына по имени Θεοδора и красивѣйшую дочь по имени Ксенію“ ... Далѣе разскажъ идетъ о сватовствѣ датскаго принца за дочь царя Бориса Ксенію и о посольствѣ въ Грузію съ цѣлью сосватать за сына, царевича Θεοδора, грузинскую царевну у царя Александра. См. стр. 94—95.

„Въ томъ же году (т. е. четвертомъ) скончалась сестра царя, царица Александра монахиня, и похоронили ее въ Вознесенскомъ монастырѣ внутри Москвы съ прочими великими княгинями и царицами. Она, послѣ смерти мужа ея, прожила четыре года. Въ (память) этой царицы Александры монахини царь Борисъ роздалъ большую милостыню архіереямъ, священникамъ и во всѣ монастыри не только въ Москвѣ и въ Россіи, но въ Константинополь, и въ Александрію, и въ Антиохію, и въ Іерусалимъ святѣйшимъ патріархамъ, архіереямъ, отправилъ великую милостыню на святую Гору и во всѣ монастыри Востока и Запада. Онъ возобновилъ и украсилъ многіе церкви и монастыри и т. д. См. выше стр. 96—97.

„Ἀλλ' ὁ πάντα ¹⁾ βασκαίνων δαίμων, μὴ δυνάμενος ὑποφέρειν θεωρεῖν τὸ ἀγαθὸν καὶ τὰς καλὰς καὶ πολλὰς πράξεις, καὶ ἀνδρογαθίας τοῦ καλοῦ καὶ εὐσεβοῦς βασιλέως, ἧ ἐξ ἡμῶν ἀμαρτιῶν, ἧ

¹⁾ Русскій переводъ этого весьма интереснаго мѣста мемуаровъ архіепископа Арсенія, который въ своихъ воспоминаніяхъ на личность Іжедмитрія несомнѣнно двоился, см. выше стр. 97—98.

οὗς κρίμασιν οἶδε ὁ Θεός, ἀνήγειρε νέον ἀνθρωπάριον καὶ μοναχὸν βακενδύτην, καὶ ἱεροδιάκονον, τοῦνομα Γρηγόριος μοναχὸς ἐκ τῆς μεγάλης μονῆς τοῦ ἀρχιστρατήγου Μιχαὴλ ἐνδον Μοσχοβίας, καὶ μοναστήριον τοῦ ἐν ἀγίοις πατρὸς ἡμῶν μητροπολίτου Μοσχοβίας Ἀλεξίου τοῦ θαυματουργοῦ. Καὶ ἐστρώθη δι' αὐτὴν τὴν βασιλείαν, ὅστις ἀπελθὼν εἰς τὴν Λεχίαν, ἔχων μεθ' ἑαυτοῦ καὶ δύο μοναχοῦς, συνεργοὺς τοῦ θελήματος αὐτοῦ, ὠνομάσθη διὰ υἱὸς τοῦ βασιλέως καὶ μεγάλου κνέζου Ἰωάννου Βασιλειεβίτζη μεγάλης Ῥωσσίας, Δημήτριος ὄνομα. Ὅστις Δημήτριος πρὸ τοῦ Θεοδώρου βασιλέως ἐφρονεῖσθη, ἐν ᾧ κάστρῳ ἐφολάττετο Οὐγλητζα, συνεργεῖα τοῦ βασιλέως Μπαροῦση, ὄντος αὐτοῦ ἐτι ἀρχων, καθὼς πολλοὶ εἶπαν.

„И нѣкто князь по имени Адамъ Вишневецкій, услыжавъ, такъ какъ монахи утверждали, что онъ истинно сынъ царя и великаго князя Ивана Васильевича, взялъ его въ домъ свой, снялъ съ него монашескія одѣянія, одѣлъ въ свѣтскій костюмъ и представилъ великому королю Польши. Великій же король, принявши его милостиво, поручилъ его Сендомирскому воеводѣ господину Георгію на время, чтобы разузнать относительно него. Воевода Сендомирскій, принявшій его въ домъ свой, имѣя и дочь дѣвцу по имени Марію, условились другъ съ другомъ, что онъ возьметъ ее въ жены, что и случилось въ непродолжительномъ времени. Этотъ воевода Сендомирскій, безъ совѣта и желанія великаго короля Польши Сигизмунда, собравши въ качествѣ войска многіхъ юношей къ нему, который именовался Димитріемъ, сыномъ царя великой Россіи Ивана Васильевича, началъ выдавать его, именуемаго Димитріемъ, что онъ сынъ царя великой Россіи Ивана Васильевича. И когда они явились со многими войскомъ на границы великой Россіи въ городъ Черниговъ, то воеводы черниговскіе, услышавши молву о немъ, что онъ сынъ царя Ивана всея Россіи, приняли его съ радостію безъ всякаго замѣшательства или войны, какъ сына царя Ивана. Равнымъ образомъ и Путивль,—и это укрѣпленіе большое и сильное,—принять его съ удовольствіемъ. Услышавши, и прочіе города и

народъ поклонились ему, какъ царю и сыну царя Ивана. Царь Борисъ, получивъ это извѣстіе, смутился и, пославши многочисленныя войска, съ великимъ стараніемъ преслѣдовалъ его. Войско его (т. е. Лжедмитрія) было раздѣлено на двѣ части: самъ онъ одинъ съ немногочисленнымъ войскомъ убѣжалъ въ большую крѣпость Путивль и скрылся, а другая часть войска его вошла въ крѣпость Кромы, крѣпость большая и сильная. Итакъ, неразумные осаждали Кромы, а не Путивль, которая была корнемъ и главою, въ теченіе трехъ съ половиною мѣсяцевъ.

„И 13 Апрѣля мѣсяца, въ субботу, царь Борисъ, будучи здоровъ, послѣ обѣда, когда бояры удалились по своимъ домамъ, и самъ царь Борисъ, удалившись изъ столовой во внутренній покой дворца, неожиданно скончался. Прибывшій вскорѣ патріархъ киръ Ювъ едва успѣлъ и приобщилъ его Божественныхъ Таинъ и постригъ его въ монахи, назвавъ его Боголѣпомъ монахомъ, т. е. Боголюбезнымъ. Итакъ, патріархъ, архіереи, священники, всѣ бояре и народъ похоронили его съ великою честію и псалмопѣніемъ во всечестномъ архангельскомъ храмѣ съ прочими царями и великими князьями, вблизи благочестивѣйшаго царя Θεодора. Всѣ бояре и народъ, лишившіеся такого царя и попечителя о царствѣ и милостиваго во многомъ, сильно скорбѣли и оплакали великимъ и весьма горькимъ плачемъ. О несчастіе! Какое несчастіе началось съ того часа“... См. далѣе стр. 98.

Къ стр. 139. Считаемо нужнымъ исправить ошибку въ переводѣ слѣдующихъ строкъ мемуаровъ: „Итакъ, если бы онъ пожелалъ взять царицу Марію въ жены, будучи вдовымъ и не имѣя въ то время супруги, при желаніи и самой царицы и отца ея Георгія Сендомирскаго и всѣхъ его приверженцевъ, то онъ не лишился бы царства (οὐκ ἦθελε τρεπήσῃ τῆς βασιλείας), но онъ предпочелъ взять себѣ молодую и красивую дѣвицу и т. д.

Къ стр. 151. Неудачнымъ намъ кажется переводъ и послѣднихъ строкъ этой страницы, а поэтому мы исправляемъ его такимъ образомъ: „Все это произошло по той причинѣ, что король не хотѣлъ дать сына своего въ пари имъ, какъ обѣщался раньше. Говорилось (въ Польшѣ), что онъ или дастъ сына своего въ пари имъ, или оставитъ Москву сожженною и т. д., (Τοῦτο ὅλον ἐγένετο διὰ τὰ μὴ θελήσῃ ὁ κρᾶλης τὰ δῶσα τὸν υἱὸν αὐτοῦ διὰ βασιλεία αὐτῶν, καθὼς προῦπεσχέτο. Λέγοντες, ὅτι ἢ τὰ δῶσῃ τὸν υἱὸν αὐτοῦ διὰ βασιλεία αὐτῶν, ἢ τὰ ἀφῆσῃ τὴν κατακεκαυμένην Μοσχολίαν κ. т. л.).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стран.
Предисловіе	1
I. Очеркъ жизни и дѣятельности Арсенія, архіепископа елассонскаго, архангельскаго, тверскаго и суздальскаго.	4
II. Анализъ вновь открытыхъ историческихъ мемуаровъ.	72
III. Критико-библіографическія свѣдѣнія о Сумелійской рукописи, содержащей въ себѣ мемуары и жизнеописаніе Арсенія, архіепископа елассонскаго.	179
<i>Приложеніе.</i> „Мѣсяца апрѣля въ 13 (день) усненіе блаженнѣйшаго отца нашего Арсенія, архіепископа суздальскаго, прежде бывшаго елассонскаго изъ второй Фессалійской епархіи“	200
Дополненія и поправки	211
Замѣченныя опечатки	1 - 2

Замѣченныя опечатки:

Стран.	строк.	напечатано:	слѣдуетъ читать:
—	8	2 снизу	одного брата
—	—	—	архіепископъ
12	2	—	на утайку
13	14	—	до азываетъ
—	5	—	амека
17	13	—	прѣзвъ
23	14	сверху	въ подворьѣ
36	4	снизу	сказаніе
38	4	—	καὶ μῆνας
41	9	—	Θεοφανίων
51	10	—	μεγάλων
—	13	—	Завида (?)
53	3	—	у—
—	—	—	строилъ
62	11	сверху	τῆς οὐπτῆς
—	21	—	1599
71	4	—	пользуется
72	2	—	Τανάδος (.)
73	4	сверху	между Истромъ
—	22	—	Македонина
—	4	снизу	τοὺν
—	—	—	научили
77	7	—	Сибирь (sic)
84	9	сверху	Ἰαννοαρίου
85	14	—	пошли—и мы
—	26	—	οἴκαδε
89	4	снизу	и отивъ
93	13	—	какъ онѣ
99	10	—	Пандскаго
100	7	—	Ивана
—	8	—	поввоился
—	—	—	одного брата
—	—	—	архіепископъ
—	—	—	на утайку
—	—	—	доказываетъ
—	—	—	намека
—	—	—	прѣзвъ
—	—	—	въ подворьѣ
—	—	—	сказаніе
—	—	—	καὶ μῆνας δέκα
—	—	—	Θεοφανίων
—	—	—	ἀγίων μεγάλων
—	—	—	Завидово
—	—	—	у—
—	—	—	строилъ
—	—	—	καὶ οὐπτῆς
—	—	—	1596
—	—	—	пользуется
—	—	—	Τανάδος.
—	—	—	между Дономъ
—	—	—	Македонянина
—	—	—	τοὺν
—	—	—	научили
—	—	—	Сибирь (τὴν Σημπερίαν)
—	—	—	Ἰαννοαρίου
—	—	—	пошли и мы
—	—	—	οἴκαδε
—	—	—	противъ
—	—	—	какъ онѣ
—	—	—	Годунова (?)
—	—	—	Ивана
—	—	—	поввоился

101	20	сверху	Καὶ ἐπλήρωσαν	Καὶ ἐπλήρωσαν
104	6—9	—	вѣнчали на царство царя Дмитрія Ивановича, именуемаго (царемъ) великой Москвы и всей Россіи	вѣнчали въ цари великой Москвы и всей Россіи именуемаго Дмитриемъ Ивановичемъ.
—	21	—	τῶν ἀρχόντων	τῶν ἀρχόντων
107	17	связу	сребровызолоченой	сребровызолоченной
149	6	—	ἔλα βον	ἔλα- βον
156	18	—	зачпаду	сѣчу
161	14	связу	ἑρεῖνῆσον	ἑρεῖνῆσον
170	13	—	іераспольскаго, чудотворца	іераспольскаго чудотворца
173	7	—	отправиль	отправили
177	22	—	χῶρ	χῶρ
178	10	сверху	не малочисленные	немалочисленные
175	9	—	митр полить	митрополить
180	12	связу	имѣ ющіися	имѣ- ющіися
185	8	—	1604 г ду	1604 году
—	5	—	Каллистомъ	Каллистомъ.
189	13	—	саму	самую
195	1	сверху	лтургія	литургія
196	12	—	по длинные	по- длинные
199	13	связу	кожанная	кожанная
202	4	сверху	пат- ріархіа	па- тріархіа
—	18	—	по имени Борисъ	(по имени Борисъ)
222	11	связу	конюшеннаго	конюшнго